АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Этнографические очерки узбекского сельского населения

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» • МОСКВА 1969

Книга рассказывает о жизни узбекского кишлака: об организации крестьянского хозяйства в прошлом и истории возникновения и развития социалистических форм ведения хозяйства, о преобразовании в годы Советской власти местных форм материальной культуры — селений, жилища, одежды, пищи и утвари — по мере сложения узбекских общенациональных форм бытового уклада, о возникновении и развитии советской семьи, новых семейных обрядов и обычаев и, наконец, о сложном процессе формирования нового духовного облика узбекского крестьянина.

Район, расположенный по древнему каналу Даргом — одному из основных водных артерий Самаркандского оазиса, характеризуется сочетанием орошаемого земледелия в Зеравшанской долине с богарным земледелием и животноводством в степи и горах, что типично для большинства районов Узбекистана. Ряд колхозных селений тесно связан с находящимися неподалеку промышленными предприятиями и городом Самаркандом, что позволяет проследить влияние рабочего класса на крестьянство в области материальной и духовной культуры, а также семейных отношений.

Книга написана на основании полевых этнографических материалов, собранных авторами в результате систематического изучения населения колхозов в течение трех лет.

Книга будет интересна большому кругу читателей: этнографам, историкам, искусствоведам, студентам гуманитарных факультетов университетов, учителям.

Ответственные редакторы
Г. П. ВАСИЛЬЕВА, В. Х. КАРМЫШЕВА

1—6—2
91—68(I)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед авторами настоящей книги была поставлена следующая задача: на полевом этнографическом материале исследовать основные тенденции развития современной культуры и быта, общественных, производственных и семейных отношений узбекского сельского населения, а также показать современные этнические процессы в типичном для Узбекистана сельском районе.

В связи с тем, что исследование современных этнических процессов, равно и процессов развития культуры и быта колхозного крестьянства невозможно без рассмотрения истории формирования населения и социалистических преобразований, которые произошли в кишлаке в Советский период, авторы значительное место в книге отводят материалам по дореволюционному времени и периоду строительства социализма.

По вопросам изучения социалистических преобразований культуры и быта в среде колхозного крестьянства Средней Азии у авторов имеются предшественники. С 1954 по 1967 г. вышли в свет четыре крупные коллективные монографии, посвященные одной актуальной проблеме — показу на конкретном полевом этнографическом материале глубоких прогрессивных изменений, происшедших в жизни крестьянства различных национальностей Средней Азии и Казахстана за годы Советской власти [1].

Авторы этих книг убедительно раскрыли коренные преобразования, происшедшие в хозяйственном укладе, общественном строе, быте и культуре сельского населения Средней Азии и Казахстана в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического переустройства сельского хозяйства, показали развитие национальных форм социалистической культуры и быта сельского населения Таджикистана,

[1] Н. Н. Ершов, Н. А. Кисляков, Е. М. Пещерева, С. П. Русяйкина. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. XXIV. М.—Л., 1954; О. А. Сухарева, М. А. Бикжанова. Прошлое и настоящее селения Айкыран. «Труды Института истории и археологии АН Узбек.ССР», вып. 6. Ташкент, 1955; С. М. Абрамзон, К. И. Антипина, Г. П. Васильева, Е. И. Махова, Д. Сулейманов. Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан. «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. XXXVII. М., 1958; «Культура и быт казахского колхозного аула». Алма-Ата, 1967.

Узбекистана, Казахстана и Киргизии. Эти книги — результат серьезных достижений этнографической науки в изучении становления новых форм жизни народов Средней Азии.

Общим для перечисленных монографий является, во-первых, то, что каждая из них написана в основном на материалах одного колхоза; во-вторых, жители большинства селений, входящих в данный колхоз, однородны по национальному составу. Поэтому вопросы этнического развития в них специально не рассматривались.

К числу работ, посвященных проблеме социалистических преобразований жизни сельского населения Средней Азии, принадлежит и монография Я. Р. Винникова о жизни туркмен-колхозников Марыйской области Туркменской ССР [2]. В отличие от указанных книг, монография Я. Р. Винникова написана на материалах нескольких колхозов.

Работа по сбору материала и написанию настоящей монографии выполнялась Зеравшанским отрядом (начальник Б. Х. Кармышева) Среднеазиатской этнографической экспедиции Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Основное направление его работ заключалось в сплошном этнографическом обследовании Самаркандской области Узбекской ССР в целях сбора материалов для составления историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана. В 1959 и 1960 гг. Зеравшанский отряд уже обследовал ряд районов Самаркандской области (Ургутский, Булунгурский, Галляаральский и часть Нуратинского), что значительно облегчило выбор объекта для стационарного исследования, которым стала группа колхозных селений, входящая в Пастдаргомский район.

Значительная часть селений, изучавшихся авторами монографии стационарно в этом районе, входит в колхоз «Коммунизм», раскинувшийся от р. Карадарьи (рукав Зеравшана) на севере и до хребта Каратепа — на юге. Колхоз сформировался в 1957 г. в результате укрупнения мелких сельскохозяйственных артелей [3]. Наряду с материалами, собранными в колхозе, авторы широко

[2] Я. Р. Винников. Социалистическое переустройство хозяйства и быта дайхан Марыйской области Туркменской ССР. «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. XXI. М., 1954, стр. 3—81.

[3] В 1959 г. в состав колхоза «Коммунизм» входили следующие кишлаки: в оазисной зоне — Гулякандоз (включая Чала-Кишлак) — 64 хозяйства, Кальходжа — 27, Пухари-Кишлак (включая Сарай-Кишлак) — 49, Милтикчи — 29, Баят — 27, Миankау — 39, Чархин (включая все три кишлака Чархин) — 39, Туртхуккуз — 29, Малакай — 39, Балхион (включая Онакки, Пустак и Рабат) — 46, Мирзатоп — 37, Баймак — 46, Карасыйрак — 46, Янги-Карасыйрак — 38, Кепакул — 58, Дуиг-Кишлак — 98, Намазго (иначе Чала-Кишлак) — 49 хозяйств; в богарной зоне — Сазаган (включает в себя кишлаки Катта, Янги, Сарай, Юкори, Хатам) и Игригулча — в обоих кишлаках 198 хозяйств. Кроме того, изучались группа кишлаков Арабхана в колхозе им. Калинина, кишлаки Аксай и Чонкаймыш, а также Туркман-Кишлак недалеко от Джумы и ряд других.

привлекают данные и по другим уже обследованным районам Самаркандской области.

Наш выбор был обусловлен прежде всего тем, что этот район типичен не только для Самаркандской области, но и для многих других областей Узбекистана.

Следует отметить, что в настоящее время для большинства сельских районов Узбекистана типичными являются неоднородность этнического состава населения при значительном преобладании узбеков, разнообразие в направлениях хозяйства (обусловленное природными особенностями) при ведущей роли хлопководства, высокая механизация сельского хозяйства, соседство городов или рабочих поселков.

Изучение процесса консолидации узбекской социалистической нации, в ходе которой отдельные мелкие этнические группы постепенно теряли свою обособленность и сливались в единую узбекскую социалистическую нацию, представляет большой научный интерес. Эта тема давно разрабатывается историками и этнографами и нашла свое отражение в ряде трудов как общих [4], так и специальных [5].

Совершенно очевидна необходимость дальнейшей разработки этой проблемы на конкретном этнографическом материале, исследование своеобразия этнических процессов в отдельных областях, а также изучение основных тенденций в развитии современных этнических процессов. Поэтому в монографии рассматриваются не только узбеки, но и другие национальности, живущие в Пастдаргомском районе.

Важной причиной, обусловившей выбор для исследования Пастдаргомского района, является близость к Самарканду. На жизни населения этого района скорее, чем на других, более отдаленных, сказывается влияние городской культуры, и поэтому здесь особенно отчетливо прослеживается процесс, характерный для нашего времени — стирание различий между городом и деревней. Кроме того, в Пастдаргомском районе наблюдается типичное для многих сельских районов развитие промышленности и возникновение рабочих поселков на месте колхозных кишлаков или рядом с ними.

[4] «История Узбекской ССР», т. II. Ташкент, 1956.

[5] М. Г. Вахабов. Формирование узбекской социалистической нации. Ташкент, 1961; Ш. И. Иногамов. Этнический состав населения и этнографическая карта Ферганской долины в границах Узбекской ССР. Ташкент, 1955. Автореф. дисс.; Я. Р. Винников. Современное расселение народов и этнографических групп в Ферганской долине. «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. XLVII. М., 1959, стр. 382—409; Б. Х. Кармышева. Этнографическая группа «тюрк» в составе узбеков. «Советская этнография», 1960, № 1, стр. 3—22; К. Шаниязов. Узбеки-карлуки. (Историко-этнографический очерк). Ташкент, 1964; Т. Файзиев. Узбеки-курама в прошлом и настоящем. Ташкент, 1963. Автореф. дисс.; и др., а также соответствующие разделы первого полутома «Народы Средней Азии и Казахстана» (М., 1962).

Пастдаргомский район, расположенный в центре Среднезеравшанской долины, включает различные природно-хозяйственные зоны. Поэтому в его хозяйстве представлены не только хлопководство (ведущее направление), но и ряд других отраслей. Механизация трудоемких процессов характерна для всех отраслей хозяйства колхозов и совхозов района.

Книга написана на основании полевого материала, собранного во время специальных поездок отряда в разное время года (весной, осенью, зимой) в Пастдаргомский район в 1960—1962 гг. Работа проводилась путем непосредственных наблюдений и в кишлаках, так и на полевых станах, хлопковых полях, фермах, а также в школах, клубах и т. д. Помимо того, сотрудники отряда собирали сведения путем индивидуальных и коллективных бесед с местными жителями[6].

[6] Все данные, в том числе цифровые, а также сведения об информаторах относятся к периоду полевых работ отряда.

Основной и наиболее полный материал сообщили следующие лица. По этническому составу и истории кишлаков в дореволюционный период — Махмуд Ходжамурадов (56 лет, колхозник, к. Намазго), Бабамурад Шербаев (52 года, начальник почты, к. Сазаган), Бекмурад Исматов (71 год, колхозник-пенсионер, в 1920-х годах был председателем сельсовета, к. Дунг), Бекмурад Ходжаназаров (65 лет, колхозник-пенсионер, в 1920-х годах был председателем сельсовета), Досмурад Баймурадов (62 года, учитель-пенсионер, к. Балхион), Наби Салиев (81 год, колхозник-пенсионер, в 1920-х годах был председателем райисполкома, к. Аксай), Султанмурад Худайберганов (66 лет, колхозник, к. Туркман на Хаузяксае), Туракул Джурабаев (73 года, к. Дунг).

По организации хозяйства крестьян и социальным отношениям в дореволюционный период, а также по истории коллективизации и по истории организации колхозного хозяйства — Яхшибай Элликбаев (80 лет, колхозник-пенсионер, в 1920-х годах был председателем сельсовета, к. Миankау), Данияр Рахманов (70 лет, колхозник, в 1930-х — начале 1940-х годов ряд лет был председателем колхоза, к. Чала), Бабаджан Каландаров (64 года, колхозник, к. Этак-Чархин), Мадали Карабаев (71 год, знатный хлопкороб, много лет руководил звеном, награжден тремя орденами, к. Гулякандоз).

По различным отраслям колхозного хозяйства и организации труда в колхозе «Коммунизм» — Рабия Адилова (41 год, бригадир тракторно-полеводческой бригады, депутат областного Совета, к. Намазго), Яркул Алимов (42 года, бригадир, к. Сазаган), Аман Эгамбердиев (43 года, заведующий овцефермой, к. Сазаган), Сулейман Адилов (32 года, секретарь правления колхоза, к. Намазго).

По различным областям материальной культуры и по вопросам семьи — Мухаррам Ризаева (62 года, колхозница-пенсионерка, к. Намазго), Норай Ходжамурадова (57 лет, колхозница-пенсионерка, к. Намазго), Мохларби Халикова (76 лет, колхозница, к. Намазго), Мураба Салиева (25 лет, учительница, к. Намазго), Турсунташ Рузиева (24 года, директор школы, к. Гулякандоз), Нарчучук Балтаева (40 лет, заведующая яслями, к. Орта-Чархин), Валентина Айрапетова (43 года, техник-химизатор, парторг бригады, к. Баймак), Аблакул Исмаилов (23 года, электромонтер суперфосфатного завода, к. Баймак).

По вопросам общественной жизни, культуры и просвещения — Эргаш Юлдашев (34 года, заведующий учебной частью школы, к. Намазго), Хайдар Шарафи (62 года, методист областного отдела народного образования, один из первых советских учителей, г. Самарканд), Марьям Акчурина (59 лет, учительница-пенсионерка, одна из первых активисток по работе среди женщин и по комсомольской работе в 1920-х годах, поселок Чархин), Хосият Турсунова (62 года, одна из первых комсомолок, поселок Чархин), Марданкул Рахманкулов (28 лет, учитель, к. Гулякандоз), Нармурад Джурабаев (28 лет, радиотехник, к. Балхион).

Объем книги не позволяет назвать всех наших информаторов, оказавших большую помощь в сборе этнографических материалов. Авторы пользуются случаем выразить благодарность всем лицам, давшим интересные сведения, сотрудникам Республиканского музея истории, культуры и искусства Узбек. ССР, в особенности М. Ф. Каплуновой, а также работникам областных и районных советских и партийных организаций за содействие, оказанное экспедиции.

Авторы и редакторы считают своим приятным долгом принести благодарность Т. А. Жданко, О. А. Сухаревой, А. В. Смоляк и Б. Г. Гершкович за советы в подготовке книги к печати.

Предисловие и первая глава написаны Б. Х. Кармышевой, вторая — Р. Я. Рассудовой (раздел «Подсобные промыслы» написан Б. Х. Кармышевой, разделы о дореволюционном и современном скотоводстве — при участии Б. Х. Кармышевой), третья — Б. Х. Кармышевой, четвертая — Л. Ф. Моногаровой, пятая — Г. П. Снесаревым, заключение — Б. Х. Кармышевой и Г. П. Снесаревым.

При написании были использованы также полевые материалы принимавших участие в стационарных работах Р. Ш. Джарылгасиновой (1962 г.; материалы о корейцах — в первой главе и о современном рисоводстве — во второй), М. А. Синеглазовой (1960—1962 гг.; по темам «Жилище», «Утварь», «Пища»), М. Каримова (1961 г.; сведения об ирани) и В. Н. Басилова (1962 г.; о современном состоянии религиозных верований).

Обмеры жилищ и усадеб, чертежи по ним выполнены архитекторами Ю. В. Стеблюком (1961 г.) и И. Н. Канаевой (1962 г.), рисунки — художниками А. Д. Галядкиным (1961 г.) и Т. В. Полетикой (1960, 1962 гг.), фотографии — Н. С. Кармазиным (1961 г.), В. И. Котовским (1962 г.), Г. П. Снесаревым (1960, 1962 гг.), В. Н. Басиловым (1962 г.) и Б. Х. Кармышевой (1962 г.).

В полевых работах приняли участие научный сотрудник Республиканского музея истории, культуры и искусства узбекского народа Е. Я. Упфол (1961 г.), кинооператоры — студенты ВГИК Р. Р. Кармен и А. Видугирис (1961 г.), шоферы Н. С. Горин, Б. В. Прокофьев и А. Н. Сергеев.

* * *

Самаркандский оазис, с древних времен считавшийся центром Среднеазиатского Междуречья и одной из самых плодородных и богатых его областей, располагается в Среднезеравшанской долине.

Под Среднезеравшанской долиной принято понимать часть долины Зеравшана — от выхода реки из гор у Пенджикента и до дельты Зеравшана, начинающейся примерно в 40 км ниже

Навои (бывший Кермине). Долина представляет собой плоскую равнину, протянувшуюся в широтном направлении между отрогами Зеравшанского хребта на юге и Туркестанского — на севере. Посередине долины, вдоль русла реки, довольно широкой полосой тянется оазис, занимая речные надпойменные террасы (включая о-в Миankаль, образуемый двумя рукавами Зеравшана — Акдарьей и Карадарьей). От окружающих гор оазис отделен полосой покатых равнин с волнистым рельефом и изрезанных оврагами. В отличие от оазиса, орошенного водами Зеравшана, полоса подгорных равнин представляет собой пустынную степь с редкими родниками и колодцами.

В зоне, орошаемой водами Зеравшана, возделывают хлопчатник, люцерну, рис, джугару (сорго), кукурузу, различные овощи и бахчевые культуры, а также занимаются садоводством, виноградарством и разведением шелковицы. В предгорной зоне основными культурами являются пшеница и ячмень, засеваемые под дождь.

Горы, окаймляющие Среднезеравшанскую долину, изрезаны ущельями, по дну которых текут небольшие реки и ручьи грунтового питания. В жаркое время года большинство их пересыхает и едва доносит свои воды до выхода из ущелья. Однако вода из этих небольших источников используется населением не только для питья, но и для орошения. У выхода каждого ущелья, где есть вода, располагается селение с садами, огородами и небольшими посевами зерновых и люцерны, которые получают несколько поливов весной, когда идут весенние ливни, а значит, еще бывает вода в ручьях, и ее можно скопить в крошечных водохранилищах *хауз*, запрудив ручей плотиной из камня и дерна. Таким образом, вдоль подножия гор тянутся цепочкой маленькие оазисы.

Со Среднезеравшанской долиной неразрывно связаны не только окаймляющие ее горы, но и часть пустыни Кызылкум, примыкающей к Нуратинским горам с севера, а также обширная степь Карнабчуль, расположенная на юго-западе долины. Горы, степь Карнабчуль и пустыня Кызылкум являются прекрасными пастбищами для круглогодичного выпаса скота.

Почвы Самаркандского оазиса и его климатические условия чрезвычайно благоприятны для выращивания разнообразных культур. Самаркандский оазис относится к так называемым подгорным оазисам, а почвы подгорных оазисов (к ним принадлежат еще Ташкентский, Ферганский и Гиссарский) в отличие от равнинных (Бухарский, Голодностепский, Хорезмский и др.) не испытывают при орошении ни вторичного засолонения, ни вторичного заболачивания.

Климат Самаркандского оазиса более умеренный, чем в некоторых других областях Средней Азии. Здесь, например, выпадает в полтора-два раза больше осадков, чем в Бухарском и

В горах по Сазагансаю (фото Н. С. Кармазина)

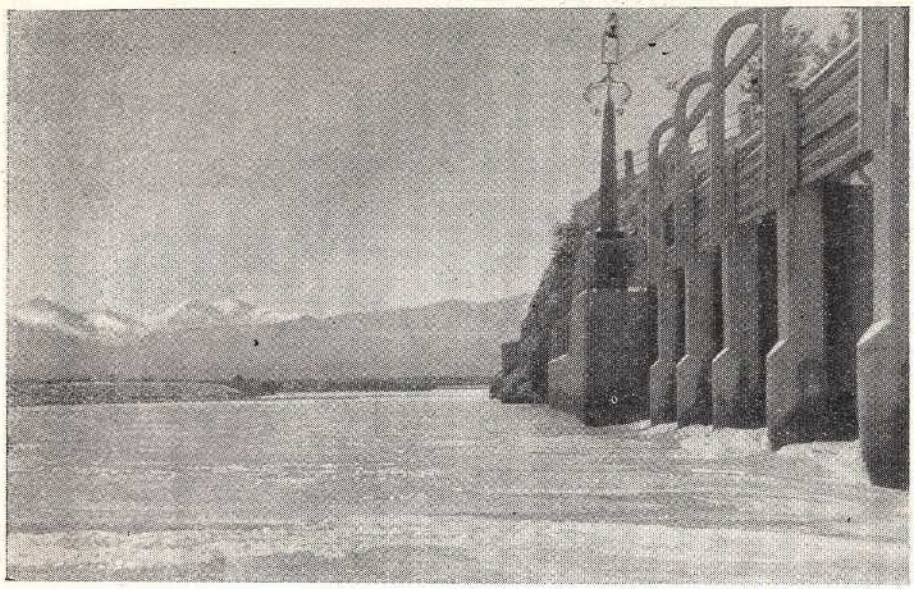
Голодностепском оазисах[7]; летнюю жару значительно ослабляют близость гор и ветры.

Избранные нами для стационарного обследования узбекские селения расположены на запад и юго-запад от Самарканда и административно относятся к Пастдаргомскому району. Этот район раскинулся к югу от Карадарьи — левого рукава Зеравшана — и тянется вплоть до гребня хр. Каратепа, т. е. до границы с Кашкадарьинской областью. На западе Пастдаргомский район граничит с Каттакурганским, а на востоке — с так называемым Самаркандским сельским, составляющим ближайшее сельское окружение Самарканда.

В Пастдаргомском районе четко выделяются три природно-хозяйственные зоны: на севере вдоль левобережья Карадарьи тянется оазис, затем — полоса степи, так называемая Придаргомская степь, полого поднимающаяся от оазиса к горам; на самом юге протянулась с востока на запад невысокая гряда гор.

Орошаемая зона (оазис) Пастдаргомского района расположена в низовьях Даргома (отсюда и название района *паст* — тадж. «нижний»), одного из древних каналов, выведенных из Зеравшана для орошения левобережных земель, а также для снабжения водой города Самарканда и его окрестностей. Земли, расположенные на северо-востоке района, частично орошаются водой канала Сиоб, также выведенного из Зеравшана, но вбирающего и родниковые воды.

[7] «Средняя Азия. Физико-географическая характеристика». М., 1958, стр. 349, 350.

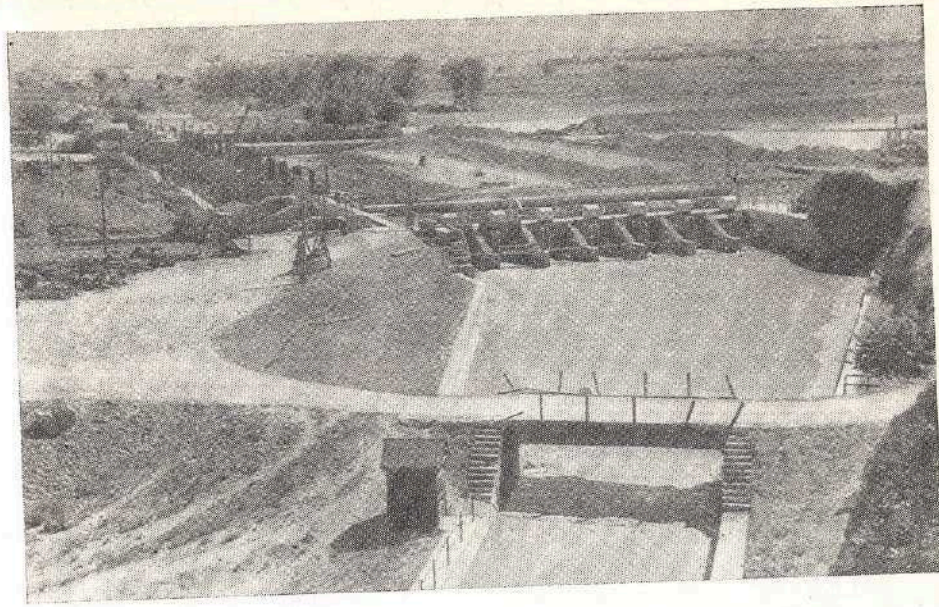
Плотина им. 1 Мая на Зеравшане (фото Н. С. Кармазина)

Канал Даргом берет начало у плотины им. Первого Мая, построенной в 1925—1931 гг. на месте издревле существовавшей здесь плотины Рабат-Ходжа [8]. Даргом имеет длину 77 км и орошает более 50 тыс. га земли Ургутского, Самаркандского и Пастдаргомского районов. По каналу пропускается до 99 м³ в секунду воды. Одновременно со строительством плотины им. Первого Мая было построено на Даргоме головное сооружение инженерного типа. Все межхозяйственные каналы, берущие воду из Даргома, также имеют водозаборы подобного типа [9].

Водами канала Даргом до недавнего времени орошалась только полоса, протянувшаяся между Карадарьей и Даргомом. Однако за последнее время территория, орошаемая даргомской водой, с каждым годом расширяется в связи с тем, что в 1955 г. проведен канал для отвода воды из Зеравшана на орошение полей в бассейне Кашкадарьи. Этот канал выведен из Даргома и

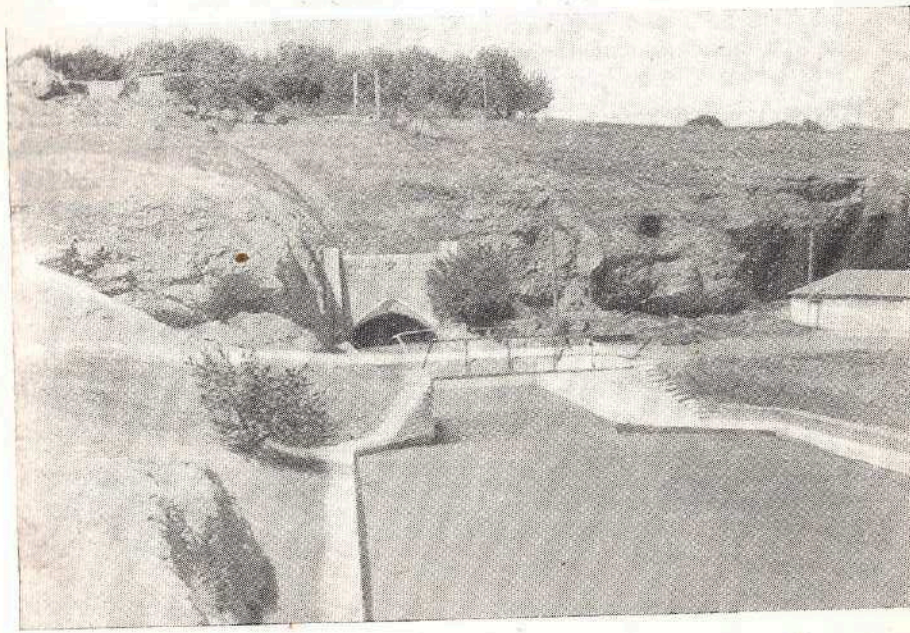
[8] О Даргоме и плотине у Рабат-Ходжа см.: В. Л. Вяткин. Материалы к исторической географии Самаркандского вилаета. «Справочная книжка Самаркандской области 1902 г.» (в дальнейшем — СКСО), вып. VII. Самарканд, 1902, стр. 28, 29; В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. Сочинения, т. III. М., 1964, стр. 186—188; А. Ю. Якубовский. Вопросы изучения пянджикентской живописи. «Живопись древнего Пянджикента». М., 1954, стр. 14; В. Д. Жуков. К вопросу изучения истории Даргома. «Известия АН Узбек. ССР», серия общественных наук, 1958, № 3, стр. 56.

[9] Данные о канале Даргом относятся к 1955—1960 гг. (З. М. Акрамов. География сельского хозяйства Самаркандской и Бухарской областей, ч. I. Ташкент, 1961, стр. 126, 127).

Головное сооружение магистрального канала Даргом (фото Н. С. Кармазина)

Туннель на пути канала Даргом (фото Н. С. Кармазина)

проходит южнее, по руслу древнего канала Эски-Анхор [10]. Колхозы Пастдаргомского района осваивают под хлопок земли, расположенные между Даргомом и Эски-Анхором. Площадь орошаемых земель увеличилась и за счет тех участков, на которые вода стала подаваться с помощью насосов.

Весь бассейн Даргома разделен на отдельные оросительные системы; каждая из них состоит из одного магистрального канала и его ответвлений. Например, первый правобережный канал, который выведен из Даргома (если идти вниз по течению) на территории Пастдаргомского района, называется Димишк. В ту же сторону выведены каналы Ертешар и Чархин. Водой этих каналов орошаются земли двух колхозов — «Коммунизм» и им. Ленина, расположенных на северо-востоке района и граничащих с Самаркандским сельским районом, а также земли садово-виноградарского совхоза и биокомбината.

В настоящее время в рассматриваемом районе 13 колхозов и 4 совхоза. Все колхозы расположены в орошаемой зоне, ведущее направление их хозяйства — хлопководство. Садоводство и виноградарство также занимают существенное место в их экономике. Одной из основных отраслей хозяйства колхозов является и животноводство, преимущественно разведение мясо-молочного скота, и каракулеводство. Посевы зерновых (включая рис), бахчевых и огородных культур, люцерны в основном служат для удовлетворения потребностей колхозов и колхозников.

В оазисной зоне, кроме колхозов, имеются еще два совхоза, один из них занимается разведением племенного скота (преимущественно крупного рогатого скота мясо-молочных пород и свиней), а другой является экспериментальной базой Всесоюзного научно-исследовательского института плодоводства и виноградарства им. академика Шредера. Выращиваемые здесь саженцы винограда и плодовых деревьев, а также черенки рассылают в хозяйства района и области, за пределы Узбекистана и во многие зарубежные страны.

В степной и горной зонах Пастдаргомского района раскинулись земли двух каракулеводческих совхозов — «Улус» и «40 лет Узбекистана». Помимо каракулеводства, в совхозах занимаются и разведением крупного рогатого скота (животноводство мясо-молочного направления). Посевы, преимущественно богарные, производят в основном для обеспечения животных кормами. После проведения канала Эски-Анхор эти совхозы начали с успехом заниматься и хлопководством.

В Пастдаргомском районе размещены промышленные и другие предприятия, большинство которых снабжает колхозы и совхозы промышленными изделиями и оборудованием для заготовки и первичной обработки сельскохозяйственных продуктов.

В восточной части района построен и продолжает расширяться Самаркандский суперфосфатный завод.

К северу от поселка Чархин расположены пункт по заготовке хлопка, ремонтно-тракторная станция и биокомбинат, выпускающий препараты для лечебной профилактики животных, а к востоку — база «Сельхозснаб». В 1960—1962 гг. вблизи поселка Чархин создана база пастбищно-мелиоративного треста, где поступающие по железной дороге машины монтируются и направляются в животноводческие районы. Недалеко от этих предприятий находится железнодорожная станция Улугбек.

В западной части района различные предприятия и учреждения сосредоточены в Джуме — административном центре Нижнего Даргома. Здесь размещены хлопкоочистительный завод, нефтебаза, отделение объединения «Узсельхозтехника», ремонтно-тракторная станция, железнодорожная станция, кирпичный завод, швейные, обувные и другие мастерские, административные, торговые, лечебные и культурно-просветительные учреждения. На Даргоме построены три межрайонные гидроэлектростанции.

Железная дорога, связывающая Самарканд со столицей республики и всеми ее областями, а также с Таджикистаном и Туркменией разрезает с востока на запад оазисную территорию Пастдаргомского района на две неравные по ширине части. Почти параллельно железной дороге проходит асфальтированное шоссе из Самарканда в Джуму, по которому постоянно курсируют пассажирские автобусы и такси. Все населенные пункты района связаны между собой дорогами, вполне доступными для автотранспорта.

Во всех крупных населенных пунктах созданы почтовые отделения. Так, в одном только колхозе «Коммунизм» есть три почтовых отделения. Остальные кишлаки обслуживаются почтальонами. Все кишлаки связаны между собой телефонной сетью. Из таких крупных населенных пунктов, как Джума и Чархин можно связаться по телефону со всеми городами Советского Союза.

* * *

В Самаркандской области, по данным переписи 1959 г., живет около 14,2% всего населения Узбекской ССР (11,2% городского и 15,5% сельского населения республики). Численность сельского населения Самаркандской области в 1959 г. составляла 834 тыс. человек, а городского — 314 тыс. человек [11].

[10] О канале Эски-Анхор см.: С. К. Кабанов. Археологические наблюдения на строительстве Иски-Ангарского канала. «История материальной культуры Узбекистана», вып. I. Ташкент, 1959, стр. 154—175.

[11] «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года, Узбекская ССР». М., 1962, стр. 12. Обстоятельные демографические данные по Самаркандской обл. см.: С. Ковалев, Э. Ташбеков, Р. Валиева. География сельского населения и сельских населенных пунктов Самаркандской и Бухарской областей. Ташкент, 1962.

В Пастдаргомском районе размещается 7,6% сельского населения всей области, что составляет, по переписи 1959 г., 69 700 человек; горожан (жители Джумы, поселка городского типа) 5900 человек. По сравнению с 1926 г. население района более чем удвоилось (в 1926 г. было 32 тыс. человек) [12]. Произошло это отчасти за счет притока населения из других республик, но больше в результате высоких темпов прироста населения [13].

В отличие от некоторых других районов Самаркандской области, часть населения которых переселилась в другие области на земли нового орошения, из Пастдаргомского района таких переселений не было. Объясняется это прежде всего тем, что колхозы и совхозы в результате постоянного расширения и улучшения ирригационной сети и способов орошения систематически увеличивают площадь орошаемых земель. Для возделывания новых участков обычно часть колхозников из предгорных кишлаков переселяется в долину. Наиболее характерным для последних лет является то, что часть сельского населения втягивается в другие отрасли хозяйства, в частности в промышленность. Например, молодежь из окружающих селений, даже из предгорных кишлаков, работает на суперфосфатном заводе. Рабочие РТС, биокомбината, железнодорожных станций и других предприятий в основном являются местными жителями.

Оазисная часть района имеет достаточно высокую для Самаркандской области плотность населения — от 100 до 200 человек на 1 км^2, а богарная — от 10 до 20 человек на 1 км^2 [14].

Пастдаргомский район по национальному составу его населения является типичным для Самаркандской области — 86,03% сельского населения района составляют узбеки (55 800 человек). Численность таджиков значительно ниже среднего показателя по области — 2,36% (1600 человек). Это объясняется тем, что таджики в Самаркандской области расселены неравномерно: наибольшее число их приходится на пригороды Самарканда (Самаркандский сельский район), а также на Ургутский и Нуратинский районы; в остальных районах таджикские кишлаки встречаются лишь как редкие вкрапления среди узбекских селений.

В небольшом числе в районе живут казахи, туркмены, иранi, цыгане, местные евреи, татары, русские, корейцы, украинцы, азербайджанцы, армяне, осетины, европейские евреи, немцы, мордва, поляки, башкиры и др.

[12] «Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. в Узбекской ССР», вып. I. Самарканд, 1927, стр. 118—120, 142. При подсчете нами учтено, что Агалыкское сельское общество, в 1926 г. входившее в Пастдаргомский район, впоследствии было передано Самаркандскому сельскому району.

[13] «Народное хозяйство Самаркандской области. Статистический сборник». Самарканд, 1958, стр. 8.

[14] З. М. Акрамов. Указ. соч., стр. 75; С. Ковалев, Э. Ташбеков, Р. Валиева. Указ. соч., стр. 12—16, рис. 2.

В крупных поселках долинной части района (Джума, Чархин), поселках совхозов население в национальном отношении весьма пестрое. Население же колхозных селений, особенно предгорных кишлаков, более однородно по этническому составу.

В оазисной части района необходимость больших затрат труда на единицу площади при орошаемом земледелии, в частности при хлопководческом хозяйстве, обусловливает такой тип расселения, при котором кишлаки располагаются густо — 30—50 на 100 км^2 (близость селений к местам полевых работ максимальная — несколько десятков или сотен метров, редко километр) и относительно равномерно по территории.

Вплоть до 1960 г. для Пастдаргомского района, как и для всей Самаркандской области наиболее характерным был мелкокишлачный тип расселения, а частично даже форма так называемых распыленных усадеб, когда кишлак состоял из группы усадеб, разбросанных на большой территории [15]. Средняя людность селений в Пастдаргомском районе в 1959 г. составляла 265 человек. Мелкокишлачное расселение является большим препятствием рационального ведения хозяйства, связано с крупными хозяйственными потерями и неудобствами: дроблением полей, малыми размерами производственных бригад, потерями ценных площадей под многочисленными дорогами-подъездами к селениям и т. п. Кроме того, оно создает серьезное препятствие для улучшения культурно-бытового обслуживания населения, благоустройства населенных пунктов [16].

За последние десять лет в Пастдаргомском районе проводится перепланировка и перестройка колхозных селений, укрупнение их и благоустройство.

Для предгорной зоны района характерно размещение селений вдоль подножья гор. Более крупные кишлаки располагаются в местах выхода горных саев (*сай* — горная река и ее долина) и на конусах выноса, а мелкие — цепочкой растягиваются вверх по долине [17].

Среди селений как оазиса, так и предгорий выделяются своими размерами и благоустроенностью центры колхозов и совхозов. Наиболее крупным из таких селений является поселок Чархин (с 1950 и до 1957 г. был центром одноименного района). Он является центром колхоза «Коммунизм».

По экономическим и культурным связям своего населения Пастдаргомский район как бы делится на две части: для жителей западной части центром является Джума, а для жителей восточной — Самарканд. Другими местными центрами для этой

[15] С. Ковалев, Э. Ташбеков, Р. Валиева. Указ. соч., стр. 46—57.

[16] Там же, стр. 54.

[17] Там же

части района являются Чархин и поселок Суперфосфатный [18]. Следует отметить, однако, что культурное влияние Самарканда чрезвычайно велико и распространяется не только на весь район Нижнего Даргома, но и на всю Среднезеравшанскую долину. Самарканд, один из древнейших городов нашей страны, является сейчас крупным индустриальным и культурным центром Узбекистана. Помимо многочисленных промышленных предприятий, лечебных и административных учреждений, в нем имеется университет (один из старейших в Средней Азии), пять институтов (медицинский, педагогический, сельскохозяйственный, архитектурно-строительный и советской торговли), семь научно-исследовательских институтов и научных станций (в их числе Всесоюзный институт каракулеводства), семь техникумов, восемь училищ и специальных школ, публичная библиотека с богатым книжным фондом, Республиканский музей истории культуры и искусства Узбек. ССР, известный далеко за пределами республики, три театра — два драматических (узбекский и русский), и театр оперы и балета, много кинотеатров, клубов, домов культуры и библиотек.

[18] Поселок городского типа Суперфосфатный образован в 1952 г. и подчиняется Самаркандскому городскому совету.

Глава I

НАСЕЛЕНИЕ

История формирования населения

Сложная многовековая история Среднеазиатского Междуречья обусловила не менее сложные процессы этнического развития [1]. Античные источники середины I тысячелетия до н. э. впервые дают представление об этническом составе населения Средней Азии. В то время в Среднезеравшанской долине, являвшейся центральной областью Согдианы, жили согдийцы, которые, наряду с хорезмийцами, бактрийцами, ферганцами и жителями Чача (области Ташкента), явились древними предками таджиков и узбеков. Все эти народы как оседлое население оазисов, так и кочевники и полукочевники прилегающих к оазисам степей — саки и массагеты — были ираноязычными по языку и европеоидными по расовому типу.

С середины I тысячелетия до н. э. в Среднюю Азию стали просачиваться этнические элементы из Центральной Азии. Со второй половины I в. н. э., со времени вхождения Среднеазиатского Междуречья в состав Тюркского каганата, этот процесс усилился.

Во все последующие века здесь происходило смешение пришлых из Центральной Азии племен с исконным европеоидным населением, ираноязычных народов с представителями тюркоязычных народов, тесное взаимодействие оседлого хозяйства земледельцев и ремесленников с кочевым скотоводческим укладом хозяйства. Таким образом, основным этнокультурным процессом, который протекал на территории Среднеазиатского Междуречья, было взаимное влияние, сближение и частичное слияние оседлого, преимущественно ираноязычного, и кочевого, в основном тюркоязычного населения. При этом наряду с преобладающим процессом отюречивания по языку местного ираноязычного населения частично происходил и переход тюркоязычного населения на таджикскую речь. Это наблюдалось особенно в

[1] «Народы Средней Азии и Казахстана». I. М., 1962, стр. 38—114.

таких городах, как Бухара и Самарканд[2], а также в горных районах, населенных главным образом таджиками[3].

Тюркские племена и народности, поселившиеся в Среднеазиатском Междуречье в период Тюркского каганата (с середины VI до середины VII в.) и особенно в период Караханидов (X—XII вв.), постепенно осели, утеряли родоплеменное деление, ассимилировались с древними ираноязычными народами Мавераннахра, передали некоторым из них свой язык. Часть тюркских племен продолжала вести кочевую жизнь и сохраняла родоплеменные традиции и названия. Это тюркоязычное население, сложившееся к XI—XII вв., составило основу узбекской народности.

В результате монгольского завоевания в состав населения Среднеазиатского Междуречья влилась новая волна тюрко-монгольских племен. Одни из них пополнили состав тех кочевых и полукочевых тюркских племен, которые здесь обосновались ранее; другие постепенно слились с оседлым тюркоязычным населением. Наконец, последней волной тюркоязычных кочевых племен, влившейся в состав населения Среднеазиатского Междуречья, явились узбекские племена, которые пришли из степей Дешти-Кипчака вместе с Шейбани-ханом в конце XV в. и окончательно обосновались здесь в начале XVI в. За свое более чем четырехсотлетнее пребывание в Мавераннахре они прошли также сложный путь этнического и культурного развития. Часть их в результате оседания постепенно слилась с искони оседлым населением. Большинство же в течение длительного времени сохраняло пережитки кочевого быта и родоплеменных традиций, а также особенности своих диалектов и говоров.

Ко времени Великой Октябрьской социалистической революции и установления Советской власти процесс консолидации узбекской нации не был завершен: в ее составе довольно отчетливо прослеживалось наличие трех больших групп, отличавшихся друг от друга своими говорами, бытовым укладом, некоторыми чертами материальной и духовной культуры. Особенности каждой группы были обусловлены происхождением и историческими судьбами вошедших в нее этнических компонентов.

Одна из этих трех групп узбеков — это издавна оседлая часть узбекоязычного населения больших и малых оазисов Среднеазиатского Междуречья. Характерным для этой группы были: окающие и йокающие говоры, отсутствие родоплеменного деления, занятие земледелием (в основном орошаемым), ремеслом и торговлей преимущественно в городах и крупных селениях.

[2] О. А. Сухарева. Бухара. XIX — начало XX в. (Позднефеодальный город и его население). М., 1966, стр. 132—139.

[3] А. К. Писарчик и Б. Х. Кармышева. Опыт сплошного этнографического обследований Кулябской области. «Известия Отделения общественных наук АН Таджик. ССР», вып. 111. Сталинабад, 1953, стр. 80, 81.

В прошлом представителей этой группы обычно называли сартами (для некоторых из них — жителей Ташкентского оазиса, Ферганской долины и Хорезма — термин «сарт» был и самоназванием). В настоящее время этот термин в быту совершенно вышел из употребления, однако в историко-этнографической литературе сохраняется как исторический этноним.

Вторая из отмеченных групп узбеков — это исторические потомки той части домонгольских тюркских племен Мавераннахра и тюрко-монгольских племен времени Чингиз-хана, которая не растворилась среди оседлого населения, а сохраняла кочевой и полукочевой быт и родоплеменные традиции. Представителей этой группы называли тюрками. Термин «тюрк» был и самоназванием их (исключая мугулов и части карлуков). Характерным для этой группы были: йокающие говоры, сохранение родоплеменных традиций, полукочевой быт, занятие овцеводством с круглогодичным содержанием скота на подножном корму[4].

Третья группа состояла из потомков дештикипчакских узбекских племен, которые пришли в Среднеазиатское Междуречье из степей Дешти-Кипчака в конце XV в. вместе с Шейбани-ханом и окончательно поселились здесь в начале XVI в. Название «узбек» (оно, наряду с племенным именем, являлось самоназванием) еще в начале XX в. применялось местным населением в основном к представителям этой группы. В литературе обычно принято называть их полукочевыми узбеками дештикипчакского происхождения. Узбекских племен насчитывалось много (предания говорят о 92 узбекских племенах, но в действительности их было меньше), и большинство их носило имена народов и племен, хорошо известных в средние века (найман, кипчак, кунграт, мангыт и др.) и вошедших впоследствии в состав ряда тюркоязычных народов (казаков, киргизов, каракалпаков, ногайцев, башкиров и др.)[5]. Узбеки этой группы сохраняли свои «джокающие» говоры. К началу XX в. значительная часть их осела, занималась земледелием (как орошаемым, так и богарным). В предгорной и степной зонах скотоводство (с круглогодичным

[4] Б. Х. Кармышева. Этнографическая группа «тюрк» в составе узбеков. «Советская этнография», 1960, № 1, стр. 3—22.

[5] В советской историко-этнографической литературе термины «племя» и «род» в приложении к среднеазиатским народам, сохранявшим до начала XX в. пережитки родоплеменной организации, употребляются чисто условно, с оговоркой, что «племя» и «род» этих народов никак нельзя отождествлять с племенем и родом в первобытном, доклассовом обществе. «Племя» и «род» у узбеков, как и у киргизов и других среднеазиатских народов, представляли собой не кровнородственные группы, а весьма пестрые объединения различных социальных и этнических групп, связанных общностью территориально-хозяйственных и общественно-политических интересов. Этим объединениям были присущи глубокие классовые противоречия (С. М. Абрамзон. Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии. «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. XIV. М., 1951, стр. 132—156; П. П. Иванов. Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.). М., 1958, стр. 128).

содержанием скота на подножном корму) оставалось одним из основных занятий. Традиции полукочевого быта были еще довольно заметны в их быту. В этнографическом облике узбеков (особенно в языке искони оседлой части узбеков Хорезма) был достаточно ощутим след и огузов.

Несмотря на то, что каждая из указанных групп узбеков имела свои особенности, в их языке, материальной культуре, обычаях и обрядах было много общего, что отличало их от соседних народов и, вне всякого сомнения, позволяло говорить о единой узбекской народности. Между указанными группами существовали тесные экономические и культурные связи. Процесс оседания полукочевников и слияние их с оседлым населением шел беспрерывно, и чем ближе к нашему времени, тем с большей интенсивностью.

Рассматривая историю формирования населения Среднезеравшанской долины, исследователь сталкивается с одним довольно загадочным на первый взгляд явлением: здесь, в одной из древнейших культурных областей Средней Азии, в конце XIX — начале XX в. основную массу сельского населения составляли не коренные жители края — таджики и сарты — и не тюрки, а потомки относительно поздних пришельцев — полукочевые узбеки (племена хитай, кипчак, найман, сарай, кутчи, юз, мангыт и др.) [6].

Известный ориенталист В. Л. Вяткин причиной абсолютного преобладания полукочевых узбеков над тюрками считал слияние последних с завоевателями. В своей большой монографии «К вопросу изучения узбеков в Средней Азии. XVI век» [7] В. Л. Вяткин писал: «Надо полагать, что господствующее привилегированное положение узбеков в стране способствовало тому, что узбекская масса вобрала в себя с течением времени значительную часть местных тюрков, близких им по языку и этническому составу. Ничем другим нельзя объяснить убыль тюркского народа, каковая чувствуется уже в XVI столетии и совершенно наглядно для нашего времени с его статистикой» [8]. На этот же процесс указывал и другой исследователь этого периода истории Средней Азии — П. П. Иванов [9].

Слияние большей части местных тюркских племен с узбеками, пришедшими из Дешти-Кипчака, подтверждается и этнографическими данными. Например, такие племена, как джалаир, бахрин и каучин в конце XV — начале XVI в. были в числе наиболее известных тюркских племен в государстве Тимуридов [10], в то время как среди узбеков, пришедших с Шейбани-ханом, мы их не встречаем (если они и были, то, по-видимому, в небольшом числе) [11]. Четыре столетия спустя, в конце XIX в., этих племен уже нет среди тюрков, а имеются они только в составе полукочевых узбеков [12].

Ряд племен еще до появления узбеков Шейбани-хана жили как в степях Дешти-Кипчака, так и в Мавераннахре (уйгур, хитай, кипчак, карлук и др.). В этом случае слияние тюркских племен Мавераннахра с одноименными узбекскими должно было происходить особенно быстро, на что указывает и А. А. Семенов. Действительно, в конце XIX — начале XX в. все перечисленные выше названия встречаются только среди узбекских родоплеменных групп. Исключение составляют лишь карлуки: они имеются не только среди узбеков, но сохранились и среди тюрков.

Из известных в тимуридское время тюркских племен только одно до недавнего времени не причисляло себя к узбекам. Это племя барлас, наиболее многочисленное и привилегированное в государствах Тимуридов (особенно в Хоросане), к которому, как известно, принадлежал сам Тимур.

Анализ названий мелких подразделений узбекских родоплеменных групп в сочетании с другими этнографическими наблюдениями также дает богатый материал, подтверждающий заключение о том, что поздние пришельцы — узбеки дештикипчакского происхождения — со временем включили в свой состав немало местного населения. Однако этот процесс не был односторонним. Сливаясь с узбеками, местное население приобщало их к своей более высокой культуре.

Но не только сказанным выше объясняется преобладание в изучаемой области узбеков дештикипчакского происхождения. В исторической литературе неоднократно отмечалось, что запустение Среднезеравшанской долины в XVIII в. в результате особого обострения в Бухарском ханстве, куда входил Самаркандский оазис, —междоусобных феодальных войн [13] и набегов кочевников (в частности, казахов, согнанных со своих кочевий джунга-

[6] «Материалы Всероссийских переписей 1920 года. Перепись населения в Туркестанской республике», ч. I, вып. V. Ташкент, 1934, стр. 28—30; И. И. Зарубин. Население Самаркандской области, его численность, этнографический состав и территориальное распределение. «Труды Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран», 10. Л., 1926.

[7] Архив Республиканского музея истории культуры и искусства Узб. ССР в Самарканде, ф. 111, д. 334. Рукопись монографии В. Л. Вяткина (к сожалению, не опубликована).

[8] Там же, стр. 26.

[9] П. П. Иванов. Указ. соч., стр. 72.

[10] Захириддин Мухаммад Бобир. Бобирнома. Тошкент, 1960.

[11] А. А. Семенов. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана. «Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии». Сталинабад, 1954, стр. 24—26, 29.

[12] «Материалы по районированию Средней Азии», кн. I, ч. I. Ташкент, 1926, стр. 175—179; полевые материалы Б. Х. Кармышевой.

[13] Вопрос о причинах особого обострения междоусобных феодальных войн в Бухарском ханстве в начале XVIII в. отражен в интересной статье О. Д. Чехович «Бухарская летопись XVIII в. Убайдулло-нома» («Проблемы источниковедения». М., 1959, стр. 192—227).

рами), оказало существенное влияние на расселение и численность отдельных этнических групп на ее территории [14]. Не будет преувеличением сказать, что ряд районов поливного земледелия был заселен почти заново. Это относится особенно к территории, орошаемой древним каналом Даргом.

Главная причина полного запустения этого района заключалась в том, что стоило лишь ненадолго перестать поддерживать ирригационные сооружения (в частности, разрушить даргомскую плотину), как вся система пришла в упадок и население, состоявшее, по всей вероятности, преимущественно из искони оседлых групп, было вынуждено покинуть насиженные места (значительная часть населения переселилась в соседние области, особенно в Хисар и Фергану [15]). Вследствие этого один из самых культурных и плодоносных районов Зеравшанской долины превратился в безводную степь. Только с приходом к власти в Бухарском ханстве Мангытской династии, когда начали предприниматься попытки к укреплению центральной власти и преодолению феодальной раздробленности, даргомская плотина была восстановлена (1743—1749 гг.) и были проведены работы по восстановлению заброшенной оросительной сети. Бухарские ханы всячески стремились привлечь население в долину Зеравшана, возродить сельское хозяйство и тем самым обеспечить рост поступлений в казну [16]. Та часть населения Самарканда и его округи, которая покинула в годы бедствий родные места, возвратилась в отличие от г. Бухары [17], лишь частично. Земли с восстановленной ирригационной сетью занимали в основном узбекские племена, постепенный переход которых к земледелию и оседлому образу жизни начался еще в конце XVI в. [18]

Кроме узбеков, в этих центральных районах области в течение XVIII и XIX вв. поселились каракалпаки с берегов Сыр-Дарьи [19], туркмены со Средней Аму-Дарьи [20], среднеазиатские

[14] В. Л. Вяткин. Материалы к исторической географии Самаркандского вилаета. СКСО, вып. VII. Самарканд, 1902, стр. 15; В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Сочинения, т. II, ч. I. М., 1964, стр. 271, 272; П. П. Иванов. Указ. соч., стр. 92—94.

[15] П. П. Иванов. Указ. соч., стр. 93; Е. М. Пещерева. Поездка к горным таджикам. «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», III. М.— Л., 1947, стр. 42; Л. В. Успенская. Каратагский говор таджикского языка. «Труды Института языка и литературы АН Тадж. ССР», т. XLVI. Сталинабад, 1956, стр. 9; «Таджики Каратегина и Дарваза», вып. I. Душанбе, 1966, стр. 62; полевые материалы Б. Х. Кармышевой.

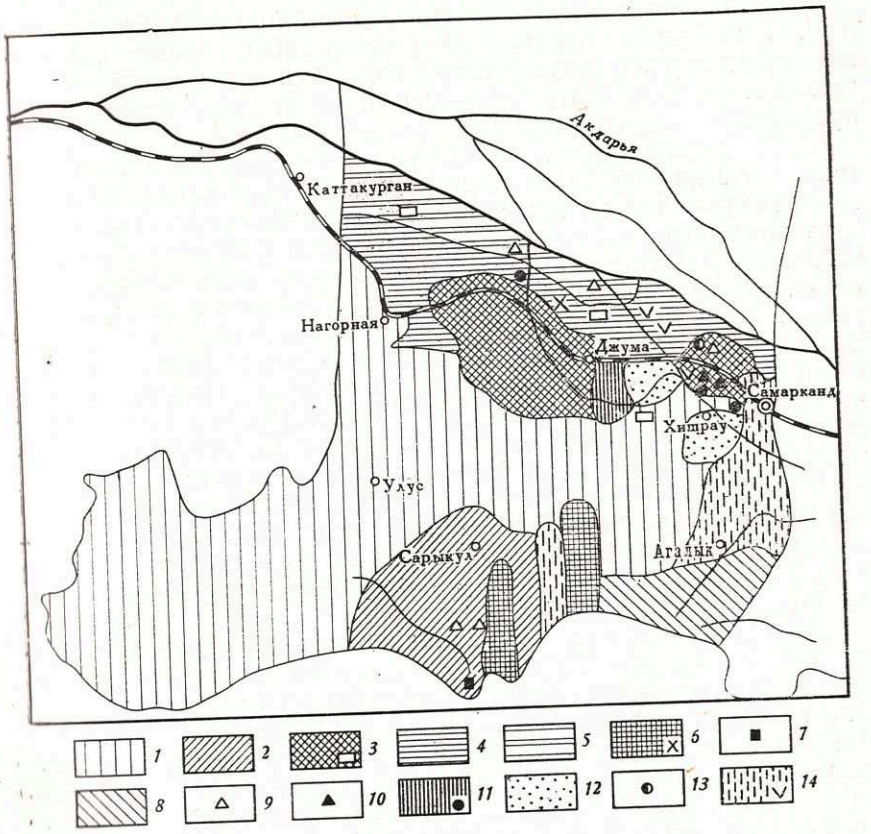
[16] В. Л. Вяткин. Каршинский округ, организация в нем войска и события в период 1215—1217 (1800—1803) годов. «Известия Среднеазиатского отделения Русского географического общества» (далее — РГО), т. XVIII. Ташкент, 1928, стр. 13.

[17] О. А. Сухарева. Бухара, стр. 115—117.

[18] П. П. Иванов. Указ. соч., стр. 72.

[19] Л. С. Толстова. Каракалпаки за пределами Хорезмского оазиса в XIX — начале XX века. Нукус — Ташкент, 1963. стр. 24—26.

[20] В. Г. Мошкова. Туркмены Самаркандской и Бухарской областей. «Бюллетень Академии наук Узбек. ССР», 1945, № 5, стр. 16.

Карта этнического состава населения Пастдаргомского района в конце XIX — начале XX в.:

1 — найманы, *2* — сараи, *3* — мангыты, *4* — кипчаки, *5* — хитаи, *6* — юзы, *7* — чуюты, *8* — тюрки, *9* — ходжа, *10* — «бухарцы», *11* — туркмены, *12* — арабы, *13* — ирани, *14* — таджики

арабы из Каршинской степи, таджики с Нижнего Зеравшана, ирани, насильственно переселенные из Мерва, среднеазиатские цыгане, а в предгорных районах — тюрки из Хисара и Уратюбе, таджики из Верхнего Зеравшана и даже из далекого Каратегина. Районы богарного хлебопашества и пастбищного скотоводства были поделены между отдельными узбекскими племенами. В густонаселенных районах с развитой оросительной сетью наблюдалась большая перемешанность различных родоплеменных и этнических групп.

Ценные сведения В. В. Радлова, и особенно А. Д. Гребенкина и Л. Н. Соболева, относящиеся к концу 1860—1870 гг.[21], а также статистические данные 1880-х годов[22] и полевые этнографические материалы авторов настоящей книги дают возможность проследить историю заселения Нижнего Даргома.

В. Л. Вяткин писал в 1900 г.: «История последнего заселения западной и нижней части Даргома относится к самому недавнему времени — только при последних мангытах здесь стали оседать пришельцы из соседних местностей и кочевые узбеки, но небольшому количеству людей оказалось чрезвычайно трудным делом поднять до уровня голов старых, готовых уже отводных арыков воду Даргома, протекающего здесь в глубоком овраге. Это обстоятельство и служит главным образом причиною того, что и в настоящее время население не может достигнуть степени былой густоты»[23]. Даже в середине XIX в. эти места были еще мало заселены, что видно из описания Н. Ханыковым своего пути от Самарканда до Джама, проделанного им в 1841 г.[24], а также из полевых материалов автора данной главы. Уроженец кишлака Милтикчи Таджихан Ходжаев (1895 г. рождения[25]) передавал нам рассказ, услышанный им от своего односельчанина, ныне уже покойного Тагайназар-баба («ему сейчас было бы 90 лет»).

«Эти места были сплошными зарослями верблюжьей колючки (янтак), и здесь никто не жил. Впервые тут поселился один ружейник — милтиксоз (отсюда будто бы и название кишлака). Он был узбек из рода украч-найман. Он вывел арык из канала Димишк и посеял немного пшеницы. Потом к нему присоединились еще 5—6 семей. Среди зарослей колючки ружейник посадил дерево и долгое время это дерево было единственным во всей ближайшей округе. В те времена было пусто вплоть до самого города Самарканда. Жители кишлака Милтикчи свои несколько десятков овец и коз пасли в степи, которая тянулась до самой мечети Биби-ханым на Регистане Самарканда; у мечети овец поили и оставляли отдыхать в тени развалин, а к вечеру пригоняли обратно в кишлак»[26].

[21] В. В. Радлов. Средняя Зеравшанская долина. «Записки РГО по отделению этнографии», т. IV. СПб., 1880, стр. 58—64; А. Д. Гребенкин. Таджики. Узбеки. Мелкие народности Зеравшанского округа. «Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу политехнической выставки», вып. II. М., 1872; Л. Н. Соболев. Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе. «Записки РГО по отделению статистики», т. IV. СПб., 1874, стр. 163—454 и приложения.

[22] «Сборник материалов для статистики Самаркандской области за 1887—1888 гг.», вып. I. Самарканд, 1890, стр. 45—48, 53—56, 127—130.

[23] В. Л. Вяткин. Материалы к исторической географии Самаркандского вилаета, стр. 44.

[24] Н. Ханыков. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843, стр. 106, 107.

[25] В дальнейшем год рождения будем обозначать сокращенно — г. р.

[26] Полевая запись 30.X 1960 г., поселок Чархин.

Жители кишлака Миankау, расположенного на том же канале Димишк, поблизости от Милтикчи, 80-летний Яхшибай Элликбаев и 65-летний Бекмурад Ходжаназаров также рассказывали нам, что когда их деды поселились на Димишке, здесь сплошь росла верблюжья колючка, а древесной растительности совсем не было. Даргом в этих местах течет в глубоком ложе, поэтому и магистральные каналы, в том числе и Димишк, глубокие, поднять воду было трудно. Из Димишка поселенцы с великим трудом отвели воду на свои поля. Особые затруднения доставлял деревянный акведук *нова*, который пришлось перебросить через следующий магистральный канал Ертешар. Берега Ертешара постепенно пропитывались водой и желоб проваливался через каждые два-три месяца. Первые саженцы виноградной лозы поселенцы привезли из своего родного кишлака и поливали их, таская воду в кувшине. Яхшибай Элликбаев вспоминал, что когда ему было лет 12—14, кишлачные мальчишки бегали в Чортут, чтобы поесть ягод шелковицы, потому что в Миankау не было тутовых деревьев[27].

Один из бывалых людей Пастдаргомского района, Султанмурад Худайберганов (1894 г. р.) из кишлака Туркман (в 3 км к северо-западу от Джумы), рассказывал нам: «Мой дед, туркмен племени эски, жил в местности Шамми Чарджоуской области, на берегу Аму-Дарьи. 110 лет тому назад река смыла нашу местность. Сначала мой дед переселился в Каракуль, но там не было травы для прокорма скота. Тогда он перекочевал в низовья Кашкадарьи, а оттуда уже в Самарканд. В те времена на Багишамале и в Куле под Самаркандом (ныне западные районы города) были пустыри, росла верблюжья колючка, и потому не было препятствий для выпаса скота. Однако постепенно стали появляться древесные насаждения, и дед мой со своим стадом был вынужден вернуться на запад, к берегам Хаузяксая, и поселился здесь лет 80 тому назад. Дед не хотел переходить на оседлость, но отец мой уговорил его. Всего вместе с дедом тогда было здесь 10 хозяйств — один аул. Остальные наши сородичи, пострадавшие от своенравия Аму-Дарьи и покинувшие Шамми, осели кто в Каракуле, кто в Куняшааре (в низовьях Кашкадарьи). С ними до сих пор общаемся и вступаем в браки»[28].

Заселение низовьев Даргома в XVIII—XIX вв. шло постепенно и небольшими группами людей различного этнического происхождения. Об этом свидетельствует, например, история возникновения кишлаков, расположенных по двум магистральным каналам, выведенным из Даргома — Димишку и Ертешару.

[27] Полевая запись 23.IV 1961 г.

[28] Полевая запись 26.V 1960 г.

Канал Димишк, название которого восходит по крайней мере к тимуридскому времени [29], орошает земли, примыкающие с запада к Девори-Киомат — остаткам внешних стен древнего Самарканда. На этих землях осело разноплеменное население: узбеки-найманы и узбеки-мангыты, туркмены-баяты и туркмены-салоры, ирани и цыгане.

Сведения, полученные от местного населения, говорят о том, что после восстановления даргомской плотины земли в низовьях канала Димишк стали вновь осваиваться раньше, чем земли, лежащие в его верхней части. Это, по-видимому, объяснялось тем, что в низовьях было легче вывести воду на поля. В своих низовьях Димишк раздваивается: северо-восточный отвод орошал земли кишлаков Димишк-Боло и Димишк-Поён [30], а северо-западный — земли кишлаков Балхион и Чортут. В первых двух кишлаках жили узбеки-найманы (подразделение казак-найман). Эти кишлаки располагались у бухарской дороги, у самой стены Девори-Киомат [31]. В. Л. Вяткин не сомневался, что это было место старого Димишка, основанного еще Тимуром [32].

При проведении железной дороги во второй половине 1880-х годов земли кишлака Димишк-Боло были куплены русскими властями; жители переселились на 5—6 км западнее, образовав два небольших кишлака — Карасыйрак и Катта-Кишлак. По мере увеличения населения и освоения новых орошаемых участков земель от этих двух селений отпочковался еще ряд новых: кишлаки Мирзатоп, Баймак, Кепакул и Джанга-Карасырайк основаны выходцами из Карасыйрака [33]; кишлаки Намазго (или Чала) и Дунг-Кишлак основаны выходцами из Катта-Кишлака. Все эти восемь кишлаков сохранили собирательное название

[29] О. Д. Чехович. Из документа XIV века об окрестностях Самарканда и их орошения. «Доклады Академии наук Узбек. ССР», 1948, № 4, стр. 41.

[30] Правильно было бы написать Димишки-Боло и Димишки-Поён (тадж. *боло* — верхний, *поён* — нижний), но местное узбекское население опускает изофат.

[31] Л. Н. Соболев. Указ. соч., приложение № 15, Самаркандский отдел, тумень Ангарский, № 9, 10. После восстановления даргомской плотины, по-видимому, сначала стали заселяться местности в черте города, в тех его частях, которые опустели в период разорения первой четверти XVIII в. В числе занимавших эти места были и узбеки-найманы различных родоплеменных групп (казак-найман, украч-найман, пулатчи, джагалбайлы, куштамгалы, чумичли).

[32] В. Л. Вяткин. Материалы к исторической географии Самаркандского вилаета, стр. 44. Сохранение некоторых старых названий в топонимике Нижнего Даргома свидетельствует о том, что какая-то часть населения в годы запустения оставалась на месте или после восстановления плотины вернулась на старые места. Возможно также, что сохранению старых названий способствовали жители Самарканда, передавшие по традиции эти названия новым жителям их, так как эти кишлаки расположены недалеко от города. При этом условии старое название кишлака могло сохраниться и при полной смене его населения.

[33] Карасыйрак после образования Джанга-Карасыйрака (*джанга* — новый) стал называться Эски-Карасыйрак (*эски* — старый) или Катта-Карасыйрак (*катта* — большой).

Димишк-Боло. Упомянутый выше кишлак Димишк-Поён представлял собой также не одно селение, а группу из четырех кишлаков [34]. Таким образом, казак-найманы, расселились по каналу Димишк, образовав к концу 1880-х годов 12 селений. Указанные выше два собирательные названия, будучи официальными, мало употреблялись среди местного населения. Для него имела значение этническая принадлежность жителей данного кишлака, поэтому вместо Димишк-Боло здесь обычно говорили Дашт-Найман (*дашт* — степной, расположенный на надпойменной террасе), а вместо Димишк-Поён — Паст-Найман. Названия мелких кишлаков всегда были известны только в своей группе кишлаков.

Следует заметить, что в кишлаке Баймак, наряду с найманами, жили и цыгане, выходцы из окрестностей Калы — крепости найманов, которая располагалась на городище средневековой Дабусии (к востоку от Зиаутдина). Они относились к той группе среднеазиатских цыган, которая среди местного населения известна под названием *тавактараш* (букв. «вытесывающие чашки») [35]. Цыгане — жители Баймака — были оседлыми, занимались земледелием и деревообделочным промыслом. Говорили они на узбекском языке и по быту мало чем отличались от узбеков. На низовья Даргома из-под Калы лет 100—150 назад пришли сначала несколько цыган в поисках работы. Они батрачили здесь, затем купили землю, перевезли свои семьи и обосновались. Постепенно к ним присоединилось еще несколько семей.

Выше указывалось, что в низовьях второго отвода канала Димишк располагаются кишлаки Чортут и Балхион. Население Чортута состоит из ирани, основная масса которых живет по каналу Багишамаль. Багишамаль (ныне один из городских районов Самарканда), в названии которого сохранилось наименование одного из загородных садов Тимура [36], начал вновь заселяться только с 1950 г., когда при Насрулла-хане был восстановлен канал Багишамаль, и на землях, орошенных его водой,

[34] С. Ковалев, Э. Ташбеков и Р. Валиева в книге «География сельского населения и сельских населенных пунктов Самаркандской и Бухарской областей» (Ташкент, 1962) отмечают, что для этих областей, «с их исторически сложившимся разнообразием форм расселения, само понятие отдельного населенного пункта зачастую становится довольно условным. Под названием того или иного кишлака далеко не всегда имеется в виду одно, достаточно обособленное поселение: нередко это собирательное название для группы мелких поселков, разбросанных на расстоянии 300—1000 м вокруг более крупного поселения, иногда даже для группы или цепочки одиночных обособленных усадеб» (стр. 46, 47). Нижний Даргом в этом отношении не был исключением.

[35] О среднеазиатских цыганах см.: «Народы Средней Азии и Казахстана». II. М., 1964, стр. 597—609.

[36] М. Е. Массон. Архитектурно-планировочный облик Самарканда эпохи Навои (вторая половина XV в.). «Труды Среднеазиатского гос. университета», новая серия, вып. XXXI, кн. 12. Ташкент, 1956, стр. 78.

были поселены ирани[37]. Как известно, значительная часть жителей Мары и его окрестностей была переселена на Зеравшан сначала Шахмурадом, а затем, в 1804 г., эмиром Хайдаром, когда посланный им Ниязбек Парваначи овладел городом, разрушив Султанбендскую плотину и оставив посевы без воды. Предания об этом печальном событии до сих пор живут в памяти самаркандских ирани.

В кишлаке Чортут записано от Хаджи-Курбан-баба (1862 г. р.) следующее предание об основании этого селения: «Наши предки жили в самых низовьях Мургаба. Бывали случаи, когда канал, по которому шла вода к нашим полям, враги перегораживали плотиной, и тогда наступал голод. Однажды, когда так случилось и поля начали засыхать, несколько мужчин из нашего кишлака ночью решили разрушить плотину под названием Араббанди и пустить воду на свои поля. За это их казнили, а остальных жителей переселили в Самарканд, в квартал Тепа-Курган (крепость). Но позже большая часть наших предков была расселена по каналу Багишамаль, а небольшая группа — западнее Багишамаля, в низовьях Димишка, где их кишлак стал называться Чортутом»[38]. Согласно материалам Л. Н. Соболева, в начале 1820-х годов в Чортуте было всего два дома, а ко времени его обследования, т. е. 50 лет спустя, было уже 47 дворов («Жители иранского происхождения все почти родственники между ссбой»)[39]. В 1887—1888 гг. дворов в Чортуте стало уже 57[40].

Под названием Балхион объединялось четыре кишлака — Пустак, Онакки, Галябатыр и Рабат — с населением довольно пестрого этнического состава. По мнению В. Л. Вяткина, на месте Балхиона в эпоху Тимуридов было селение Заафранчи[41]. Современная группа кишлаков Балхион возникла лет 100—150 тому назад. Наиболее старым из них считается Пустак. Судьба его жителей весьма интересна и характерна для этих мест. Они хорошо помнят свое туркменское происхождение: их предки, туркмены рода ёйчи племени салор, жившие на левом берегу Аму-Дарьи[42], были вынуждены, когда их селения засыпало песком, переселиться в низовья Зеравшана, под Бухару, но вскоре из-за начавшейся дороговизны и голода[43] они

[37] А. Д. Гребенкин. Мелкие народности Зеравшанского округа. «Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу политехнической выставки», вып. II, 1872, стр. 112.

[38] Запись сделана в Чортуте 10.V 1961 г. Мардоном Каримовым.

[39] Л. Н. Соболев. Указ. соч., приложение 15, тумень Ангарский, № 8.

[40] «Сборник материалов для статистики Самаркандской области за 1887—1888 гг.», вып. I, стр. 45.

[41] В. Л. Вяткин. Указ. соч., стр. 46.

[42] О туркменах ёйчи см.: Я. Р. Винников. Родоплеменной и этнический состав населения Чарджоуской области Туркменской ССР и его расселение. «Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркм.ССР», т. VI, серия этнографическая. Ашхабад, 1962, стр. 30—31.

[43] По-видимому, это произошло в 1810 г., когда в Бухаре и ее окрестностях наступил

снова пустились на поиски мест, где можно было бы добывать себе пропитание. Направляясь вверх по Зеравшану, они, наконец, поселились в низовьях Даргома. Это предание записано нами от старого колхозника (1879 г. р.) Мангыт-баба Курбанова из Пустак-Кишлака. Его прадед покинул берега Аму-Дарьи и поселился под Бухарой, а дед переселился в низовья Даргома.

Рассматриваемая группа потомков туркмен-ёйчи совершенно утратила туркменские черты в языке и быту (в отличие, например, от туркмен, живущих по каналу Хаузяк близ Джумы, у которых в некоторых семьях представители старшего поколения еще говорят по-туркменски на диалекте приамударьинских туркмен). Поэтому окружающее население считает пустакцев вовсе не туркменами, а бухарцами (*пухори*), да и сами они в общении с соседями называют себя бухарцами. Этим термином местное население обозначает выходцев из Бухарской области (преимущественно из районов Гиждувана, Вабкента и Рометана), причем тех из них, которые по своему происхождению в основном являются таджиками, сменившими свой язык на узбекский (подробнее см. ниже)[44].

Таким образом, на примере этой небольшой группы туркмен, несколько поколений тому назад оторвавшейся от основной массы соплеменников, видно, как происходило постепенное слияние мелких этнических групп с узбеками. С одной стороны, ёйчи не только помнят свое туркменское происхождение, но продолжают поддерживать связи как с сородичами-туркменами левобережья Аму-Дарьи, так и с живущими под Бухарой, а также с туркменами Пастдаргомского района. С другой стороны, это туркменское по происхождению население считается даже среди ближайших соседей узбеками-бухарцами; они заключают браки с бухарцами селений Пухари-кишлак и Сарай, которые вовсе не туркменского и даже не узбекского, а таджикского происхождения.

В кишлаке Онакки, входящем в группу кишлаков Балхион, жители по происхождению узбеки-мангыты рода карабаир, выходцы из местности Корук-Онакки[45]. Первым сюда пришел некий Пирматбай. Здесь у него родились три сына, которые со

страшный голод (А. Мухтаров. К истории народных движений в Бухарском ханстве в первой четверти XIX в. «Известия Отделения общественных наук Тадж.ССР». Душанбе, 1963, № 1/32, стр. 35).

[44] В дальнейшем термин «бухарцы» мы будем употреблять именно в этом смысле. До недавних пор местные узбеки бухарцев, как и всех представителей искони оседлого населения, называли таджиками, что нашло отражение и в материалах переписи 1920 года. («Материалы Всероссийских переписей 1920 года. Перепись населения в Туркестанской республике», ч. I, вып. V, стр. 42) и в вышеуказанных статьях А. Д. Гребенкина «Таджики» и «Узбеки».

[45] *Онакки* (букв.— «двенадцать») — название одного из родовых подразделений узбеков-мангытов. Еще один кишлак под этим названием имеется на юго-западе от Балхиона, на левом берегу Даргома.

временем купили землю, перевезли сюда бедных родственников из Карши и заставили их работать на своей земле, обещая женить. Потомками всех этих людей и являются жители кишлака Онакки. Со времени его возникновения не прошло и ста лет.

Об основании кишлаков Галябатыр и Рабат из группы Балхион нами записано от учителя-пенсионера Досмурада Баймурадова следующее предание. Лет 120—150 тому назад здешние земли были отданы бухарским эмиром в обеленный от налогов мильк за какие-то заслуги узбеку из рода ак-мангыт Эрназару по прозвищу Шалдир. Наряду с землей он получил и наследственный титул бека. Поэтому его потомство именовалось беками — *беглар*. Эрназар Шалдир окружил свою обширную усадьбу высокой глинобитной оградой. Такая укрепленная усадьба называлась *рабатом,* поэтому и кишлак, выросший вокруг усадьбы, стал называться Рабатом. Потомство Эрназара и его сородичей, а также его рабов образовало население кишлаков Рабат и Галябатыр [46].

Из магистрального канала Димишк, помимо описанных двух ответвлений, выходило еще одно — Мианкау или Кутарма, орошавшее земли кишлаков Мианкау, Балталы, Урта и Баят. В конце XIX в. здесь образовался еще один небольшой кишлак Джуйнау. Эта группа кишлаков была известна под общим названием Мианкау. Население ее также было неоднородным по этническому составу. Жители самого кишлака Мианкау принадлежали к найманскому роду джиланлы и были выходцами из кишлака, расположенного к юго-востоку от Самарканда.

Кишлак Баят был основан двумя братьями туркменами племени баят из местности Кайи-баят в районе Каракуля [47]. Они пришли сюда в поисках заработка, были издольщиками и работниками у баев, а потом купили землю, женились и остались жить здесь. Старший из братьев умер в 1917 г. в возрасте 64 лет; стало быть, Баят возник немногим менее 100 лет тому назад; население его состояло главным образом из потомков его основателей [48]. Кишлаки Джуйнау и Урта были основаны бухарцами.

Земли по магистральному каналу Ертешар освоило население не менее пестрое по этническому составу, чем по каналу Димишк. Наряду с бухарцами, мангытами, юзами и кипчаками здесь жили и узбекоязычные арабы. Освоение земель по этому каналу шло, по-видимому, также с низовьев. Кишлак Ертешар

[46] По сведениям А. Д. Гребенкина, галябатыр (букв. «группа богатырей») — название одного из 17 родоплеменных групп мангытов, живших около Самарканда («Узбеки», стр. 87).

[47] О баятах Каракульского оазиса см.: «Материалы по районированию Средней Азии», ч. I, кн. I, стр. 224.

[48] Этот рассказ записан нами от Гаибова Худайкула (1901 г. р.), внука старшего из названных выше братьев (полевая запись 17.V 1961 г.).

был населен узбеками рода туяклы племени юз. Он считается наиболее старым среди кишлаков по каналу Ертешар.

По каналу Уклян, выведенному из Ертешара в его низовьях, располагались несколько кипчакских селений: Уклян, Туртхукуз, Янги, Малакай, Синчи.

Несколько выше Укляна был выведен из Ертешара канал Чархин, воды которого орошали земли пяти кишлаков: Юкари-Чархин, Орта-Чархин, Этак-Чархин, Байгунда-Чархин и Лолазор. Все они, за исключением первого, были населены узбеками-мангытами, пришедшими сюда из разных местностей. Кишлак Лолазор перестал существовать задолго до революции. В 1912—1913 гг. перестал существовать Байгунда-Чархин. Жители его — мангыты рода байгунда — были выходцами из одноименного кишлака низовьев Кашкадарьи. Население ныне существующих кишлаков Этак-Чархин и Орта-Чархин было одного происхождения — это мангыты из кишлаков Нукуз, Баурдак и Больмас также низовьев Кашкадарьи, переселившиеся на Даргом в конце 1840-х годов. Юкари Чархин был основан бухарцами (среди них были и ходжа — мнимые потомки сподвижников пророка Мухаммеда), выходцами из района не то Гиждувана, не то Ромитана, поселившимися здесь менее ста лет тому назад [49].

Следующий отводной канал по Ертешару — Гулякандоз, чаще называемый узбеками Валякандозом. Согласно преданию, записанному от учителя-пенсионера Абдухамита Тагаева (1899 г. р.), этот арык был восстановлен лет сто тому назад двумя арабами, Яркулом и Курбанали, которых современники прозвали богатырями *ботирлар*.

Как рассказывали нам уроженцы селения Арабхана, пятидесятилетний Кучкар Тураев и его ровесник Аман Абдиев, лет двести тому назад арабы были овцеводами-кочевниками. Их кочевья тянулись от Самарканда на запад до самой Аму-Дарьи и на юго-запад до низовьев Кашкадарьи [50]. В период запустения Зеравшанской долины в 1720-х годах здешние арабы (во всяком случае, часть их) откочевали в Кашкадарьинскую долину, но вернулись, когда с середины XVIII в. постепенно начала восстанавливаться в Зеравшанской долине спокойная жизнь.

Представители трех арабских родов — искандари, бахшивои и зангивои — сначала поселились у самого города Самарканда, тогда еще занимавшего небольшую территорию, и пасли свои стада в его окрестностях. Когда город стал разрастать-

[49] Этот рассказ нашего информатора Бабаджана Каландарова подтверждается сведениями Л. Н. Соболева, который на 1871—1872 гг. в Чархине отмечает только мангытов. Бухарцы поселились, видимо, здесь уже после обследования Л. Н. Соболева (Л. Н. Соболев. Указ. соч., приложение 15, тумень Ангарский, № 14).

[50] О среднеазиатских арабах см.: «Народы Средней Азии и Казахстана», II, стр. 582—596.

ся, они снова стали кочевать по степи в низовьях Даргома. Постепенно они осваивали земли по каналам Гулякандоз и Тарарык, выведенным из Даргома. Представители рода искандари, большинство из рода бахшивои и часть зангивои осели на Тарарыке. На Гулякандозе осела (разбросанно, небольшими группами) часть родов бахшивои и зангивои, образовав несколько кишлаков (Зангивои, Бахшивои, Рабат, Дунг, Соякайт и др.). Все эти кишлаки были известны как Гулякандоз (Валякандоз) [51].

Позднее в низовьях арыка Гулякандоз возник небольшой узбекский кишлак Кальходжа. Он упомянут в списке Л. Н. Соболева («Жители ходжа, считающие себя потомками Магомета») и состоял тогда всего из четырех дворов [52]. Как рассказывал нам житель этого кишлака Саидалихан Ганаходжаев (1888 г. р.), основателем кишлака Кальходжа был его дед Исматходжа, выходец из селения Казакон близ Ромитана. С жителями Казакона до сих пор поддерживаются родственные связи.

Из магистрального канала Ертешар был выведен еще арык Сарай. Он был прорыт уже в 1880-х годах, поэтому названий кишлаков, основанных вдоль этого арыка, нет в списке Л. Н. Соболева. В низовьях арыка Сарай располагалось маленькое селение Чала-Кишлак. В нем было по нескольку дворов узбеков-найманов, афганцев и таджиков (последние, по-видимому, были из Самарканда). В двух других селениях, Пухари-Кишлак и Сарай-Кишлак, жили бухарцы. Они были выходцами из районов Ромитана, Вабкента и Гиждувана, преимущественно из тех селений, которые в 1870—1880-х годах были засыпаны подвижными песками [53].

Приведем рассказ одной из старейших жительниц Пухари-Кишлака Саодат Джураевой (1875 г. р.):

«Мой прадед, Нарбай Карванбаши, жил в кишлаке Шурчи в районе Ромитана. Он водил караваны в Бухару, Хорезм и Самарканд. У него было трое сыновей и дочь. Сыновья со временем тоже стали водить караваны. Однажды, когда один из сыновей с караваном был в Бухаре, другой — в Самарканде, а третий — в Хорезме, наступили такие беспокойные времена, что каждый, где был с караваном, там и остался жить. Мой дед остался в Самарканде и купил поначалу один танап [54] земли по арыку Гулякандоз. Семья его еще оставалась на родине. Но когда наш кишлак засыпало песком, вся семья переехала к нему под Самарканд. Тогда только что появился поезд и мы, помню, ехали по железной дороге [55]. У деда земля была засеяна пшеницей, никаких садов и виноградников еще не было. Наша семья занималась ткачеством (ткали бязь и калами — грубую бумажную ткань); первые же куски ткани продали на базаре, а на вырученные деньги приобрели саженцы плодовых деревьев — абрикосовых, тутовых, яблонь и черешни. Саженцы же виноградной лозы привезли из родного кишлака.

Вся семья работала, не покладая рук, получала по два урожая в год и постепенно прикупала понемногу землю — по 1—3 танапа, и стало у нас 31 танап. Семья была большая, так что излишков не было. Так здесь и обосновались. Однако с родственниками, оставшимися в Ромитане, поддерживали связь.

Какого мы рода — не знаю. Отец моей матери был ходжа. В кишлаке Шурчи, в Ромитане, все знали два языка, узбекский и таджикский. В нашей семье говорили по-узбекски. Правда, я помню, что мой прадед говорил с нами, с детьми, по-таджикски.

Около нас поселилось еще несколько семей бухарцев и образовался кишлак. Его стали называть Пухари-Кишлаком. Невдалеке проходила большая дорога в Карши. У дороги известный богач из бухарцев Абдурасульбай построил караван-сарай и мечеть и выросшее здесь селение стало называться Сарай-Кишлаком. Оно постепенно расширилось за счет выходцев из Самарканда — мясников, мурдашуев (обмывателей умерших), парикмахеров и т. д. Эти люди селились не смешанно с бухарцами, а через дорогу» [56].

Западная граница земель, орошаемых водами системы Ертешара, проходит по Таллигуляну — одному из двух ответвлений Даргома, а далее от него на запад располагается система магистрального канала Тарарык. На ответвлениях Тарарыка осело также разноплеменное население. Кроме арабов, родов зангивои, бахшивои и искандари, образовавших на Тарарыке ряд селений, известных под общим названием Арабхана, в двух кишлаках здесь были узбеки-найманы.

Такая же перемешанность различных этнических групп наблюдалась по всей системе Даргома: мангыты, найманы и туркмены (других родовых подразделений, чем указанные выше), здесь же были и кипчаки, хитаи и сараи. Было и несколько казахских кишлаков.

[51] Полевая запись 1.VII 1959 г.

[52] Л. Н. Соболев. Указ. соч., приложение 15, тумень Ангарский, № 23.

[53] Это событие весьма образно описано в мемуарах Садриддина Айни (Садриддин Айни. Воспоминания. Перевод с таджикского А. Розенфельд. М.— Л., 1960 г., стр. 32—42).

[54] Один танап в Самаркандском уезде равнялся 1/4 десятины.

[55] Железнодорожное сообщение до Самарканда было открыто в 1888 г. (З. К. Ахмеджанова. К истории строительства железных дорог в Средней Азии. Ташкент, 1965, стр. 42).

[56] Полевая запись 20.XI 1962 г. Ныне Сарай-Кишлак и Пухари-Кишлак являются частью поселка Чархин. Интересно заметить, что среди таджиков и узбеков в прошлом некоторые профессии, в частности омывальщики трупов, парикмахеры, мясники, считались низкими, презренными и люди этих профессий, особенно омывальщики трупов, селились изолированно (Г. П. Снесарев. Работа узбекского этнографического отряда Хорезмской экспедиции в 1954 году. «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», вып. 26. М., 1957, стр. 135).

Степная и предгорная часть нынешнего Пастдаргомского района, расположенная к югу от Даргома, имела также довольно пестрое в этническом отношении население, которое в большинстве своем появилось здесь в конце XVIII — начале XIX в., т. е. несколько ранее населения орошаемой части низовьев Даргома. Однако этническая пестрота здесь была не так велика, как в оазисной части (не бóльшая, чем во многих других районах Зеравшанской долины).

Большинство селений располагалось по долинам горных рек или в устье долин. Если идти вдоль северного склона хребта, отделяющего Самаркандский оазис от Шахрисябзского, с востока на запад, то в первой долине Агалык жили таджики и тюрки (барласы): два нижних селения были таджикскими, а кишлаки Верхний Агалык и Акбуйра — тюркскими.

В следующей долине располагался таджикский кишлак Миранкуль [57]. Далее шли пять узбекских кишлаков: Тепакул, Игригулча и Сазаган, населенные найманами рода украч, Табабулак и Игригул — юзами. Затем снова был таджикский кишлак — Аксай. Больше таджикских кишлаков в горной и предгорной зонах Пастдаргомского района не было.

Интересно отметить, что жители указанных таджикских кишлаков не были исконными насельниками Зеравшанской долины, а выходцами из Каратегина (долина среднего течения реки Сурхоба-Вахша) и Матчи (местность в верховьях Зеравшана), поселившимися здесь только в начале XIX в.

Насколько непрочным было положение населения в период бесконечных феодальных войн, как приходилось скитаться в поисках спокойных мест, говорит рассказ мулла Наби Салиева (1879 г. р.) из кишлака Аксай. Его предкам, каратегинцам, прежде чем обосноваться в небольшом ущелье самаркандских гор, пришлось проделать длинный путь. Сначала они поселились на юге Ферганской долины, куда пришли, перевалив Алайский хребет. По словам мулла Наби Салиева, такие кишлаки предгорий северного склона Алайского хребта, как Аим-Кишлак (Катта-Таджик), Карчигай-Таджик (Кичкина-Таджик), Кафтархана, Лагур, Кзылкыя и Шахимардан заселены выходцами из Каратегина [58]. Прадед нашего информатора жил в Аим-Кишлаке, а в период присоединения Средней Азии к России переселился сюда, в Аксай [59].

[57] Перечисленные селения ныне относятся к Самаркандскому сельскому району.

[58] О переселении каратегинских таджиков в Фергану см.: Н. А. Кисляков. Таджики долины Соха. «Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвященный 80-летию со дня рождения А. А. Семенова». «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Тадж.ССР», т. XVII, стр. 112—114.

[59] Л. Н. Соболев писал, что таджики кишлака Аксай, «пришедшие из Когистана (горной страны около Гисара и Каратегина), поселились здесь около 70 лет тому назад» (Указ. соч., приложение 15, № 73). Это значит, что каратегинцы поселились в Аксае лет за

Группа стариков-информаторов (фото Г. П. Снесарева)

Таджики из Матчи, по словам жителя Аксая мулла Шомирзо Саидова (1877 г. р.), пришли лет 120 тому назад. Таким образом, таджики Аксая делились, согласно своему происхождению, на две группы *кабиля* (қабила): кулəбй и масчой [60].

В следующей после Аксая долине располагались два кишлака Джингичка (Ингичка): в верхнем жили узбеки-сарай, а в нижнем найманы рода бурунсау. Водой этого сая пользовались жители лежащих ниже кишлаков Бурунсау и Сагизул, населенных одноименными родами найманов.

На запад от верхнего кишлака Джингичка в горах был небольшой кишлак Тамчибулак, населенный юзами. Далее шли снова кишлаки сараев: Сарыкул, Анджирли, Джам, Курусай и Чонкаймыш. В Чонкаймыше, помимо сараев, жили ходжа и юзы (последние в Верхнем Чонкаймыше). Ходжа составляли население кишлака Аназиарати, а в кишлаке Бешбармак они жили вместе с юзами. Почти у самого гребня хребта располагался кишлак Юргабулак, населенный узбеками чуют. К югу от Са-

60 до присоединения к России. Надо думать, что прадед нашего информатора не был первым каратегинцем в Аксае, а переехал к своим родственникам или землякам, ранее обосновавшимся здесь.

[60] В долине Зеравшана, по словам Мулла Наби Салиева, в прошлом под Кулябом понимали не только собственно Куляб (бассейны Кзылсу и Обиниоу, правых притоков Пянджа), но и Каратегин. Согласно материалам О. А. Сухаревой, в г. Бухаре кулябцами называли выходцев со всего Горного Таджикистана (О. А. Сухарева. К истории городов Бухарского ханства (историко-этнографические очерки). Ташкент, 1958, стр. 79).

рыкула располагались снова найманские кишлаки Аджирим, Байбича и Гумбаз-Кишлак, населенные родом бурунсау. И, наконец, на самом западе изучаемого района был еще один найманский кишлак Ибраимата, жители которого относились к уже упомянутому роду украч.

Узбеки рода украч-найман считали себя выходцами из Калы (стр. 27), где до сих пор живут их родственники, с которыми они постоянно общаются. На это указывал и Л. Н. Соболев.

Придаргомскую степь и северный склон хребта, окаймляющий эту степь с юга, найманы стали заселять, начиная с последней четверти XVIII в.[61]

Узбеки-сараи, согласно Л. Н. Соболеву, пришли сюда, перевалив хребет, из долины Кашкадарьи и тоже в конце XVIII в.

Юзы (в местном произношении джуз) рода хитайюзи переселились в эти края из далекого Хисара, из-под Денау, лет 200 тому назад и давно утеряли связь с оставшимися там соплеменниками, а с юзами правобережья Зеравшана связи не установили.

Чуюты — одно из подразделений племени кенегес — перекочевали с южного склона на северный в 70-х годах XVIII в.

Ходжа обычно жили в кишлаках, расположенных вблизи мест поклонения, связанных с именами различных «святых». Так, согласно преданию, на кладбище кишлака Чонкаймыш были погребены дети поэта-мистика Суфи Аллаяра (умер в 1724 г.) — Мухаммад-Сиддик и Биби-Айша[62].

Как показывают приведенные материалы, последний этап заселения района Нижнего Даргома происходил в основном в течение XIX в. Поселенцами на заново осваиваемых землях были выходцы из разных местностей, преимущественно из маловодных районов, расположенных в низовьях Зеравшана и Кашкадарьи, а также на Средней Аму-Дарье. Среди поселенцев преобладали полукочевые в прошлом группы: узбеки, туркмены и арабы. Кроме того, поселились здесь в небольшом числе и представители искони оседлого населения: таджики, ирани, узбеки-ходжа.

* * *

Присоединение Средней Азии к России оказало влияние на этнический состав населения Среднезеравшанской долины — постепенно сюда стали переселяться выходцы из других областей

[61] Л. Н. Соболев. Указ. соч., приложение 15, стр. 61—79.

[62] Местом погребения самого поэта (он был из рода утарчи узбекского племени хитай) считается кишлак Вахшивор, расположенный в горах к западу от Денау, на Сурхандарье (полевые записи 30.VI 1955 г., кишлак Катта-Вахшивор и 27.V 1960 г., кишлак Чонкаймыш). По сведениям Л. Н. Соболева, Суфи Аллаяр около Чонкаймыша имел землю, которую он купил у узбеков-катаганов при Субханкули-хане (1680—1702 гг.).

Российской империи. Наиболее ранними среди них были русские. Русское население появляется здесь со времени присоединения Самаркандской области к России[63]. По данным Первой Всероссийской переписи 1897 г., в Самаркандском, Джизакском и Каттакурганском уездах русских было 11 584 человека, из них 10 207 великорусов, 1247 украинцев, 130 белорусов[64]. Из общего их числа (11 584 человека) только 1703 человека жили в сельской местности, а остальные — в городе Самарканде[65].

На современной территории Самаркандской области первый русский поселок был основан в 1899 г. в Каттакурганском уезде. Это поселок Федоровский (ныне Нариманова). Позднее были основаны еще два поселка: Вальневские хутора и Михайловское — вблизи Самарканда[66]. По переписи 1920 г. во всех трех поселках насчитывалось 511 человек[67]. В городах в то время было уже значительное число русского населения: в Самарканде — 27 138 человек (33% всего населения города Самарканда) и в Каттакургане — 1700 (13% населения этого города). Малочисленность русского населения в сельских местностях Самаркандской области по сравнению с северо-восточными областями Средней Азии и Казахстана объяснялась тем, что здесь все удобные орошенные земли были заняты местным населением и поэтому переселенческое движение дореволюционной России ее почти не коснулось[68].

Среди давних (со времени присоединения к России) переселенцев в Среднезеравшанской долине можно еще назвать армян, европейских евреев, поляков, татар, немцев и др. Из перечисленных народов наибольшее число составляли армяне; они особо выделены в материалах Всероссийских переписей 1920 г.; остальные же включены в число прочих. Согласно этой переписи, в Самаркандском, Каттакурганском и Джизакском уездах

[63] В мае 1868 г. в составе Туркестанского генерал-губернаторства был создан Зеравшанский округ с городами Самарканд (центр), Каттакурган, Джизак, Ходжент и Уратюбе. Над остальной частью Бухарского ханства был установлен протекторат царской России.

В 1887 г. Зеравшанский округ был преобразован в Самаркандскую область. Область делилась на уезды — Самаркандский, Каттакурганский, Джизакский, Ходжентский; уезды делились на волости (на территории Пастдаргомского района было три волости — Ангарская, Чашмаобская и Даульская), волости — на сельские общества.

[64] Противопоставляя местному населению, многие белорусы и украинцы называли себя «российскими» или «русскими», поэтому в дореволюционных материалах под русскими нередко подразумевается все восточнославянское население («Народы Средней Азии и Казахстана», II, стр. 663).

[65] «Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г.», т. XXXIII. Самаркандская область. СПб., 1905, стр. 48.

[66] «Материалы Всероссийских переписей 1920 года. Перепись населения в Туркестанской республике», ч. I, вып. V, стр. 11.

[67] Там же.

[68] Там же.

насчитывалось 2549 человек армян; из них только 116 человек жили в сельской местности, а остальные — в городах (2242 — в Самарканде, 145 — в Каттакургане, 42 — в Джизаке) [69]. Представителей прочих национальностей в 1920 г. в упомянутых трех уездах было зарегистрировано всего 4612 человек, из которых 4295 человек были жителями городов [70]. Из 317 человек сельских жителей 271 приходился на Самаркандский уезд [71]. В «Материалах...» отмечено, что наиболее «заметную величину» среди прочих народностей составляли европейские евреи, затем поляки, татары и немцы. Все они жили почти исключительно в Самарканде [72].

Русские и представители перечисленных национальностей селились в особой части Самарканда, называемой, как и в других городах Туркестанского края, «русским», «европейским» или «новым» городом. «Русский город» имел свое особое административное управление, и население его жило довольно обособленно от обитателей «старого» или «туземного» города.

Однако постоянное общение между русскими и местными жителями, естественно, имело место, особенно среди мужской части населения. Постоянные связи русских с местными жителями носили не только экономический характер. Прогрессивные представители русской интеллигенции с живейшим интересом изучали природу края, культуру и быт его населения и прилагали немало усилий, при ограниченных возможностях того времени (недостаток кадров и средств, полное равнодушие царских чиновников к нуждам местного трудового населения и т. д.), для оказания медицинской, просветительской и прочей помощи местному (преимущественно городскому) населению [73].

В Пастдаргомском районе только на железнодорожной станции Джума, где в 1920 г. жило 121 человек, преобладало русское население [74]. Отдельные семьи русских, украинцев и белорусов встречались в хуторах близ некоторых узбекских кишлаков, преимущественно расположенных у города. Русские составляли всего 0,9% населения оазисной зоны изучаемого района (Ангарская и Даульская волости), а в степной и предгорной зонах (Чашмаобская волость) русских вовсе не было; население здесь состояло только из узбеков (89,7%) и таджиков (10,3%). В оазисной зоне тюркоязычное население (узбеки, арабы, ирани и туркмены) также преобладало (86%), таджики составляли 10% [75].

В предисловии указывалось на неравномерное распределение населения по территории изучаемого района. По данным 1920 г., в оазисной зоне, составлявшей около 1/3 всей площади района, жило 83,2% его населения. Плотность по волостям была: в Ангарской 67,3 человек на кв. версту, в Даульской — 51,4 человек, в Чашмаобской — всего 9,8 человек [76].

* * *

Как показывают приведенные выше полевые материалы, в основе расселения лежал родоплеменной или земляческий принцип. Отдельные мелкие родовые подразделения (у узбеков, арабов, туркмен) или выходцы из одной местности (у таджиков, бухарцев, ходжа), поселившись на землях, орошенных одним небольшим каналом, жили довольно замкнуто; они вступали в браки только внутри своей группы, причем преобладали кузенные браки. Диктовалось это не только традициями, но и стремлением сохранить землю среди своих (а среди малоимущих — еще и избежать выплаты калыма путем обмена девушками между семьями). Традиционные прочные связи между родственниками вели к тому, что длительное время продолжали сохраняться общение и браки с родственниками, оставшимися на родине, в отдаленных районах, в то время как связи с неродственным населением кишлаков, расположенных на соседнем канале, были весьма слабыми. Например, жители Пухари-Кишлака общались с родственниками, оставшимися в районе Ромитана, а с жителями кишлаков Чархин и Балхион, расположенных на расстоянии 3—6 км от Пухари, не общались, не вступали в браки, так как они были узбеками-мангытами, а сами пухари-кишлакцы считались таджиками. Интересно, что и мангыты двух указанных соседних кишлаков не вступали между собой в браки, потому что относились к разным родовым подразделениям. По той же причине туркмены Хаузякарыка не вступали в браки с туркменами кишлаков Чандыр и т. д. (как известно, племена и некоторые родоплеменные подразделения узбеков и туркмен были эндогамными).

Если браки между разными родоплеменными группами узбеков иногда и встречались, то браки узбеков с арабами и особенно с ирани и цыганами наблюдались чрезвычайно редко. Когда мы расспрашивали у арабов о старых обычаях узбеков-

[69] «Материалы Всероссийских переписей 1920 года. Перепись населения в Туркестанской республике», ч. I, вып. V, стр. 41.

[70] Некоторые горожане из русских, украинцев, немцев и армян в основном с конца XIX в. стали приобретать земельные участки, разводить на них виноградники и организовывать виноделие. Среди них известные предприниматели Филатов, Пороховский и др.

[71] «Материалы Всероссийских переписей 1920 года. Перепись населения в Туркестанской республике», ч. I, вып. V, стр. 31—32 (табл. 27 и 28).

[72] Там же, стр. 50.

[73] Подробно см.: В. В. Лунин. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Конец XIX — начало XX в. Ташкент, 1962.

[74] «Материалы Всероссийских переписей 1920 года. Перепись населения в Туркестанской республике», ч. I, вып. V, стр. 41.

[75] Там же, стр. 110—113.

[76] Там же, стр. 20.

найманов, то обычно старики отвечали: «Мы мало общались, мечети наши были отдельно, а потому и не знали обычаев друг друга». А жили они на соседних магистральных каналах, расстояние между их кишлаками было нередко всего 2—3 км.

Чаще наблюдались браки узбеков с таджиками; состоятельные узбеки, имевшие торговые связи с таджиками-горожанами, женились на таджичках, однако своих девушек они за неузбеков почти не выдавали. Сазаганцы — узбеки племени найман — нередко женились на таджичках из соседнего Аксая.

В Бухарском ханстве в условиях феодальной раздробленности, а со второй половины XIX в. в Туркестанском крае в условиях национального гнета процесс изживания обособленности отдельных мелких народностей, а также родоплеменных и этнографических групп внутри узбекской народности протекал медленно. Даже в 1926 г. руководитель Комиссии по районированию Средней Азии И. П. Магидович писал: «В некоторых местностях Самаркандской области, не говоря уже о Бухаре, почти отсутствует понятие узбек, а есть ряд мелких племенных названий (кипчак, найман и т. д.). Эти группы настолько обособлены друг от друга и часто настолько враждебны, что очень трудно наладить, по крайней мере в первое время, их совместную работу в пределах одной мелкой административной единицы» [77].

Развитие капиталистических отношений в Туркестанском крае активизировало этнические процессы — началось формирование узбекской буржуазной нации [78]. Однако этот процесс протекал далеко не равномерно по всем областям этого края (Самаркандская область значительно отставала в этом плане от Ферганы и Ташкентской области) и до Великой Октябрьской социалистической революции, как известно, не был завершен.

Современные этнические процессы

В годы Советской власти в процессе консолидации узбекской социалистической нации происходило постепенное изживание обособленности родоплеменных групп внутри узбекского народа. Завершился ли этот сложный процесс среди населения изучаемой территории? За период с 1926 по 1959 г. численность узбеков в Пастдаргомском районе почти удвоилась (см. табл. 1). Это, несомненно, результат не только естественного прироста населения: среди всего узбекского населения Среднезеравшанской

[77] «Материалы по районированию Средней Азии», кн. I, ч. I. Ташкент, 1926, стр. 2.

[78] Подробней см.: М. Г. Вахабов. Формирование узбекской социалистической нации. Ташкент, 1961, стр. 86—236; «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I. М., 1962, стр. 96—103, 179—193.

долины полностью господствует единое национальное самосознание и самоназвание. Развитие материальной и духовной культуры идет по пути преодоления былых локальных и родоплеменных различий и все большего распространения общеузбекских форм.

Однако нельзя представлять себе этот процесс в упрощенном виде: пережитки родоплеменных традиций, которые постоянно усложняли осуществление революционных преобразований экономики, культуры и быта и которые удалось преодолеть только благодаря коллективизации сельского хозяйства, в наши дни в сфере хозяйственной деятельности и производственных отношений почти не проявляются, но в сфере семейных отношений они еще дают о себе знать. Так, среди старшего поколения наблюдается стремление соблюдать традицию браков внутри своей группы. Традиционное предпочтение кузенных браков у местного населения способствует сохранности относительной эндогамности отдельных групп. Укрупнение колхозов и строительство больших колхозных поселков, объединивших жителей нескольких кишлаков, создали ныне благоприятные условия для окончательного преодоления пережитков эндогамности. Память о прежних родоплеменных связях бытует среди старшего поколения еще в форме обязательного извещения сородичей о похоронах и поминках, а также приглашения на празднество, устраиваемое по случаю обряда обрезания или свадьбы. Однако в наши дни даже в сфере семейных отношений вне всякого сомнения связи внутри производственного коллектива (колхоза, совхоза и даже района) намного прочнее отмирающих связей между сородичами, и эти связи внутри производственного коллектива оказывают огромное воздействие на развитие семьи и духовного облика узбекского крестьянства. Недаром здесь в ходу пословица: «Туғишгандан ҳам тутишкан зўр» в значении «Дружба сильнее родства».

В развитии языка узбекского населения Нижнего Даргома наблюдаются те же процессы, что и в других районах Самаркандской области и всего Узбекистана: постепенное отмирание диалектов и переход всего населения на литературный язык [79]. Это особенно заметно при сравнении языка разных поколений: старшее поколение еще сохраняет в разговоре особенности данного диалекта; в речи среднего поколения они менее заметны, а в языке молодежи проявляются еще меньше.

Особый интерес представляют современные этнические процессы у других народностей — арабов, цыган и др. Ведущей тенденцией их развития является слияние с узбеками или таджиками.

[79] Х. Данияров. Некоторые лексические особенности бахмальского говора в сравнении с узбекским литературным языком. «Труды Узбекского гос. университета», новая серия, № 66. Самарканд, 1966, стр. 142, 143.

Арабы Пастдаргомского района с полным правом считают себя узбеками. Родным языком их является узбекский, хотя большинство их свободно владеет и таджикским языком. Они поддерживают тесные родственные отношения с хишраускими арабами (кишлака Арабхана Самаркандского сельского района), для которых также характерно двуязычие, но родным является таджикский. Следует, однако, заметить, что арабы, несмотря на далеко зашедший у них процесс слияния с узбеками, все же сохраняют некоторые самобытные черты в быту и среди местного населения до сих пор известны как арабы [80].

Слияние цыган с узбеками и таджиками находится на более начальной стадии: значительная часть их сохраняет свое самосознание, хотя родным языком их издавна является таджикский; браки с представителями других национальностей встречаются среди цыган редко и главным образом среди горожан, продолжают бытовать свои семейные обряды и обычаи. Все это, а также пережитки несколько предвзятого отношения к цыганам со стороны окружающего населения тормозят быстрое сближение и слияние их с узбеками и таджиками. Но этот естественный процесс, начавшийся давно (об этом говорят язык, многие общие черты в материальной и духовной культуре и встречающиеся среди узбеков группы, сохранившие следы своего цыганского происхождения), за последние годы, когда основная масса цыган осела, приобщилась к земледелию и промышленному производству, а также к современной культуре значительно ускорился.

Узбекоязычные ирани Чоргута, как и других присамаркандских селений и города, также постепенно сливаются с узбеками. Однако этот процесс протекает у них значительно медленнее, чем у арабов (так, во время переписи 1959 г. в Пастдаргомском районе более 200 человек назвали себя ирани; см. табл.). Объясняется это, помимо компактности расселения ирани, предпочтения браков внутри своей группы и ряда других причин, также и тем, что они принадлежали к шиитам, а узбеки и таджики — к суннитам. С упадком религиозного сознания у тех и у других этот момент, способствовавший изоляции, все больше теряет свое значение.

Процесс слияния с узбеками протекает с той или иной интенсивностью также и среди таджиков, туркмен, казахов.

В Пастдаргомском районе имеется всего три кишлака только с таджикским населением — Аксай, Таджик и Янги. Еще в нескольких селениях и в Джуме таджики составляют незначительную часть жителей (см. табл. I). Почти во всех кишлаках Чархинского сельского совета, соседних с Самаркандом, имеется по нескольку таджикских семей, нередко смешавшихся с узбеками. Как уже говорилось, через эти семьи у кишлачных узбеков издавна устанавливались путем браков родственные отношения с таджиками-горожанами.

[80] Интересно отметить, что пожилые люди на вопрос об их национальной принадлежности дают иногда следующий характерный ответ: «национальность наша узбекская, сами мы арабы» — «миллатимиз Ўзбек, ўзимиз араб» или называют себя узбекскими арабами — «ўзбек араблари» (полевые записи Р. Я. Рассудовой).

Таблица I

Национальный состав населения Пастдаргомского района
(по данным переписи 1926 и 1959 гг.)

Национальность	1926 г.*		1959 г.	
	в сельских поселениях	процентное отношение ко всему населению района	в сельских поселениях	процентное отношение к сельскому населению
Узбеки	29 800	92,83	54 800	86,03
Таджики	400	1,25	1 500	2,36
Казахи	300	0,94	200	0,31
Туркмены	200	0,62	100	0,16
Ирани	100	0,31	100	0,16
Русские	300	0,94	1 500	2,36
Украинцы	100	0,31	200	0,31
Белорусы	200	0,62	—	—
Татары	100	0,31	2 400	3,77
Прочие	600	1,87	2 900	4,54
Всего	32 100	100,00	63 700	100,00

Национальность	1959 г.			
	в поселке Джуме городского типа	процентное отношение к населению Джумы	всего населения по району	процентное отношение ко всему населению района
Узбеки	1000	16,95	55 800	80,17
Таджики	100	1,70	1 600	2,30
Казахи	—	—	200	0,29
Туркмены	—	—	100	0,14
Ирани	100	1,70	200	0,29
Русские	1400	23,73	2 900	4,17
Украинцы	100	1,70	300	0,44
Белорусы	—	—	—	—
Татары	2100	35,59	4 500	6,46
Прочие	1100	18,63	4 000	5,74
Всего	5900	100,00	69 600	100,00

* В 1926 г. в Пастдаргомском районе городских поселений не было.

У таджиков национальные самосознание и самоназвание довольно ясно выражены, несмотря на их полное двуязычие (все они свободно владеют узбекским языком). В результате частых браков с узбеками двуязычие таджиков принимает разнообразные формы, как это наблюдается и в других областях Узбекистана [81]. Например, родным языком Туракула Джурабаева, уроженца Самарканда (живет в колхозе «Коммунизм»), является таджикский. Две его сестры, пожилые женщины, живут в Самарканде в одном доме. С одной из них он разговаривает по-таджикски, а с другой — по-узбекски (она была замужем за узбеком). Сам Джурабаев женат на узбечке, поэтому в его семье говорят на узбекском языке, но со снохой, таджичкой из Самарканда, он говорит по-таджикски.

Другой пример: у Тураходжа Ходжамурадова (1895 г. р.) (колхоз «Коммунизм») мать была таджичкой, а отец туркменом. Он себя считает узбеком. Женат он на таджичке и с женой говорит по-таджикски; с сыновьями же разговаривает то по-узбекски, то по-таджикски, а со снохами-узбечками — по-узбекски.

В горном узбекском кишлаке Чонкаймыш в конце XIX в. поселилась семья таджиков из Аксая. Теперь в Чонкаймыше пять семей таджиков из Аксая, но они и дома говорят уже по-узбекски, поэтому и невестка в одной из семей, недавно переехавшая из Аксая, разговаривает по-узбекски. Интересно заметить, что таджики Аксая в письмах пользуются узбекским языком, хотя учатся они в школе по-таджикски.

Большинство туркмен Пастдаргомского района в настоящее время официально считает себя узбеками; родным языком молодого поколения их является узбекский, однако, как было сказано выше, они не только знают о своем туркменском происхождении, но помнят название родоплеменной группы, к которой относились их предки. Обычно они поддерживают связи с оставшимися на родине родственниками, заключают с ними браки. Встречаются и такие группы туркмен, которые уже утеряли связь с той местностью, откуда выселились их предки. Относительно быстрая утрата туркменами своего родного языка объясняется отчасти тем, что они в основном являются выходцами из Хорезма, и особенно из окрестностей Чарджоу, где туркмены не только живут уже длительное время смешанно с узбеками [82], но среди них есть немало групп, имеющих в своем происхождении общие корни с узбеками.

Уменьшение численности казахов по сравнению с 1926 г. также объясняется слиянием их с узбеками.

[81] В. С. Расторгуева, Ч. Х. Бакаев, М. И. Исаев, А. А. Керимова, Л. А. Пирейко. Типы двуязычия у иранских народов Советского Союза. Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М., 1964.

[82] Я. Р. Винников. Родоплеменной и этнический состав населения Чарджоуской области Туркменской ССР и его расселение (карта).

Процесс постепенного сближения и частичного слияния рассмотренных малочисленных национальных групп с преобладающим населением — узбеками — неизбежный и естественный. Протекает он безболезненно, без какого-либо вмешательства со стороны официальных учреждений. Достоверность этого подтверждается на примере организации народного образования. В Самаркандской области всюду, где имеется значительное по численности таджикское население, есть школы, в которых преподавание ведется на таджикском языке. В Пастдаргомском районе имеется такая школа в таджикском кишлаке Аксай (жителей по переписи 1959 г. 658 человек). При филологическом факультете Самаркандского университета со дня его основания функционирует кафедра таджикского языка и литературы.

Сближаясь и отчасти сливаясь с узбеками, все эти народы в свою очередь оказывали и оказывают большое влияние на развитие узбекской культуры, обогащают ее, внося свои лучшие достижения. Так, арабы всегда славились как знатоки лошадей, объездчики и искусные наездники; широко известны добротные арабские паласы; цыгане славились и славятся как музыканты и певцы; ирани — своим шелководством и шелкоткачеством; туркмены — уменьем возводить великолепные орнаментированные пахсовые стены; широко известно мастерство таджиков в земледелии, ремесле и торговле, а таджикских женщин — в рукоделии. Все эти достижения народной культуры, многовековый опыт и традиционные навыки находят широкое применение в современном хозяйстве и быту и становятся достоянием всего населения.

Интересные процессы сближения происходят в наши дни между местным населением и выходцами из России.

Как видно из табл. I, численность русских в изучаемом районе за период с 1926 до 1959 г. возросла более чем в 9,5 раз — с 300 до 2900 человек [83]. Приток русского населения за годы Советской власти — это, как всюду в Средней Азии, результат развития здесь промышленности, строительства электростанций и ирригационных сооружений, механизации сельского хозяйства и культурного строительства. Инженеры и техники разных специальностей — ирригаторы, строители, электрики, связисты и т. д., квалифицированные рабочие, специалисты сельского хозяйства, преподаватели высших и средних специальных учебных заведений, врачи еще в предвоенные годы были преимущественно из русских, что объяснялось нехваткой местных кадров.

[83] Уменьшение в 1959 г. численности украинцев и белорусов, нам думается, объясняется слиянием их с русскими. Об этом процессе свидетельствует тот факт, что 42,89% украинцев, сельских жителей Самаркандской области, во время переписи 1959 г. своим родным языком называли русский язык. («Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. Узбекская ССР». М., 1962, стр. 152).

В настоящее время в Пастдаргомском районе наибольшее число русского населения приходится на районный центр Джуму (см. табл. I). Преобладает русское население в ряде кишлаков двух сельсоветов: Арабханинского (Карагуппа 1-й и 2-й, Куканча, Рават, Синчи и некоторые другие) и Чархинского (поселки 1-го и 2-го отделений садвинсовхоза, ремонтно-тракторной станции, 1-го и 3-го Таллигулян ГЭС, станции Улугбек и других поселков). В двух селениях Балаташского сельсовета (поселок 4-го отделения садвинсовхоза и кишлак Балтали 2-й) узбеков и русских насчитывается поровну.

Значительной по численности национальностью изучаемого района являются татары (см. табл. I). Наибольшее число татар сосредоточено в районном центре: в Джуме они составляют 35,59% жителей. Их много еще в поселках Чархин (бывшем районном центре) и племсовхозе № 1. По переписи 1897 г. в Самаркандском уезде было зарегистрировано 245 татар, из них 165 — в Самарканде, а остальные — в сельской местности. По переписи 1920 г. во всей Самаркандской области (считая Ходжентский уезд) было всего 755 татар (по уездам они включены в число прочих) [84]. Таким образом, рост численности татар в дореволюционный период происходил медленно. Совсем другую картину видим в советское время: за период с 1926 по 1959 гг. в Пастдаргомском районе, например, численность татар возросла в 45 раз. Объясняется это в основном тем, что в Средней Азии в 1920-е и 1930-е годы огромный спрос на грамотных людей не мог быть полностью удовлетворен местными кадрами. Татары, язык которых близок к узбекскому, в то время повсеместно работали в учреждениях в качестве секретарей, счетных работников и в школах в качестве учителей.

В те годы в кишлаках почти не было людей, знающих русский язык, а вновь прибывшим русским специалистам, партийным и советским работникам требовалось некоторое время для овладения узбекским языком. Поэтому в учреждениях и на предприятиях имелись штатные переводчики, которыми, как правило, были татары. Работу среди женщин в те годы проводили только женщины, среди которых было немало татарок [85]. В числе партийных и комсомольских работников, присылаемых из РСФСР в помощь молодым среднеазиатским республикам, наряду с русскими, были и татары. С конца 1930-х годов потребность в специалистах стала постепенно удовлетворяться за счет местных кадров. Приток русских и татар значительно сократился.

[84] «Материалы Всероссийских переписей 1920 года. Перепись населения в Туркестанской республике», ч. I, вып. V, стр. 29.

[85] Большую помощь татарок в начальный период женотдельской работы отмечает в своих воспоминаниях Б. Бендецкая, первая заведующая женотделом ЦК Компартии Туркестана (Над ичкари взошло солнце. «Нева», 1957, № 9, стр. 131, 132).

За период с 1926 по 1959 гг. (см. табл. I) в Пастдаргомском районе численность других национальностей возросла в два раза [86]. В их число входят азербайджанцы, армяне, мордва, башкиры и др. Они расселены преимущественно в совхозах, а также в Джуме и Чархине. Среди них много квалифицированных рабочих.

В многонациональном населении Нижнего Даргома одним из поздних этнических компонентов являются корейцы [87]. Они поселились здесь в 1930-х годах. Среди корейцев Нижнего Даргома значительную часть составляют семьи рабочих и служащих. Главы и члены этих семей заняты на промышленных предприятиях, в совхозах, в советских и партийных учреждениях. Немало среди корейцев представителей сельской интеллигенции (учителей, врачей, агрономов, инженеров), людей со средним и специальным техническим образованием (механиков, бухгалтеров, слесарей, шоферов).

Для русских, татар, корейцев, армян, азербайджанцев и других представителей неместных национальностей характерно устойчивое сохранение национального самосознания и самоназвания, а для большинства двуязычие. Жители городов, наряду с родным языком, обычно владеют и русским, а жители сельских местностей — узбекским. Для молодежи характерно активное знание, помимо родного языка, еще русского и узбекского. Это трехъязычие характерно и для таджикской, цыганской и арабской молодежи. Если еще в предвоенные годы в сельской местности мало кто из местных жителей знал русский язык, то в наши дни узбекская сельская молодежь, включая и женщин, говорит по-русски; владеет русским языком мужская часть среднего и отчасти старшего поколения.

В этой связи интересно отметить, что во время переписи 1959 г. в сельских местностях Самаркандской области (отдельно по Пастдаргомскому району у нас сведений не имеется) своим родным языком назвали русский язык: 0,07% узбеков, 0,23% таджиков, 0,09% киргизов, 0,71% казахов, 1,08% азербайджанцев, 3,5% татар, 11,91% евреев, 18,55% корейцев, 27,03% армян [88]. За последние годы в Джуме, Чархине и в поселках совхозов, где наряду с узбекскими школами имеются и русские, среди местного населения растет стремление отдавать своих детей в русскую школу.

[86] Поселок городского типа Суперфосфатный, хотя и находится на территории Пастдаргомского района, но, как отмечалось, подчинен Самаркандскому городскому совету. Поэтому численность его населения не учитывалась в статистике изучаемого района.

[87] Р. Ш. Джарылгасинова. К вопросу о культурном сближении корейцев Узбекской ССР с соседними народами. (Традиционное и новое в хозяйстве и материальной культуре). «Советская этнография», 1966, № 5, стр. 3—14.

[88] «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. Узбекская ССР», стр. 152.

Трудно переоценить значение этого стремления овладеть русским языком, ибо через знание русского языка лежит путь к дальнейшему сближению культур, населяющих Советский Союз народов, к развитию общесоветских черт в их культуре.

В изучаемом районе влияние узбекского языка и культуры на язык и быт неузбекского населения также достаточно велико. Выше говорилось, что для ряда национальных групп узбекский язык является вторым родным языком. В этой связи интересно привести данные из той же переписи 1959 г. Так, среди сельского населения Самаркандской области своим родным языком назвали узбекский язык: 0,34% русских, 0,81% украинцев, 0,3% корейцев, 0,8% армян, 2,09% таджиков, 2,09% евреев, 5,3% киргизов, 5,52% татар, 6,08% азербайджанцев и 6,1% казахов [89]. Кроме того, узбекский язык оказывает значительное влияние на лексику языков неузбекского населения.

В быту русских, татар, корейцев и других, живущих в Пастдаргомском районе, также наблюдается узбекское влияние. Так, в убранстве их жилищ большое место занимают ковры и вышивки. Двор с виноградной лозой перед домом и широкой тахтой под виноградником, с кустами роз вдоль арыка характерен для всего населения изучаемого района.

У каждой хозяйки, какой бы национальности она не была, на кухне среди прочей фабричной утвари обязательно имеются чугунный котел и шумовка местной формы, пиалы разных размеров, большие фарфоровые и фаянсовые чайники для заварки зеленого чая, круглые блюда для плова. Популярны среди всего населния многие узбекские кушанья: лепешки, плов, шурпа.

Многие элементы узбекской национальной одежды (тюбетейка, мягкие сапожки, платье на кокетке, стеганая безрукавка) получили довольно значительное распространение у всего сельского населения.

Свою лепту в развитие современной культуры и быта многонационального населения Пастдаргомского района вносят, помимо узбеков и русских, и другие народы. Так, многие узбеки и представители других национальностей научились мастерству виноделия, а также солению и маринованию овощей у армян; в последние годы население, живущее рядом с корейцами, начинает по корейскому рецепту приготовлять острое овощное блюдо кимчхи и суп с лапшой куксу; узбеки и таджики, хорошо знакомые с корейской отопительной системой кудур, или «теплый пол», иногда просят корейцев построить кудур в их домах; широкое распространение получили некоторые татарские блюда, в частности различные пироги и беляши; кроме того, татары считаются хорошими плотниками и печниками.

[89] «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. Узбекская ССР», стр. 152.

Взаимовлияние культур различных национальностей сказывается и в области духовной культуры. Помимо языка, оно особенно ярко проявляется в музыке. Популярности среди узбекского сельского населения музыки и песен других народов в большей мере способствуют радио, телевидение и кино (см. главу V).

Перечисление бытовых явлений, совершенно новых для этнографического облика местного населения, можно было бы продолжить. Но и сказанного достаточно, чтобы сделать вывод о том, что характерной чертой процесса этнического развития населения Среднезеравшанской долины стало изживание прежней дробности и замкнутости разнообразных этнических групп, завершилось слияние племенных групп узбеков в узбекскую нацию в процессе ее консолидации; продолжаются процессы сближения и слияния с узбеками таких национальностей, как арабы, цыгане, ирани и другие, а также немногочисленных групп туркмен, казахов, киргизов и др. Одной из ведущих тенденций в развитии культуры и быта населения изучаемой области является взаимовлияние и сближение культур различных национальностей.

Конкретные формы проявления этого пути этнического развития неразрывно связаны с социалистическими преобразованиями хозяйственной жизни, быта и духовного облика.

Глава II

ЗАНЯТИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Сельское хозяйство Среднезеравшанской долины в конце XIX — начале XX в.

Основными отраслями хозяйства сельского населения Среднезеравшанской долины издавна являлись земледелие и скотоводство. Соотношение этих двух отраслей, а также направление каждой из них были резко различны в двух основных географических зонах.

В оазисе, орошаемом водами Зеравшана, в середине XIX в., т. е. до присоединения к России, основным направлением земледелия было полеводство. Садоводство, виноградарство и огородничество преобладали в очень немногих районах, главным образом вокруг Самарканда, Каттакургана и других крупных населенных пунктов. Из полевых культур крестьяне больше всего выращивали пшеницу, джугару (сорго), рис, ячмень, просо и кунак (итальянское просо), а также различные бобовые, но меньше, чем зерновые культуры. Общая площадь зерновых и бобовых составляла более половины орошаемых земель. Из других культур наиболее распространенной был местный хлопчатник — *гуза* (ғуза). Однако по сравнению с пшеницей и рисом гуза занимала значительно меньше площади, еще меньше масличные растения — лен-кудряш *зигир* (зиғир), конопля, индау (Eruca Sativa), махсар и сафлор. Из огородных культур больше всего возделывали морковь, репу, лук, тыкву. Большое значение имели посевы люцерны.

Наиболее распространенными плодовыми деревьями были: абрикосовые, персиковые, инжир, яблони, вишни, алычевые и другие, а также тутовые и грецкий орех. Было развито виноградарство с преобладанием столовых сортов, в том числе знаменитых кишмишных.

Существовали резкие различия в направлении земледелия, в частности полеводства, по отдельным районам долины. Так, на о-ве Миankаль и прилегающей к нему с севера и юга прибрежной полосе возделывали в основном рис. Вокруг города Самарканда, по верховьям Даргома, и в районе Ургута большое значение имело выращивание овощей, табака, возделывание люцерны, а также садоводство и виноградарство. К западу от Самарканда, т. е. в низовьях Даргома, высевали больше пшеницу, а в восточных районах области (Булунгур, Яныкурган) — ячмень. На направление земледелия, помимо природных условий (возможность искусственного орошения и др.), немалое влияние оказывали близость крупных центров, плотность населения, пути сообщения и т. д.

Система земледелия обусловливалась в первую очередь возможностями искусственного орошения. В орошаемой зоне существовала паровая многопольно-травопольная система с люцерной и удобрением, а на богаре — паровая и залежная системы полеводства.

Климатические условия Среднезеравшанской долины позволяют получать с одного и того же участка земли по два урожая в год. На орошаемых землях в прошлом крестьяне сначала сеяли пшеницу или ячмень, а после их уборки засевали поле джугарой, просом и некоторыми другими культурами.

В полеводстве применялась система чередования культур, основной целью которой являлось предохранение почвы от истощения. Обычно чередовали следующие культуры: после озимых пшеницы и ячменя сеяли джугару и бобовые — *маш* и фасоль *лобия*, причем нередко джугару и лобия сеяли вперемежку. После озимой пшеницы сеяли и хлопчатник, но только в том случае, если перед пшеницей земля была под паром. После люцерны поле занимали бахчевыми культурами, чаще всего дынями, так как посевы хлопчатника и джугары на такой «сильной» земле сгорали при малейшем недостатке воды. В районах с обилием воды на полях после люцерны сеяли все, что в тот год было нужно или выгодно крестьянину, в том числе хлопчатник и джугару. Однако посевы люцерны среди полевых культур были мало распространены. Обычно люцерне отводили место на летней усадьбе.

В тех случаях, когда нужно было освоить заболоченные земли, восстановить их почву, вначале их засевали рисом, затем джугарой, потом сеяли просо или кунак и, наконец, хлопчатник.

Свои орошаемые земли крестьяне в первую очередь делили на две категории: *ачик* (очиқ) — открытые и *курик* (қўриқ) — огороженные [1], каждая из которых имела еще много разновид-

[1] Курик или курук — огороженное место; по В. В. Радлову,— место, огороженное забором или стеною («Опыт словаря тюркских наречий», т. II. СПб., 1899, стр. 556); в исторических источниках чаще встречается в значении «заповедные ханские пастбища и охотничьи угодья» (Л. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. II. СПб., 1871, стр. 52; И. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв. М.— Л., 1954, стр. 73).

ностей. Земли открытые означали поле[2], на котором крестьяне сеяли зерновые (пшеницу, рис), бобовые и масличные культуры, хлопчатник, овощи (морковь, репу, редьку), а также дыни и арбузы.

Огороженными назывались находившиеся среди полей земли под фруктовым садом *чарбог* (чорбоғ), виноградником *бог, ток* (боғ, ток) и летней усадьбой *хаёт*. Эти земли действительно огораживались глинобитной стеной. В богатых летних усадьбах в понятие хаёт входили, помимо фруктового сада и виноградника, и небольшие рощи каких-либо деревьев (тополя, шелковицы и др.) — *чакалак*, участок под люцерной — *утпоя* (ўтпоя), водоем и жилище. Хаёты середняков включали лишь некоторые из этих видов угодий. Малосостоятельные крестьяне имели только сад или виноградник.

Все крестьяне, независимо от состоятельности, свои поля делили на три клина. Самый большой участок засевали пшеницей, ячменем, просом, кунаком, машем или некоторыми из этих культур. Они требовали мало воды (их поливали 1—2 раза), рано созревали (в конце мая — начале июня) и не нуждались в окучивании. После снятия урожая часть этого клина занимали новыми посевами: джугарой (или реже кукурузой), арбузами и дынями. Второй клин отводили под хлопок. Эти культуры, урожай с которых снимали осенью, необходимо было окучивать, чаще поливать. Третий клин оставляли под паром. Посевы первого клина крестьяне называли белыми *ак* (оқ), второго — зелеными *кук* (кўк), а третий клин, оставленный под паром,— *шудгар* (шудгор). Соотношение клиньев не было одинаковым во всех районах: с приближением к городу и к верховьям магистральных каналов паровой участок сходил почти на нет. Вместо пара посевы сильно удобряли (особенно зеленые — кук), применяли и другое сочетание культур. (В пригородах, например, преобладали огороды и сады, чаще встречались участки, засаженные строительным лесом — тополем). На землях кишлаков, населенных полукочевыми в прошлом узбеками, хозяйство которых отличалось большей экстенсивностью, независимо от расстояния до города, паровой клин был больше, чем в других кишлаках, даже более удаленных от Самарканда.

[2] Население оазисной части Пастдаргомского района полевые посевы называет *дашт*, т. е. степь. Жители предгорной полосы даштом называют только богарные посевы, расположенные действительно в степи. Распространенный в других областях Узбекистана и Таджикистана термин *ляльмикор* (лалмикор) для обозначения посевов под дождь, известен и здесь. Термин же *дала*, которым узбеки Ферганы называют поле на орошаемых землях, в изучаемом районе употребляется лишь для обозначения двора перед домом. Кроме указанных, здесь часто встречается еще более общее по значению слово *ерлар* — земли, подразумевая именно посевы на открытых участках орошаемых земель — в долинных районах и богарные земли — в степных и предгорных районах.

Обработка земли (из альбома Лентовского «Типы и виды г. Самарканда»)

Вопрос о чередовании культур в той или иной системе полеводства XIX в. остается не вполне выясненным. Среди многих причин, влиявших на смену культур, не установлены и не приводятся исследователями того периода самые главные — агротехнические.

Обработка земли заключалась в пахоте деревянным пахотным орудием *омач* (омоч) с чугунным или железным (если почва каменистая) лемехом без отвала, в бороновании с помощью доски *мала* (мола) или доски с железными зубьями — *сихмала* (сихмола), поливе и удобрении. В результате многовекового опыта была выработана сложная система чередования этих операций, меняющихся в различных природных условиях. В Самаркандской области применялся посев вразброс; при этом растения поливали не бороздковым (джуячным) способом[3], а затопляя небольшие участки посевов — *пал* (пол), огражденные невысокими валиками[4]. По всей вероятности, этот способ был

[3] При джуячном способе вода по орошаемому участку растекается по параллельным бороздкам — *джуяк* (жўяк), разбивающим поле на широкие и невысокие грядки (подробнее см.: Н. Н. Ершов, Н. А. Кисляков, Е. П. Пещерева, С. П. Русяйкина. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. XXIV. М.— Л., 1954, стр. 68—80).

[4] Размер палов зависел от рельефа местности. Мелкие палы чаще всего встречались в горных местностях, где они составляли примерно $^1/_{24}$ га; на надпойменных террасах они были средних размеров — $^1/_{12}$ га; наиболее крупные палы, которые, однако, не превышали $^1/_8$ га, делались обычно в пойме реки.

обусловлен недостатком воды. Кроме того, он требовал меньше рабочих рук и тягловой силы.

Существование различных систем обработки земли, разнообразие чередования культур требовали знаний не только свойств растений, но и почвы и возможностей орошения на данный год, т. е. мало или много будет воды в реках, а также многих других вопросов, связанных с земледелием. Все это послужило основанием для высокой оценки специалистами народных земледельческих традиций и трудовых навыков населения орошаемых районов Средней Азии [5].

Вследствие разнообразия возделывавшихся культур сельскохозяйственные работы распределялись довольно равномерно в течение года. С августа начинали подготавливать землю (пахать и поливать) для озимых — пшеницы и ячменя (их сеяли до первого снега). Посев яровых производили в марте, а иногда и раньше. Большинство сортов озимой и яровой пшеницы можно было сеять и ранней весной, и зимой или осенью [6]. Озимые посевы поливали в марте и еще дважды до созревания. В начале июня жали ячмень, а затем — пшеницу. Почти вплоть до уборки хлебов крестьяне были заняты посевами яровых: в марте сеяли джугару и горох *нохат*, в апреле — хлопок, в мае — кунак, просо, рис и другие растения группы кук. В июне — августе крестьяне были заняты поочередными поливами джугары, хлопка и всех тех культур, которые созревали к осени. В сентябре начиналась уборка урожая хлопка, джугары, проса, кунака, риса. Чередование сельскохозяйственных работ в году варьировало в зависимости от направления полеводства, да и всего земледелия в данной местности.

Усиление экономических связей Средней Азии с Россией в период после присоединения постепенно приводило к изменению направления земледелия крестьян. Натуральное в основном хозяйство превращалось в товарное, которое производило продукт на рынок. В полеводческом хозяйстве крестьян переход к товарному производству вызвал изменение состава и соотношения посевов различных полевых культур. Хотя среди полевых культур по-прежнему преобладали зерновые, они уже не имели былого значения в экономике хозяйства. В конце XIX в. посевы зерновых в Самаркандской области сократились на $^1/_3$, а в некоторых районах и на половину. Вследствие этого наблюдался недостаток своего хлеба. Цены на него выросли по сравнению с 1868 г.: пшеницы на 166,6%, ячменя — 186%, джугары — 112,5% [7]. Еще быстрее сокращались посевы риса: за четыре года (1897—1901 гг.) в Самаркандском уезде рисовые поля уменьшились больше чем на $^1/_3$ [8].

Место вытеснявшихся зерновых культур все больше занимал хлопок [9]. Правда, еще в 1896 г. в Самаркандской области на орошаемых землях площадь хлопковых посевов составляла только 6,4% (18 144 дес.) и лишь в некоторых частях она достигала больших размеров (например, в Каттакурганском уезде 18,5%) [10]. В центральной части долины (Самаркандский уезд) хлопок выращивали в 18 волостях из 32. Наибольшие размеры хлопковых посевов были в Западном Мианкале и правобережье р. Акдарьи, затем в волостях бассейна Даргома [11]. Развитие хлопководства шло не только по линии вытеснения зерновых культур, но и по линии замены местного сорта хлопка гузы, по своим качествам не удовлетворявшего требованиям промышленности, одним из видов американского хлопка.

Выращивание хлопка было делом трудоемким. Разделка земли и уход за растениями, состоявшие из девяти основных операций, занимали крестьян с февраля-марта до начала октября. Поэтому для крестьян с их примитивными орудиями и невысокой техникой земледелия, а также при недостаточности воды для орошения, по-видимому, единственным выходом являлось ограничение размеров хлопковых посевов — крестьяне могли уделять хлопчатнику не более $^1/_6$ и нередко $^1/_{10}$ своих земельных угодий. Однако не только трудоемкость возделывания не давала возможности расширять хлопковые посевы. Важное значение имела система смены культур, существовавшая в пределах каждой группы кишлаков, связанных между собой одним общим каналом (см. ниже): вода, отпускавшаяся в определенном и постоянном количестве для каждого канала, обусловливала возделывание определенных культур в определенных пропорциях. Выбор той или иной культуры не в меньшей степени диктовался наличием рабочих рук. Расширение посевов даже

[5] А. Ф. Миддендорф. Очерки Ферганской долины. СПб., 1872; М. И. Бродовский. Заметки о земледелии в Самаркандском районе. «Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу политехнической выставки», вып. II. М., 1872, стр. 233—261.

[6] О качестве зерновых хлебов Самаркандской области см. статьи М. Вирского и П. Косовича в СКСО (вып. VI. Самарканд, 1898).

[7] М. Вирский. Река Зеравшан и ирригационное дело в бассейне ее. СКСО, вып. VII. Самарканд, 1902, стр. 182.

[8] М. Вирский. Статистические сведения по городам и уездам Самаркандской области за 1897 год. СКСО, вып. VI. Самарканд, 1898, табл. II. Статистические сведения; К. М. Афрамович. Рисовые поля и лихорадка. СКСО, вып. VII, стр. 167.

[9] О развитии хлопководства в Средней Азии до революции см.: А. М. Аминов. Экономическое развитие Средней Азии (со второй половины XIX столетия до первой мировой войны). Ташкент, 1959.

[10] М. Вирский. Хлопководство и хлопковая промышленность в Самаркандской области. СКСО, вып. V. Самарканд, 1897, стр. 79.

[11] По данным 1896 г., в Челекской волости хлопок занимал 13,1% общего количества орошаемых земель, в Яныкурганской — 9,2%, в Дюрткульской — 9,4%, по Даргому — от 3,7% (в низовьях) до 8,8% (в верховьях) (М. Вирский. Хлопководство и хлопковая промышленность в Самаркандской области, стр. 80, 81, 87, 88).

гузы, менее трудоемкой и менее прихотливой, чем американский хлопок, нарушало существовавшее в пределах каждой группы кишлаков старое равновесие этих хозяйственных элементов. Это нарушение усиливалось распространением американского хлопка, требовавшего больше воды, ухода, времени и труда, а следовательно, и средств [12]. Тем не менее вследствие высоких рыночных цен хлопок становился наиболее доходной культурой. По расчетам на 1895 г., хлопок по своей доходности даже не в хлопковом районе занимал четвертое место, а в районах, где были более благоприятные условия, он становился в ряд наиболее доходных культур [13]. В тот период с хлопком конкурировали рис, виноград, люцерна и огородные культуры. Общая площадь хлопковых посевов на орошаемых землях области с 1888 г. по 1892 г. увеличилась с 598,5 до 18 365 десятин, за те же годы сбор хлопка вырос с 54 850 до 193 725 пудов [14]. Однако по мнению исследователей хлопководства в Самаркандской области, расширение посевов хлопка встречало непреодолимые в то время препятствия. Главнейшими из них были следующие.

Недостаточность орошаемых земель; она усугублялась тем, что на имеющихся землях невозможно было создавать большие плантации из-за условий ирригации, требовавшей мелкого дробления земли для удобства полива; кроме того, при аренде земли хозяева требовали возврата ее в том состоянии, в каком она была сдана, т. е. со всеми ирригационными сооружениями.

Необеспеченность хозяйств скотом, который являлся единственной тягловой силой при возделывании земли и источником удобрения.

Господствовавшая плодосменная система также ограничивала развитие какой-либо одной культуры. Как бы ни было выгодно возделывание хлопка и убыточны хлебные культуры, крестьяне отводили под них столько земли, сколько считали возможным отвести, не нарушая традиционную систему.

Расширение площадей под хлопком обостряло проблему обеспечения хозяйства рабочей силой, оказавшейся достаточно острой в Самаркандской области вследствие более слабой, чем, например, в Ферганской долине, классовой дифференциации крестьянства в тот период.

[12] Например, в Дюрткульской волости расходы на десятину земли (включая подати, сбор на ирригационные работы), засеянной американским хлопком, составляли в 1894—1895 гг. 57 руб. 68 коп., гузой — 46 руб. 63 коп., пшеницей — 39 руб. 73 коп., машем — 25 руб. 27 коп. (Н. М. Вирский. Опыт исследования экономических и бытовых условий населения Дюрткульской волости Самаркандского уезда. СКСО, вып. III, 1895, стр. 109—111); в Яныкурганской волости возделывание хлопчатника стоило в два раза дороже, чем зерновых. (В. И. Неровецкий. Обзор Яныкурганской волости Самаркандского уезда в экономическом и бытовом отношении. СКСО, вып. V. Самарканд, 1897, стр. 172).

[13] И. М. Слуцкий. Краткий очерк самаркандского виноделия в связи с виноградарством. СКСО, вып. V, стр. 32.

[14] И. М. Слуцкий. Очерки хлопководства в Самаркандской области. СКСО, вып. V, стр. 58, 59.

Садоводство, виноградарство и огородничество в области в целом имели значительное распространение. Даже в самых хлопководческих волостях число хозяйств, имеющих сады и виноградники, было достаточно велико. Так, в Челекской волости 27,1% хозяйств имело сады и виноградники, в Яныкурганской — 25,9%, в Ангарской — 83,2%, Джуйшагринской — 61,7%, Пейшамбинской — 66,8%. Размеры садов, виноградников и огородов в этих волостях, по-видимому, были небольшими, так как они занимали не более 8% всех поливных земель [15]. Однако внутри области сложились районы, в которых садоводство и виноградарство определяли направление сельского хозяйства и имели промышленное значение. К ним относилось верховье Даргома (Джумабазарская и Ходжа-Ахрарская волости), небольшой район к северо-востоку от Самарканда (Махалинская и Сиобская волости). Здесь под сады и виноградники была отведена $^1/_4$, а местами даже $^1/_3$ всех поливных земель, что составляло $^3/_4$ и даже $^4/_5$ всех хозяйств (75—83%) [16]. Земледелие в этих волостях было высокоинтенсивным, в полеводстве преобладали такие товарные культуры, как хлопчатник, рис, люцерна.

Для садов и виноградников отводили высокие сухие места. В области преобладала расстилочная культура винограда со стелющимися лозами — *ток*, являвшаяся наиболее дешевой. Виноградники обычно начинают плодоносить лишь на четвертый год, поэтому местные садоводы в первые три года в промежутках между кустами виноградника сеяли люцерну. Как утверждал И. М. Слуцкий, это рациональное использование земли не замечалось в других областях [17]. Высокая урожайность самаркандских виноградников при незначительных расходах на их выращивание [18] обусловила доходность виноградарства и оно, наряду с хлопком, приобрело важное значение в хозяйстве области. Здесь насчитывалось 24 сорта винограда. Самаркандские сорта винограда по сравнению с европейскими были продуктивнее на 9%; своей сахаристостью превосходили бессарабские, кахетинские и уступали лишь крымским сортам ак-кишмиш [19].

Скотоводство во второй половине XIX в. в оазисной зоне Среднезеравшанской долины являлось лишь подсобным заня-

[15] «Материалы по районированию Туркестана», вып. II. Ташкент, 1924, стр. 30—33, № 31—55, § 16—18.

[16] Там же.

[17] И. М. Слуцкий. Краткий очерк самаркандского виноделия в связи с виноградарством, стр. 33.

[18] При урожае с десятины в 1009 пудов, затраты на подготовку земли составляли 533 руб. (в Крыму — 150—450 пудов, подготовка земли — 1639 руб.). Там же, стр. 30, 31.

[19] Там же, стр. 33—38.

тием [20]; оно было подчинено интересам земледелия. В районах интенсивного земледелия содержание скота представляло большие трудности из-за недостатка пастбищ. После уборки урожая и до самой весны скот пасли по жнивью, подкармливая в холодный период. В марте, после окончания праздника Начала года *Йил баши* (Йил боши) поля как пастбища «закрывались» — скот сгоняли с полей и «привязывали к колышкам». С этого времени группа из нескольких кишлаков для пастьбы коров нанимала пастуха — *подачи* — за пищу и определенное количество пшеницы (иногда заменявшееся деньгами). Из-за недостатка кормов некоторые жители долины на лето отводили своих коров к скотоводам предгорных кишлаков: за выпас коров платили деньгами. Лошадей содержали в конюшнях. Овец пасли обычно дети по берегам каналов, по обочинам дорог и на пустошах. Зажиточные хозяева, если у них не было своих детей, брали к себе в услужение мальчиков из бедняцких семей. Малолетним детям поручали не только пасти овец, но одновременно и охранять посевы от потравы скотом. Платы никакой дети не получали; они работали только за пищу (қоринга ишлайди).

Некоторые богатые земледельцы, владевшие и крупными отарами овец, для пастьбы их нанимали специальных пастухов *чопан* (чўпон), которые на лето уводили отары в горы или в степь, а осенью возвращались в долину на зимовку. (Скотоводы горно-степной зоны в долину не спускались). Несколько богачей из ирани — жителей кишлака Чортута — имели отары каракульских овец; узбеки, арабы и туркмены-чандыры разводили исключительно курдючных овец.

По мере специализации земледелия и особенно с расширением посевов хлопка содержание скота становилось все более трудным. По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., в оазисной зоне на каждые 100 хозяйств приходилось только 47 пар рабочих волов, следовательно, 52,3% хозяйств не имело рабочего скота даже при условии равномерного распределения, в действительности же необеспеченность была значительно выше, так как зажиточные крестьяне имели не одну пару рабочих волов [21]. Большинство хозяйств имело по одной корове (в отдельных волостях на 100 хозяйств приходилось от 63 до 118 коров); количество же овец [22] на одно хозяйство приходилось

[20] Весьма обстоятельному описанию скотоводства Зеравшанской долины посвящена специальная статья одного из знатоков Туркестанского края прошлого века Г. А. Арандаренко «Скотоводство в Зеравшанской долине», включенная в его книгу «Досуги в Туркестане. 1874—1889» (СПб., 1889, стр. 81—142).

[21] «Материалы по районированию Туркестана», вып. II, стр. 30—33; № 11—21, § 30. Данные получены в результате суммирования числа рабочих волов долинных волостей и деления этого количества на два, исходя из того, что одна плужная упряжка состоит из пары волов.

[22] Там же, § 26—33.

в среднем от 1,3 до 4, однако между хозяйствами они были распределены неравномерно. Лошади и ослы использовались в основном как транспортные животные, а также при молотьбе. В бедняцких хозяйствах пахали не только на лошадях, которых имело далеко не каждое хозяйство, но и на ослах.

Численность скота находилась также в тесной связи с направлением земледелия того или иного района. Как отмечалось, в западной части долины, т. е. в низовьях каналов (в том числе и в низовьях Даргома) [23], земледелие имело полеводческое направление с преобладанием зерновых и господством плодосменной системы. Здесь скота было больше. К востоку, к верховьям каналов (Дагбитская, Сиобская, Митанская, Махалинская, Ходжа-Ахрарская волости) земледелие становилось более интенсивным; в нем преобладали садоводство и хлопководство, сочетающиеся с разведением риса, люцерны и других культур; количество скота уменьшалось.

В оазисной зоне количество скота было совершенно недостаточным и для получения удобрения при существовавшей старой системе земледелия: чтобы обеспечить запас удобрения для рационального ведения хозяйства, необходимо было иметь не менее четырех-пяти голов рабочего скота на одну десятину земли. По подсчетам Неровецкого, в Яныкурганской волости, например, нельзя было удобрить более одной четвертой части той земли, которую ежегодно население занимало под полевые культуры [24].

Таким образом, сложилась неразрешимая для старой системы проблема: хлопководство по мере своего развития требовало все больше удобрений, но оно же и ограничивало возможности их получения.

В зоне степи, т. е. на подгорных равнинах и предгорьях, простирающихся к северу и особенно к югу от полосы оазиса, главными занятиями населения было богарное земледелие и скотоводство. Основными культурами, высеваемыми под дождь, были пшеница и ячмень. Поливное земледелие имело здесь небольшое значение. Как отмечалось, источником орошения служили обычно горные речки и родники, водный запас которых был очень небольшим. Значение обоих видов земледелия весьма ярко выражается соотношением различных земель. Здесь на 100 десятин поливных посевов приходилось: в Чашмаобской волости до 1942 десятин богары и в Чимбайской волости — до 29 876 десятин. Следует отметить, что увеличение богарных посевов наблю-

[23] Как и река Зеравшан, вода почти всех каналов, выведенных из него, течет на запад.

[24] В. И. Неровецкий. Обзор Яныкурганской волости Самаркандского уезда в экономическом и бытовом отношении, стр. 169. Речь идет, по-видимому, о той части этой волости, где хлопководство получило большое развитие и где на 100 хозяйств приходилось 476 голов скота («Материалы по районированию Туркестана», стр. 32, 33, № 38, 49).

далось с востока на запад, т. е. по направлению к низовьям Зеравшана и Даргома. Если на богарных землях сеяли почти исключительно зерновые, то на поливных под эти культуры отводили самое большее половину земель. Остальную часть поливных земель занимали садовыми насаждениями; площадь под люцерной, джугарой и кукурузой составляла от 0,1 до 2,2% [25]. В изменении соотношения культур на поливных землях отмечалось то же направление, что и в соотношении различных видов земель, а именно с увеличением богары площади садов и люцерников уменьшались.

Основная масса крестьян богарной зоны, состоявшая преимущественно из полукочевых узбеков, не могла обеспечить себя хлебом. Характерен, например, следующий рассказ 78-летней жительницы кишлака Сазаган о жизни своих сородичей укрчнайманов в дни ее юности: «Кто имел возможность, сеял два пуда, а малоимущие — один пуд. Вот и ели хлеб, исходя из своих возможностей. Больше ели *гуджу* (гӯжа — жидкая похлебка из джугары или пшеницы, заправленная заквашенным молоком или размоченным в воде сыром), а летом — квашеную похлебку *очиткы гуджа* (очитқи гӯжа). Весной же, если хлеба вовсе не оставалось, в кислое молоко крошили стебли одуванчика *какы* (қоқи). Весной еще ели грибы *замбуруг, кузыкарын* (замбуруг, қӯзиқорин); их пекли в золе и жарили в масле» [26].

Скотоводство богарной зоны имело продовольственно-рабочее направление. На каждые 100 хозяйств приходилось от 939 голов скота в Ходжа-Ахрарской волости и до 2306 — в Джамской, т. е. значительно больше, чем в оазисе. Объяснялось это преобладанием мелкого скота над крупным. В то же время рабочего скота, особенно рабочих волов, в богарной зоне было в 2—3 раза меньше, чем в оазисе: здесь всего 20,5% хозяйств имело возможность пахать землю своей упряжкой волов и 54% хозяйств — своими лошадьми; в оазисе эти данные равнялись 47 и 56,7 [27].

Роль скотоводства, в частности разведения курдючных овец, лошадей и верблюдов, в хозяйстве населения богарной зоны возрастала по мере движения на юго-запад — в Даргомской и Джамской степях, где жили, как отмечалось, узбеки-найманы и узбеки-сараи.

У найманов, по словам А. Д. Гребенкина, в начале 1870-х гг. середняки имели по 100 голов мелкого рогатого скота на хозяйство, а самые богатые скотоводы — до 3 тыс. Относительно лошадей А. Д. Гребенкин замечает, что «хотя найманы и не обладают большими табунами и имеют заводы не больше как в 10—

[25] «Материалы по районированию Туркестана», стр. 32, 33, № 56—61, § 3—35.
[26] Полевая запись Б. Х. Кармышевой 25.X 1962 г.
[27] «Материалы по районированию Туркестана», стр. 32, 33, № 56—61, § 3—35.

15 маток, но по качеству своему найманские лошади ценятся весьма высоко и считаются лучшими во всей округе» [28]. Верблюдов, по словам А. Д. Гребенкина, у найманов «более, нежели у туяклов» [29], у последних же «верблюдов у богатых бывает до 30, а у остальных полукочевников от 5 до 10» [30]. О сараях Гребенкин пишет, что у них занятия, одинаковые с найманами. Богатые скотоводы, в частности из найманов, в тот период земледелием не занимались [31].

Скотоводство полукочевых узбеков носило отгонно-пастбищный характер — почти весь скот круглый год содержали на подножном корму на сезонных пастбищах. Периодически подкармливали рабочих волов, баранов-производителей и только отчасти коров. Лишь ездовые кони и бараны, поставленные на откорм, находились на постоянном стойловом содержании.

С ранней весны до наступления лета скот пасли в степи *чуль* (чӯл), а потом угоняли в горы. После уборки хлебов, в середине лета, спускались с гор и до глубокой осени скот снова пасли по степи, а также по стерне убранных хлебов. Небогатые люди на все лето оставляли овец в степи. Зимовки располагались в предгорьях и низкогорьях. Здесь, на солнечных склонах, защищенных от холодных ветров, дующих из степи, почти не держался снег. Если иногда он и лежал неделю-другую, то скот все равно мог свободно тебеневать, т. е. доставать корм из-под снега, расчищая его передними ногами. Таким образом, скот при перегоне с весенних пастбищ на летние и обратно с летних на осенние преодолевал путь всего в несколько десятков километров.

Полный цикл кочевания совершало не все население. Большинство жителей аула перекочевывало в степь весной и особенно в горы в начале лета. В предгорьях оставалась часть семьи для ухода за посевами, а также бедняки, не имевшие скота. В этот период на пастбищах женщины начинали доить коров, овец, коз и верблюдиц и занимались заготовкой впрок молочных продуктов — масла, сыра, сгущенного квашеного молока. Оставшиеся у зимовок на период летней жары покидали кишлаки и переселялись на несколько километров (а то и на несколько десятков метров) вверх по саю на свои орошаемые земельные участки. Осенью на отдаленные участки степных пастбищ обычно отправлялись только чабаны с отарами овец и некоторые наиболее богатые скотоводы, чтобы пасти не только овец, но и другой скот подальше от зимовок (кишлаков), пастбища вокруг которых обычно бывали сильно стравленными.

[28] А. Д. Гребенкин. Узбеки. «Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу политехнической выставки», вып. II. М., 1872, стр. 82.
[29] Там же.
[30] Там же, стр. 71.
[31] Там же, стр. 89.

Низкий уровень развития производительных сил — экстенсивное скотоводство при недостатке пастбищ и плохом их качестве (что являлось результатом многовекового бессистемного выпаса), а также экстенсивное богарное земледелие, глубокое имущественное неравенство и социальный гнет обусловили бедность основной массы населения. Об этом говорят дореволюционные исследователи (Соболев, Гребенкин и др.) и свидетельствуют пожилые колхозники. В предгорном кишлаке Сазаган старики неоднократно говорили нам, что крестьянин среднего достатка необходимую численность своего стада (100—200 овец и коз) поддерживал ценой больших усилий, отказывая себе в самом необходимом, обходясь минимальным количеством одежды и утвари (в значительной мере собственного производства), даже деньги, вырученные от продажи сотканных женщинами мешков и ковров, шли на покупку скота.

Подсобные промыслы

Среди сельского населения Среднезеравшанской долины в конце XIX — начале XX в. продолжали бытовать различные домашние промыслы и другие подсобные занятия. Наиболее распространенным из них являлось ткачество. Оно было двух основных видов: производство хлопчатобумажных тканей *буз* (бӯз) и *калами* (қалами) [32] на станке с педалями *дукон* (дӯкон) и производство шерстяных изделий (мешки, торбы, хурджины, скатерти, чекмени, паласы, ворсовые ковры и др.) на примитивном узконавойном станке *урмак* (ӯрмак).

Первый вид ткачества был характерен для таджиков, «бухарцев», ходжа и тех групп узбеков и туркмен, которые, по-видимому, в значительной мере сблизились с оседлым населением еще до переселения их на Зеравшан (например, мангыты и некоторые группы туркмен, в частности чандыры) или издавна живущих среди оседлого населения в самом Самаркандском оазисе (кипчаки, хитаи, бахрины, минги и др.).

Второй вид ткачества был исконным занятием недавних узбеков-кочевников (найманов, сараев, юзов и др.), а также нуратинских туркмен и арабов [33]. Некоторые группы туркмен, считающиеся потомками выходцев из Хорезма (хидирэлинцы кишлака Туркман Самаркандского сельского района), и узбеки-ур-

[32] О кустарных тканях см.: «Народное декоративное искусство Советского Узбекистана. Текстиль». Ташкент, 1954, стр. 26, 27; О. А. Сухарева. Позднефеодальный город Бухара конца XIX — начала XX века. Ремесленная промышленность. Ташкент, 1962, стр. 56—58.

[33] О ткачестве у полукочевых узбеков см.: М. Гаврилов. Ткацкое искусство узбекской женщины Милябада. «Народное хозяйство Средней Азии». Ташкент, 1927, № 1, стр. 46—54; «Народное декоративное искусство Советского Узбекистана», стр. 65—99.

ганджи (потомки переселенцев также из Хорезма), а также цыгане вовсе не занимались ткачеством.

В то время как в городах и некоторых крупных селениях, где ткачество хлопчатобумажных тканей носило характер ремесла и где им занимались мужчины, в кишлаках ткачеством грубых тканей для своей семьи занимались женщины. Мужчины же занимались этим в зимнее время, свободное от полевых работ [34]. У бывших же кочевников (включая давно осевших) мужчины никакого участия в ткачестве не принимали. Так, с начала первой мировой войны и особенно в годы гражданской, когда привоз фабричных тканей из центральной России резко сократился, а городское кустарное производство не могло удовлетворить потребностей населения, найманы, сараи, арабы и другие стали ткать хлопчатобумажные ткани, но при этом ткачеством занимались исключительно женщины.

Пряжу для хлопчатобумажных тканей изготовляли на ручной самопрялке *чарх*, а для шерстяных — на веретене *урчук* (ӯрчӯқ) с пряслицем преимущественно из дерева. Среди бедняцкой части полукочевых узбеков за неимением шерсти на урмаке ткали нередко и хлопчатобумажную ткань и соответственно пряжу пряли на урчуке. Ткань получалась очень грубой и шла в основном на штаны и халаты мальчикам и юношам.

Прядение было исключительно женским занятием. Производство пряжи на чархе для продажи являлось самым распространенным женским промыслом среди всех этнических групп, исключая только цыган [35]. Живучесть кустарного производства тканей объяснялась дешевизной их производства [36], стремлением крестьян обеспечить потребности семьи по возможности продуктами и предметами, производимыми в собственном хозяйстве.

Предметы ремесленного производства — хлопчатобумажные ткани, ювелирные изделия, обувь, чугунные и железные лемехи для омача, серпы, кетмени (род мотыги с широким лезвием), теши (тесло), металлическую домашнюю утварь, глиняную посуду [37], деревянные сундуки, колыбели, седла и пр. [38]— крестьяне приобретали в городах и крупных селениях (Самарканд, Ургут, Каттакурган и др.), а также в базарных пунктах, где происходила только продажа различных изделий, а не производство их. В кишлаках иногда были свои сапожники, кузнецы, плотники, а у полукочевых узбеков еще и мастера по выделке остова юрт

[34] О. А. Сухарева. Позднефеодальный город Бухара, стр. 57, 58.

[35] Г. П. Снесарев. Среднеазиатские цыгане. «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», XXXIV. М., 1960, стр. 25.

[36] О. А. Сухарева. Позднефеодальный город Бухара, стр. 57, 58.

[37] О гончарном производстве в Самарканде см.: Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии. М.— Л., 1959, стр. 152, 153, 238—241, 320—324.

[38] Н. А. Кирпичников. Краткий очерк туземных промыслов в Самаркандской области. СКСО, вып. V, стр. 110—162.

и ювелиры. Деревянную посуду (блюда, миски, ложки, половники, сита) и волосяные сетки для сит и чачванов [39] выделывали цыгане [40] и развозили свой товар по базарам, кишлакам и кочевьям, обменивая на овец, коз, сыр и т. п. Они же изготовляли незатейливые серебряные и медные серьги и кольца.

Среди подсобных занятий населения низовьев Даргома следует назвать и шелководство. Однако достаточно заметное место оно занимало только в хозяйстве ирани, для которых было характерно шелкоткачество [41]. У остального населения шелк употреблялся в основном для вышивания. Одним из подсобных занятий полукочевого населения была выделка войлока, который шел не только для нужд своей семьи, но и на продажу.

В качестве подсобного промысла найманы и сараи занимались извозом на верблюдах: перевозили в Самарканд из Карши соль, из Бухары — различные товары, а из Самарканда в Бухару и Карши — пшеницу. Некоторые промышляли тем, что закупали скот, шерсть и пшеницу на базарах в Калкаме (на южном склоне хребта) и Джаме (на эти базары пригоняло скот полукочевое население с обширной округи) и перепродавало их затем с некоторой выгодой на самаркандском базаре.

Чрезвычайно распространенным среди зажиточной части узбеков и арабов-скотоводов подсобным занятием был выпас баранов, взятых у скотопромышленников. Богатые скотопромышленники, по преимуществу ургутские, самаркандские и пенджикентские таджики, пригоняли весной, в марте, закупленные в северном Афганистане, Кулябе и Гиссаре гурты баранов и отдавали их на выпас и нажирование баям-скотоводам. Баи нанимали чабанов, которые пасли баранов на высокогорных летних пастбищах Зеравшанского хребта. К августу баранов пригоняли на продажу в города, в частности Бухару [42]. По сведениям А. Д. Гребенкина, «барыш от продажи делят пополам между хозяевами гуртов и теми, кто их пас» [43], а Г. А. Арандаренко отмечает, что узбек-скотовод, «принимая на себя все заботы и расходы по откормлению хозяйских баранов и совместной продаже их, получает $^1/_3$ чистой пользы по объявленной заранее хозяином цене стоимости каждого барана в покупке» [44].

[39] Чачван (узбек. *чачвон*, тадж. *чашмбанд*) — покрывало для лица, сплетенное из черного конского волоса.

[40] А. Д. Гребенкин. Мелкие народности Туркестанского края. «Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу политехнической выставки», вып. II, стр. 116, 117; Г. П. Снесарев. Среднеазиатские цыгане, стр. 25.

[41] «Народное декоративное искусство Советского Узбекистана», стр. 18.

[42] А. Д. Гребенкин. Минг. «Ежегодник Туркестанского края», вып. 3. СПб., 1874, стр. 333; А. П. Хорошхин. Долина Зеравшана. «Сборник статей, касающихся до Туркестанского края». СПб., 1876, стр. 174; Г. А. Арандаренко. Скотоводство в Зеравшанской долине, стр. 99—105.

[43] А. Д. Гребенкин. Минг, стр. 333.

[44] Г. А. Арандаренко. Скотоводство в Зеравшанской долине, стр. 102.

Слабых баранов из этих гуртов продавали на скотных базарах Самаркандской области; покупали их для зимнего откорма и последующей продажи [45].

Бедняки из полукочевых узбеков, как и в других областях Узбекистана и Таджикистана, собирали в степи верблюжью колючку, а в горах заготовляли дрова, выжигали уголь и везли все это в Самарканд на продажу. Кроме того, они собирали сахаристый крахмал, выделяемый верблюжьей колючкой, и сбывали его городским кондитерам. Выразительная характеристика занятиям жителей кишлака Найманча дана Л. Н. Соболевым в начале 1870-х годов: «Жители Найман-Киргиз-Сарай [46] живут в киргизских кибитках весьма бедно; мейман-хане (гостиная), необходимой принадлежности всякого мусульманина, у них нет; стоят одни голые киргизские кибитки, обтянутые незатейливой кошмою: вот все их помещение. Хлебопашество у них почти вовсе не развито, так что в целом кишлаке, состоящем из 60 домов, всего было до 3 пудов зернового хлеба. Скотоводством они тоже не могут похвастаться, 2—3 верблюда и столько же ослов с ободранными спинами: вот весь скот хозяина наймана. Главным предметом их пропитания является колючка (т. е. продажа колючки.— *Б. К.*), трава, употребляемая бедным населением Самарканда вместо дров» [47].

Подсобным промыслом, характерным для некоторых групп туркмен, а именно чандыров, живших в низовьях Даргома, и так называемых кульабадцев — жителей квартала Кульабад в Самарканде [48], было возведение высоких глинобитных стен *девол*, огораживающих усадьбы в сельских местностях (см. стр. 134). Специалиста по возведению стен называли *деволзан* или *деволкаш* [49].

[45] Там же, стр. 102, 103.

[46] По-видимому, узбекский род казак-найман. В то время, как известно, русские казахов называли киргизами и Соболев, соответственно, изменил название рода.

[47] Л. Н. Соболев. Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе. «Записки РГО по отделению статистики», т. IV. СПб., 1874, приложение 15, № 34.

[48] Как сообщил нам старик-туркмен из квартала Кульабад (полевая запись 21.IX 1966 г.), большинство жителей этого квартала являются потомками выходцев из Керкинского и Ходжаамбасского районов Средней Аму-Дарьи, переселившихся в Самарканд лет 100—120 тому назад (до сих пор с родственниками в указанных районах поддерживаются связи). Большой интерес для изучения передвижений населения представляет предание, записанное от нашего информатора: туркмен-кульабадцев окружающее население считает эрсаринцами; на самом же деле они являются иомудами, в давние времена переселившимися из Хорезма на Среднюю Аму-Дарью и поселившимися среди эрсаринцев.

[49] Возведение глинобитных стен было отхожим промыслом и приамударьинских туркмен. Как любезно сообщила нам Е. М. Пещерева, в прошлом деволзаны-туркмены работали и в Ташкенте и его округе. О том, что туркменские мастера по возведению стен «всюду славятся своим искусством», упоминает и С. Айни в своих мемуарах (С. Айни. Воспоминания. Перевод с таджикского А. З. Розенфельд. М.— Л., 1960, стр. 330). Высокие глинобитные стены были характерны для усадеб и жилищ и самих приамударьинских

Подсобным занятием населения была и охота. Охотились пешком или верхом, нередко с помощью борзых собак *тази* (този) на волков, лисиц, косуль и др. Вооружением служили фитильные ружья, ставили также капканы и ловушки. Горных куропаток, которых было много в здешних каменистых горах, ловили силками из конского волоса, нередко с помощью манщика. У богатых была популярна соколиная охота, однако она не имела промыслового значения.

Среди жителей прибрежных кишлаков, расположенных невдалеке от Самарканда и Каттакургана, можно было встретить и рыболовов. Весь улов сбывался в города торговцам жареной рыбой (приготовление рыбных блюд в домах не было принято).

Как видим, подсобные промыслы и занятия сельского населения Среднезеравшанской долины были довольно разнообразны и занимали существенное место в экономике каждой семьи.

Организация крестьянского хозяйства в прошлом

Во время сбора полевых этнографических материалов в оазисной части Пастдаргомского района наше внимание привлекло то обстоятельство, что каждый отводной канал — шах арык, выведенный из таких магистральных каналов, как Хишрау, Димишк и Ертешар [50], вплоть до коллективизации, орошал земли, как правило, четырех кишлаков [51] (независимо от этнической принадлежности их жителей), составлявших определенное объединение, которое имело два названия: одно — официальное, а другое — принятое в среде местного населения [52]. Местным населением такое объединение из четырех кишлаков называлось *казаншерик* (қозоншерик — товарищи по котлу) или *бир караказан* (бир қорақозон — один общий черный котел), потому что каждое объединение имело купленные вскладчину котлы для приготовления пищи к общественным трапезам (см. ниже). Официальным названием этого объединения было *элликбаши* (элликбоши — пятидесятник) [53]. Оно было связано с тем, что крестьяне каждого казаншерика выбирали одного человека, который ведал общими делами своей группы: с помощью кишлачных авторитетных лиц *аксакалов* [54] — он следил за очередностью поливов, за водоемами в кишлаках, за очисткой арыков, за севооборотом на полях, за куплей-продажей земель, за покупкой общественных котлов и т. д. Официально этого человека называли также *элликбаши*, и он являлся помощником сельского старосты [55]. Местное население его называло *эльди джугуртаги* (элди жугуртаги — состоящий на побегушках у народа). Недаром его выбирали обычно из небогатых людей.

Роль казаншериков проявлялась прежде всего при очистке магистрального канала *катта казу* (катта қозув). Каждый элликбаши по требованию мираба [56] собирал рабочих со своего казаншерика в целом: число рабочих было в определенном соотношении с долей воды, которую получал данный казаншерик из шах арыка. Распределение повинности на рабочую силу внутри казаншерика производили по кишлакам соответственно размерам их землевладений, а дальше — по хозяйствам из того же расчета; элликбаши, ведавшие работами по очистке каналов, этой повинности не несли. Очистку начинали с головной части канала и шли вниз по течению. На отрезке от начала магистрального канала до первого отвода (шах арыка) работали люди от всех казаншериков, являвшихся водопользователями данной системы. В дальнейшем, по мере отделения от магистрали шах

туркмен (В. А. Левина, Д. М. Овезов, Г. А. Пугаченкова. Архитектура туркменского жилища. «Труды Южнотуркменской археологической комплексной экспедиции», т. III. М., 1953, стр. 28—45).

[50] Вследствие древности возникновения и значительности размера канала Даргом население воспринимает его, подобно ряду других магистральных каналов, выведенных из Зеравшана, как естественную реку, а магистральными считает каналы первого порядка. И мы, следуя народной традиции, каналы, выведенные непосредственно из Даргома (Хишрау, Димишк, Ертешар, Чархин, Тарарык и др.), будем называть магистральными *ук арык* (ўқ — ось, уқ ариқ — основной, главный канал). Отводной канал, т. е. отводящий воду из магистрального, называется *шах арык* (шох — ветвь, ответвление).

[51] Традиционным и, по-видимому, организационно удобным было объединение именно четырех кишлаков. Напрашивается аналогия с известным делением некоторых старых среднеазиатских городов и крупных селений на четыре части (О. А. Сухарева. Традиционное соперничество между частями городов в Узбекистане. «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», вып. XXX. М., 1958, стр. 120—123; Н. Н. Ершов, Н. А. Кисляков, Е. М. Пещерева, С. П. Русяйкина. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. XXIV. М.—Л., 1954, стр. 18; А. К. Писарчик. Некоторые данные по исторической топографии городов Ферганы. «Сборник статей, посвященных искусству таджикского народа». Сталинабад, 1956, стр. 146, и др.). Однако в процессе роста численности населения и образования новых кишлаков это постоянное число могло временно нарушаться. Кроме того, некоторые мелкие кишлаки не рассматривались как самостоятельные, а считались в составе кишлака, от которого они отпочковались.

[52] Такое объединение нескольких кишлаков существовало по всей Среднезеравшанской долине, включая зону степей и предгорий («Современный кишлак Средней Азии», вып. IX. Ташкент, 1927, стр. 10; полевые материалы Р. Я. Рассудовой и Б. Х. Кармышевой).

[53] Казаншерик или элликбаши в изучаемом районе не являлся административной единицей.

[54] Аксакал как выборное лицо, ведавшее делами одного кишлака, в Среднезеравшанской долине появился только в первые годы Советской власти.

[55] Сельский староста, поставленный во главе сельского общества — низшей административной единицы, в конце XIX — начале XX в. назывался *дум*, а в ханское время — *дахабаши* (даҳабоши). Сельское общество состояло из нескольких казаншериков.

[56] *Мираб* (мироб) — должностное лицо из местного населения, назначавшееся в волости. Он ведал магистральным каналом, а шах арыков не касался, поэтому от казаншериков плату не получал.

арыков, казаншерики этих земель выходили из общих работ и переходили к очистке своего канала [57].

Каждый казаншерик имел свой определенный надел орошаемых земель с четко обозначенными границами. Границами служили пустоши, какие-либо неудобные земли, холмы — *тепа* и т. п. Границей между землями кишлаков, входящих в один казаншерик, служила обычно дорога или полоса густых древесных насаждений, а иногда и просто межа — *увот*.

В XIX в. расположению полей крестьян соответствовало расположение их усадеб внутри кишлака (если он был скученного типа) и, таким образом, соседи в кишлаке являлись соседями и по земельным наделам. Норма воды, выделявшаяся каждому кишлаку, находилась в соответствии не только с размерами его земель, но и с традиционным севооборотом; получаемая вода довольно жестко регламентировала виды возделываемых культур и их количество, так как различные культуры требовали неодинакового числа поливов. При выборе культуры на своем поле крестьянину полагалось учитывать не только свои возможности, но и планировку полей соседей. Крестьяне, соседи по землям, на смежных участках старались сеять одинаковые культуры; пары по мере возможности также сосредоточивали в один массив; ежегодно, оставляя размеры клиньев прежними, они изменяли лишь расположение посевов и пара. В результате такого согласованного полеводства крестьяне каждого казаншерика и кишлака в некоторой мере экономили воду.

Полив земель отдельных кишлаков в изучаемом районе был организован следующим образом. К кишлаку подходил только один арык, ответвление шах арыка, и крестьянин имел надел, как правило, только в одном месте [58]. С наступлением месяца *джауза* (жавзо), т. е. с конца мая, когда поливов требовало большинство посевов, крестьяне могли получать воду лишь по очереди; очередность между ними была постоянная и всегда определенная: от верховьев к низовьям. С этого времени элликбаши и аксакалы из данного кишлака начинали следить за водой; они разрешали пускать воду на свои поля, открывать *кулак* [59] тем крестьянам, земли которых располагались первыми по течению, и тем, чьи клинья с посевами, поливавшиеся в данное время, непосредственно примыкали к арыку кишлака. Дальше вода протекала с участка одного соседа к другому, поливая одинаковые культуры. При таком характере поливов не было необходимости каждому крестьянину иметь свой отдельный кулак на кишлачном арыке, что позволяло сберечь воду от напрасного поглощения ее сухим руслом арыков [60].

Расположение одинаковых посевов на смежных клиньях давало крестьянам довольно ощутимые выгоды. В течение года крестьяне каждого кишлака неоднократно оказывали друг другу помощь в различных формах. Для вспашки своих полей соседи по земле, имевшие только по одному волу (а таковых здесь было большинство), составляли одну целую упряжку *альгоу* (олғов) [61]. Обычно для пахоты объединялось несколько соседей, число которых зависело от конфигурации их земель, от количества и качества их рабочего скота (если, например, рабочий скот был малосильным — старым или недостаточно упитанным, то возникала необходимость иметь запасных быков) и т. п. К ним мог присоединиться крестьянин и вовсе не имевший рабочего скота, но отдававший свой труд. В таких случаях он сначала пахал наделы своих компаньонов и только после этого переходил на свой участок. Если он выполнил работу бо́льшую, чем было договорено, то ему разрешали вспахать больше земли или давали какую-то часть семян или впоследствии помогали ему в каких-либо работах. Иногда в альгоу объединялись крестьяне разных кишлаков, но непременно из своего казаншерика, ибо обращение в «чужой» кишлак обязывало крестьянина к ответному участию в хашарах, тогда как он был нужен своим (см. ниже). Соседское право использовали и те крестьяне, которые были соседями в кишлаке, но не имели смежных земель. В таких случаях можно было получить воловью упряжку у соседа только на один день. Впоследствии за пользование быками этот крестьянин чем-либо отплачивал.

Остальные работы по подготовке земли к посеву пшеницы и

[57] То же наблюдалось, например, и в Ферганской долине в бассейне Ходжабакиргансая (Н. Н. Ершов. Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией. Сталинабад, 1960, стр. 72, 73).

[58] В некоторых других районах (Шахрисябзский оазис, о-в Миankаль) старые люди нам рассказывали (полевые записи 1956 и 1959 гг.), что к полям данного кишлака подходил не один отвод от магистрального канала, как на Нижнем Даргоме, а несколько, и каждый крестьянин имел столько участков, сколько арыков подходило к полям данного кишлака. Это говорит, как нам думается, о том, что в указанных районах пережитки общинного землепользования сохранялись в большей степени, чем на Даргоме.

[59] *Кулак* (кулок) — место, где вода из арыка поступает на поле; часто это слово употреблялось и как единица меры проточной воды для полива.

[60] Надо думать, что описанный порядок проведения поливов был широко распространен и в других районах Узбекистана. Однако до сих пор в литературе неоднократно был описан различными специалистами лишь следующий порядок полива: с наступлением очереди кишлака, а в нем отдельных хозяйств, каждый крестьянин пускал воду на свою землю прямо из кишлачного арыка. Этот же порядок использовали и несколько соседей, когда для ускорения полива своих земель объединяли свои доли воды.

Интересно отметить, что, по общему мнению исследователей, объединение воды практиковалось крестьянами большей частью в маловодных районах. Однако материалы Нижнего Даргома показывают, что оно не в меньшей степени обусловливалось и размерами земельного участка крестьянина, ибо для полива даже небольшого клочка требуется определенный напор воды. По-видимому, именно поэтому во всех районах для полива объединялись бедняки.

[61] *Альгоу* — супряга. Этот вопрос освещен в литературе; материалы автора вносят некоторые дополнения к нему.

по ее выращиванию каждая семья выполняла самостоятельно. Для жатвы крестьяне устраивали хашар. За работу только кормили. Число участников хашара — *хашарчи, хашарчилар* — зависело от величины поля, засеянного пшеницей, и численности семьи устроителя. В хашаре в первую очередь участвовали ближайшие соседи по земле. Если участок был расположен на границе кишлачных земель, нередко в хашаре участвовали люди из 2—3 кишлаков одного казаншерика.

Смежность участков, засеянных пшеницей, как и другими зерновыми культурами, была удобна и для устройства общего тока — *хирман* (хирмон), для которого старались отвести как можно меньше земли. На току также работали сообща; кормил тот хозяин, чье зерно обмолачивали. На хашар мог быть приглашен крестьянин и не являющийся соседом, но ранее других справившийся со своими делами; он тоже работал только за питание. Зачастую оказывалось, что этому человеку прежде уже помог в чем-то устроитель хашара или пришедший намеревался обратиться к нему в будущем.

Во время жатвы или после ее окончания старики и дети из бедных семей собирали колосья, опавшие на землю. Разрешалось ходить по полям не только соседей, но и жителей других кишлаков, однако не выходя за пределы своего казаншерика.

Когда с полей был снят урожай и собраны колосья (такое поле называется *ангор*), все пускали на них свой скот хотя бы на несколько дней; при этом старались, чтобы скот ходил по всем полям, чтобы они оказались, таким образом, равномерно удобренными.

Своеобразными были хашары при обработке джугары, кукурузы и хлопка. Трудность заключалась не только в необходимости частых окучек, но и создании такой системы протоков воды между растениями, при которой она протекала бы по всему палу (см. стр. 53) и стояла ровно в нем, чтобы не получалось ни возвышений, ни углублений, так как и излишек и недостаток воды вредно сказывались на развитии растений. Это была трудная и сложная работа, и с ней не всякий мог справиться. Особенность этих хашаров заключалась в том, что на них созывали лишь тех, кто являлся как бы специалистом по окучке; они могли жить в разных кишлаках. Но и в этом случае из своего казаншерика не выходили. Приглашения поступали по установившейся очередности, которая в большинстве случаев обусловливалась очередностью поливов. Среди участников хашара по окучке бывало больше молодых людей, чем пожилых; число участников хашара не было постоянным; больше всего их было на первых двух наиболее ответственных окучках. По мере надобности эти люди группами расходились по кишлакам, причем группа могла состоять из людей разных кишлаков одного казаншерика. Участники хашара по окучке джугары и хлопка также работали лишь за питание, но их старались кормить особенно хорошо. Однако в начале XX в. наметилось некоторое изменение: помимо питания их стали одаривать. Первое время подарки были крупные (халаты), и потому их давали не всем участникам; позже стали одаривать большее число людей, но не халатами, а лишь тюбетейками, поясными платками, рубашками и т. д. Все эти вещи заранее готовили женщины каждого кишлака. А в 1920-х годах стали готовить подарки только одного вида, считая это удобным во многих отношениях: это упрощало работу женщин по приготовлению подарков и не вызывало среди участников помочей недовольства, как это было в прошлом.

Осенью срезание стеблей джугары и кукурузы, обламывание головок и початков, а также многие другие работы на хирманах выполнялись помочью, но тут большей частью участвовали лишь соседи по землям со своими семьями. Из многих полевых работ, требующих быстрого выполнения, только при сборе хлопка не созывали хашара, а нанимали людей, нередко женщин соседних селений. На эту работу приходили и из других мест, в основном из предгорных и горных районов. Сборщики хлопка *чинакчи* или *чиначи* за свою работу в конце того же дня получали плату натурой или деньгами.

Практиковались и специальные женские хашары. Они устраивались или только внутри своего кишлака, или двух-трех кишлаков, однако непременно своего казаншерика. Женские хашары были связаны со сбором коконов, с подготовкой к некоторым свадебным обрядам, а главное с обработкой хлопка и шерсти.

Ту часть урожая хлопка, которую крестьянин не продавал, а оставлял для потребностей семьи, женщины подвергали последовательной обработке. Для очистки хлопка от семян, взбивания ваты женщины поочередно собирались небольшими группами по домам. Эта помочь за пределы одного кишлака обычно не выходила. Она называлась *кичик хашар* (малая помочь) или *халладжи* (халложи) [62] *хашар* (помочь с халладжи), но для прядения ниток созывалась большая помочь *катта хашар*, или *чарх хашар*. Ее приурочивали обычно к весне, когда устанавливались теплые дни и можно было сидеть вне дома. На чарх хашар приглашали женщин своего кишлака и нескольких ближайших родственниц из других кишлаков своего казаншерика, а с родственницей обязательно приходила и ее соседка. К таким собраниям женщины готовились заранее, так как они превращались обычно в большие приемы гостей. Поэтому далеко не каждая хозяйка устраивала катта хашар ежегодно. Пришедшие на хашар со своими прялками женщины рассаживались вдоль стен в комнатах и на айване или в саду, если уже переселились из

[62] *Халладжи* — инструмент для отделения семян от ваты.

кишлака в хаёт. В центре хозяйка расстилала скатерть с угощениями, вскоре после этого гостьи принимались прясть. Во время работы женщины пели песни шуточного и любовного характера, а в конце дня устраивали своего рода соревнования на быстрейшее завершение прядения. День кончался песнями, танцами. Смысл этих хашаров заключался именно в быстром завершении такой кропотливой работы. Небольшой хашар пахта сузан[63] устраивали для взбивания ваты. Он созывался в доме просватанной девушки тогда, когда родственницы жениха приносили вату для одеял и халатов, которые входили в ее приданое, или раздавались стороной невесты в качестве ответных подарков.

Сбор и сушку винограда также производили с помощью соседей, но здесь, помимо угощения, работавшим давали с собой виноград. Если сушили виноград способом *обджуш* (обжуш — перед сушкой кисть винограда погружали в кипящую воду с поташом), для чего нанимали специалиста, то ему, помимо винограда, давали кусок ткани или рубашку.

Как отмечалось, каждый казаншерик имел в общей собственности котлы для приготовления пищи при общественных трапезах, тоях (пиршествах, устраиваемых по поводу обрезания или свадьбы) или поминках в семьях отдельных членов общины. Котлы приобретали на средства всех входящих в него домохозяйств. Сбором денег, покупкой и доставкой котлов ведал элликбаши; за сохранностью котлов следили женщины. В каждом казаншерике обычно был один большой и один маленький котел, имевшие метку данного казаншерика. Котлами пользовались все его члены; в другой казаншерик отдавать их было нельзя. Хранились котлы или в той семье, где последний раз происходило угощение, или же в мечети, где женщины варили в праздник Йил баши общественную еду из семи блюд. Котел большого размера чаще всего использовали на тое, меньший котел — только осенью, во время обработки винограда перед его сушкой. Им пользовались также все хозяйства, входившие в казаншерик.

Все описанные формы хозяйственных трудовых связей, существовавшие среди большей части крестьян, устойчиво сохранялись почти до последней четверти XIX в. в силу того, что по традиции землю, входящую в территорию общины, нельзя было продать постороннему. Полностью сохраняло силу санкционированное шариатом «соседское право». Хозяин, вознамерившийся продать свою землю, должен был сначала обратиться к соседям «с четырех сторон». В изучаемом районе, однако, этим не ограничивались. В случае отказа всех ближайших соседей купить землю, он должен был спросить у «тех, кто был за спинами четырех соседей» («тўрт ҳамсоянинг орқасини»), и так обходил весь свой кишлак. После этого он сообщал о своем намерении

[63] Правильно *пахта-чузмак* (пахта чўзмоқ) — растягивать вату.

элликбаши, который доводил это до сведения домохозяев всего казаншерика. Если же в своем казаншерике не находилось покупателя, то элликбаши отправлялся в соседний казаншерик, но не в любой, а в тот, с которым его казаншерик был связан обычаем взаимного обязательного приглашения на той[64]. Если участок земли был больших размеров, то о ее продаже сообщалось даже старосте сельского общества — *думу* (дўм), и лишь после того как все ближние и дальние соседи откажутся от покупки земли, владелец мог продать ее постороннему — идти к казию для оформления сделки.

Первые факты продажи земли чужим в Пастдаргомском районе относятся к 70—80-м годам XIX в., а с 90-х годов они распространились даже на дальние от Самарканда районы: Дюртқульский, Челекский, Ишимаксакский и др. (СКСО, III, IV). В описываемом нами районе покупателями кишлачных земель были преимущественно самаркандские таджики, в основном ремесленники и русские чиновники (гражданские и военные), предприниматели. Как русские, так и таджики старались приобщиться к жизни населения кишлаков: посылали на весенний праздник *сайль* (сайил) в мечети фрукты из своих садов, участвовали в общественных работах (чистка хаузов, ремонт мечетей, восстановление оград вокруг кладбищ и почитаемых мест — мазаров и т. д.), причем русские обычно давали деньги, таджики — продукты или материалы, и всякий раз добавляли: «Биз ҳам қозонларингизга шерик», что означает «Мы также принадлежим вашему котлу».

У разорявшихся крестьян (в результате проникновения в кишлак капиталистических отношений) скупали землю не только горожане, но и зародившаяся в этот период торгово-ростовщическая прослойка в самом кишлаке. Нарушению порядка, согласно которому соседи по кишлаку являлись соседями и по земельным наделам, способствовало также учащение разделов земли в результате распада больших семей, что также являлось следствием проникновения в кишлак товарно-денежных отношений.

И все же на Нижнем Даргоме, по нашим полевым материалам, это соответствие между расселением крестьян в кишлаке и расположением их наделов в поле в какой-то мере сохранялось вплоть до образования здесь колхозов (см. ниже).

[64] *Тойдаш* (тўдош) — «совместно устраивающие той». Тойдашами по отношению к данному казаншерику назывались те казаншерики, представители которых в том или ином числе непременно приглашались на той. Вопрос о группах тойдаш остается не вполне выясненным; в литературе материалов о них, как и о казаншериках, нет. По-видимому, их взаимоотношения были основаны в первую очередь на близости шах арыков. Тойдашами считались не обязательно два казаншерика одной родоплеменной или этнической принадлежности. Например, тойдашами являлись арабские и таджикские или туркменские группы кишлаков.

Изучение объединения казаншерик или бир караказан представляет большой интерес, ибо его можно рассматривать как одну из пережиточных форм земельно-водной общины, вне которой нельзя понять способов ведения крестьянами своего хозяйства в прошлом, да и всей внутренней жизни кишлака. Думается, что излагаемые ниже этнографические материалы привлекут внимание и историков, потому что термин «караказан», встречающийся в исторических источниках, оставался до сих пор не совсем понятным исследователям [65].

Социальные процессы в конце XIX — начале XX в.

Конец XIX — начало XX в. характеризуется важными изменениями в хозяйстве Средней Азии — значительным подъемом производительных сил края интенсивным развитием товарно-денежных отношений. Проведение через Зеравшанскую долину Средне азиатской железной дороги связавшей область с Россией, расширение хлопковых посевов и товаризация зернового хозяйства, введение денежного налогообложения крестьян — все это обусловило широкое развитие торговли. Предметом торговли все больше становилась и земля. Это неизбежно приводило к разорению мелких и средних крестьянских хозяйств, с одной стороны, и концентрации земли в руках крупных землевладельцев,— с другой. С развитием торговли и интенсификацией сельского хозяйства требовалось больше рабочей силы в изменившемся полеводстве крестьян: увеличивались посевы хлопчатника, что вызывало значительные (с точки зрения возможностей крестьян того времени) перемены и в системе полеводства, и в организации работ. Ведение хозяйства по-старинке, без учета требований рынка и торговых отношений, становилось невозможным. Эти изменения коснулись и социальной стороны сельской жизни. Вместо прежних крупных землевладельцев, известных среди населения под названием *бехкан* (дехкон) [66], вырастает новая категория эксплуататоров — *бай, бай-дехкан* (богатый дехкан), *саудагар-дехкан* (дехкан-торговец).

[65] О. Д. Чехович. Об изучении терминологии исторических источников Средней Азии. «Общественные науки в Узбекистане», 1962, 6, стр. 49; Р. Я. Рассудова. Следы общинно-военной организации у узбеков. «Советская этнография», 1968, № 5, стр. 111—116.

[66] В Самаркандской области, как и в ряде других местностей Узбекистана, термин «дехкан» население употребляло для обозначения не крестьянина и крестьянства вообще, а лишь того землевладельца, который мог вести свое хозяйство вполне самостоятельно с помощью своей семьи и особенно наемной силы (в основном в форме издольщины). В этом смысле и мы употребляем этот термин в данном разделе.

К 1917 г. в Самаркандском уезде, куда входил и район Нижнего Даргома, почти четверть крестьянских хозяйств не имела трудовой нормы земли (безземельных — 0,6%, беспосевных — 13,8, арендующих землю — 3,5, сдающих свою землю — 5,7%[67]). При этом наблюдалась интересная этнографическая деталь, подчеркивающая роль товарно-денежных отношений в постепенном разорении крестьян. Социальное расслоение в кишлаках бывших полукочевых узбеков было слабее, и число безземельных меньше (0,9—5%), чем в кишлаках «бухарцев», таджиков и арабов (3—17%) [68]. Объясняется это, по-видимому, в первую очередь видом занятий, иным направлением хозяйства, а не только перенаселенностью неузбекских кишлаков, как это считают информаторы. В занятиях крестьян узбекских кишлаков основное место занимало полеводство, в котором преобладали зерновые, менее товарные культуры. Таджики и «бухарцы» занимались садоводством и огородничеством. В арабских кишлаках большое значение имели занятия скотоводством и торговлей. Соответственно этому узбекские крестьяне были меньше связаны с внешним миром, дольше сохраняли свое замкнутое натуральное хозяйство, в их полеводстве в большей мере сохранялась взаимопомощь, благодаря этому здесь крестьяне дольше удерживали свои земли. Поэтому классовая дифференциация у них была развита слабее, чем среди таджиков и арабов, постоянно общавшихся с рынком.

Крестьяне, лишившиеся земли, становились издольщиками, нанимались на различных условиях в качестве рабочих.

Записанные нами многочисленные биографии старых людей различных народностей и родо-племенных групп изучаемого района показывают, что этот социальный процесс имел некоторые особенности в разной этнической среде. Большая часть узбеков становилась издольщиками, а иногда батраками, работавшими на земле за определенную плату деньгами [69]. Многие шли к рисоводам пойменной части долины. Поденщиками и деволкашами становились в основном жители туркменских кишлаков и отчасти арабы. Издольщиками помимо узбеков станови-

[67] «Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917—1920 гг.». Ташкент, 1924—1925, вып. 1, стр. 73; вып. 2, стр. 47.

[68] Там же.

[69] Издольщиками — *чайрикорами* и работниками, нанятыми на определенный срок,— *етимами* (етим — сирота), а также поденщиками-*мардикорами* становились узбеки, спускавшиеся в поисках заработка из предгорных кишлаков. Они приходили в Самарканд к началу весеннего праздника афрасиабсайль (народные гулянья, происходившие на Афрасиабе — городище древнего Самарканда). Здесь они договаривались о работе и получали от нанимателей задатки. Нередко они во время сайля растрачивали полученные вперед деньги и становились должниками своего хозяина. Бедняки из долинных кишлаков обычно шли наниматься не на афрасиабсайль, а в мехманхану знакомых баев своего или соседних кишлаков.

лись и городские таджики[70]. Жатва богарных посевов, которые имели, как правило, только состоятельные крестьяне и размеры которых были значительно больше поливных (расположены они были далеко от местожительства крестьян, обычно на левом берегу Даргома), производилась руками наемных жнецов *урокчи* (уроқчи). Им платили зерном, равным количеству высеянных семян. Эта форма оплаты была наиболее распространенной. Нам не удалось выяснить, откуда приходили жнецы и к какой национальной группе они относились[71].

Имеются некоторые данные, говорящие, что малоземельные крестьяне из предгорных кишлаков Сазагана и Игригулча уходили на дополнительные заработки также в пойму, к даульским рисоводам. Обыкновенно это происходило осенью, когда в предгорных кишлаках заканчивались работы по полеводству. Согласно полевым материалам Б. Х. Кармышевой, на уборку риса в Самаркандский район отправлялись даже из таких отдаленных районов, как верховья Сурхан-Дарьи. Это были преимущественно таджики и отчасти узбеки-катаганы тагчи (тоғчи)[72].

Положение крестьян-издольщиков и сроковых рабочих (етимов) в период с середины XIX в. до начала XX в. еще недостаточно изучено. Для обозначения крестьян-издольщиков наиболее распространенный термин, встречающийся в документах, *коранда*. Русские авторы XIX в. чаще всего приводят термин *чайрикор*, реже — *пясрикор* (искаженный от *посиракор*). Вследствие неисследованности этого весьма серьезного вопроса сейчас не представляется возможным дать исчерпывающую характеристику каждой из этих категорий крестьян. В первой половине XIX в. чайрикорами называли издольщиков, получавших $^1/_5$, $^1/_4$, $^1/_3$ часть урожая, комплект одежды и питание. Другие условия работы чайрикора на землевладельца, а также его хозяйственное положение остаются пока не вполне ясными.

Термин «коранда» в Среднезеравшанской долине употреблялся в отношении бедных крестьян для отличия их от богатых землевладельцев, называвшихся в XIX в. дехканами. Однако применялся ли этот термин к издольщикам или только к малоземельным, но самостоятельным крестьянам, или к тем и другим, сейчас не представляется возможным уточнить. Термином

[70] Согласно нашим полевым материалам, аналогичная картина наблюдалась и в Шахрисябзском районе Кашкадарьинской области.

[71] На уборку зерновых к северным окраинам долины спускались таджики с Нуратинских гор. На такие заработки они отправлялись артелями в десять и более человек. Полученную плату делили поровну, независимо от возраста и характера работы (Б. Х. Кармышева, Е. М. Пещерева. Материалы этнографического обследования таджиков Нуратинского хребта. «Советская этнография», 1964, № 1, стр. 15, 16). Такие артели известны и в других местах Средней Азии, например в Ферганской долине (Н. Н. Ершов. Указ. соч., стр. 55, 56).

[72] Полевые записи 5.X 1966 г., кишлак Чанглак в верховьях р. Сангардака и др.

коранда в то время обозначали крестьян, живших как на амляковых, так и на мильковых землях[73]. Обращает внимание тот факт, что термин коранда чаще встречается в земельных документах, относящихся к Шовдарскому тюменю, т. е. к району интенсивного земледелия, примыкавшему к Самарканду.

М. И. Бродовский всех маломощных крестьян называет посиракорами. Он отмечает худшее состояние их посевов, однообразие культур и крайнюю незначительность у них люцерновых участков[74]. Сомнение вызывает причисление М. И. Бродовским всех мелких землевладельцев к посиракорам.

По нашим материалам, относящимся к Миankалю, посиракоры составляли незначительную часть издольщиков-чайрикоров. За свою работу они получали от хозяина, помимо доли урожая, небольшой участок земли — *посира*, который обрабатывали хозяйским скотом и засевали по своему усмотрению. Урожай с него полностью поступал в пользу издольщика[75].

Если учесть выясненные нами условия и порядок поливов, а также связь количества воды и видов возделывавшихся культур, то наблюдения М. И. Бродовского определенно указывают на бедственное положение малоземельных крестьян вследствие недостаточности воды для их посевов. Таких крестьян посиракорами называли и в Фергане[76].

Со второй половины XIX в., особенно к его концу, отмечается ухудшение положения крестьян. В этот период в Среднезеравшанской долине появляется категория чайрикоров, которая за свой труд получала $^1/_6$, $^1/_8$ и даже $^1/_{10}$ долю урожая[77]. Наде-

[73] О формах землевладения см.: А. А. Семенов. Очерки поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства. «Труды Среднеазиатского гос. университета», серия II, вып. I. Ташкент, 1939; К. М. Мирзаев. Амляковая форма земельной собственности в Бухарском ханстве. Ташкент, 1954; Н. А. Кисляков. Патриархально-феодальные отношения среди оседлого населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX века. «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. LXXIV. М.— Л., 1962, стр. 85—100.

[74] М. И. Бродовский. Заметки о земледелии в Самаркандском районе. «Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу политехнической выставки», вып. II. М., 1872, стр. 233—261.

[75] В Пастдаргомском районе община выделяла в качестве посира небольшой участок земли элликбаши, если он был из малосостоятельных крестьян, или имаму мечети. Чаще всего этот участок был на богаре. Члены общины сами обрабатывали и засевали этот участок. Только для уборки урожая элликбаши или имам нанимали жнецов. Дополнительно о посира см.: Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии. М.— Л., 1959, стр. 390—397; Н. Н. Ершов. Указ. соч., стр. 52.

[76] А. Ф. Миддендорф. Очерки Ферганской долины, стр. 258.

[77] Н. М. Вирский. Опыт исследования экономических и бытовых условий населения Дюрткульской волости Самаркандского уезда. СКСО, вып. III. Самарканд, 1895, стр. 107, 108; В. И. Чертов. Дагбитская волость. Данные экономического исследования волости в 1892 и 1893 гг. СКСО, вып. IV. Самарканд, 1896, стр. 6; В. П. Благовещенский. Ишимаксакская волость. Данные экономического исследования волости в 1893—1894 гг. СКСО, вып. IV. Самарканд, 1896, стр. 86.

ление одеждой и питанием сохранялись[78]. Издольщики, получавшие $^1/_6$—$^1/_{10}$ часть урожая, в основном были пришлыми. В том месте, где нанимались, они своего хозяйства не имели. Семью они оставляли в родном кишлаке на попечении ближайших родственников.

Хозяин отводил таким чайрикорам место на мужской половине усадьбы, обычно на конюшне или зинхане (см. стр. 127). На зиму они уходили в свои кишлаки.

Издольщики-чайрикоры имели большое значение в хозяйстве богатого землевладельца: их воспринимали как *дехканди тани* (дехқонди тани — часть дехкана), так как многое зависело от их опыта, знаний и физической силы, от их отношения к хозяину. Кроме того, в XIX в. чайрикоры были основными работниками в хозяйстве дехкана. Поэтому хозяин, если хотел полагаться на работника, должен был жить с ним в согласии. Чайрикор, естественно, не меньше дехкана был заинтересован в хорошем урожае.

По сложившейся в Пастдаргомском районе традиции, дехкан кормил чайрикора в течение 9 месяцев и должен был дать чайрикору в сезон два комплекта старой и один комплект новой одежды. Старая одежда являлась рабочей *джомаикор* (жомаикор) — два ватных халата, две пары сапог, две рубахи и двое штанов, одна тюбетейка. Осенью, при разделе урожая, часто перед уходом в свой кишлак, чайрикор должен был получить еще один комплект одежды *сарпоя*, за исключением сапог, состоявший из новых вещей.

Чайрикору хозяин выделял пару быков *кош* (қўш), рабочую лошадь и повозку *от-арава* для вывоза на поля удобрений и другого груза, ручную тачку *гальтак* (ғалтак) для распределения удобрения в поле и многих других работ, кетмень *кетмон*. Дехкан давал чайрикору и семена, половину которых чайрикор возвращал дехкану осенью из своей доли (если земля была плохая, то семена шли за счет хозяина). Здесь чрезвычайно важно отметить одно обстоятельство. В изучаемом районе за чайрикором не закреплялась и даже не указывалась какая-либо определенная площадь земли. От него требовалась работа на любом участке и даже на том, с которого ему не выделялась доля урожая (виноградники, бахчи и т. п. Доля чайрикора выделялась только с полевых культур). Это обстоятельство сближало чайрикора с положением наемного работника, получающего плату натурой.

Труд наемных жнецов, редко применявшийся на поливных землях, дехкан и чайрикор оплачивали до раздела урожая. Различную плату, предназначенную элликбаши, цирульнику, кузнецу (эти виды платы назывались *кафсан*), имаму мечети (*хакулла* — хақулло) также выделяли до раздела урожая. Следовательно, в этих расходах стороны участвовали пропорционально своим долям. Односельчан, пришедших на помочи, дехкан кормил за свой счет.

Указанные условия работы и формы оплаты труда чайрикоров были общеизвестны и, по-видимому, всюду в долине были одинаковыми, поэтому, когда договаривались, о них и не говорили. Обе стороны интересовались более важной и основной формой оплаты — долей урожая. Обычно чайрикор здесь спрашивал хозяина: «Из скольких (долей) содержите?» («Нечтадан сақлайсиз?»), или дехкан: «Из скольких долей будешь?» («Нечтадан бўласан?»). Эти вопросы имели здесь значение для уяснения взаимоотношений между дехканом и чайрикором. Не только во всей долине, но даже в одном кишлаке на одинаковых культурах доля чайрикора колебалась от $^1/_5$ до $^1/_{10}$. По мнению, распространенному на Нижнем Даргоме, доля чайрикора находилась в зависимости от общего размера земель хозяина: если хозяин, исходя из размеров своей земли, нанимал более одного чайрикора, то часть, получаемая каждым чайрикором со всего урожая, уменьшалась соответственно числу чайрикоров. Как правило, пришлый чайрикор свою долю от урожая зерновых получал натурой, а от хлопка и люцерны — деньгами[79].

Основной формой закабаления етимов и чайрикоров оставалась долговая кабала, характерная для феодальной эпохи. Если хозяин видел, что етим или чайрикор хорошо работает, то всеми путями стремился опутать его долгами. Так, если зимой семье чайрикора нехватало хлеба, хозяин был готов и «выручить», дать побольше муки или зерна, и при возврате требовал проценты; во время афрасиабсайля хозяин уговаривал работников поехать на сайль развлечься, предлагал деньги взаймы; он призывал себе на помощь кишлачных лавочников, чтобы они предлагали тому или иному его етиму или чайрикору товары в долг. Как рассказывал 80-летний житель кишлака Ертешар Пардаев Боран, в молодости он нанялся етимом к своему односельчанину, изве-

[78] В. И. Неровецкий. Обзор Яныкурганской волости Самаркандского уезда в экономическом и бытовом отношении, стр. 171.

[79] Характерно, что наши информаторы в районе Нижнего Даргома и острова Миankаля, как правило, свои повествования о крупных хозяйствах прошлого начинали с числа чайрикоров и рабочего скота в них, не упоминая о размерах земель этих дехкан. В устах старых крестьян фраза «Наши отцы — деды дехканами называли землевладельцев, содержавших одного-двух-трех чайрикоров» («Бир-икки-уч чайрикор саклаган ер эгаларини ота-буоларимиз дехкон дейяр экан»), является стереотипной для определения кишлачной земельной «аристократии» конца XIX в. в орошаемых районах, и она весьма лаконично и точно выражает основную суть зажиточных хозяйств в долине.
Основным критерием для характеристики крупных дехкан в предгорной полосе к югу от Даргома являлась величина земельного участка на богаре. Для обработки богарных посевов не только в предгорьях, но и вокруг оазисов, чайрикоров не нанимали. Пахоту и сев производили сыновья и етимы дехкана, а для уборки нанимали жнецов.

стному богачу ишану Бахадурхану. Хозяин обещал заплатить ему за год работы 300 танга (*тенга, танга* — монета достоинством в 20 коп.). Но ишан настолько опутал его долгами, что за эти 300 танга Боран-баба проработал у него 12 лет [80].

Выше говорилось, что чайрикор за обработку виноградников и бахчей никакой платы не получал. Считалось, что этой работой он компенсирует стоимость тех фруктов и овощей, которые он съедает в байском доме.

Процесс обезземеливания массы крестьян в казаншериках, с одной стороны, и скупка земель богатыми людьми, с другой, стал более интенсивным в период развития монополистического капитала в России, когда открытый грабеж Туркестанского края со стороны банков, промышленных корпораций, царских чиновников и военщины еще больше усилился и каждый хлебороб находился в полной зависимости от уровня цен на мировом хлопковом рынке. «Земледельцу волей-неволей, под угрозой разорения, пришлось считаться со всей совокупностью общественных отношений и в его стране и в других странах, связанных всемирным рынком» [81],— писал В. И. Ленин. Именно в этот период в кишлаках Нижнего Даргома в процессе классовой дифференциации крестьянства наряду со старым типом крупного землевладельца дехкана появился новый тип — бай-предприниматель, кулак. В последней четверти XIX в. в изучаемом районе в значительной мере еще сохранялись крупные землевладельцы старого феодального типа. Основным источником их землевладения оставалось еще наследование, но купля-продажа земли в этот период увеличились во много раз. Хотя дехкан вел торговлю (которая в XIX в. имела иногда еще меновой характер — хлопок нередко обменивали на ткани, зерно — на различные городские изделия), но основным его занятием являлось земледелие. Дехкан сам руководил всем хозяйством и, наряду с членами своей семьи, выполнял и некоторые сельскохозяйственные работы. Доходность его хозяйства основывалась на эксплуатации етимов и чайрикоров, а также на труде членов своей большой семьи — сыновей с их женами, своих нескольких жен и «облагодетельствованных» им бедных родственников. По мере роста состоятельности ограничивалось его личное участие в полевых работах, но обязательно сезон сельскохозяйственных работ должен был весной начать (вспахать и засеять участок земли), а осенью завершить сам дехкан. Система полеводства у дехкан была еще почти такой же, как и у остальных крестьян, поэтому у них не было больших оснований нарушать существовавшую норму соотношения земли и воды при поливах посевов. Они так-

[80] Полевая запись Б. Х. Кармышевой 19.IX 1966 г.

[81] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 310.

же обращались к односельчанам, созывая хашары для полевых работ, да и сами еще в какой-то мере принимали участие в хашарах односельчан, посылая иногда своих людей или чайрикоров; но чаще их участие выражалось в том, что они для угощения участников хашара посылали продукты или еду, приготовленную в своем доме.

Землевладельцы, которые продолжали вести хозяйство по старинке, к концу XIX в. все больше стали разоряться, не выдерживая конкуренции с землевладельцами нового типа. Земли разорившихся дехкан распродавались с аукциона, и зачастую без ведома соседей и элликбаши, так как это происходило обычно в результате требования оплаты долговых векселей, предъявлявшихся городскими богачами, ростовщиками и даже самаркандскими банками через суды. Значительную часть земель у разорявшихся богачей, так же как и у бедных крестьян, скупали баи-дехкане или саудагар-дехкане; в кишлаках их называли *гушнахур,* что в переносном смысле значит «завистливый», «насильник».

Эти крупные землевладельцы являлись представителями новой сельской буржуазии. Нередко, особенно в пригородных районах, это были горожане, скупившие земли разоряющихся крестьян. Их деятельность характеризуется тесным переплетением земледелия с торговлей. Само земледельческое хозяйство их отличалось увеличением товарных культур, широким применением труда наемных рабочих вместо издольщиков, еще большим распространением денежных отношений. Это новая группа зажиточных землевладельцев все больше игнорировала интересы крестьян и нарушала традиционные хозяйственные нормы сельской общины казаншерика.

Саудагар-дехкане или гушнахуры имели по 40—80 и более танапов земли [82]. В изучаемом районе были владельцы и 100—200 танапов. Размеры их земельных владений во многом зависели от их преуспевания в сфере торговли, ростовщичества, спекуляции, подрядничества. Обработкой земли и возделыванием сельскохозяйственных культур они лично сами уже не занимались, для этого нанимали чайрикоров, етимов и мардикоров. Число указанных работников и соотношение их в хозяйстве было различным в зависимости от конкретных условий. Так, гушнахур, у которого в семье был взрослый сын, брат или другой родственник, которому он мог поручить ведение сельского хозяйства, вовсе не брал чайрикоров (или брал их мало), ограничиваясь наймом батраков-етимов на определенный срок, которым должен был платить заранее обусловленную сумму денег, независимо от урожая. Обычно денежная плата колебалась от 2 до

[82] Четыре танапа составляли в этом районе 1 десятину.

4 генег в день, т. е. 50—70 руб. в год. Кроме того, батраку полагались хозяйские харчи и рабочая одежда. Етим работал по указанию хозяина или чайрикора (если таковой имелся). Ему поручали менее ответственную, но особенно тяжелую работу — взрыхлять землю кетменем, возить навоз и распределять его по полю и т. д. Одной из основных обязанностей етима считали уход за скотом, в первую очередь за рабочим. В соответствии с этим в Пастдаргомском районе етимами обычно называли тех, кто ухаживал за скотом (подобно каралам в Фергане).

Если гушнахур не имел возможности передать ведение своего хозяйства кому-либо из близких, то он брал нескольких издольщиков-чайрикоров. Иногда в помощь им нанимал и етимов, а в страдную пору также поденщиков-мардикоров. Наиболее крупные землевладельцы нанимали и специального управляющего (*саркор*).

Некоторые торговцы и подрядчики, скупая землю, сами ее не обрабатывали, а сдавали в аренду крестьянам. Такой арендатор считался компаньоном землевладельца и назывался *шерик,* а не чайрикор, так как от хозяина земли он больше ничего не получал: землю он обрабатывал на своих быках, своими орудиями, засевал ее своими семенами и сам же убирал. От готового продукта половину он отдавал хозяину земли.

Гушнахуры, в соответствии с требованиями рынка, стали на своих землях нарушать старое соотношение клиньев — чаще сеяли хлопок, требующий больше воды, в то время как норма воды, выделявшаяся кишлакам, находилась в прежнем соответствии не только с размерами земли, но и видами культур.

Это обстоятельство имело чрезвычайно важные последствия в социальной жизни крестьян. Нарушение баями старого соотношения полевых культур и захват дополнительной воды приводили к попранию прав трудящихся крестьян-общинников в первую очередь при разделе воды. Нарушались и очередности поливов. Становилось правилом, что гушнахуры не только поливали свои участки в числе первых, независимо от расположения их земель на кишлачном арыке, но и пускали на свои участки больше воды, чем полагалось им в соответствии с размерами их земель и системой местного полеводства, и таким образом забирали чужую долю воды. Постепенно они стали уже реже созывать хашары, так как работы на больших участках хлопка требовали больше времени для их выполнения и в другие сроки, чем те, когда община, не нарушив круга хозяйственных связей остальных, могла им предложить работников на помочи. Кроме того, гушнахуры считали работу хашарчилар некачественной. Отказавшись от помочей односельчан, они стали привлекать на полевые работы, помимо чайрикоров и етимов, поденных работников, мардикоров.

Таким образом, эта новая социальная категория, сложившаяся к началу XX в., порывая хозяйственные связи с односельчанами, в большей степени способствовала нарушению сохранявшихся еще пережитков общинных связей в казаншериках.

Следует подчеркнуть, что сохранение старой терминологии для обозначения новых социальных категорий (саудагар-дехкан, чайрикор, етим, мардикор) при изменившемся в значительной степени содержании как нельзя лучше подчеркивает переходный характер изучаемого периода — сочетание в одном лице и феодала и зарождающегося капиталиста, в лице эксплуатируемого крестьянина — черт и феодального издольщика и сельскохозяйственного рабочего капиталистического типа.

Развитие антагонизма в среде узбекского крестьянства происходило, как мы видели, при сохранении значительных пережитков общинных отношений. С одной стороны, необходимость согласованности многих хозяйственных работ, поливов и водопользования сохраняла у населения чувство коллективизма, которое помогло трудящимся при существовавшем низком уровне развития производительных сил лучше использовать природные условия и свои возможности, с другой стороны, эти положительные факторы сводились почти на нет многими отрицательными результатами общинных пережитков. Община мешала дальнейшему развитию новой системы полеводства, распространению новых культур, новых приемов агротехники и главное она породила среди трудящихся крестьян иллюзию общности интересов членов данной общины и этим задерживала развитие классового сознания. Как старые дехкане, так и саудагар-дехкане-гушнахуры XX в. всячески поддерживали эту иллюзию у своих односельчан. Различными «благодеяниями» богачи старались обязать, подчинить себе людей. Для этой цели, помимо экономического давления на рядовых и особенно беднейших членов казаншерика, они в значительной мере использовали сохранявшиеся в кишлаке пережитки общинных традиций.

Несмотря на забитость, на тяжкий груз патриархальных представлений о единстве общины, об обязательности родственных и других обязанностей, среди крестьян Самаркандской области, и всего Туркестанского края, росло недовольство гнетом царизма, эксплуатацией баев как светских, так и духовных. Иногда недовольство перерастало в открытые выступления и принимало форму революционного движения крестьян[83].

[83] О революционном движении крестьян Самаркандской области см.: «История Узбекской ССР», т. I, кн. 2. Ташкент, 1956, стр. 277, 398; С. А. Акрамов. К истории революционных наступлений трудящихся дехкан Самаркандской области в годы первой русской революции (1905—1907 гг.). «Труды Узбекского гос. университета», новая серия, вып. 83. Самарканд, 1958, стр. 249; он же. Самарканд в дни первой русской революции. «Труды Самаркандского гос. университета», новая серия, вып. 101, ч. II. Самарканд, 1960, стр. 39—41; Р. К. Каримов. О роли возвратившихся в Туркестан сыловых рабочих в распространении революционных марксистских идей в крае. «Труды Узбекского гос. университета», новая серия, вып. 75. Самарканд, 1957, стр. 16, 22.

Развитие новых форм хозяйства в Советский период

Великая Октябрьская социалистическая революция явилась началом новой эпохи в истории крестьянства Средней Азии. Советская власть, передав землю трудящимся крестьянам в безвозмездное пользование, провозгласила освобождение их от вековой эксплуатации и тем самым дала возможность начать хозяйствовать по-новому.

Важнейшие аграрные преобразования в Средней Азии начались сразу же после победы Октябрьской революции и проходили в жестокой классовой борьбе. Первая национализация земель, а также сельскохозяйственных и промышленных предприятий (в 1917—1919 гг.) на Нижнем Даргоме коснулась наиболее крупных владельцев; в основном это были представители русской промышленной буржуазии, отдельные местные богатеи-торговцы и волостные чиновники.

Вскоре земельно-водные комитеты, куда входили представители крестьянства, партийные и советские работники, в волостях приступили к переписи населения, подсчету земель, рабочего скота и различного хозяйственного инвентаря, чтобы постепенно подготовить проведение земельно-водной реформы и вовлечь крестьян в различные кооперации. Осуществление аграрных мероприятий Советской власти проходило в тяжелой и сложной обстановке: гражданская война, террор басмаческих банд, разруха народного хозяйства, отсутствие достаточной материальной базы для поддержки новых форм хозяйства со стороны государства. Организация новых форм жизни усложнялась не только военными и экономическими трудностями, но и сопротивлением кишлачных богатеев и духовенства, представители которых нередко пробирались в различные хозяйственные и советские органы с целью помешать всем преобразованиям Советской власти.

Не меньшие трудности в создании новых производственных форм были обусловлены общей культурной отсталостью крестьян, их пассивностью, разобщенностью. Поэтому В. И. Ленин подчеркивал, что «чрезмерная торопливость в этом деле вредна, ибо способна лишь усиливать предубеждения среднего крестьянства против новшеств [84]. Опорой партии и Советской власти в кишлаке был организованный в 1919 г. по указанию В. И. Ленина союз «Кошчи» — объединение безземельных и малоземельных крестьян (этот союз просуществовал до 1930 г., когда, как выполнивший свои задачи, был ликвидирован) [85].

[84] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 208.

[85] М. М. Абрамов. О деятельности союза «Кошчи» в Самаркандской области. «Труды Узбекского гос. университета», новая серия, вып. 83. Самарканд. 1958.

Несмотря на все трудности, новое все прочнее входило в жизнь кишлака. Это новое было не только в существовавших уже тогда коллективных хозяйствах, но и охватывало остальную массу пока еще единоличных хозяйств. В отношении этих крестьян Советская власть продолжала свою политику, с одной стороны, всемерной поддержки трудящихся, с другой — ограничения и вытеснения эксплуататорской части.

Эти задачи осуществлялись различными путями. Первостепенное значение из них имело кооперирование. Простейшей формой кооперации были учреждения мелкого кредита. Для более широкого удовлетворения нужд крестьянства в 1919 г. создавались трудовые кооперативы крестьян-хлопкоробов в форме торговой сбыто-снабженческой организации. В Самаркандской области бо́льшая часть первых коллективных хозяйств носила характер коммун, меньшая — артелей. К середине 1919 г. в Самаркандском уезде насчитывалось 50 коммун и трудовых артелей, которым принадлежало 3357 десятин земли [86]. Однако многие коммуны этих лет вскоре распались, так как для сложения социалистических форм хозяйства еще не было материальной базы, да и крестьяне не были подготовлены к такой высокой форме коллективизации, как обобществление земли, личной собственности, всякого инвентаря и т. д.

Гораздо более приемлемой первичной формой кооперации оказалось товарищество по совместной обработке земли, так как ее члены могли распоряжаться своими доходами и вести конкретный учет работы каждого члена артели. В товариществах земли его членов могли оставаться в их личном пользовании. Уже в 1920 г. таких товариществ в Самаркандской области было 13, а в 1921 — 41 [87].

Настоящее же развитие кооперации началось с 1923 г. после окончания гражданской войны в Туркестане. Тогда была создана кредитная, позже сельскохозяйственная кооперация [88]. Членами этих кооперативов было большинство крестьян разных социальных прослоек, однако при предоставлении кредита учитывалось их социальное положение [89]. По мере восстановления хозяйства сельхозкооперация стала специализироваться. Из нее выделились хлопковая (в 1928 г.), животноводческая, шелководческая и некоторые другие.

[86] Р. Аминова. Аграрная политика Советской власти в Узбекистане (1917—1920 гг.). Ташкент, 1963 г., стр. 102, 103; «Известия» (Самарканд), 16.VII 1919 г.

[87] «Ирригация, сельское хозяйство и животноводство», 1921, № 2.

[88] «Подготовка сплошной коллективизации в Узбекистане (1927—1929)». Ташкент, 1961, стр. 236—241.

[89] По данным Узсельхозбанка, в 1926—1927 гг. 73% кредита было выделено бедняцким хозяйствам, 25,4% — середняцким («Основные черты народного хозяйства Средней Азии в 1926—1927 гг.», вып. I. Ташкент, 1928, стр. 121).

Машинопрокатные пункты предоставляли крестьянам земледельческие машины и орудия на период полевых работ на льготных условиях[90]. Для улучшения агротехники хлопка и других культур во многих местах создавались показательные участки. Большое значение в пропаганде агрономических знаний имели агропункты и две опытно-показательные станции, одна из которых была в кишлаке Чархин (для орошаемой зоны), другая — на станции Ростовцево (для богарной зоны).

Все это способствовало нормализации хозяйственной деятельности и проникновению нового.

Для налаживания хозяйственной жизни крестьян огромное значение имело восстановление ирригационной системы. С 1923 г. началось восстановление неинженерных оросительных сооружений и капитально отремонтирована вся система Даргома. Были установлены равноправие и справедливость в распределении воды. За распределением воды теперь следили не только элликбаши и аксакалы кишлака, но и представители союза «Кошчи», комитета батраков, сельского совета и т. д.

В полевых работах трудящиеся крестьяне, как и прежде, устраивали хашары. Правда, круг участников и виды помочей несколько сократились вследствие вступления части крестьян в артели, а также в результате появления машин на крестьянских полях. При этом следует учесть, что зажиточные крестьяне еще продолжали вести свое хозяйство, используя наемный труд, так как земли многих из них в первый период аграрных мероприятий Советской власти оставались еще их собственностью. Несмотря на запрещение купли и продажи земли[91], баи сумели скупить некоторое количество земли[92], тщательно скрывали размеры своих владений, иногда приписывая эту землю родственникам. Они сдавали свои земли по частям однокишлачникам и малоземельным родственникам, внушая, что оказывают им помощь. Однако все эти ухищрения баев были разоблачены местными советскими и общественными организациями и при земельно-водной реформе 1925—1926 гг. все излишки их земель, выше установленной нормы для этого района (23—36 танапов), были изъяты и переданы бедноте[93].

[90] А. В. Попов. Развитие и укрепление союза рабочего класса и крестьянства в первые годы Советской власти в Туркестане. «Труды Узбекского гос. университета», новая серия, вып. 82. Самарканд, 1957, стр. 109.

[91] «Положение о землепользовании и землеустройстве в Туркестанской Республике РСФСР» утверждено Турк. ЦИКом СНТ АССР 17 ноября 1920 г.

[92] Запрещение торговли землей и объявление недействительным заключение различных земельных сделок было повторено декретом ЦИК Советов Узб. ССР «О национализации земли и воды» 2 декабря 1925 г. См.: «Социалистическое переустройство сельского хозяйства в Узбекистане (1917—1926)». Ташкент, 1962, стр. 243, № 133, § 5.

[93] Там же, стр. 254, 258.

Земельная реформа 1925—1926 гг. не уничтожила полностью эксплуататорских классов и применения наемного труда, но она увеличила число хозяйств, обеспеченных землей, середняцкую прослойку крестьян и упрочила их положение.

Особенно много крестьян стало объединяться в коллективные хозяйства после земельно-водной реформы. Так, на 1 октября 1928 г. в Пастдаргомском районе 26% крестьянских хозяйств были объединены в артели[94], а к 1930 г. почти в каждом сельском совете было по одной артели. Эти хозяйства, как правило, были небольшими: они имели по 10, 15, 20 трудоспособных членов. Для обработки и возделывания земли у них еще не хватало ни рабочего скота, ни хозяйственного инвентаря. Хотя с середины 1920-х годов появились сельскохозяйственные машины, но полное использование их затруднялось разбросанностью и небольшими размерами отдельных участков как в сельскохозяйственных артелях, так и у единоличных крестьян.

Раздробленность земель крестьян, отсутствие правильного землеустройства, тормозившее использование растущей техники[95], внедрение достижений научной агрономии затрудняли дальнейшее развитие сельского хозяйства. Существовавшие же коллективные хозяйства даже при сравнительно слабой материальной базе и организационных недостатках доказывали преимущества объединения труда в общем хозяйстве.

Поэтому в конце 1920-х годов Советская власть перешла к коллективизации всего крестьянства.

* * *

Коллективизация сельского хозяйства была одной из труднейших и сложнейших задач. Она проходила в условиях ожесточенной классовой борьбы. На Нижнем Даргоме, как и в других районах Узбекистана, коллективизация встретила сильное сопротивление эксплуататорских элементов[96]. Большую помощь в деле укрепления колхозов оказали двадцатипятитысячники[97] из Орехово-Зуева, прибывшие в Пастдаргомский район[98].

[94] Ф. Х. Хайдарова. Подъем трудовой и политической активности трудящихся крестьян Узбекистана (1928—1930 гг.). «Труды Узбекского гос. университета», новая серия, вып. 83, стр. 92.

[95] В 1921 г. в Самаркандской области было три машинопрокатных пункта, четыре ремонтных мастерских и 11 агропунктов, один из которых располагался в Чархине. В 1925 г. область получила 30 тракторов, в 1926 — 33. Эти машины сосредоточивали в основном по агропунктам, меньшую часть выделяли для машинных товариществ. В Пастдаргомском районе их насчитывалось пять («Социалистическое переустройство сельского хозяйства в Узбекистане (1917—1926)», стр. 302, 339, 354, 362).

[96] Ф. Х. Хайдарова. Указ. соч., стр 101.

[97] ЦК ВКП(б) по решению Ноябрьского пленума 1929 г. направил в деревню для оказания практической помощи делу коллективизации более 25 тыс. передовых рабочих, имеющих опыт организационно-политической работы.

[98] Ф. Х. Хайдарова. Указ. соч., стр. 90.

Пастдаргомский район оказался одним из передовых в борьбе за новую жизнь. Он стал образцом для других по строительству колхозов. Здесь была организована районная сельскохозяйственная выставка, где демонстрировались достижения колхозов. Эту выставку посетили жители всех районов Самаркандской области. Все хозяйства предгорного кишлака Сазаган еще в 1929 г. объединились в один колхоз, который стал показательным и находился непосредственно в ведении Народного комиссариата земледелия УзССР. Пастдаргомский район — один из первых в Узбекистане завершил сплошную коллективизацию [99]. Колхозы образовались повсеместно в основном к 1930 г. [100]

Коллективизация осуществлялась по линии механизации труда и технического вооружения колхозов, организационно-хозяйственного укрепления их, а также внедрения в различные отрасли сельского хозяйства новой агротехники.

В первые годы существования колхозов крестьяне обрабатывали землю в основном старыми орудиями, однако использование их в колхозах давало лучший результат, чем в мелких индивидуальных хозяйствах. С первых же лет, когда были организованы машинно-тракторные станции (МТС), проводилась механизация общественного труда крестьян. В 1930 г. была организована машинно-тракторная станция в Джуме [101]. Наряду с машинами в колхозах этих лет стал широко использоваться мелкий сельскохозяйственный инвентарь новых видов — плуги, бороны, сеялки и т. п., находившиеся в собственности колхозов [102].

Особенно остро стоял вопрос о кадрах, способных руководить крупным хозяйством, о специалистах, о работниках массовой квалификации (бригадирах, звеньевых, табельщиках, трактористах и др.). Постоянно проводилась сложная работа по приобщению женщин к работе в колхозах.

Дальнейшая механизация сельскохозяйственного производства, освоение новых земель под орошаемое земледелие, развитие, наряду с хлопководством, и других отраслей хозяйства колхозов также были первоочередными задачами, которые успешно решены в период строительства социализма в СССР.

К началу 1940-х годов трудности коренной перестройки сельского хозяйства были уже позади. На селе выросли умелые руководители общественного хозяйства, крестьяне освоились с новыми формами ведения хозяйства. Узбекское крестьянство, занятое мирным трудом, шло к новым победам в строительстве социализма.

[99] Ф. Х. Хайдарова. Указ. соч., стр. 92—94.
[100] «Подготовка сплошной коллективизации в Узбекистане (1927—1929)», стр. 377.
[101] М. Бабахаджаев. Из опыта работы партийной организации 1-й Пастдаргомской МТС. Ташкент, 1956.
[102] «История народного хозяйства Узбекистана», т. I. Ташкент, 1962, стр. 366.

Вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз прервало мирное развитие страны. Великая Отечественная война явилась суровым экзаменом на прочность колхозного строя. Колхозы с честью выдержали этот экзамен.

Восстановление хозяйства нашей страны в послевоенные годы не было простым приведением его в довоенное состояние: оно было и развитием на более высоком уровне.

Советское государство, учитывая особую важность хлопководства, поставило одной из задач послевоенного пятилетнего плана — повысить уровень механизации возделывания хлопчатника в Узбекистане. В 1950-е годы хлопководческие районы получили большое число новых сельскохозяйственных машин, приспособленных для возделывания хлопка. Механизмы сначала применялись для выполнения таких наиболее важных и трудоемких видов полевых работ, как вспашка, сев, боронование [103].

Еще в предвоенные годы в Узбекистане наметилась тенденция роста техники, принадлежавшей колхозам, однако в то время стоимость машин составляла лишь $^3/_5$ части стоимости машин, предоставляемых им государством (МТС) [104]. В послевоенные годы в результате экономического развития и роста общественных доходов многие колхозы были в состоянии приобретать и крупные сельскохозяйственные машины. Учитывая это положение, в феврале 1958 г. Пленум ЦК КПСС принял постановление о реорганизации МТС с тем, чтобы постепенно всю технику передать в собственность колхозам [105].

* * *

Рост сельскохозяйственной техники, развитие новых социальных отношений постоянно влияли на организацию и размеры общественного производства крестьян, а также на формы их коллективного труда. Колхозы уже в 1934—1935 гг. вследствие незначительности размеров оказались не в состоянии использовать машины в полном масштабе, несмотря на маломощность, несовершенство и малое количество техники того времени. Задача укрупнения колхозов встала на повестку дня. Для развития механизации труда требовалось произвести перепланировку общественных полей в соответствии с новой техникой, а это влекло за собой необходимость изменить размещение полевых культур, обеспечить посев одной культуры на больших площадях. Все эти преобразования привели к созданию новых форм общественного труда колхозников [106].

[103] «История народного хозяйства Узбекистана», т. I, стр. 292, 293.
[104] Там же, табл. 55.
[105] «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций». «Правда», 28.II 1958 г.
[106] С. С. Саидалиев. Борьба за осуществление ленинского кооперативного плана в Узбекистане. Ташкент, 1958; О. Б. Джамалов. Развитие материально-производст-

Попытаемся проследить, основываясь на полевых этнографических материалах, развитие форм коллективного труда в колхозах Нижнего Даргома.

Первые колхозы соответствовали одному казаншерику, т. е. в один колхоз объединялись хозяйства, земли которых орошались одним отводным каналом — арыком. Первое укрупнение колхозов произошло в 1933—1935 гг.: один колхоз объединил два прежних мелких колхоза, каждый из которых соответствовал одному казаншерику [107]. Причем объединялись те казаншерики, крестьяне которых, как и до революции, считали друг друга *тойдаш караказан* (см. стр. 74).

На втором этапе укрупнения (1949—1950 гг.) в один колхоз слились все колхозы, земли которых орошались одним магистральным каналом, т. е. в один колхоз вошли уже и те казаншерики, которые не были тойдашами, а иногда даже сохраняли отголоски былых, несколько неприязненных отношений на почве борьбы за пастбища и угодья и под влиянием традиционного соперничества. Наконец, в результате третьего укрупнения (1959—1960 гг.) были объединены в один колхоз кишлаки по соседним магистральным каналам. Так, колхоз «Коммунизм» Пастдаргомского района объединил кишлаки по магистральным каналам Димишк, Чархин и Ертешар, в него вошли также несколько предгорных кишлаков, тяготевших к этому району.

Результаты создания укрупненных колхозов были разительны — постепенное объединение хозяйств все в большей степени нарушало старые нормы связей крестьян, принадлежавших к разным казаншерикам. В первые годы, когда один колхоз состоял из одного казаншерика, еще не успели измениться состояние общественных земель, число и расположение кишлаков, водная система и т. д., т. е. все то, что вырабатывалось и устанавливалось веками в соответствии со старыми хозяйственными отношениями, сохранялась даже прежняя раздробленность полей; на участках нередко работали их бывшие хозяева. Наряду со все расширяющимися посевами хлопка на общественных полях выращивали традиционные и некоторые новые культуры — пшеницу, кукурузу, джугару, бахчевые, овощи. Ассортимент овощей стал расширяться именно с этого времени — появились капуста, помидоры, баклажаны (особенно в восточной половине района и вокруг таких крупных центров, как Джума), картофель в зонах черных песчаных земель, т. е. в низовьях магистральных каналов. В это время на общественных землях еще применялась

венной базы колхозов Узбекистана. Ташкент, 1959; «История народного хозяйства Узбекистана». Ташкент, 1962.

[107] Попытка образовать крупные колхозы из селений, входивших в несколько казаншериков, в тот период оказалась безуспешной — через четыре — шесть месяцев такие чрезмерно крупные для того времени колхозы разделились на более мелкие.

старая агротехника: поле разбивали на мелкие палы, все культуры, даже хлопок, сеяли вразброс и поливали способом затопления. Машинная вспашка части земель под хлопок не изменяла еще другие циклы работ по возделыванию культур. При этом необходимо иметь в виду, что в первый период еще не все кишлачные земли были обобществлены и подчинены новому распределению культур, так как сохранялись и единоличные хозяйства, а общественные поля, по-прежнему разделенные на мелкие участки, чередовались с летними усадьбами крестьян, виноградниками и садами, а также паром, пустошами, неосвоенными, заросшими землями. Часть общественных земель все еще делили на три клина и чередовали посевы категорий ак и кук. И все-таки и в этой системе полеводства, сохранявшей характерные черты прежнего хозяйства, возникло новшество, имевшее большое значение: возделывание разнообразных культур в колхозах осуществлялось не на мелких участках земель, как прежде, а в масштабах одного кишлака, и каждый клин определенных культур теперь занимал целиком $^1/_3$ земель кишлака.

Вообще новшества в технике земледелия для колхозников не имели такой остроты, как вопросы сложения новых производственных отношений, связанные с управлением колхозов и организацией труда, с его оплатой. Председатели первых колхозов и другие руководящие работники были в основном из числа активистов, выдвинувшихся при проведении земельной реформы и коллективизации из деятелей союза «Кошчи» и других организаций. Опыта в новом деле и у них не было. Колхозники работали на землях своих кишлаков, получая задания от председателя [108] и других членов правления — представителей от каждого кишлака. Большое значение имел табельщик, который тогда назывался *старчи рабочи* [109]; роль его заключалась в учете проделанной работы и раздаче талонов *патта* членам колхоза, выполнявшим какие-либо общественные работы.

В укрупненных колхозах крестьянам пришлось приучаться к управлению общественным хозяйством. При осуществлении тех или иных мероприятий колхозники, в том числе и члены правления, вначале нередко проявляли заботу не столько об общеколхозных интересах, сколько об интересах своего бывшего колхоза, т. е. своего казаншерика.

Сохранявшаяся в мелких колхозах раздробленность земель и старая система полеводства были ликвидированы постепенно: устройство земель и изменение направления полеводства шло одновременно с внедрением новой формы организации коллективного труда колхозников в полеводстве — созданием бригад

[108] В те годы председателя чаще называли *онбаши* (ўнбоши — десятник).

[109] От русского «старший рабочий».

и звеньев [110]. Принятые как основная форма организации труда, они на протяжении 30 лет менялись в соответствии с изменениями в производстве.

Вначале одна бригада состояла из колхозников одного кишлака и делилась на два-четыре звена (в Самаркандской области преобладал мелкокишлачный тип расселения, см. стр. 15); соответственно этому земли, расположенные вокруг кишлака и составлявшие участок бригады, были разделены на две — четыре части. За звеном закреплялись кишлачные земли, которые располагались ближе к дому звеньевого, и, таким образом, в их состав могла войти и бывшая земля звеньевого или его родителей. Состав звена подбирал сам звеньевой. Нередко он брал в звено своих близких родственников или друзей. Тогда в какой-то мере нарушался один из существенных устоев хозяйствования старой общины, объединявшей соседей по селению, земли которых находились также в одном месте, так как члены звена не всегда являлись соседями и, таким образом, далеко не всегда работали на землях, которые прежде принадлежали им или их родителям.

Звеньевая система организации оказалась удачной. В первый же год ее существования производственный план был выполнен почти каждым звеном. Конечно, в этом успехе немалую роль сыграло распространение и в изучаемом районе более совершенной агротехники, применявшейся ферганскими хлопкоробами: переход на джуячный способ орошения [111]. Но основную роль сыграли правильная организация труда [112]. Звено являлось наиболее удобной формой труда для колхозников. Оно состояло из небольшого числа людей, примерно равного тому, которое собиралось прежде на хашары. Первые годы, как правило, звеньевыми назначали пожилых людей, опытных, знавших тогдашнее полеводство. Для создания сплоченного и дружного коллектива авторитет старшего имел большое значение; звеньям была предоставлена значительная свобода действий в выполнении ежедневных полевых работ, от способностей звеньевых зависел успех этих небольших коллективов. Звеньевой первоначально в основном выполнял те же виды и норму работы, что и другие. С увеличением посевов хлопка, а следовательно и поливов, которые

[110] Параграф VII Примерного устава сельскохозяйственной артели, принятого Вторым съездом колхозников и утвержденный СНК СССР и ЦК ВКП(б) 17 февраля 1935 г.

[111] Для обучения колхозников джуячному способу орошения и связанной с ним дальнейшей обработке хлопка в хлопкосеющие районы других областей Узбекистана, в частности Самаркандской области, были направлены ферганские хлопкоробы. Часть ферганских хлопкоробов переселилась на земли нового орошения Узбекистана и Таджикистана и сыграла значительную роль в приобщении крестьян, ранее не занимавшихся хлопководством, к возделыванию этой культуры.

[112] Из-за отсутствия необходимой организации труда до создания звеньев ферганские колхозники также не справлялись со своими работами, хотя джуячный способ возделывания пропашных культур был им известен с давних времен.

стали более сложными после перехода на систему джуяков, а также с развитием агротехники, обязанности звеньевого расширялись и становились все разнообразнее, росла его ответственность, в результате увеличивалась и оплата его труда. Создание звеньев изменило расположение полевых культур на общественных землях. Правления колхозов, стремясь и расширить хлопковые поля и сохранить плодородие своих земель, решили ввести плодосменную систему полеводства во всех бригадах и звеньях одновременно. Поэтому вначале на землях каждого звена выращивали понемногу все те культуры, которые были включены в плановые посевы колхоза в целом. Тогда звеньевые многих бригад и решили посеять хлопок на смежных участках. В результате хлопковые поля всех или почти всех звеньев данного колхоза располагались, примыкая друг к другу и образуя единый массив, а кишлаки оказались в хлопковом кольце. Это было удобно не только для поливов, но и для экономного использования машин, которых еще недоставало. На окраинах своих земель, т. е. за хлопковыми полями, звенья сеяли другие культуры и одинаковые виды их также старались сосредоточить на смежных участках. На третий год после первого укрупнения колхозов старая система севооборота на полях уже исчезла.

Первоначально в бригадах существовали звенья разного направления: овощеводческое, зерновое, кукурузно-джугаровое и др. Члены этих звеньев по мере освобождения от своих работ помогали хлопководческим. Сразу же после Великой Отечественной войны эта система была изменена: были созданы специализированные бригады (овощеводческие, зерновые, садоводческие и хлопководческие). Но в них звеньевая система сохранялась. Работа колхозников в звеньях стала более наглядной, контролируемой каждым из них. Одно звено колхозников работало отдельно от другого и получало по выработанным трудодням в соответствии с принятой в колхозах тарифной сеткой. Поэтому заинтересованность их в общественном хозяйстве необычайно повышалась. Работы в звеньях в результате широкого распространения метода соревнования и материального поощрения проходили очень напряженно, особенно в период сбора хлопка.

Расширение участков, обрабатывавшихся коллективом бригады и звена, имело существенное значение и для сближения людей. Во второй половине 1930-х годов, когда начали перепахивать и объединять в один массив многочисленные мелкие участки, раньше принадлежавшие отдельным хозяйствам, по словам пожилых колхозников, крестьяне отмечали это без огорчений. Во время пахоты и ликвидации границ между этими участками они приходили на свои бывшие наделы и говорили: «Да, раз наши земли объединились, то значит теперь объединились и мы сами, и котлы наши» («Ҳа, мана ерларимиз бир бўлди, энди ўзимиз ҳам, қозонимиз ҳам бир бўлди»). Многие приходили

друг к другу в дома, очень подробно и горячо обсуждали вопросы, связанные с ведением общественного хозяйства, с его дальнейшим развитием. Таков был результат первой реорганизации колхозов.

На втором этапе реорганизации колхозов, залечив раны военных лет, Советское государство смогло направить в колхозы разнообразную и многочисленную технику. Он знаменуется окончательным исчезновением мелких участков. Общественные поля были так перепланированы и расширены, что даже старики не могли уже точно определить земли прежних единоличников. Многие участки стали теперь называться по именам звеньевых или по каким-либо приметным признакам.

Этот период характеризуется и исчезновением необработанных островков земли среди хлопкового моря на орошаемых землях. Такие участки обычно были неудобными для выращивания на них культур, освоение которых задерживалось из-за отсутствия необходимой техники. Большинство этих участков служило в прошлом границами между землями групп кишлаков-казаншериков. Таким образом, освоение их ликвидировало границы земель прежних казаншериков. Важным событием этого периода, объясняемым в конечном итоге также ростом техники, является ликвидация звеньев в хлопководческих бригадах.

С дальнейшим развитием хлопководства под хлопок отводили все большие площади, и колхозники занимались в основном его выращиванием, причем по-прежнему существовало деление на звенья. Но что было хорошо при наличии мелких участков, оказалось неудобным при изменившихся условиях (постоянно увеличивающиеся размеры хлопковых площадей, введение джуйчного способа орошения и т. д.).

Непосредственной причиной отмены звеньевой системы послужило несоответствие между трудом колхозников и его оплатой. В то время когда была установлена система организации коллективного труда по звеньям, она соответствовала и невысокому уровню механизации и еще небольшому опыту коллективного труда колхозников. Тогда каждое звено справлялось со своими работами без помощи других и оплата труда производилась в соответствии с успехом каждого звена в отдельности. Увеличение количества и мощности пахотных тракторов заставило объединять звенья бригады для выполнения работ, которые требовали еще ручного труда. В дальнейшем по мере развития техники (количества, мощности и видов), при одновременном расширении посевов одной и той же культуры — хлопка, с одной стороны, а с другой — сохранении ручного труда (хотя и в значительно меньшей степени) на некоторых видах работ звенья все чаще и чаще были вместе. Более того, в некоторых случаях начали объединяться даже бригады. Поэтому начисление оплаты по старой системе стало носить формальный характер.

В итоге к концу второго периода укрупнения звеньев во многих местах практически не существовали. Каждый колхозник стал получать за свой труд отдельно, в зависимости от успехов его бригады. Помимо необходимости улучшить организацию труда, причиной ликвидации звеньев явились и изменения в агротехнике, в методе орошения и т. п.

На третьем этапе реорганизации в районе Нижнего Даргома образовалось 12 крупных коллективных хозяйств. За каждым из этих коллективов было закреплено примерно 13—15 тыс. га земли. Большая часть колхозных земель находится в общественном пользовании и лишь незначительная часть, выделенная под приусадебные участки, осталась в личном хозяйстве крестьян.

Общественные земли каждого колхоза делятся на отдельные крупные массивы, расположенные во всех зонах Зеравшанской долины: в пойме Карадарьи, в системе самого Даргома, в степной зоне — подгорной равнине и в предгорьях. Наиболее крупными и давно освоенными являются орошаемые земли бассейна Даргома и богарные участки и пастбища в степи и в предгорьях. Освоение заболоченных, заросших камышами и различными кустарниками целинных земель в пойме Карадарьи, колхозникам стало под силу лишь в послевоенные годы, когда у них появились современные мощные машины. Состояние общественных земель, равно как и вся система полеводства, в корне отличаются даже от коллективных хозяйств довоенного периода. В орошаемой зоне, в соответствии с современной техникой, посевные площади разбиты на большие участки (по 15—40 га), называемые *картами* (карта́), в большинстве правильной прямоугольной формы. На границах этих крупных карт сравнительно мало каких-либо насаждений. Там пролегают временные тропинки и дороги. Вдоль внешних границ с землями других бригад и колхозов или по обочинам постоянных дорог и магистральных каналов растут шелковичные деревья, фруктовые (в основном абрикосовые) сады. Виноградники и специальные тутовые плантации располагаются вблизи населенных пунктов.

Основная площадь общественных орошаемых земель занята хлопком. На вновь осваиваемых пойменных землях сначала выращивают разнообразные культуры: рис, который через два-три года целиком или частично заменяют кукурузой, картофель и другие овощи, и только после этого пробуют сеять хлопок. Подобное чередование культур на засоленных, заболоченных землях является одним из широко распространенных и издавна известных способов их освоения.

На такие же крупные карты делятся и вновь освоенные под хлопок земли, орошенные после проведения канала Эски-Анхор. В отличие от пойменных земель здесь хлопок сеют в первый же год. Так, в 1965 г. на урочище Ханчарвак, где было орошено 1,5 тыс. га целины, колхозники ряда колхозов и рабочие совхоза

«40 лет Узбекистана» посеяли хлопок, а также бахчевые (главным образом дыни и арбузы) и огородные культуры; значительные площади были под садами и виноградниками.

На предгорных участках по-прежнему основное место занимают посевы пшеницы под дождь, а на искусственно орошаемых землях — клевера и кукурузы. Площади под пшеницей в результате развития овцеводства (каракулеводство) сильно сократились (особенно на горных склонах). Вид полей на богаре остается без изменений: как и прежде — открытые широкие участки без всяких древесных насаждений.

Под богарную пшеницу отводят участки, значительно удаленные от гор. Их южные окраины, ближе расположенные к горам, как и горные склоны являются пастбищами. Поливные земли сосредоточиваются в ложбинах горных ущелий, иногда они выходят в предгорья. Эти участки поливных земель мелкие, располагаются они террасами и кругом обсажены фруктовыми деревьями и шелковицей. Расширять их сейчас невозможно из-за гористого рельефа и недостатка воды. Соотношение богарных и поливных посевов на предгорных участках примерно 10 : 1.

Таким образом, в настоящее время на общественных полях выращивают в основном две культуры: богарную пшеницу в предгорной зоне и поливной хлопок по Даргому. Второстепенными культурами являются ячмень, люцерна, рис, кукуруза, бахчевые, овощи и некоторые кормовые культуры. Хотя пшеница и хлопок в полеводстве колхозов занимают одинаковые площади (иногда зерновые по мере удаления на запад по Даргому, т. е. к его низовьям все более превалируют), однако по своей доходности хлопководство имеет несравнимо большее значение для колхозов [113].

Все общественные земли в каждом хозяйстве распределены между бригадами. За ними закреплены машины, необходимые для механизированной обработки выделенных бригадам полей и уборки с них урожая. В настоящее время на Нижнем Даргоме бригады называются тракторно-полеводческими, а некоторые из них — бригадами комплексной механизации. То или иное название зависит от количества техники, закрепленной за отдельной бригадой, и степени механизации труда. Теперь бригады почти полностью заняты выращиванием хлопка. На них лежит также уход за имеющимися на их территории садами и виноградниками. На старых массивах зоны поливного земледелия каждой бригаде отводятся земли, орошаемые одним отводом от магистрального канала. Поэтому тракторно-полеводческая бригада состоит из жителей, как правило, тех четырех кишлаков, которые, располагаясь на одном отводном канале, в первые годы коллективизации вошли в один колхоз, а в прошлом составляли один казаншерик. Но в последние годы, в связи с переселением колхозников из мелких кишлаков в объединенные крупные поселки, память о принадлежности членов бригады к одному казаншерику все более стирается.

[113] Обстоятельное описание сельского хозяйства Самаркандской обл. см.: З. М. Акрамов. География сельского хозяйства Самаркандской и Бухарской областей, ч. I. Ташкент, 1961.

Управление таким большим и сложным хозяйством, как хозяйство полеводческой бригады, за которым закрепляется не меньше 80 га только одного хлопка, стало не под силу одному бригадиру и табельщику, поэтому в некоторых бригадах вновь возрождаются звенья. Однако эти звенья отличаются от прежних в самом основном: в оплате труда и во взаимоотношениях членов звена. Теперь работа колхозников учитывается и оплачивается не по звеньям, а только индивидуально, и это стимулирует производительность труда. При подборе членов звена исходят из чисто производственных интересов. Давно прошло время, когда звено составляли родственники. Теперь в одно звено нередко входят колхозники, не только принадлежавшие в прошлом к разным родоплеменным группам, но и к различным национальностям. Бригадиры стараются равномерно распределять людей, чтобы в каждом звене были колхозники различного возраста и пола, специальностей, способностей. Звенья образуются соответственно размерам земельных карт, полив и обработку которых обеспечивает определенная и постоянная группа людей.

В механизированных бригадах (например, в бригаде из жителей кишлаков, расположенных по каналу Чархин) часть колхозников, овладевших механизмами (трактористы, их помощники и персонал, обслуживающий машины), объединены в одно звено трактористов. В другое звено объединены все остальные члены бригады. Поэтому звенья не одинаковы по величине: в первом звене оказывается меньше людей, но они специалисты; здесь в основном мужчины молодого и среднего возраста. В подобных бригадах разделение на звенья имеет несколько формальный характер, ибо в течение года оба звена трудятся обычно совместно, выполняя свои специфические виды работ.

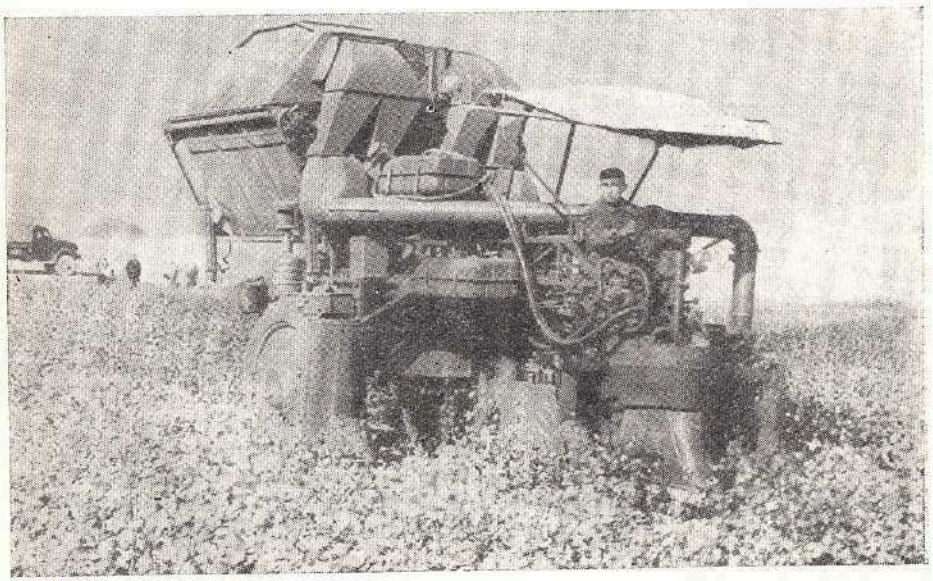
Важной особенностью современного объединения колхозников в звенья является то, что они объединяют большее число людей и за ними закреплены более крупные участки земель, чем прежде: самые мелкие звенья обрабатывают одну-две поливные карты. Состав бригад различен: в одних бригадах шесть — семь звеньев, в других два — четыре.

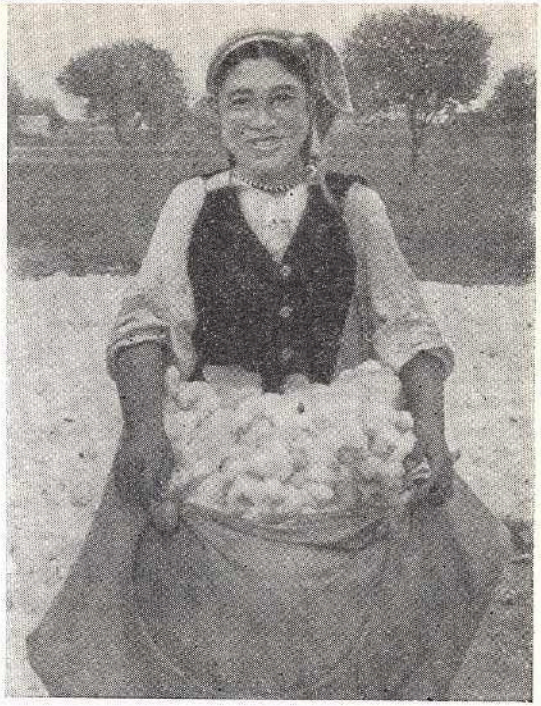
С развитием механизации общественного хозяйства в организации труда колхозников, особенно хлопкоробов, возникли две примечательные черты. Колхозники все больше отрывались от определенных и сравнительно небольших участков общественных земель, поле их деятельности расширялось — сначала (до

1933—1934 гг.) люди работали на своих бывших участках, потом только в пределах земель своих звеньев, позже — на землях двух звеньев (хлопкоробам помогали колхозники из других звеньев — овощеводческих, зерновых и др.). До 1950—1952 гг. весь коллектив стал трудиться на всем участке своей бригады; в настоящее время колхозники, проживающие в предгорных кишлаках и занятые выращиванием зерновых, в животноводстве, все чаще спускаются на долинные земли своих колхозов. В горячую пору они помогают хлопкоробам, а часть из них постоянно работает на недавно освоенных землях, далеко расположенных от места их проживания. Другой чертой является то, что на полях людей, работающих одновременно, становится все меньше. В прошлом люди находились на полях в течение всего хозяйственного года (за исключением короткого зимнего периода). Весной одновременно с пахотой, малованием [114] и вывозом удобрения (на быках, лошадях, машинах) большая группа людей тут же разбивала кетменями комья; часть людей очищала оросительные каналы, сеяла зерновые (пшеницу, джугару, кукурузу). Вскоре начиналась пора прореживания хлопка и прополка. Потом неоднократно его вручную окучивали и поливали, вносили дополнительно удобрения. После сравнительно легкой работы по чеканке хлопка и кратковременного перерыва колхозники приступали к самому ответственному периоду — сбору хлопка и сдаче его на государственные пункты. Год завершался очисткой полей от стеблей хлопка *гузапаи* (ғўзапоя) и сбором с них нераскрывшихся коробочек *курак* (кўрак), которые затем в помещении раскрывали руками, доставая вату.

[114] Заравнивание почвы и разбивка крупных комьев при помощи специальной доски с железными зубьями с одной стороны — мала.

Уборка хлопка в колхозе «Коммунизм» (фото В. И. Котовского)

Сборщица хлопка Халима Каримова (колхоз «Коммунизм»; фото Г. П. Снесарева)

Постепенно машины заменяли людей. В первую очередь колхозники освободились от пахоты, малования и разбивания комьев кетменем. К концу 1950-х годов колхозники окучивали хлопок уже только в одном, поперечном направлении (окучивание вдоль борозд производилось машинами), а в настоящее время его обрабатывают в обоих направлениях машинами. Люди освободились также от выкорчевки и сбора гузапаи и очистки курака. Сейчас колхозники считают два периода полевых работ наиболее напряженными и требующими объединения всех членов бригады на одних участках: весной — прореживание *ягона* и прополка *отак* (ўтоқ), и осенью — сбор хлопка *пахта терим*. С введением квадратно-гнездового способа посева и особенно с применением сеялки точного высева проблема механизации весенних работ также вскоре будет разрешена. Вопрос машинного сбора хлопка разрешается медленнее, колхозники все еще собирают часть хлопка вручную [115]. Поэтому в это время на поля выходят

[115] Причиной этого является несовершенство хлопкоуборочных машин, которые требуют определенного состояния полей, что не всегда достигается.

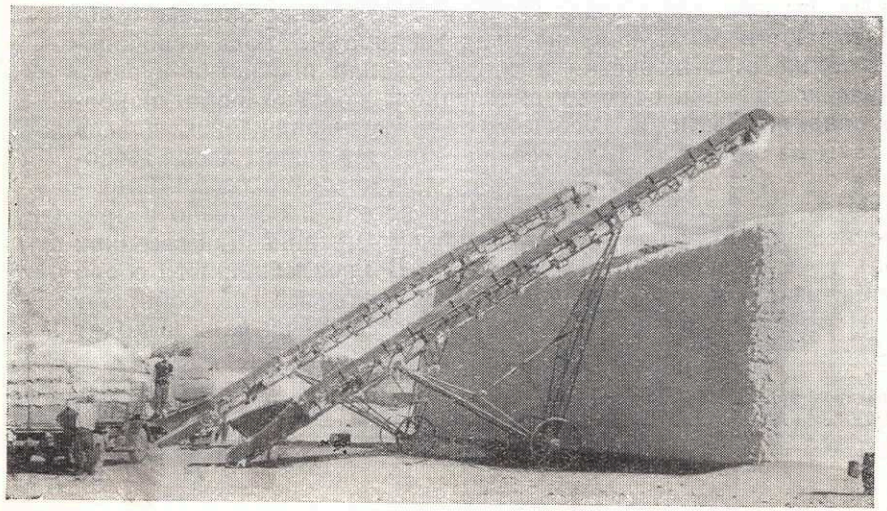
все члены бригады, на помощь хлопкоробам приезжают жители предгорных кишлаков, где к осени завершаются все основные работы на полях.

В 1960—1962 гг., когда нами проводился сбор этнографических материалов в Пастдаргомском районе, на отдаленных, вновь освоенных под хлопок землях, колхозники работали бригадами. В таких бригадах существовал ряд трудностей, связанных с удаленностью участков от центральной усадьбы колхозов. Состав этих бригад не был постоянным, они почти ежегодно переукомплектовывались из различных хлопководческих бригад, расположенных на старых землях. На новых землях вначале жили, изредка наезжая домой, лишь немногие, большинство же работало в своей бригаде по определенным сезонам, а на остальное время возвращалось в свой кишлак к семьям. Однако такое положение сохраняется обычно только в первые годы освоения. Постепенно на этих участках создаются постоянные благоустроенные поселки, в которых поселяются члены бригады со своими семьями.

В специальные бригады химизаторов, по заготовке кормов, строительную и т. п. входят колхозники, живущие в различных кишлаках. Работники бухгалтерии, конторы, мастерских, шоферы также живут в разных кишлаках.

Несколько иное положение бригады механизаторов (они живут также в различных селениях). Эта бригада делится на две или три части, в зависимости от количества машин в колхозе, размеров и планировки хлопковых полей, при этом трактористов и их помощников прикрепляют для работы к тем тракторно-по-

Укладывание хлопка в бунты на заготовительном пункте в Чархине (фото В. И. Котовского)

Обрезка тутовых веток для выкормки шелкопряда (колхоз «Коммунизм»; фото Н. С. Кармазина)

леводческим бригадам, на территории или вблизи которых они живут.

Члены тракторно-полеводческих бригад наряду с хлопководством занимаются и шелководством, которое прекрасно сочетается с хлопководством, так как тутовые насаждения занимают участки земли, непригодные или малопригодные под посевы хлопка. При этом, однако, большое значение для развития этих двух отраслей хозяйства имеет правильная организация совместного использования трудовых резервов, хозяйственных помещений и транспортных средств, ибо период выкормки гусениц, являющийся одним из напряженных в хозяйственном году, совпадает с не менее трудным периодом весенних полевых работ: посевом и прореживанием всходов хлопка.

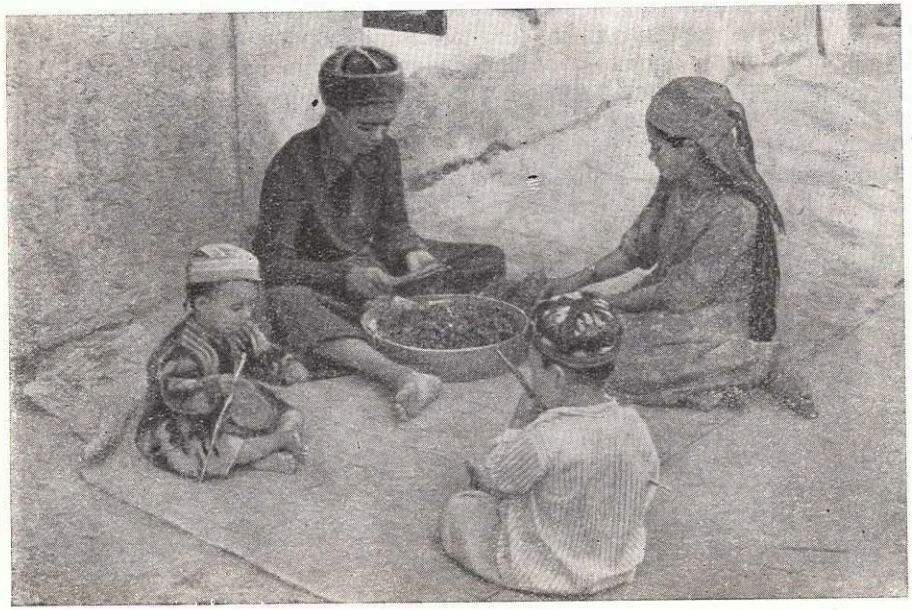
Выкормка шелкопряда продолжается около двух месяцев (апрель-май). На этот период все шелководы колхоза разделяются на две-три бригады, а внутри их — на звенья. Звенья состоят в основном из женщин. Члены одного звена обычно являются ближайшими родственниками (мать с дочерью, свекровь с невестками или сестры и т. д.) или большими приятельницами. Выкормка шелкопряда считается делом не только физически тяжелым, но и особенно тонким — *нозик,* требующим неослабного внимания. Малейшая нерадивость с чьей-либо стороны приводит к значительной потере урожайности, и поэтому члены звеньев

должны хорошо знать друг друга. В случае недовольства кем-либо состав членов звена на следующий год меняется. Хороший урожай коконов неизменно объясняют большой дружбой между членами звена.

Хотя в звено обычно входит всего три-четыре женщины, однако в горячее время им помогают все члены семей шелководов. Мужчины занимаются рубкой ветвей тутовника по краям хлопковых карт или на плантациях и их доставкой на машинах и арбах в помещения, где выкармливают червей. Женщины нарезают ветки, раскладывают их на специально устраиваемые помосты *сукичак*, чистят помещения, топят печки, следят за температурой и влажностью воздуха. Помогают даже дети, особенно в первые дни после появления червей, когда их полагается кормить мелко нарезанными листьями тутовника. За состоянием тутового шелкопряда следят все: члены шелководческой бригады, руководители полевых бригад, члены правления колхоза, председатель и парторг. Для сбора коконов каждое звено созывает хашар, и все женщины бригады считают своим долгом пойти помочь своим соседкам. Устроители хашаров готовят для всех пришедших различную вкусную еду, среди которой обязательно имеется *ширбиринч* (молочная каша из риса) — традиционное блюдо на любых женских собраниях.

Члены тракторно-полеводческих бригад, как уже отмечалось, занимаются уходом за садами и виноградниками, имеющимися на

Дети за нарезкой листьев тутовника для выкормки шелкопряда (к. Намазго, колхоз «Коммунизм»; фото Н. С. Кармазина)

Женщины за выборкой коконов шелкопряда (к. Балхион, колхоз «Коммунизм»; фото Н. С. Кармазина)

их территории. К этой работе обычно привлекают любителей преимущественно из среды пожилых мужчин. Ряд процессов по обработке почвы в садах и виноградниках механизирован. В сборе урожая большое участие принимают женщины. В восточной части района, ближе к городу Самарканду, под виноградники и сады отводят в основном земли того же типа, что и под хлопок. Это довольно большие площади на прикишлачных территориях (чтобы не разбивать хлопковые поля). В западной части района товарное значение имеют виноградники, размещенные в мелких оазисах предгорий.

Фрукты и виноград в большинстве колхозов не перерабатывают: их сдают в заготовительные организации, на консервные и винные заводы, лишь некоторые колхозы, имеющие свои винные заводы, делают из своего винограда вина (например, колхоз «Коммунизм»).

Садоводство и виноградарство относятся к высокотоварным отраслям сельского хозяйства Самаркандской области, имеющим, как и хлопководство, общесоюзное значение.

Возделыванием риса, которое имеет потребительское значение, в большинстве колхозов изучаемого района занимаются рисоводческие звенья. В колхозе «Коммунизм» рисоводческое звено входит в состав кормовой бригады. Организационно положение этих звеньев различно. Рисовые поля колхоза «Коммунизм» расположены на участке Балаташ в пойме Карадарьи.

В возделывание культуры риса много нового внесли корейцы, которые в основном составляют рисоводческие звенья.

Работы по выращиванию рисовой культуры начинаются в феврале: очищают каналы, а на вновь освоенных землях еще выкорчевывают и вырубают деревья и кустарники, выжигают траву. После пахоты, которую проводят тракторами, вручную кетменями делают валики-палы между участками *чек* поливного поля. Самые опытные рисоводы следят за тем, чтобы земля в чеках была как можно ровнее, а валики соответствовали рельефу местности. В конце апреля заливают поля водой. В это время на помощь мирабу, от искусной работы которого зависит урожай, выделяют двух-трех человек. Залив водой чеки, еще раз выравнивают почву с помощью особой доски *пончи*. В первых числах мая начинают сев риса. Сеют вручную, вразброс намоченными и проросшими семенами. Перед посевом вода в чеках взмучивается с помощью пончи. Потом осадок покрывает семена, чем заменяется их заделка [116].

Через 15—20 дней после посева появляются ростки риса. С первых чисел июня начинается одна из самых трудоемких операций — прополка, которая в Пастдаргамском районе производится пока вручную. Прополка пордолжается до конца июля. Удобряют землю обычно два раза: 15—25 июня — для лучшего роста стебля и 25 июля — для быстрого созревания колоса. В середине сентября воду закрывают и, когда поле через три-четыре дня подсохнет, приступают к уборке урожая. Рис убирают корейскими серпами *нат*. Скошенный рис связывают в снопы и складывают на валиках. Обмолот риса сейчас, как правило, производят на комбайне. При ручном обмолоте на току устанавливают специально сделанные глиняные или каменные тумбочки *мэтоль*, о которые бьют снопы.

Оставшуюся после обмолота зерна солому скирдуют и отвозят на животноводческие фермы. Землю подготовляют для пахоты, заравнивая поперечные валики. Обычно к ноябрю все работы на рисовом поле заканчиваются. Очистка зерен риса производится на механических колхозных рисорушках [117].

Возделывание зерновых (преимущественно пшеницы и ячменя) на богарных землях, а также люцерны, кукурузы, джугары и других кормовых культур на поливных землях степи и предгорий возлагается на членов особых полеводческих бригад. Число бригад зависит от размеров богарных пашен в колхозе. Бригада делится на звенья или группы. В колхозе «Коммунизм»,

[116] Подобный способ посева существовал у корейцев издавна.

[117] Подробнее о выращивании риса см.: Р. Ш. Джарылгасинова. К вопросу о культурном сближении корейцев Узбекской ССР с соседними народами. «Советская этнография», 1966, № 5, стр. 7—9.

Расположение орошаемых полей террасами в долине Игригулча (фото В. И. Котовского)

например, в 1962 г. такая бригада делилась на две зерноводческие группы. Бригадиры зерноводческих бригад находятся в подчинении заведующего богарным участком, который ведает всем хозяйством колхоза на этом участке. Ему же подчиняются и заведующие животноводческими фермами. Каждая бригада имеет своего учетчика труда— табельщика; кроме того, на участок назначаются два-три поливальщика — мираба. Члены зерноводческих бригад живут компактно в нескольких кишлаках.

Землю для богарных посевов пашут тракторами; машинами убирают и урожай зерновых. Это обстоятельство привело к тому, что на возделывании зерновых работают только механизаторы.

На предгорных участках имеются и поливные земли, на которых выращивают различные кормовые культуры (кукурузу, джугару и особенно люцерну). Их обрабатывают остальные члены зерноводческой бригады.

Ранней весной колхозники этих бригад, в основном молодые и среднего возраста, чистят оросительную сеть, водоемы для сбора родниковой воды для орошения. В это же время ведется пахота и обработка поливных земель. Эти работы здесь выполняются еще живой тягловой силой (лошадьми и быками), так как поливные земли в предгорьях располагаются террасообразно небольшими участками. В конце весны (апрель — май многие члены этих бригад бывают заняты выкормкой шелкопряда.

В июне здесь начинается горячая пора сенокошения, вслед за которым проводится сбор дров, колючек как на землях, расположенных вокруг кишлаков, так и в степи. Наконец, в сентябре, закончив свои дела, все члены бригады уезжают в долину на сбор хлопка. Колхозники предгорной зоны остаются там до окончания хлопкоуборочной кампании, наезжая в свои дома не более одного-двух раз в месяц. Часть людей, освобожденных от работ на хлопке, помогают работникам ферм заготавливать корма на зиму: силосовать, убирать кукурузу, скирдовать сено, косить люцерну, а также пахать поливные участки.

Выращивание овощей, картофеля, бахчевых культур возлагается в колхозах на группы или звенья, которые входят в состав полеводческих бригад (на пойменных землях — в состав кормовой бригады). Выращиванием дынь и арбузов в этих звеньях обычно занимаются старики-любители.

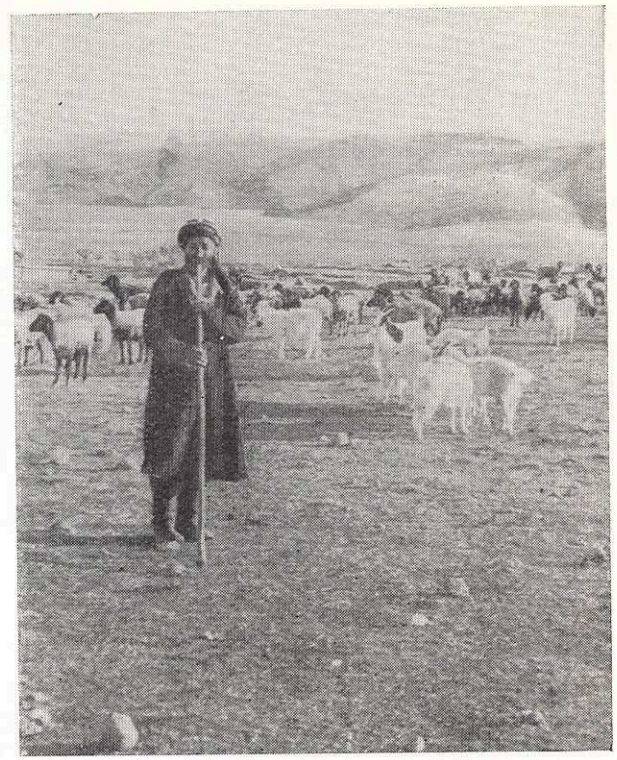
* * *

Своеобразна организация труда в животноводстве по сравнению с полеводством. Весь общественный скот содержится на отдельных фермах по видам животных. Каждый колхоз имеет овцеводческую, коневодческую, свиноводческую фермы и ферму молочного скота; в некоторых колхозах имеется и птицеводческая ферма.

Фермы молочного скота обычно располагаются на центральных участках, в окружении хлопковых полей или в пойме Карадарьи. Скот находится здесь в основном на стойловом содержании. Колхозники, работающие на этой ферме, обычно живут в одном из ближних населенных пунктов. Каждый работник на ферме имеет определенные обязанности: доярки, заготовщики кормов (машинная резка их и доставка в стойло), жнецы (вблизи коровников растет люцерна и различные травы, кукуруза и т. д.), пастухи. За исключением доярок, большинство работников фермы мужчины.

Отдоившихся коров и молодняк крупного рогатого скота отгоняют в богарную зону, где имеются специальные помещения для них. Большую часть года они содержатся на пастбищах под присмотром пастухов. Чистка хлевов и загонов, а также раздача корма животным выполняются колхозниками из числа жителей предгорных кишлаков.

На свиноводческих фермах, которые расположены в основном в пойме Карадарьи, ибо там сосредоточены основные посевы кормовых культур (джугары, кукурузы и др.), обычно работают не колхозники, а работники по найму. Большинство из них относится к другим, не местным национальностям, хотя за последнее время среди работников этих ферм увеличилось число узбеков, таджиков и др.

Чабан с отарой в степи (колхоз «Коммунизм»; фото В. И. Котовского)

Каждая полеводческая бригада, даже механизированная, имеет по нескольку рабочих и верховых лошадей и содержит их на бригадных хозяйственных дворах. Ответственными за лошадей являются бригадир, конюх и возчик-арбакеш. Изнуренных лошадей отправляют на поправку в предгорья. На центральной усадьбе колхоза, где находятся контора, различные склады, мастерские, гаражи и т. д., имеются и конюшни (зимние и летние). Здесь стоят верховые лошади, используемые для разъездов, а также племенные лошади, скакуны (в Самаркандской области распространена карабаирская порода), которых выставляют колхозы на конные состязания — *купкари* (кўпкари). В таких больших конюшнях работают в основном колхозники арабы — прекрасные наездники-чавандозы, знатоки и ценители лошадей. Основное поголовье лошадей находится в богарной зоне. Часть этих лошадей используется на полевых работах и перевозках груза, для верховой езды и т. д. Остальные круглый год пасутся в горах под присмотром табунщиков.

В Пастдаргомском районе каракулеводство является ведущей отраслью хозяйства в совхозах «Улус» и «40 лет Узбекистана». Каракулеводческие фермы имеются и в колхозах. В каждом колхозе несколько ферм. Каждая ферма состоит из несколь-

ких отар *суру*, насчитывающих по 400—500 голов овец. Отара из маток с ягнятами насчитывает 800—850 голов (500 маток и 300—350 ягнят). Ярки, валухи, бараны-производители составляют отдельные отары. Отару обслуживают обычно три человека: старший чабан чопан и два подпаска *чолик* (чўлиқ); при ней содержат трех-четырех собак. Все пастухи и подпаски подчиняются заведующему фермой, которые в свою очередь подчиняются заведующему этим участком и колхозному зоотехнику.

Профессия пастухов каракульских овец тяжелая и сложная, требует глубоких знаний окружающей природы. Хорошие чабаны (эта профессия обычно бывает потомственной) знают не только, где какие травы растут, но и все их свойства. Они успешно используют травы даже для лечения животных; знают, на каких горах и куда поворачивать отары овец (учитывая уклон, направление солнечных лучей и ветра, почву) и как их направлять (по следу, разбросанно, группами), где, в какое время и на сколько времени останавливать их на отдых, как часто перегонять их ночами в различное время года и т. д. Поэтому чабанов очень ценят, как говорят колхозники, «ласкают и балуют их» (чўпонларни эркалатамиз).

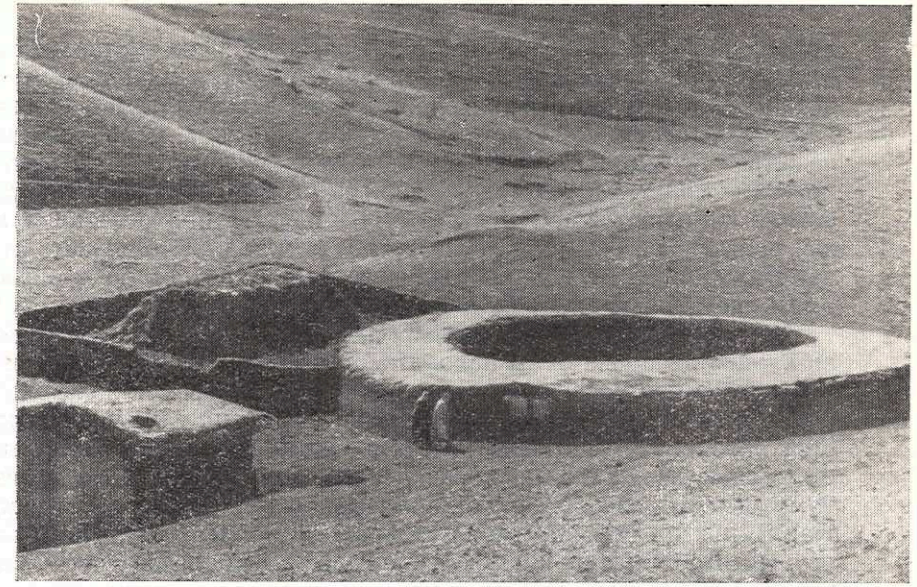
Чабаны пасут овец пешком. Свои пожитки (продукты — хлеб, муку, соль, специально обработанный бараний желудок, наполненный заквашенным овечьим молоком, медный котел и миски, ложки) они вьючат на осла.

Для выпаса овец чабаны выезжают одни, семьи их остаются в кишлаках. В село за получением продуктов и для отдыха чабаны наведываются по очереди. В прошлом чабаны возвращались и для присмотра за своими посевами, для поливов их. В настоящее время в горных кишлаках поливом и общественных и приусадебных земель всех колхозников, в том числе и чабанов, занимается только мираб.

В изучаемом районе летние пастбища не очень удалены от кишлаков — обычно на несколько десятков километров, поэтому чабаны довольно часто навещают свои семьи. Зимние пастбища находятся вблизи кишлаков, и поэтому чабаны могут бывать дома почти ежедневно. В настоящее время все большее распространение получает сменная работа чабанов.

Большую часть года овцы остаются в степной и предгорной зонах. Зимой их пасут в предгорьях, где на солнечных склонах снег почти не держится и где всегда можно укрыть животных от холодных ветров в лощинах. На пологих, защищенных от ветра солнечных склонах сооружают загоны *кутан* (қутон).

Кутан представляет собой круглое в плане помещение, перекрытое не полностью: в центре его оставляют открытое пространство. Обмазанная глиной крыша, таким образом, образует своего рода навес, имеющий небольшой наклон в наружную сторону. Навес своим внутренним краем опирается на столбы, а наружным — на стену из камней и пахсы. Кутан имеет один вход в виде широкого проема в стене. Проем обычно закрывается двухстворчатой навесной дверью. Такой вид кутана, типовой для Самаркандской области, получил распространение в послевоенные годы. С одной стороны к нему пристраивают невысокую (в две пахсы) ограду, за которой овцы ночуют в хорошую погоду, а в кутан овец загоняют только в непогоду. Неподалеку от кутана (но совершенно отдельно от него) возводится небольшая постройка для чабанов.

Типовая зимняя кошара (колхоз «Коммунизм»; фото В. И. Котовского)

Весной овец пасут в степи. Ранняя весна (конец февраля-март) — наиболее трудный и ответственный период в овцеводстве. Это время ягнения маток — *туль* (тўл) и забоя ягнят каракульской породы на шкурки. Для снятия шкурок с забитых ягнят в помощь чабанам направляются другие члены полеводческой бригады. К этой работе привлекаются наиболее опытные люди. На снятых шкурках чабаны каждой отары ставят свою метку, которая нужна при подсчете для оплаты и оценки их труда.

В первой половине мая проводят стрижку овец. Это делается обычно вблизи кишлаков предгорной зоны. Всюду в колхозах стрижка овец проводится с помощью электростригальных агрегатов. Эту работу выполняют мужчины, жители этих кишлаков. После стрижки, в середине мая, овец угоняют на горные пастбища, где их оставляют до середины июля, т. е. до наступления

самого жаркого периода, а потом снова переводят в степь. Горные пастбища располагаются в пределах своего района, на северном склоне хребта Каратепа, который невысок (высшая точка на территории Пастдаргомского района 2204 м) и поэтому не имеет пастбищ субальпийского и тем более альпийского типов. Эти горы скалисты и каменисты. В середине лета камни сильно накаляются за день, поэтому и ночь не приносит прохлады. В степи, на ветру легче переносится жара. К тому же в это время уже бывают убраны хлеба, и овец выпасают по жнивью. Здесь же производится осенняя стрижка овец.

Поздней осенью отары спускаются в долину, где после уборки хлопка на полях овцы находят много корма. С приближением зимы основную массу овец возвращают в предгорья для зимовки.

Чабаны не занимаются заготовкой кормов на зиму. Это является обязанностью членов предгорной зерноводческой бригады.

Осенью весь скот, предназначенный для продажи государству, выделяют из общего стада и переводят в пойменную часть Карадарьи на откорм. Уход за скотом, оставленным на откорм, осуществляют члены кормовой бригады. Эта бригада состоит из жителей различных кишлаков центрального участка данного колхоза.

* * *

Принцип управления в бригадах в основном одинаков. Во главе бригады стоит бригадир или заведующий фермой, ответственный за всю работу коллектива бригады. Помощниками являются табельщики, которых по два в каждой хлопководческой бригаде, так как учет труда теперь, когда бригада большая, достаточно сложен.

Источником оплаты труда колхозников являются денежные доходы от общественного производства. Распределение поступлений от всех отраслей общественного хозяйства по различным статьям определено уставом сельскохозяйственных артелей, единым в своих основных положениях для всех колхозов Советского Союза.

Налоги государству, страховые платежи и т. д. составляют 20% всего дохода, половину доходов колхозники расходуют на дальнейшее ведение и расширение своего общественного хозяйства и 33% оставляют на оплату своего труда (сюда входят также расходы на административно-управленческий аппарат — 2%, на выплату пенсий по старости и другим видам помощи нетрудоспособным колхозникам). За последнее десятилетие часть доходов, распределяемая между колхозниками, достигает 50% всех доходов. Кроме того, абсолютная величина их заработка увеличилась в связи с повышением как урожайности хлопка, так и доходности всех отраслей хозяйства.

За годы существования колхозов изменилась также форма оплаты труда колхозников: постепенно сокращалась оплата трудодней продуктами и промтоварами, и совершился переход к денежной оплате. От определения выработки в трудоднях колхозники перешли к непосредственно денежному определению.

Оплата по трудодням существовала до конца 1950-х годов. Колхозники, занятые на различных сельскохозяйственных работах, и трактористы вырабатывали в году различное количество трудодней, что зависело от их индивидуальных способностей и возможностей, а также от оценки самого характера работы. Различные должностные лица (бригадиры, бухгалтеры, табельщики и др.), некоторые выборные руководители колхоза (председатель, его заместитель, освобожденный секретарь партийной организации и другие) получали определенное, заранее установленное общим собранием колхозников количество трудодней за день их работы. Поэтому их доход зависел от числа рабочих дней. Освобождение от общественных работ даже по уважительным причинам не служило основанием для начисления трудодней. Исключение делали только для женщин, находящихся в декретном отпуске.

Колхозники знали, сколько трудодней они выработали за день и в декаду, так как обычно табельщики, принимая работу, в тот же день вычисляли, сколько трудодней за нее полагается. Бухгалтеры подводили итоги работ по кварталам и списки выработанных колхозниками трудодней вывешивали около конторы или в клубе, а также записывали в трудовую книжку каждого члена колхоза. В результате этого каждый колхозник мог без особого труда рассчитать, сколько он заработал денег, сколько получит зерна или других продуктов. Примерная стоимость одного трудодня была заранее известна, ибо в определенной степени отражала уровень прошлогодних доходов. В течение года колхозникам выдавали авансы, а в конце года производили полный расчет. На свои трудодни колхозники получали деньги, различные продукты (в основном пшеницу) и промышленные товары.

В конце 1950-х годов, когда труд еще учитывался в трудоднях, оплату стали производить почти полностью в денежной форме. Лишь за выкормку шелковичных червей колхозники, при желании, вместо денег могли взять бархат и шелк.

Перевод на денежный учет и оплату труда колхозников, как всякое новое непривычное дело, вначале не всегда проходил удачно. Бухгалтерский аппарат некоторых колхозов не сразу смог четко организовать свою работу, не всегда придерживался твердого графика, и это, естественно, вызывало недовольство колхозников новой системой оплаты. Но трудности вскоре были преодолены. В настоящее время в колхозах существует денежный учет и денежная оплата труда. В некоторых колхозах, где име-

ются посевы риса и держат пчел, колхозники вместо части денег получают рис и мед.

Согласно постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР [118], с 1 июля 1966 г. все колхозы перешли на гарантированную оплату труда колхозников (деньгами и натурой) по тарифным ставкам соответствующих категорий работников совхозов. Кроме того, колхозники получают доплату за количество и качество произведенной продукции или за полученный валовой доход. Оплата труда колхозников деньгами производится не реже одного раза в месяц, а продуктами — по мере получения урожая.

Особо важным поощрением для колхозников в первые 20—25 лет было премирование отдельных колхозников и целых звеньев. Это проходило на многолюдных собраниях всего колхоза. В наши дни устраивают праздничные угощения в честь тех или иных достижений, вручают лучшей бригаде знамя, а колхозникам — премии, но в связи с изменившимися условиями полевых работ, укрупнением колхозов праздники и выдача премий происходят в бригадах, а не на общем собрании всех колхозников.

* * *

Помимо общественного хозяйства, колхозники имеют и индивидуальное хозяйство, которое носит лишь подсобный характер. Для индивидуального хозяйства правление колхоза из общественных земель выделяет каждой семье (независимо от числа трудоспособных членов ее) небольшой приусадебный участок *тамарка* (томорқа). В случае ухода из данного колхоза, что, впрочем, бывает очень редко, приусадебный участок колхозника возвращается в общественный фонд, которым распоряжается правление колхоза. Если же в какое-то время никто из членов данной семьи не работает в общественном производстве по уважительной причине (по возрасту, болезни, находясь на действительной службе в армии или на учебе), приусадебный участок сохраняется.

Приусадебный участок членов полеводческих бригад, как правило, располагается в непосредственной близости от дома колхозника; исключение составляют работающие на новых землях в пойме Карадарьи. Они просят часть участка выделять им там.

По высеваемым культурам приусадебные участки колхозников отличаются от бригадных земель. В первые годы существования колхозов на них выращивали почти те же культуры, что и на общественных полях, но постепенно состав их здесь изменился. Основными культурами являются садовые — виноград и фруктовые деревья. В настоящее время на Нижнем Даргоме в восточной части района (ближе к Самарканду) колхозники на своих приусадебных участках выращивают овощи (особенно морковь), зелень, помидоры, картофель и клубнику, которую последние пять лет стали разводить в большом количестве для продажи на рынках Самарканда. Все перечисленные культуры сажают на участках лишь до тех пор, пока не разрастется сад и виноградник. По мере удаления от города на запад клубника исчезает с участков колхозников, так как у них возникают затруднения при доставке ее в город и другие пункты сбыта. Колхозники, имеющие участок в пойме Карадарьи, сеют рис и картофель; в предгорьях — в основном картофель и кукурузу. Но везде на своих участках колхозники разводят много садов и виноградников. Возделывание приусадебных участков всюду производят большей частью вручную кетменем. Если значительная часть его отводится под какую-либо одну культуру (картофель или клубнику, под виноградник), то сначала землю вспахивают на быках или на лошадях, а последующие обработки производят кетменем. При разнообразии же растений, которые возделываются в разные сроки, обычно предпочитают кетменное взрыхление почвы. В последнее время для вспашки приусадебных участков колхозников правление колхоза выделяет трактор. В пойме Карадарьи, где колхозники на своих участках выращивают те же культуры (за исключением хлопка), что и на общественных землях, их участки обрабатывают колхозными машинами наряду с общественными землями.

По мере укрепления общественного хозяйства размеры приусадебных участков постепенно сокращаются (со времени коллективизации они уменьшились вдвое, а в некоторых колхозах и более) и ныне составляют в Пастдаргомском районе 0,15 га.

В наиболее передовых общественных хозяйствах изучаемого района приусадебный участок уже стал для колхозника лишь источником снабжения семьи свежими овощами, фруктами и виноградом; в получении от него денежного дохода колхозники уже не заинтересованы, так как становится более выгодным время, необходимое на обработку приусадебного участка и на сбыт продуктов с него, посвятить общественному хозяйству.

[118] «Правда», 18.V 1966 г.

Глава III

БЫТОВОЙ УКЛАД НАСЕЛЕНИЯ

Традиционные формы бытового уклада в конце XIX — начале XX в.

Местное население — узбеки, таджики, туркмены, ирани, цыгане, арабы — в результате длительного совместного проживания приобрело многие черты общности в своем культурном облике, характерном для жителей всего Узбекистана. Однако сохранялись и некоторые различия в образе жизни, обрядах и обычаях отдельных народностей, этнографических и родоплеменных групп. Это объяснялось жизнью в различных природных условиях и в связи с этим разным характером хозяйственно-бытового уклада, уровнем социально-экономического развития или происхождением, культурными традициями данной группы.

Население Придаргомской степи и прилегающей к ней с юга невысокой горной гряды Каратепа, как отмечалось, состояло преимущественно из узбеков, которые почти до конца 1920-х годов сохраняли традиции полукочевого быта.

Летнее кочевье — *аул* (овул) состояло примерно из десятка юрт преимущественно родственных семей. Юрты без особого порядка располагались вблизи родника или ручья. Перед каждой юртой был очаг *очак* (ўчоқ), *тандыр* (тандир) — печь для выпечки лепешек, помост для сушки сыра и горизонтальный ткацкий станок. Несколько поодаль устраивали место для привязи скота и загоны.

Весной и осенью, когда скот пасли в степи, юрты устанавливали вблизи колодцев и редких родников.

Зимовка — *кишлак* (қишлоқ), представлял собой группу из десятка или немногим более усадеб разной величины, беспорядочно скученных на склоне холма. От аула он отличался тем, что около юрт строили помещение для скота *агил* (оғил) в виде землянки, полуземлянки или наземной постройки, стены которой возводили из камня, дерна или кусков засохшей глины, а плоскую или двускатную крышу сооружали из жердей, хвороста и земли. Такое же помещение *самонхона* служило для хранения *самана* (размельченной при молотьбе соломы), идущей на корм скоту.

Вокруг отдельных усадеб в кишлаке обычно не было никаких оград, так как не было древесных насаждений, виноградников и огородов, которые нужно было бы оградить от скота; небольшие же участки поливных земель располагались в некотором отдалении от кишлака.

Основным видом жилища полукочевых узбеков предгорной зоны была решетчатая юрта, крытая войлоком.

Один из пожилых жителей кишлака Сазаган Джуманов Мавлян рассказывал нам: «В юрте жили круглый год. Зимой нередко юрту заносило снегом, и снег через щели попадал внутрь юрты. Помню, как в детстве мать утром вставала раньше всех, стряхивала с нас, спящих детей, укрытых паласами и шкурами, снег, разводила огонь в юрте, готовила пищу и после этого будила нас» [1].

По воспоминаниям наших информаторов, в конце XIX — начале XX в. юрты были небольшие — решетка *керага,* составляющая стенку, состояла из четырех звеньев *канат* (қанот), а жердей *уук* (ууқ), образующих кровлю, было всего 40—60.

По рассказам пожилых колхозников из Сазагана, юрта найманов по внешнему виду несколько отличалась от юрты сараев и мангытов: она имела более высокий купол и более выпуклое навершие. Проверить эти данные не удалось, так как юрт совсем не сохранилось.

В Сазагане были свои мастера по изготовлению остова юрты. Одним из последних мастеров был некий усто Худайберди, которому помогали его сыновья. Он изготовлял юрты по заказу своих односельчан и жителей соседних кишлаков. Заказчик сам доставлял материал. Иногда остов юрты покупали готовым на базаре, в частности в Джуме.

Войлочное покрытие юрты, веревки и тесьму различной ширины для связывания и закрепления деревянных частей изготовляли в каждой семье. Различные виды тканых полос для связывания деревянных частей делали узорными; в расцветке их преобладал красный цвет, поэтому и полосы назывались красными. Наружные белые хлопчатобумажные полосы, закрепляющие войлочное покрытие, как и у других полукочевых узбеков, были широкими (например, *бельдау* — белдав — лента, опоясывающая стенку юрты посередине — имела ширину до двух пядей).

[1] Полевая запись 3.XI 1960 г.

Летом для прохлады вокруг стенки юрты снаружи ставили цыновки *чий* высотой до половины стенки; верхнюю часть стенки и купол покрывали войлоком. Юрта имела двухстворчатую резную дверь или же навесную дверь из войлока, нашитого на чий. В этом случае к дверной раме привязывали две решетчатые створки, закрывающие нижнюю часть дверного проема, чтобы в юрту не заходили собаки [2].

Юрту ставили на утрамбованную круглую площадку или на невысокое глинобитное возвышение. Вход ее бывал обращен вниз по склону, независимо от стран света.

Внутри юрты, у стенки против входа складывали в несколько рядов постельные принадлежности и тюки с одеждой. Эти сложенные в определенном порядке вещи служили украшением юрты и назывались *джук* (жўк буквально «вьюк»). Постельные принадлежности состояли из кошм, паласов и высоковорсных ковров-*джульхирсов* (жулхирс) [3], а также подстилок, сшитых из нескольких специально выделанных козьих и бараньих шкур *пустак* (пўстак). Ватные одеяла и подушки были только у зажиточных людей. Сундуков, обитых жестью, столь характерных для убранства современного узбекского жилища и служащих сейчас основанием джука, тогда не было даже у баев. В лучшем случае джук складывали на деревянный сундук в виде низенького шкафчика на ножках и с выдвижной дверцей. Обязательным основанием джука был *напрач* — ковровая сумка в форме сундука. Передняя и боковые стенки его из ворсовой ткани, а дно и задняя стенка из полосатой мешковины; верх затягивается шнуром [4]. Напрач обязательно входил в приданое. В него складывали одежду или, если не было запасов одежды, его набивали соломой.

[2] Полевые записи М. А. Синеглазовой, май 1961 г.

[3] Джульхирсы издавна вырабатывали в основном полукочевые узбеки Самаркандской области. Своеобразие этих ковров заключается в том, что они не цельнотканные, а сшиты из четырех узких орнаментированных ковровых полос, сотканных на узконавойном станке урмак. Средний размер джульхирсов 1,4×3,5 м, однако, среди относительно старых ковров (начала XX в.) встречались нам и значительно большие — 2,5 × 4 м. Ткань джульхирсов груба и рыхла (не более 20—25 тыс. узлов на 1 м², узел двойной, полный), высота ворса 2—2,5 см. Этот вид ковра впервые опубликован В. Г. Мошковой в статье «Джульхирсы» («Труды Музея истории народов Узбекистана», вып. I. Ташкент, 1951); см. также главу «Ковры» в кн.: «Народное декоративное искусство Советского Узбекистана. Текстиль». Ташкент, 1954 г.

[4] О напрачах (у некоторых узбеков — *напрамач*) см.: Б. Х. Кармышева. Локайские «напрамачи» и «ильгичи». «Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея», вып. II. История и этнография. Сталинабад, 1955, стр. 121—145. Совершенно сходен с напрачем айрумский *мафраш* (К. Т. Каракашлы. Материальная культура у азербайджанцев северо-восточной и центральной зон Малого Кавказа. Баку, 1964, стр. 184).

Высоковорсные ковры джульхирс (фрагменты)

вверху — из к. Сазаган; внизу — из к. Намазго (рис. А. Д. Галядкина)

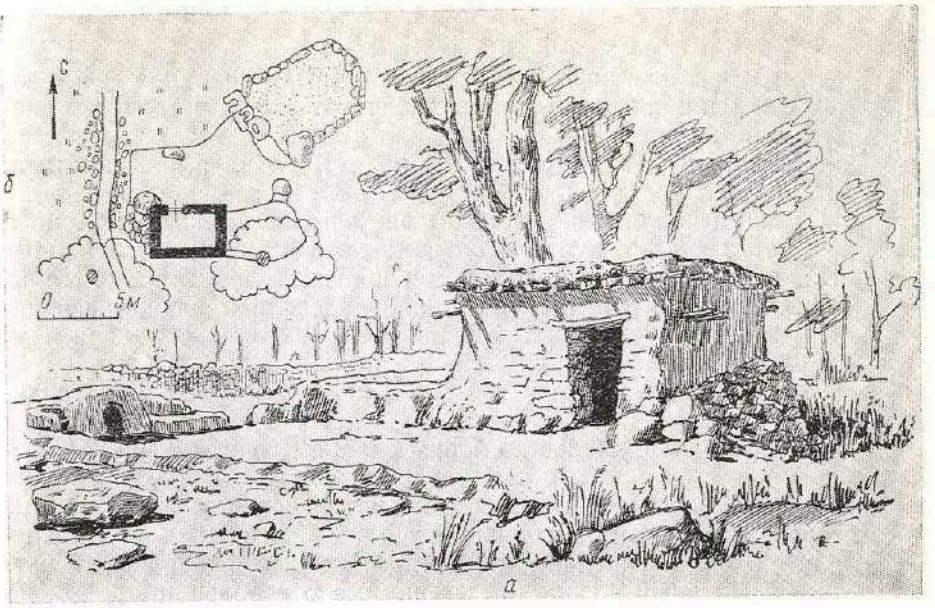
Место у джука *тор* (тўр) считалось почетным. Гостя обычно сажали у джука лицом к входу. Справа от входа отгораживали циновкой место, где хранили молочные продукты в бурдюках, сосудах из специально обработанного бараньего желудка, в тыквах-горлянках [5], в торбах. Здесь же стояла маслобойка в виде узкого и высокого цилиндрического сосуда, составленного из двух долбленых половинок ствола дерева [6]. Бурдюки с кислым молоком хозяйка клала на подставку в виде низенькой скамейки *сукичак* из палок или камней. Ближе к входу стояли у деревянной решетки глиняные кувшины *куза* с водой, чугунный котел *казан* (қозон), покрытый деревянной крышкой, долбленая деревянная ступа *кели* с длинным пестом *келисап* и пр. На *керага* каждая хозяйка вешала торбу с деревянными мисками и ложками *кашик* (қошиқ), мешочек с солью *тузхальта* (тузхалта), сшитый из остатка ткани для паласа или из шкурки ягненка. Деревянные блюда (товоқ), сита *элак* и даже круглая кожаная подстилка *супра*, на которой просеивали муку и приготовляли лепешки и другие изделия из теста, нередко имели металлическое колечко или кожаную петлю, за которые их вешали на решетку юрты. Слева от входа, ближе к джуку, ставили на камни мешки с запасами продуктов (в основном муку и зерно), а ближе к входу висели на стене и лежали на полу различные хозяйственные предметы (мешки, арканы, кетмень, топор, теша и другие вещи) и тут же у входа помещали на ночь, а в ненастье и на день, новорожденных ягнят и козлят.

Очаг в юрте располагали не посередине, а ближе к входу и несколько правей. Он представлял собой овальное углубление, обнесенное с трех сторон (в виде подковы) глиняным валиком, или вместо валика клали три камня, на которые ставили котел. Отверстие очага было обращено к входу в юрту. Огонь в юрте разводили только в ненастье и в холодное время года. Обычно же пищу готовили на очаге вблизи юрты. Хлеб пекли в *тандыре* (тандир, так называемый *джертандир* — жертандир), сооружаемом в один ряд с очагом. В ненастье хлеб пекли в юрте; лепешки прилепляли к горячей стенке котла, а затем, опрокинув котел над жаром очага, давали возможность лепешкам подрумяниться.

Для освещения юрты служил своеобразный светильник в виде глиняного кувшина грушевидной формы с плоским дном. Женщины лепили его от руки и не обжигали. В стенках сосуда вокруг всего тулова были сделаны отверстия. В сосуд насыпали сухой верблюжий или овечий помет и жгли. Свет исходил из отверстий в стенке светильника. При этом свете женщины в долгие

[5] Широкое применение посуды из тыквы-горлянки в быту народов Средней Азии отмечено в работе О. А. Сухаревой «К истории художественного ремесла в Узбекистане» («Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XIV. М.— Л., 1957, стр. 122.)

[6] Маслобойку изготовляли сами или приобретали у цыган.

Богхана в таджикском кишлаке Аксай (рис. Ю. В. Стеблюка):
а — общий вид; *б* — план

осенние и зимние вечера пряли. Светильник такого типа, называемый повсюду *чалякхатун* (чалакхотун) или *чаляхатин*, согласно нашим полевым материалам, был широко распространен среди полукочевого населения всей Восточной Бухары, а также в Северном Афганистане. Масляный светильник *кара чирак* (қора чироқ) в виде чугунной плошки с носиком, куда протягивали ватный фитилек, распространился среди кочевой части населения только с 1870-х годов.

В быту тюрков-барласов, живших в верховьях агалыкского и сазаганского ущелий, наряду с чертами, сходными с бытом полукочевых узбеков, имелось и некоторое своеобразие: они жили в горах; посевов у них было меньше, чем у узбеков; как говорил один из наших информаторов-сазаганцев, «тюрки старались жить в безлюдных местах и там выпасали свой скот» [7].

Жилище тюрков существенно отличалось от узбекской юрты. Оно представляло собой полусферический шалаш *капа* из гнутых палок, крытый войлоком [8]. В этом шалаше тюрки жили круглый год. Скот их (преимущественно овцы) находился под открытым небом (имелись лишь загоны в виде оград). Ягнят и козлят,

[7] Полевая запись 28.IV 1961 г.

[8] Подробней о тюрском жилище см.: Б. Х. Кармышева. Этнографическая группа «тюрк» в составе узбеков. «Советская этнография», 1961, № 1, стр. 17, 20.

а также баранов, поставленных на откорм, в холодное время года держали в своем же шалаше, слева от входа, устроив им специальные кормушки.

Сазаганец Бабамурад Шербаев (1908 г. р.) вспоминал: «Тюрки, жившие в верховьях нашего сая, заготавливали на зиму в большом количестве масло из овечьего и коровьего молока и сыр *курут* (қурут, қурт). Мы, кишлачные мальчишки, говорили: «Пойдемте поедим тюркского масла», и отправлялись в горы. Тюрки нас приветливо встречали. В деревянном блюде разводили курут в горячей воде, поливали его маслом и подавали нам; мы ели деревянными ложками» [9].

Таджикские кишлаки Агалык, Миранкуль и Аксай по сравнению с соседними узбекскими имели совершенно иной вид. Они располагались в ущелье по обоим склонам горной речки. Основная улица обычно шла вдоль сая, от нее кверху отходили узкие кривые улочки. Нижняя часть склонов и дно ущелья были заняты огородами и садами. Небольшие усадьбы примыкали друг к другу. Они были огорожены стенами из камней, скрепленных глиняным раствором. Такие же стены имело и большинство хозяйственных построек (помещения для дров, самана и скота). Амбары для зерна и кладовки имели легкие, хорошо обмазанные глиной стены и приподнятый над землей пол. Дома были того же типа, что и в других селениях оседлого населения Самаркандской области (см. стр. 140).

[9] Полевая запись 26.X 1962 г.

Таджикские дети
(из альбома Лентовского «Типы и виды г. Самарканда»)

Мужчины в уличной одежде
(из альбома Лентовского «Типы и виды г. Самарканда»)

На лето все жители кишлака переселялись в сады. Под раскидистым деревом шелковицы или урюка сооружалось глинобитное возвышение *суфа* (супа). На суфе спали, принимали пищу, выполняли домашние работы. Для утвари и продуктов, а также для того, чтобы прятаться в ненастье, рядом с суфой строили кладовку из камней *богхана* (боғхона). Интересно отметить, что в Аксае сохранялись некоторые черты горнотаджикской материальной культуры: например, очаг служил не только для варки пищи, но и для выпечки хлеба.

Одежда полукочевых узбеков, тюрков и таджиков в основном была сходной. Для нее были характерны простота и единство покроя и форм для представителей обоих полов и всех возрастов для всех видов одежды [10].

Для изготовления одежды употребляли во второй половине XIX в. преимущественно грубые хлопчатобумажные ткани кустарного производства. Фабричные ткани (особенно пестрый ситец,

[10] Подробная характеристика костюма того периода имеется в работе О. А. Сухаревой, специально посвященной одежде населения Самарканда (к сожалению, не опубликована). Рукопись хранится в архиве Института истории и археологии Узбек.ССР. Основные ее положения изложены О. А. Сухаревой в статье «К истории костюма населения Самарканда» («Бюллетень Академии наук Узбек.ССР», 1945, № 11—12, стр. 38—41). Описание покроя одежды, снабженное чертежами, см.: «Народы Средней Азии и Казахстана», I. М., 1962, стр. 293—298.

кумач, полосатый тик и белые бумажные ткани), довольно широко распространенные среди городского населения еще до присоединения к России, в сельские местности стали проникать уже после проведения железной дороги, в конце XIX в.

Костюм мужчин, женщин и детей состоял из рубахи, штанов и халата. Рубаха *куйляк* (кўйлак) имела туникообразный покрой. Мужские рубахи шили длиной ниже колен, женские и детские — до щиколоток. Длина рукава у мужских рубах доходила до пальцев, а рукава женских были такими длинными, что при опущенных руках спускались почти до щиколоток. Их носили закатанными или собрав в складки выше кисти.

Мужская, детская и девичья рубахи имели горизонтальный разрез ворота, от плеча к плечу — *кифтаки* (в узбекском произношении *киптаки*). Ворот рубахи обшивали джияком *жияк* — плетеной тесьмой или окантовывали узкой полоской другой ткани. Ворот женской рубахи имел длинный вертикальный разрез. Его также обшивали тесьмой шириной в три пальца и у шеи завязывали на шнурки. Тесьму плели из черной шерстяной пряжи и украшали вышивкой шелковыми желтыми и красными нитками.

Штаны *иштон* обычного среднеазиатского покроя были широкими, на вздержке. Пожилые мужчины носили штаны длиной почти до щиколоток, а молодые немного короче. Женские и девичьи штаны ниспадали на стопу; конец штанин обшивали шерстяной тесьмой шириной в один палец. Дети обычно носили длинные рубахи, без штанов. В бедных семьях полукочевых узбеков порой мальчики впервые надевали штаны в 12—13, а то и более лет.

Пожилым мужчинам рубаху и штаны шили из некрашеной бязи, а остальным из грубой полосатой ткани — калями и *аляк* (алак). Пожилые женщины также носили белые платья из бязи, но штаны были из калями. Как и в других местностях, верхнюю половину женских штанов шили из дешевой ткани, а нижнюю — из более дорогой и яркой. В зажиточных семьях рубаху и штаны шили из *алачи*.

Верхняя одежда была более разнообразной. Основным и универсальным видом ее был стеганый на вате прямоспинный халат *чапан, тон* (чапон, тўн). Мужчины носили его постоянно, женщины — в холодное время. Он был распашным, по бокам подола имел небольшие разрезы по шву; рукава его суживались книзу. Мужской халат имел узкий стеганый воротник в виде стоечки сзади, сходившей на нет спереди на линии груди.

Поверх ватного халата мужчины надевали легкий халат *джегда* (жегда) того же покроя, но без подкладки. Его шили из алачи или аляка. Подпоясывали рубаху или нижний халат, верхний халат — только в знак траура. Поясом *бельбог* (белбоғ) служил квадратный кусок ткани, украшенный вышивкой — поясной

платок. Его складывали по диагонали и завязывали спереди узлом. Здесь было принято носить один платок в отличие от Ферганы, где нередко было два поясных платка [11]. При поездке на базар или вообще в дальних поездках подпоясывались кушаком из длинного куска ткани шириной в одно полотнище.

В холодное время поверх двух указанных халатов надевали *чекмень* (чакман) из домотканного сукна или баранью нагольную шубу *пустин*. Богатые имели мерлушковую шубу *барра пустин*, крытую дорогой тканью.

Мужчины зимой под халат надевали еще рубаху *гуппи*, стеганную на вате [12]. Чабаны в непогоду в качестве верхней одежды носили халаты *кебанак* [13] на войлочной подкладке.

Верхней одеждой замужней женщины был *мунисак* — особый вид халата, стеганного на вате, без воротника, со сборами под рукавами [14], а также халат *джегде* [15] без подкладки. Девичьей верхней одеждой был стеганый халат без воротника — *чапан*. В отличие от мунисака он не имел сборок под рукавами.

Отправляясь в гости, женщины надевали несколько рубах одна на другую. Нижняя рубаха обычно была белой, а верхняя ярких тонов для молодых и скромных расцветок — для пожилых.

Головным убором мужчин была тюбетейка (без вышивки) и чалма *салля* (салла) [16]. Специальные ткани для чалмы могли

[11] Н. Н. Ершов, Н. А. Кисляков, Е. М. Пещерева, С. П. Русяйкина. Культура и быт Таджикского колхозного крестьянства. «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. XXIV. М.— Л., 1954, стр. 136.

[12] Рубаха *гуппи* бытовала и у казахов под названием *купи*, только ее делали не на вате, а на естественно свалявшейся шерсти овец или верблюдов (И. В. Захарова, Р. Д. Ходжаева. Казахская национальная одежда XIX — начала XX века. Алма-Ата, 1954, стр. 51).

[13] *Кебанак*, являющийся также одним из древних видов одежды кочевников, известен под этим же названием *кебенек* у казахов (И. В. Захарова, Р. Д. Ходжаева. Казахская национальная одежда XIX — начала XX века, стр. 55) и киргизов (Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений, т. I. Алма-Ата, 1961, стр. 328). У киргизов он чаще называется *кементай* (Е. И. Махова. Материальная культура киргизов как источник изучения их этногенеза. «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. III. Фрунзе, 1959, стр. 49).

[14] Подробно о мунисаке см.: М. А. Бикжанова. Мурсак — старинная верхняя одежда узбечек г. Ташкента. («Труды АН Тадж. ССР», т. CXX. Сталинабад, 1960, стр. 46—53). Мунисак широко бытовал до недавнего времени и у других полукочевых в прошлом узбеков (полевые материалы автора), в том числе и у узбеков северного Хорезма. (К. Задыхина. Узбеки дельты Аму-Дарьи. «Труды Хорезмской экспедиции», т. I. М., 1952, стр. 382, рис. 25а).

[15] Халат под названием *джегде* известен у узбеков северного Хорезма (К. Л. Задыхина. Указ. соч., стр. 383, рис. 25а) и у каракалпаков (Т. А. Жданко. Каракалпаки Хорезмского оазиса. «Труды Хорезмской экспедиции», т. I, стр. 556) как накидка в виде халата с ложными рукавами.

[16] Исследованию головных уборов населения Средней Азии посвящена специальная работа О. А. Сухаревой «Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии» («Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. XXI. М., 1954, стр. 299—353).

покупать только зажиточные крестьяне, а остальные носили чалму из бязи. Чалма тюрков-горцев была из домотканной материи из шерсти или козьего пуха. Пожилые люди под чалмой носили стеганую или меховую шапку. Участники купкари надевали на голову войлочный колпак, который здесь называют казахским *казаки калпак* (қозоқи қалпоқ).

Головной убор замужней женщины был сложным. Он состоял из круглой шапочки с накосником, куска белой ткани для закрывания шеи и груди, тюрбана и одного или нескольких платков. Форма шапочки, ее название, количество платков были не одинаковыми у различных этнических групп. У большинства полукочевых узбеков шапочка *кийгич*[17] была стеганой на вате и накосник ее прикрывал косы на длину в две пяди, т. е. почти до пояса. У таджиков эту шапочку *кулюта* (кулута) делали не на вате, накосник ее сшивали в виде мешочка с открытым низом, сквозь него пропускались волосы, заплетенные в две косы. У полукочевого населения кулюту указанной формы надевали только на покойницу.

Поверх шапочки на голову набрасывали большой платок *румол*, сложенный по диагонали. Концы его свободно спускались на спину. Поверх платка на голову навертывали кусок ткани в виде тюрбана *дастар* (дастор), салля. У полукочевых узбеков тюрбан был из квадратного платка, а у таджиков и тюрков — из длинного полотнища. У найманов тюрбан состоял из трех-четырех платков и был высоким, как у кунграток[18].

Шею и грудь прикрывали небольшим прямоугольным куском белой ткани — *лячак* (лачак), верхние концы которого засовывали под чалму перед ушами.

У полукочевых узбеков поверх тюрбана женщины надевали еще один большой платок *тамак румал* (томоқ румол), повязывая концы его вокруг шеи. Пожилые женщины поверх тюрбана носили белый платок, а молодые украшали такой платок вышивкой цветными нитками.

При выходе из дому на голову набрасывали еще легкий халат без подкладки, сшитый из полосатой ткани — *джеляк* (желак). Его надевали так, чтобы один из рукавов приходился на затылок и спускался на спину. Джеляк был характерен главным образом для полукочевых узбеков. В изучаемом районе его носили также тюркские и таджикские женщины. *Паранджа* — халат-накидка с длинными ложными рукавами — здесь встречалась лишь у бо-

[17] Интересно, что у узбеков-найманов изучаемого района эта шапочка называется *кимачак*, что совпадает с казахским и каракалпакским названием женского головного убора (*кимешек*).

[18] В. С. Симонова. Головной убор узбечки-кунгратки «салла» или «баш». «Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии». М.— Л., 1959, стр. 249, 250.

Головной платок тамак румол из белой бязи (размер 1,5×1,5 м), вышитый швом басма шелковыми нитками (к. Сазаган; рис. А. Д. Галядкина)

гатых людей, обычно ее покупали к свадьбе и молодуха носила ее без сетки[19].

Мужчины носили сапоги *этик*, выворотные сапожки *махси* (маҳси) с мягкой подошвой с кожаными галошками — *кауш* (кавуш). При пахоте крестьяне надевали обувь *чарык* (чориқ) из сыромятной кожи. Портянки и обмотки *пайтова* ткали из шерсти на урмаке (см. стр. 62). Женщины надевали кауши на босу ногу. Молодые женщины носили кауши на высоком каблуке. Пожилые женщины из состоятельных семей зимой носили махси с каушами.

Женские украшения — бусы, серьги, браслеты и кольца в основном изготовляли из серебра; золотые и позолоченные предме-

[19] Н. П. Лобачева. К истории среднеазиатского костюма. «Советская этнография», 1965, № 6, стр. 34—49.

ты встречались лишь у зажиточных людей (преимущественно среди оседлого населения). Это были изделия городских ювелиров из Самарканда и особенно Бухары [20].

Излюбленными видами украшений были коралловые бусы *чин марджон* (чин маржон; их носили женщины всех возрастов), ожерелье из сердолика *хакык мунчак* (хақиқ мунчоқ; носили молодухи) и ожерелье из серебряных монет, скрепленных друг с другом с помощью колечек — *зебигардон* (также для молодух). Одним из обязательных видов украшений замужней женщины была серьга, продеваемая в крыло носа *латиба, литиба.* К тюрбану молодухи прикрепляли налобное украшение *синсила,* состоящее из скрепленных между собой серебряных бляшек и подвесок.

Женщины носили две косы, а девушки — множество мелких кос. В них вплетали косоплетки *пупак* (пўпак) из шерстяных или бумажных ниток. Мужчины волосы сбривали, бороду и усы отращивали; усы подрезали, согласно предписанию шариата, по линии губ.

* * *

К концу XIX и началу XX в. в жизни населения степных и предгорных районов все явственней стали ощущаться изменения, происходившие в экономике страны и явившиеся результатом присоединения края к России. В связи с ростом городов и развитием хлопководства повысилась потребность в товарном хлебе. В богарной зоне площадь посевов стала расширяться за счет общинных пастбищ, захваченных баями, более быстрыми темпами пошел процесс оседания. Этот процесс привел к освоению оседлого жилища и образованию постоянных селений. Следует подчеркнуть, что переход к глинобитному жилищу был обусловлен прежде всего тем, что теперь в хозяйстве нехватало шерсти для изготовления войлока, использовавшегося для покрытия юрты, а на базаре шерсть была доступна по цене далеко не всем [21].

Первыми глинобитными сооружениями в узбекских зимовках были не жилые дома, а мечети и помещения для скота, и затем дома для приема гостей-мужчин — *мехманхана* (меҳмонхона) [22], которые стали распространяться в последней четверти XIX в.

[20] О. А. Сухарева. Позднефеодальный город Бухара конца XIX — начала XX века. Ремесленная промышленность. Ташкент, 1962, стр. 40, 41.

[21] М. С. Андреев. Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандскую область в 1921 году. «Известия Туркестанского отдела РГО», т. XVIII. Ташкент, 1921, стр. 123, 124; полевые записи автора.

[22] Л. Н. Соболев указывал, что в 1871 г. в Сазагане была мечеть. По словам старых людей, позже эта мечеть трижды расширялась. Здание ее теперь не сохранилось. Из наиболее старых мечетей в Сазагане является мечеть в квартале Джаны. Как отмечено на одной из ее потолочных балок, она построена в 1355 г. хиджры (1897—1898).

Первые мехманханы имели довольно невзрачный вид. Стены их возводили из камня или из комьев глины или из *гуваля* (гувала) — глиняных катышей овальной формы, называемых здесь *бури-калля* (бури-калла — волчья голова). Постепенно у зажиточных людей стали появляться мехманханы городского типа. Они быстро распространились. Если в самом начале XX в. в Сазагане их было всего около 15, то лет 15—20 спустя они были уже у большинства жителей [23]. Однако не во всех кишлаках было так. В соседнем с Сазаганом небольшом кишлаке Игригулча, например, вплоть до конца 1920-х годов была всего одна мехманхана. Она принадлежала крестьянину по имени Мавлян, у которого было много детей. Сыновья, не помещавшиеся в юрте, ночевали в мехманхане, куда по вечерам собиралось все мужское население кишлака.

По мере расширения посевов зажиточные крестьяне стали строить так называемые *зинхана* (зинхона) [24] — помещения для рабочих волов и лошадей. Зинхана представляла собой вытянутое прямоугольное помещение; вдоль его стен сооружались ясли, а у одной из торцовых стен делали глинобитное возвышение суфа (супа). По стенам у суфы развешивали сбрую, седла и т. п. В холодное время года на суфе разводили огонь (над суфой перекрытие занханы имело отверстие для выхода дыма), и мужчины кишлака собирались вокруг костра коротать длинные вечера. Нередко здесь проводили и *гаштаки* — мужские зимние сборища с угощением (см. стр. 273—274). Батраки и чайрикеры хозяина зинханы здесь же и ночевали.

Старый колхозник Нариман Кабилов (1884 г. р.) говорил нам, что жилой дом для семьи одним из первых в Сазагане построил его отец в 1909 г. Однако еще долго основным жилищем этой семьи оставалась юрта. Бóльшую часть года юрта стояла во дворе усадьбы, в кишлаке, а на лето ее переносили в верховья сая, к своим посевам и садам (сады к этому времени стали появляться и у полукочевого населения). После уборки урожая возвращались в кишлак и ставили юрту на прежнее место. Такое переселение к месту посевов на летний период было характерно для всего населения. По старой традиции место летних усадеб называли аулом.

Размеры усадьбы и хозяйственных построек, а также количество последних зависели от зажиточности хозяев. Бедняки по-прежнему не огораживали свои усадьбы, представлявшие собой небольшую площадку, на которой размещались без особого порядка юрта, загон для нескольких овец и коз, небольшой хлев и саманхана. Усадьба крестьян среднего достатка также далеко не

[23] Полевые записи М. А. Синеглазовой, апрель 1961 г.

[24] От тадж. *зин* — седло, *хона* — помещение. В произношении местных узбеков — *зынхана.*

всегда были полностью огороженными. Обычно мехманхана и хозяйственные постройки ограживали двор с двух или трех сторон. Юрту ставили не в один ряд с ними.

У зажиточных крестьян, как правило, сохранялись большие семьи, и усадьбы их были более обширными. Например, усадьба, в которой прошло детство сазаганца Бабамурада Шербаева, имела большой прямоугольный двор, огороженный невысокой стенóй из камней и глины. Проход в стене закрывался перекладиной из трех жердей, пропущенных сквозь специальные отверстия, проделанные в невысоких столбиках; такая перекладина называется *гоучуб* (ғоучуб). Посредине двора, в нескольких метрах друг от друга, стояли четыре юрты: бабушки со стороны отца (деда уже не было в живых) и трех ее женатых сыновей, старшим из которых был отец Шербаева. У выхода из усадьбы еще дедом Шербаева была построена мехманхана из двух помещений: прихожей *дализ* (даҳлиз) и комнаты, которая имела две *дарчи* (дарча — окно со ставнями). К мехманхане примыкала конюшня, а со стороны улицы — лавка, в которой отец информатора торговал мясом. Вдоль всей ограды располагались помещения для скота, а также навесы с кормушками для лошадей, ослов и крупного рогатого скота. На крышу навесов складывали снопы люцерны и джугары. На усадьбе были и помещения для самана, для запасов хлеба *галляхона* (ғаллахона — амбар с приподнятым на камнях полом), для кизяка, служившего топливом,— *тезакхана* (тезакхона), для дров — отынхана (ўтинхона) и, наконец, маслодельня *джувазхана* (жувозхона) с прессом для выжимания масла из семян кунжута и льна.

Во дворе, вблизи юрт, были высокая кормушка для ездового коня, загородки для молодняка и привязи для скота, так как под навесы и в хлева скот загоняли только в ненастную или холодную погоду, в остальное время он ночевал под открытым небом. Никаких древесных насаждений в усадьбе не было, ибо она располагалась на месте прежних зимовок, на неорошаемом склоне.

Население каждого кишлака в основном состояло из родственных семей, считавших себя потомством одного человека. Эта группа называлась *топ* (тўп) или *тода* (букв. «куча»). Каждая семья, входящая в топ, вела самостоятельное хозяйство, вместе с тем, она имела тесные хозяйственные связи с другими семьями своего топа. Топ имел общие пастбища и выгоны, по топам устанавливалась очередность пользования водой для полива, каждая семья непременно участвовала в помочах, устраиваемых любым членом топа. Кроме того, каждая семья данного топа была тесно связана множеством других обязательных обычаев: необходимостью участия в проведении семейных торжеств, похорон и поминок. При этом помощь выражалась не только в материальном участии, но и в «служении» *хизмат килиш* (хизмат қилиш) гостям, прибывшим из других кишлаков. Представители

одного топа являлись одновременно и прихожанами одной мечети. Таким образом, топ можно рассматривать как пережиточную форму патронимии [25].

Группа таких мелких кишлаков, земли которых орошались водой одной горной реки, официально считалась одним кишлаком (каждый мелкий кишлак являлся как бы кварталом большого селения) и составляла один казаншерик. Мечеть одного из кишлаков, входящих в данную группу, считалась соборной и в ней собирались мужчины из всех кишлаков для совершения пятничной молитвы и богослужений в дни праздников курбана и рамазана. Связь между этими кишлаками усиливалась еще тем, что население их принадлежало к одному родовому подразделению того или иного узбекского племени.

Таким образом, в предгорной части Пастдаргомского района наблюдался своеобразный вид гнездового расселения: вдоль подножья хребта тянулась цепочка крошечных оазисов; в каждом оазисе — группа небольших кишлаков (около 10—20 дворов), которые обычно так близко располагались друг к другу, что при разрастании нередко сливались.

Следует подчеркнуть, что в то время, как родовое подразделение представляло собой нечто более или менее устойчивое (разумеется, относительно), группа родственных семей — топ была подвижной. По мере разрастания топа от него отпочковывались новые; старый топ мог и вовсе распасться, и тогда название его забывалось. В результате в одном кишлаке оказывались представители разных топов.

Так, согласно преданию, из кишлака Украч, который был расположен около найманской крепости Кала (см. стр. 27), переселились в Сазаган семь человек, которые жили в семи шалашах *етти чайля* (етти чайла). Потомство этих семи человек составило семь топов и соответственно семь кишлаков. Из этих семи первоначальных топов до наших дней сохранились только два: хатам-топ и тавактараш (оба названия не от имени, а от прозвища основателя топа). Остальные распались, и названия забылись. Несколько позже образовались топы дуаналар, галякаль, катаган, махсум, байлар и искандар. Со времени человека, от которого пошел топ дуаналар, насчитывают 125—130 лет. Другие же

[25] О патронимии см.: М. О. Косвен. Семейная община и патронимия. М., 1963. Родственные группы, подобные описанным, с большей или меньшей устойчивостью сохранялись и у других народов Средней Азии (Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков. «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. IX. М.— Л., 1950, стр. 80—82; С. М. Абрамзон. Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии. «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. XIV. М., 1951, стр. 152—155; Г. П. Васильева. Туркмены-нохурли. «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. XXI. М., 1954, стр. 177, 178; Н. А. Кисляков. Брак и семья у таджиков. «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. XLIV. М.— Л., 1959, стр. 19, 20 и ряд других работ).

топы были более молодыми. Так, основатель искандар-топа, Искандар-дум (дум — староста сельского общества после присоединения к России) умер в 1913 г.

В Сазагане в начале XX в. было пять кварталов, которые здесь назывались кишлаками: Катта, Джана [26], Юкари, Хатам и Сарай. В кишлаке Катта или Катта-Мачит (*катта* — большой; его мечеть была самой большой в Сазагане и служила соборной мечетью) жил преимущественно галакаль-топ. В кишлаке Юкари-Мачит (*юкари* — верхний) жили представители топа тавактараш, но этот самый многочисленный топ не мог разместиться там и занимал еще примерно половину Хатам-Кишлака, вторую половину которого составлял хатам-топ и т. д.

В Сарай-Кишлаке жили представители многих топов, и это весьма примечательно. Сазаган был расположен «в двух верстах от Каршинской дороги влево», как отмечал Л. Н. Соболев. К концу XIX в., когда с ростом торговли эта дорога стала более оживленной, несколько предприимчивых сазаганцев из разных топов построили не то семь, не то восемь небольших караван-сараев, ибо от Сазагана до Самарканда был как раз один переход. Затем они построили там жилища, перевезли свои семьи и обосновались окончательно. Так образовался кишлак из 20—30 хозяйств. Спустя несколько лет жители нового кишлака построили и свою мечеть.

По мере роста численности населения увеличивалась и земельная теснота: не хватало орошаемой земли и зимних пастбищ. Сазаганцы стали осваивать соседние саи, возникли кишлаки Игригулча и Тепакул. Выше было отмечено, что население этих двух кишлаков, как и Сазагана, относилось к найманскому роду украч, который имел два подразделения: коndир и учуул. Население Тепакула и Игригулча, а также около $^1/_5$ населения Сазагана относилось к подразделению коndир. Остальные сазаганцы принадлежали к подразделению учуул.

Постепенно непосредственные хозяйственные связи жителей Тепакула и Игригулча с жителями Сазагана слабели, но родственные связи сохранялись устойчиво, и они продолжали относиться к одному казаншерику. Это прежде всего выражалось в участии на семейных праздниках. Жители Сазагана поддерживали родовые связи со всеми своими сородичами, представителями рода украч-найман, живущими в Среднезеравшанской долине. Всех их через специального гонца оповещали о кончине того или иного известного человека из их рода, а в дальнейшем — о многократных поминках по нем, приглашали на той по поводу

[26] Название Джана в настоящее время пишется Янги, так как предполагается, что оно происходит от слова *джанга, янги* — новый (говор узбеков-найманов относится к джокающему диалекту). Однако старики считают, что название это происходит от слова *джан* (жон) — склон, косогор.

обрезания или свадьбы. На той отправлялось несколько представителей от каждого кишлака.

Если кому-нибудь из украч-найманов приходилось вносить плату за кровь — *хун*, но ни он сам, ни его ближайшие родственники не могли раздобыть нужную сумму, то виновный или его родственники обходили с просьбой о помощи в первую очередь все кишлаки, населенные украч-найманами, а при необходимости обращались и к остальным найманским родам.

Родоплеменные связи особенно ярко проявлялись в племенной солидарности при купкари — конноспортивном состязании, участники которого вырывали друг у друга тушу козла.

Как видим, в изучаемом районе вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции были сильны пережитки родоплеменных традиций. Поборниками этих традиций, как и в других районах Средней Азии, здесь выступали представители зажиточных слоев населения; они умело использовали эти пережитки для эксплуатации своих бедных сородичей, заставляя их за «помощь» работать на своих полях и выпасать скот. Устраивая пышные тои и многолюдные поминки, они добивались авторитета и влияния. Это давало им возможность занимать административные или «выборные» должности, а также оказывать давление на администрацию и, таким образом, занимать лучшие пастбища или расширять богарные посевы. Кто был богат и имел многочисленную родню, его поддерживающую, тот был в почете и ему открывались еще большие возможности для обогащения.

Бедному же человеку было не до «общеродовых» интересов: его донимали заботы о том, как прокормить семью, как пережить зиму, как выпутаться из долгов. Одной из наиболее тяжких забот была женитьба сына, так как даже бедные крестьяне не могли по обычаю выдавать замуж свою дочь в семью, которая не имела возможности раздобыть «двух батманов пшеницы, четырех баранов, изюма, да рису», чтобы устроить той хотя бы для своих односельчан и, кроме того, поставить новую юрту *отау* (утов), хотя бы маленькую, для невесты.

* * *

Несколько иным был в прошлом образ жизни разноплеменного населения низовьев Даргома.

К концу XIX — началу XX в., когда в низовьях Даргома, по мере освоения все новых участков под орошаемое земледелие, оставалось все меньше пастбищ, полукочевое население окончательно осело и различия в хозяйстве и образе жизни между отдельными этническими группами стали стираться.

К началу XX в. в оазисной зоне Пастдаргомского района основным жилищем всего населения становится глинобитный дом *там* (том); юрта сохраняется у людей зажиточных и среднего достатка в качестве летнего жилища.

По рассказам стариков-арабов, в селении Гулякандоз юрта исчезла в предреволюционные годы, а в Арабхане на Тарарыке она встречалась еще накануне коллективизации — некоторые семьи откочевывали весной со скотом в степь на левобережье Даргома и жили там в юртах. Один пожилой колхозник родом из Арабханы рассказывал нам: «Жизнь моего деда по отцу прошла в степи, он разводил овец и жил в юрте, а мой отец, когда женился, перестал кочевать. Мне уже 67 лет»[27]. Хаджи бобо Байматбеков 75 лет (по происхождению узбек-найман из кишлака Джанга-Карасыйрак (на канале Димишк) говорил нам: «Во времена моего детства круглый год жили в юрте. Я женился 15 лет. Жену свою я ввел в юрту. Здесь, на Казак-Наймане, сады, виноградники и дома появились только лет 60—70 тому назад»[28].

Из описания характера заселения низовьев Даргома мы видели, что здесь был, как и в предгорной зоне, своеобразный гнездовой тип расселения: селения располагались группами в низовьях отводов от магистральных каналов. Как правило, в низовьях каждого отвода имелось по четыре (иногда 5—6) небольших кишлака (обычно от нескольких до двух десятков дворов в каждом), которые официально считались одним селением и, как правило, были населены одним родовым подразделением или одной этнической группой.

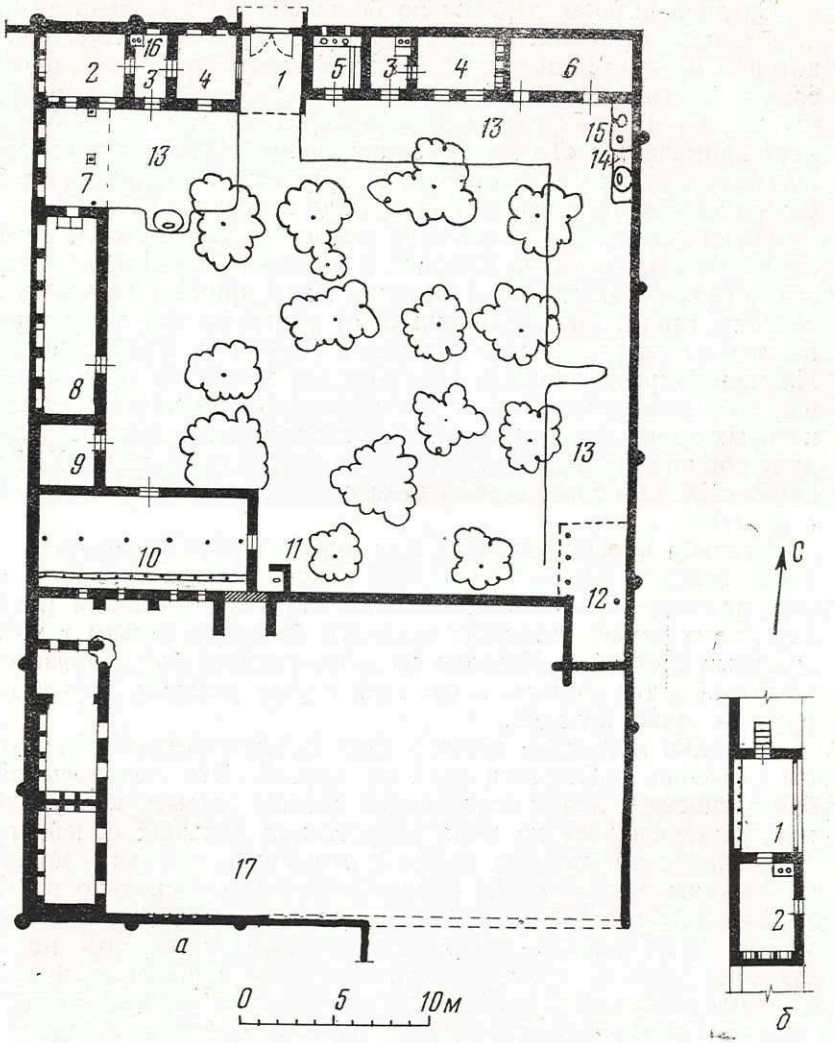
По нашим полевым материалам можно заключить, что те группы населения, которые в прошлом вели полукочевую жизнь (узбеки — найманы, кипчаки, хитаи и сараи, а также арабы и туркмены) в долине, как и в богарной зоне, оседали небольшими, порой родственными группами.

Селились они, как правило, разбросанно: каждый крестьянин строил себе усадьбу на своей земле или несколько семей (обычно родственных) строили одну усадьбу на стыке своих участков. Таким образом, кишлак состоял из крестьянских усадеб, расположенных на расстоянии 50—100 и более метров друг от друга. Каждая усадьба была окружена пашнями ее хозяина.

Оседлое население (таджики, «бухарцы», отчасти мангыты) также селилось родственными группами, но не разбросанно, а скученно, образуя небольшие кишлаки.

Это различие в типах поселения бывших кочевников и оседлого населения в свое время было замечено и А. Д. Гребенкиным. Описывая каракалпаков Миankаля конца 1860-х годов, он говорит: «Где кибитки кочевников, там находятся теперь дворы землевладельцев,— почему каждый каракалпакский кишлак, по разбросанности своих дворов отдельными группами, более всего напоминает стоянку кочевников.

[27] Полевая запись 24.II 1962 г., Туртхуккуз.
[28] Полевая запись 22.VI 1961 г.

План усадьбы-рабат в кишлаке Джанга-Карасыйрак, принадлежавшей в прошлом богатому крестьянину Ахматбаю:

а — общий план усадьбы: *1* — дарвазахана, *2* — мехманхана, *3* — дахлиз, *4* — уй, *5* — ашхана, *6* — уй, *7* — айван, *8* — тагхана, *9* — амбар, *10* — зинхана, *11* — хаджатхана, *12* — бастырма, *13* — супа, *14* — тандыр, *15* — очак, *16* — печка, *17* — разрушенная часть старой усадьбы (бывшая ичкари); *б* — план балаханы (помещения над тагханой); *1* — айван; *2* — балахана (черт. Ю. В. Стеблюка)

Среднеазиатская деревня по большей части, если не исключительно, представляет сплошной ряд дворов и сакель, вокруг которых находятся пахотные земли. У каракалпаков же деревни состоят из совершенно изолированных хуторов (рабат), разбросанных на 10 квадратных верст». Здесь А. Д. Гребенкин делает примечание: «То же самое замечание относится и к деревням всех других узбекских родов, принявших оседлость, на тех самых местах, на которых они прежде кочевали» [29].

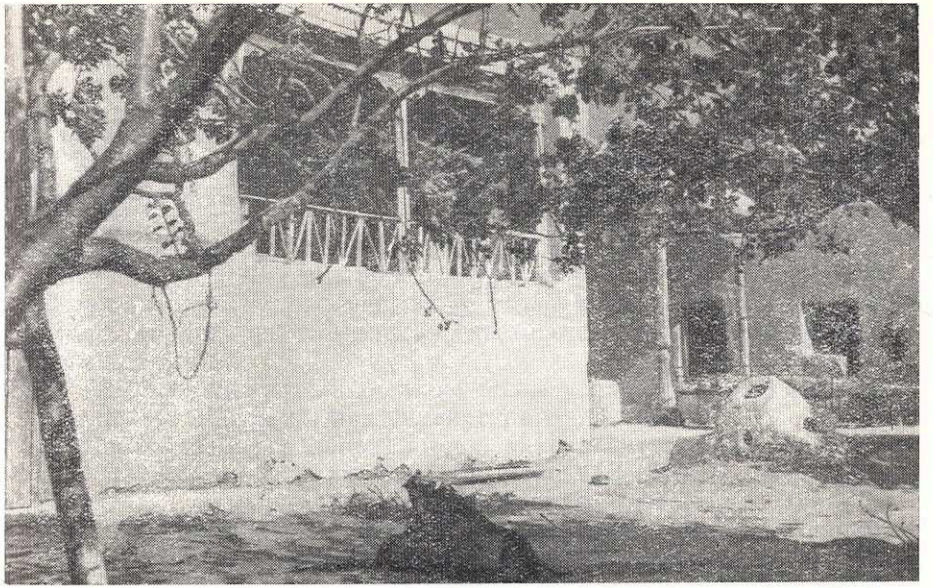
Подобную форму поселения, особенно распространенную в прошлом в районах по Средней и Нижней Аму-Дарье, в этнографической литературе о Средней Азии принято называть хуторским типом. Мы воздержимся от употребления этого термина, так как, в отличие от хуторов в России и Прибалтике, на Нижнем Даргоме каждое крестьянское хозяйство было теснейшим образом связано со всеми остальными хозяйствами, земли которых орошались водой данного канала, и все они составляли одну общину. Хутора здесь появляются позднее, в конце XIX и в начале XX в., в связи с развитием капиталистических отношений в деревне.

Усадьбу *курган* (қурғон) или *рабат* (равот) окружала высокая стена в пять — семь слоев пахсы. Внутри ограды вдоль стен размещались жилой дом из нескольких помещений (по числу малых семей, входящих в данную большую семью) и хозяйственные постройки. Нередко во дворе ставили юрту. Обязательно имелись два водоема *хауз*: один внутри усадьбы, другой снаружи, а также колодец.

Нередко несколько крестьянских семей строили свои усадьбы скученно, поблизости одна от другой. Это делалось ради безопасности [30] и для того, чтобы сообща вырыть колодец. Семьи, выделившиеся по мере разрастания больших семей, пристраивали свои усадьбы рядом с отцовской, и, таким образом, на каждом оросительном канале возникало несколько небольших кишлаков с беспорядочным расположением строений. По мере разрастания кишлака усадьбы начинали строить по обе стороны дороги, ведущей в кишлак, что приводило в более крупных кишлаках к образованию подобия улицы, по обеим сторонам которой тянулись высокие глухие стены с воротами, ведущими в отдельные усадьбы. Чем состоятельней был хозяин, тем выше была стена и тем шире были ворота, закрывавшиеся

[29] А. Д. Гребенкин. Узбеки. «Русский Туркестан». Сборник, изданный по поводу политехнической выставки», вып. II. М., 1872, стр. 97.

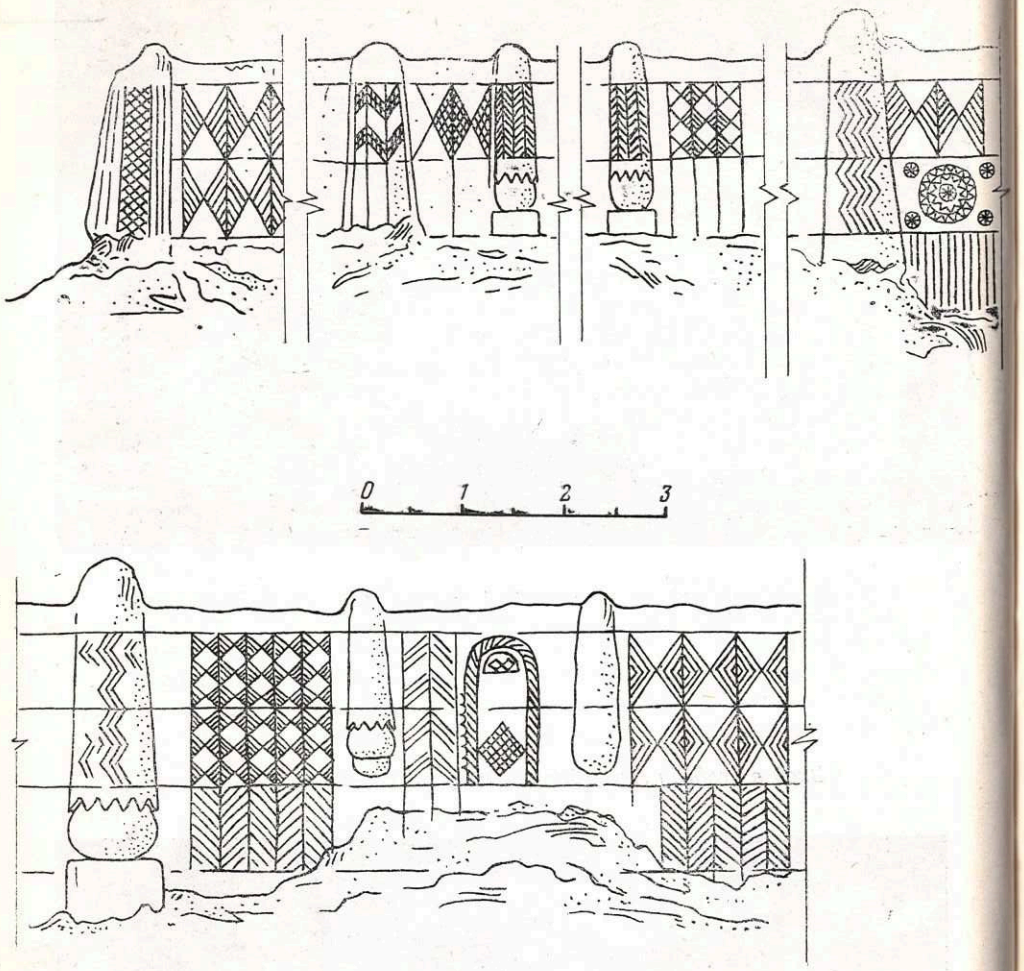
[30] Грабежи в изучаемом районе были довольно распространенным явлением (см., например: А. П. Хорошхин. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876, стр. 232—234). Воры проникали в усадьбу, сделав пролом в стене. Некоторые богатые хозяева делали стены усадьбы двойными и между ними укладывали бревна или жерди.

Балахана с айваном в усадьбе Ахматбая (фото Н. С. Кармазина)

Вход в усадьбу Ахматбая (вид с улицы; фото Н. С. Кармазина)

Старая пахсовая стена, украшенная орнаментом (к. Миankау; рис. Ю. В. Стеблюка)

двумя массивными створками [31], тем обширней было крытое помещение, непосредственно примыкавшее к воротам со стороны двора *дарвазахана*.

Усадьбы соединялись между собой небольшими проемами *тешик* в стене, которыми пользовались преимущественно женщины: они могли обойти по крайней мере полкишлака, не выходя на улицу.

[31] В богатых усадьбах ворота были, как говорили, «в две арбы» (т. е. одновременно могли проехать две арбы) или «парные» — *куш дарвоза* (қўш дарвоза).

Некоторые кишлаки (например, Миankау на Димишке, Туркман-Кишлак на Хишрау) вплоть до начала 1920-х годов состояли из отдельных, далеко разбросанных одна от другой, усадеб, и только в годы гражданской войны крестьяне, боясь басмачей, сконцентрировали свои усадьбы в одном месте.

Для кишлака обычно выбирали несколько возвышенное место, чтобы не занимать под усадьбы удобные для полива, ровные участки земли и чтобы в домах не было сырости. Учитывалось также расположение полей, чтобы каждому было недалеко до его пашни, так что кишлак оказывался окруженным орошенными землями.

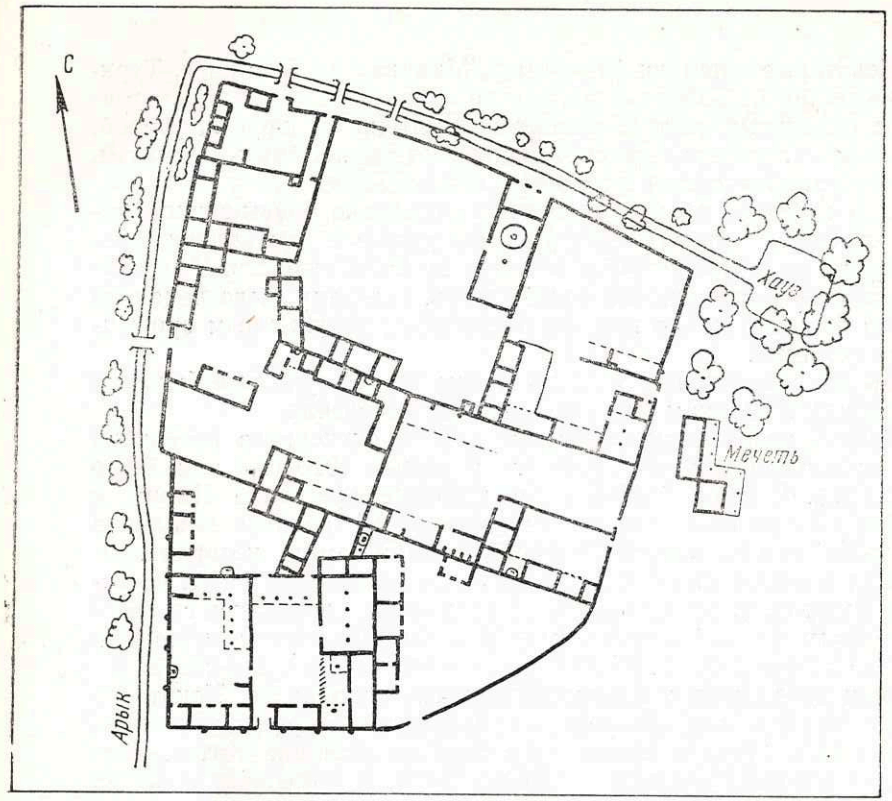
Высокие массивные внешние стены усадеб, угловые башенки придавали кишлакам вид укрепленного поселения.

Своеобразной разновидностью такого скученного поселения был небольшой кишлак Дунг (по переписи 1920 г. в нем было 22 двора). В конце 1870-х годов молодые крестьяне Пирим и Эшбай из кишлака Қатта (из упомянутой группы кишлаков Дашт-Найман на канале Димишк) купили землю, которая примыкала к полям их родного селения, но орошалась водой из канала Хишрау, и, выделившись от родителей, поселились со своими семьями на этой новой земле. На небольшом возвышении они воздвигли усадьбу, огороженную общей высокой стеной, и поставили двое ворот в противоположных сторонах ее. Некоторое время спустя к ним присоединились еще три их родственника — братья Иса, Муса и Исмат — из того же кишлака Қатта. Они пристроили свои усадьбы к первым двум. В дальнейшем, когда семьи разрослись, одни молодые супружеские пары продолжали жить в составе отцовской большой семьи, их жилые помещения пристраивались к отцовскому дому, а другие, выделившись, пристраивали небольшую усадьбу к усадьбам односельчан. Кишлак не пересекался улицей. Все усадьбы составляли один массив и внешние стены жилищ образовывали стену вокруг всего кишлака, представлявшего в плане неправильный круг. В этой ограде было по-прежнему двое ворот. Усадьбы, удаленные от ворот, имели проход через усадьбы соседей.

Со временем жители Дунга построили мечеть. Поставили ее вне массива, за воротами; к ней подвели арык и вырыли около нее хауз (в самом кишлаке вплоть до коллективизации проточной воды не было) [32].

Как в Дунге, так и в других кишлаках, усадьбы были невелики. Усадьба хозяев среднего достатка и зажиточных делилась на две части: так называемую внешнюю *ташкари* (тошқори) и внутреннюю *ичкари*. Как и в других районах Узбекистана, ташкари была мужской половиной, и в ней находились мехманхана,

[32] Полевая запись 18.IV 1961 г. от Бекмурада Исматова (сына упомянутого Исмата), 1890 г. р., кишлак Дунг.

План оставшейся части кишлака Дунг до полной реконструкции (черт. Ю. В. Стеблюка)

зинхана, а также навесы для лошадей и ослов. В ичкари располагался жилой дом семьи, хлев для коровы, кухня, кладовые, амбары и т. п. Все эти постройки ставились по периметру двора. Посреди двора вырывали яму *хандак*, куда выбрасывали золу, выметали сор. Рассказывая нам о старых кишлаках и усадьбах, жительница кишлака Намазго Мухаррам Ризаева (1899 г. р.) воскликнула: «Теперь я понимаю, отчего было так много болезней в то время и так много умирало детей: тучи мух роились над этой ямой, издававшей зловоние» [33].

В этих замкнутых и тесных усадьбах нельзя было оставаться в жаркое время, поэтому в начале лета, как только начинали поспевать ягоды шелковицы, все покидали кишлаки и переселялись в сады, расположенные посреди пашен каждого крестьянина. Другой, не менее важной причиной переселения в летние

[33] Полевая запись 2.XI 1960 г.

усадьбы была, как отмечает Н. Н. Ершов, необходимость «стеречь посевы от истребления их скотом, так как поля не были огорожены, и от птиц, ибо когда созревала, например, джугара — одна из распространенных зерновых культур — или ячмень и просо, приходилось от зари до зари отпугивать несметные стаи воробьев и другой птицы, иначе от урожая ничего бы не осталось» [34].

Усадьба в кишлаке называлась *хавли* (ховли), а летняя усадьба — *хаёт*. Она также имела глинобитную ограду, внутри которой находились фруктовый сад, виноградники и посевы люцерны. В одном из уголков сада устраивали квадратный водоем — хауз. Развесистые ивы или вязы с шаровидной кроной, которыми обсаживали берега хауза, бросали густую тень на суфы, окружавшие хауз. Суфы фактически служили летним жилищем для семьи. У зажиточных хозяев бывал второй хауз (нередко вне ограды) также с суфой. Здесь принимали гостей-мужчин; здесь же ночевали работники и издольщики-чайрикоры.

Для того чтобы хранить домашний скарб и продукты, а в случае дождя укрыться и самим, в саду недалеко от хауза сооружали помещение, размеры и вид которого зависели от степени зажиточности хозяина. У богачей это был дом с открытой верандой, у крестьян среднего достатка — легкое глинобитное помещение типа кладовой, с пристроенной к нему верандой, открытой с двух или с трех сторон. Хозяева победнее строили шалаш *чайля* (чайла). В этих местах чайля была двух типов: *ийма чайля* — шалаш из согнутых ветвей и *хашаклик чайля* — прямоугольный шалаш из жердей, на плоскую кровлю которого складывали снопы люцерны и топливо в виде обрезанных в саду ветвей.

Возле жилища размещали очаги и тандыр, которые женщины сами лепили из глины.

Неподалеку от жилья устраивали навес *совот* для лошадей и хлев для коров. Навес имел плоскую, обмазанную глиной крышу. Хлев представлял собой неглубокую яму, по краям которой наращивали стены на один слой пахсы, а вход закрывали навесной одностворчатой дверью. У стен располагались ясли. Такой хлев назывался *джерагыл* (жероғил).

Возвращались в кишлак только осенью, когда был убран урожай не только с полей, но и в садах и виноградниках. За три-че-

[34] Н. Н. Ершов. Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией (историко-этнографический очерк). Сталинабад, 1960, стр. 21, 22. Переселение в летние усадьбы, расположенные посреди пашен, было широко распространено и во многих других районах Среднезеравшанской долины, а также, согласно нашим полевым материалам, в Нижнезеравшанской долине, в бассейнах Кашка-Дарьи и Сурхана и в Южном Таджикистане (см. библиографию: Н. Н. Ершов. Указ. соч., стр. 21).

тыре месяца дворы в кишлаке зарастали сорными травами и женщины накануне возвращения в кишлак приходили туда с метлами и лопатами и производили уборку. Крестьяне, не имевшие на летней усадьбе глинобитного дома или веранды с плоской крышей, были вынуждены в течение лета неоднократно относить в кишлак фрукты и виноград и рассыпать их для сушки на крыше зимнего жилища. Чаще других навещали в течение лета кишлак «бухарцы»; в доме их зимней усадьбы был установлен ткацкий станок и члены семьи в свободное от сельскохозяйственных работ время приходили ткать.

В конце XIX — начале XX в., с проникновением капиталистических отношений в деревню, стали возникать и настоящие хутора. Зажиточные люди из горожан (самаркандские таджики и русские) и местные кулаки скупали земли у разорившихся крестьян и строили усадьбы посреди своих земель. Некоторые горожане ограничивались лишь летней усадьбой, а другие возводили рабат — обширный укрепленный высокими стенами двор с жилым домом в ичкари и мехманханой в ташкари. Горожанам подражали и кишлачные баи.

В изучаемом районе старых жилищ сохранилось очень мало. Однако дома, построенные в довоенный период (в 1930—1940-х годах), в значительной мере продолжали традицию [35]. Дом обычно располагали в глубине двора фасадом на юг. Планировка его была очень проста: к торцовой стене жилой комнаты примыкала прихожая или по обеим сторонам прихожей располагалось по одной комнате. Строили дом без фундамента, на разравненной и утрамбованной земле. Для возведения стен применяли в основном конструкцию двойного деревянного каркаса, который заполняли сырцовым кирпичом или гуваля. Плоская крыша покоилась на деревянных балках. По фасаду жилая комната имела два оконных проема *дарча*, а дверь *эшик* вела в переднюю. Оконные проемы начинались прямо от пола и не имели застекленных рам, а закрывались двумя ставнями. Дарча отворялась наружу, а дверь — внутрь. Над дарча делали еще прямоугольный проем *табадон* типа фрамуги, забранный деревянной или алебастровой решеткой. Зимой решетки обклеивали бумагой. В промежутках между дарча на противоположной стене устраивали прямоугольные ниши *такча* (токча). В стене против входа помещались три ниши: по бокам две большие *тахмон* для складывания постельных принадлежностей и узлов с одеждой и узкая посредине для мелких предметов. Стены обмазывали глиной, смешанной с саманом. Люди с достатком стены внутри жилища покрывали грубой ганчевой (алебастровой) штукатуркой. В домах очень богатых людей стены затирали мелкоотсеянным ганчем и покрывали резьбой или росписью, для чего приглашали городских мастеров. Для обогревания жилища служил *сандал* — вид низкого столика, покрытого ватным одеялом и установленного над углублением в полу, куда насыпали горячие угли. Садились вокруг сандала, протянув ноги под одеяло.

[35] О традиционном узбекском жилище см.: В. Л. Воронина. Народные традиции архитектуры Узбекистана. М., 1951; П. Захидов. Самаркандская школа зодчих XIX—начала XX века. Ташкент, 1965; «Народы Средней Азии и Казахстана», I. М., 1962, стр. 278—284; А. К. Писарчик. Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в XIX — начале XX в. «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. XXI, стр. 216—298; В. Л. Воронина. Материалы по народной архитектуре Кашка-Дарьинской области Узбекской ССР. «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. XLVII. М., 1959, стр. 299—351.

Домашняя утварь издавна оседлого населения оазиса в начале XX в. в отличие от полукочевых узбеков степи и предгорий приближалась к городской. Убранство дома искони оседлого населения — таджиков, «бухарцев», ирани — особенно приближалось к городскому. Наряду с покупными кошмами и паласами, устилавшими пол, были распространены ватные подстилки, одеяла и подушки. Жилище новобрачных украшали различными вышивками, которые обязательно входили в приданое невесты. Часть вышивок оставалась висеть и позже: вышивкой обычно завешивалась ниша с постелью. Посуда была преимущественно глиняной (чашки, кувшины, горшки, лохани) [36] и металлической (миски, блюда, котлы, половники и т. п.). В убранстве недавно осевших в оазисе бывших полукочевых групп еще сохранялись некоторые особенности. Пол своего дома они по-прежнему (как в юрте) устилали кошмами, паласами и джульхирсами собственного изготовления, а также подстилками из шкур, а ватные одеяла и тюфяки были в меньшем употреблении. Кое у кого еще бытовали вместо сундуков и напрачи. В приданое девушки готовили не вышивки, а джульхирсы. Смена деревянной посуды на глиняную (блюда, миски, чашки) произошла на памяти людей старшего поколения, т. е. в начале XX в. В это же время в быту зажиточной части сельского населения появились фарфоровая и фаянсовая посуда и керосиновые лампы. Однако эти вещи считались роскошью и встречались только у зажиточных людей [37].

После окончательного оседания узбеков в оазисной части Среднезеравшанской долины и особенно в районах, близких к Самарканду, произошли некоторые изменения и в традиционном костюме. Начинают исчезать наиболее характерные черты,

[36] Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии. «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. XLII. М.— Л., 1959, стр. 238—240.

[37] Позволим себе привести запись рассказа пожилой колхозницы (1884 г. р.), жительницы предгорного кишлака Сазаган: «В то время хороших вещей не было. Фарфоровых чайников совсем не было. Да и медные кувшины для чая — *чойдиш* — были редкостью. Женщины говорили: «Такой-то бай, говорят, купил чайдиш. Давайте сходим поздравить с покупкой» (Паланча бой битта чойдиш опти; кўтлўқ бўлсинга борайлик)». (Полевая запись 25.X 1962 г.).

Мухаррам Ризаева в старинном головном уборе (к. Намазго; фото Н. С. Кармазина)

отличавшие костюм полукочевых узбеков от костюма оседлого населения. Так, женщины перестали навертывать головные платки в виде большого тюрбана. На смену ему пришла налобная повязка из сложенного по диагонали небольшого платка, в складки которого подкладывали бумагу. Тюрбан продолжали носить лишь пожилые женщины в качестве парадного головного убора. Женщины из зажиточных семей вместо джеляка — накидки в виде халата — стали носить паранджу.

К концу XIX в. произошли изменения в материалах, из которых изготовлялась одежда: ситец, кумач, тик, белые хлопчатобумажные ткани фабричного производства распространились и в кишлаке. В отличие от строгой расцветки мужских халатов Ферганы и Хорезма, в изучаемом районе не только женщины, но и мужчины носили халаты из ситца ярких расцветок и с узорами в виде цветов. Мужские рубахи и штаны, а также джегде и женские джеляки чаще шили из алачи и полосатого тика.

В пригородных селениях состоятельные крестьяне вместо чекменя стали носить халат из грубого фабричного сукна темной расцветки. На смену женскому мунисаку в начале XX в. постепенно появляется короткий ватный халат — *кальта-чапан* (калта-чопон), а мунисак становится элементом траурной одежды.

Таким образом, в начале XX в. в зоне оазиса хозяйственно-бытовой уклад полукочевых в прошлом групп мало чем отличался от хозяйственно-бытового уклада искони оседлого населения.

Преобразование бытового уклада в первые годы Советской власти

Революционные изменения в экономике, производственных и внутрисемейных отношениях, росте культуры находили отражение в развитии материальной культуры.

К концу 1930-х годов происходят значительные перемены в материальной культуре сельского населения Нижнего Даргома. Внешний облик кишлаков еще мало изменился, но в каждом из них появилось побеленное здание школы, а в крупных селениях — здания правления колхоза, клуба. В тех селениях, где имелись байские дома, их приспособили под общественные здания и склады.

Улучшились кишлачные дороги [38].

К концу 1930-х годов конструкция и планировка домов еще мало изменилась, но в них стало чище, улучшилась их обстановка. Во всех домах в дарча стали вставлять застекленные рамы (они появились уже в конце 1920-х годов, а повсеместно — в 1930-х годах). Стали распространяться железные печи и кирпичные плиты для обогревания жилищ в зимнее время.

В степной и предгорной зоне все чаще строили глинобитные дома, однако они еще не полностью вытеснили юрту, которая продолжала служить летним жилищем.

Изменился состав утвари, появилось больше предметов фабричного производства, что явилось следствием повышения благосостояния колхозников,— за сданный государству хлопок колхозники получали от заготовительных организаций деньги, а также промышленные и продовольственные товары. Фаянсовая посуда стала необходимой принадлежностью каждого дома. Ковры, паласы, ватные одеяла и подушки широко вошли в быт населения как оазиса, так и предгорий.

Неизмеримо улучшилась пища. Ушли в прошлое систематические весенние голодовки. Кислая похлебка из джугары *гуджа-аш* (гўжа-ош) и лепешки из просяной и джугаровой муки, являвшиеся основной пищей полукочевых в прошлом узбеков, стали забываться: лепешки из пшеничной муки стали доступны всем. Шире распространяются такие характерные в прошлом только для оседлого населения блюда, как пельмени *барак*, пирожки *самса*, *бичак*, выпекаемые в тандыре или обжариваемые в масле. Плов *полов ош*, почетное и праздничное блюдо искони оседлого населения, стал постепенно вытеснять мясо в жареном *каур-*

[38] Уже не могло быть таких трагикомических происшествий, как запомнившееся многим, когда в прошлом на улице кишлака Мирзатоп утонула лошадь, провалившись в жидкую грязь, заполнявшую рытвину в колее, образованную огромными колесами арбы *кукан арава* (қуқон арава).

По словам старых людей, в те времена в дождливый период на улицах кишлаков в глубоких местах колеи ставили метки в виде палки с тряпкой на конце.

ма (қоурма) и вареном виде и бульон *шорва*, являвшиеся почетными блюдами у полукочевников.

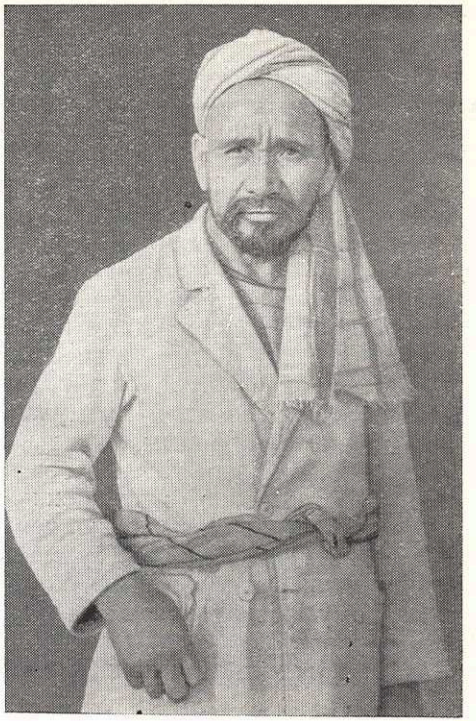
Если в прошлом не только в богарной зоне, но и в оазисной в крестьянских семьях не было в обычае пить чай (пили воду, пахтанье, кислое молоко с водой и т. п.), то с 1930-х годов чай здесь становится любимым напитком не только городского, но и сельского населения. Пища обогатилась овощами — распространились картофель и помидоры [39].

С первых лет Советской власти в среду передовой части населения пригородных районов начинают проникать новые городские формы одежды. Молодые мужчины, общавшиеся с городским населением, стали носить камзол, который, в отличие от халата, имел покрой в талию, вшивные рукава, прорезные горизонтальные карманы на боках и стоячий воротник. Камзол в качестве не только мужской, но и женской одежды был распространен в Ташкентской и Ферганской областях еще в предреволюционные годы, но в кишлаках Самаркандской области его тогда еще не носили. Мохларой Халикова рассказывала нам, что, переселившись в 1916 г. из Ферганской долины (из кишлака Гурумсарай Папского района) в кишлак Намазго Пастдаргомского района (колхоз «Коммунизм»), она была очень удивлена, что здесь все, даже молодухи, носят халаты, в то время как у нее на родине женщины в качестве верхней одежды носили камзолы *камзур*. Сначала местные жительницы смеялись над камзолами и более короткой одеждой ее и ее дочерей, но вскоре молодые женщины стали обращаться к ней с просьбой переделать их халаты на камзолы.

Сначала одежду европейского покроя рассматривали в кишлаках как нечто недозволенное, греховное, как вызов старым обычаям, и молодежь не отваживалась носить открыто костюм новых фасонов. Колхозник Махмуд Ходжамурадов (1904 г. р., кишлак Намазго) рассказал о том, как он впервые решился изменить костюм: «В возрасте двух лет я лишился отца и воспитывался в семье дяди по отцу, крестьянина среднего достатка. Дядя отдал меня в школу при мечети. В 1922—1923 гг. я бывал в Самарканде, приобрел себе друзей среди городской молодежи и они меня повели в школу, в которой преподавал известный востоковед В. Л. Вяткин. Эта школа называлась «Билим юрти» («Дом знания»).

Посещал я эту школу тайно от дяди и проучился всего три месяца. Однажды я вернулся из города в брюках галифе (они тогда стали входить в моду среди городской молодежи). На мне был длинный татарский камзол, который тогда носила городская интеллигенция, и поэтому брюк не было видно. На голове же,

[39] Подробнее о пище узбеков см.: «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I, стр. 304—313.

Махмуд Ходжамурадов в камзоле из сурового полотна (к. Намазго; фото Н. С. Кармазина)

как и все, я носил чалму. Дома дядя велел мне наколоть дров. Когда я начал колоть дрова, полы камзола распахнулись, и дядя увидел мои брюки. Страшно рассердившись, он сказал, что, если еще раз увидит меня в этих брюках, то изрубит их топором. Я снял их и больше не надевал» [40]. Спустя 5—6 лет, к концу 1920-х годов сельская молодежь стала уже смелее выступать за новшества в быту. Это находило отражение и в одежде.

Учительница-татарка Марьям Акчурина рассказала, что когда в 1927 г. она по путевке комсомола начала работать в школе в кишлаке Сарай, никто из местных жителей еще не носил одежды европейского покроя. В 1928 г. она впервые сшила пиджак и брюки своему ученику Зиадулле Ачилову, жителю кишлака Гулякандоз, одному из первых комсомольцев Пастдаргомского района. В следующем году в Чархине отважились надеть комсомольский костюм (узкая юбка и гимнастерка, подпоясанная ремнем) молодые женщины-комсомолки Хосият Турсунова и Иззат Султанова. Длинные штаны они убирали в чулки, голову повязывали косынкой. Дома эти женщины носили платья также нового фасона: на кокетке, с отложным воротником и с вшивными рукавами. Эти платья им сшила тоже Акчу-

[40] Полевая запись 1.XI 1960 г.

рина [41]. Она же сшила рубашки с отложным воротником и всем своим ученикам. Это было приурочено к открытию пионерской организации в школе: ребята этой школы первыми в районе повязали красные галстуки [42].

Колхозный строй, нарушивший вековую замкнутость и косность быта, способствовал и распространению новых форм одежды. Для работы на колхозных полях при ее новых темпах старые фасоны, отражающие неторопливую жизнь глухого кишлака, были неудобными.

Так, мешали работе большие платки, навертываемые на голову, и длинные платья с широкими спускающимися почти до пола рукавами у женщин, слишком длинные и широкие халаты и громоздкие чалмы у мужчин. В эти годы начинают распространяться те формы одежды, которые уже в послевоенные годы становятся для узбеков общенациональными (см. стр. 183—191).

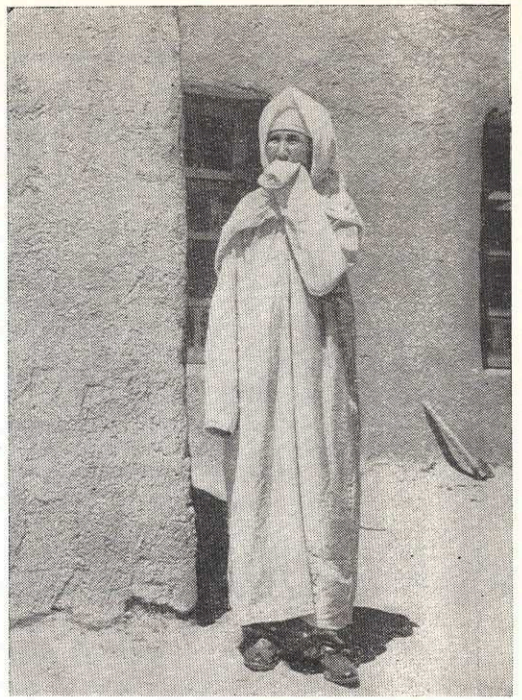
Естественно, в отдаленных горных кишлаках новые фасоны распространялись позже, чем в пригородных. Так, платье на кокетке *бурма-куйляк* (бурма кўйлак) в горных кишлаках стали носить в послевоенные годы в основном девушки и молодухи. Этому фасону предшествовало платье старого туникообразного покроя, но со стоячим воротником *бумаки джака* (бўмақи жоқа). Подобные платья пожилые женщины продолжают носить до сих пор.

Современный облик сельских поселений и культурно-бытовые условия

Одной из основных тенденций в развитии как материальной, так и духовной культуры сельского населения Узбекистана является быстрое распространение городских форм культуры. В течение последних семи-восьми лет идет перепланировка колхозных селений. Многочисленные мелкие кишлаки в каждом колхозе сводятся в несколько крупных благоустроенных поселков, планы которых спроектированы архитекторами и утверждены правлением колхоза и районным исполнительным комитетом депутатов трудящихся. Так, в оазисной зоне колхоза «Коммунизм» Пастдаргомского района, где в 1959 г. было 17 мелких кишлаков, согласно генеральному плану, все они сводятся в четыре крупных поселка. Центр колхоза находится в поселке Чархин, который располагается на месте кишлаков Сарай и Гулякандоз. За годы работы экспедиции 1959—1962 гг. на новом месте поселились, получив участки и ссуды для строительства домов, жители кишлаков Кальходжа, Чала-Кишлак, Балхион, Пухари-Кишлак, Баят, отчасти Милтикчи и Миankау, а также кишлаков Гулякандоз и Сарай.

[41] Полевые записи Л. Ф. Моногаровой 2.XI 1960 г. от Хосият Турсуновой и Иззат Султановой.

[42] Полевая запись 21.X 1962 г. от Хосият Турсуновой и Марьям Акчуриной.

Узбечка в платье туникообразного покроя (к. Сазаган; фото Н. С. Кармазина)

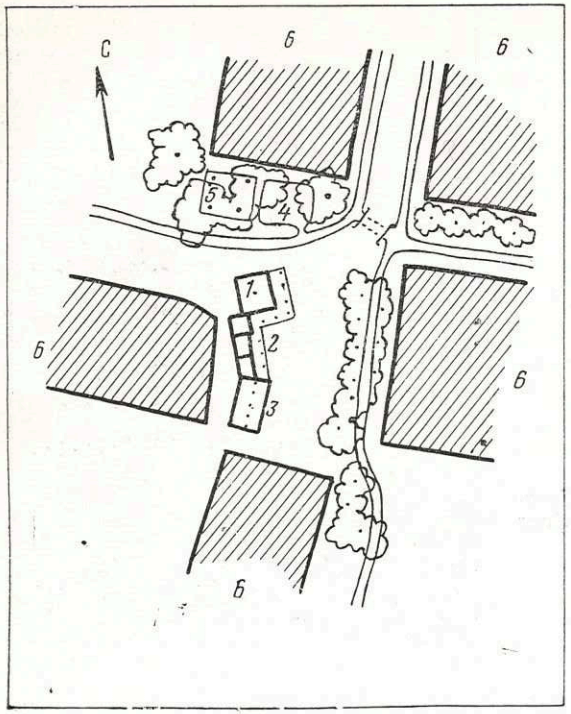
Второй поселок создается на месте кишлака Орта-Чархин: он примыкает к поселку, где живут работники ремонтно-тракторной станции и биокомбината.

Третий поселок располагается далее на север, на месте кишлака Туртхуккуз. Туда переселяются жители кишлаков Синчи и Малакай.

Четвертый поселок объединяет кишлаки, прежде входившие в группу Казак-Найман. Этот поселок не такой компактный, как Чархин: некоторые его улицы перемежаются с хлопковыми полями. Усадьбы в основном тянутся вдоль шоссе, ведущего из Самарканда к поселку Суперфосфатный.

Для современного селения характерны прямые широкие улицы, вдоль которых протянулись дома, с прилегающими к каждому из них двором и приусадебным участком. Только в нескольких кишлаках сохранились, доживая последние дни, остатки улиц старого типа.

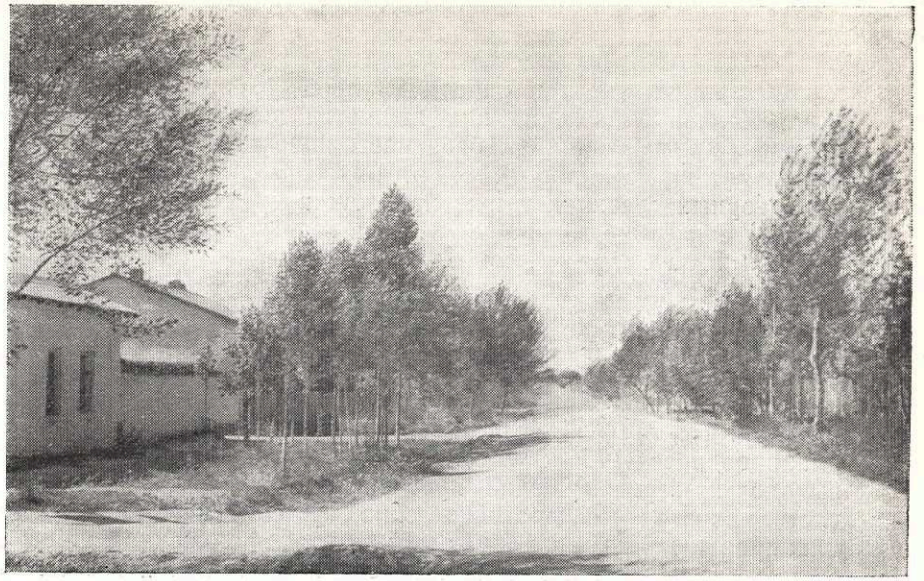
В прошлом центром кишлака являлась мечеть. Теперь в центре обычно находится школа, недалеко от которой располагаются клуб, магазин, почта, хозяйственный двор бригады.

План старого центра кишлака Эски-Карасыйрак:

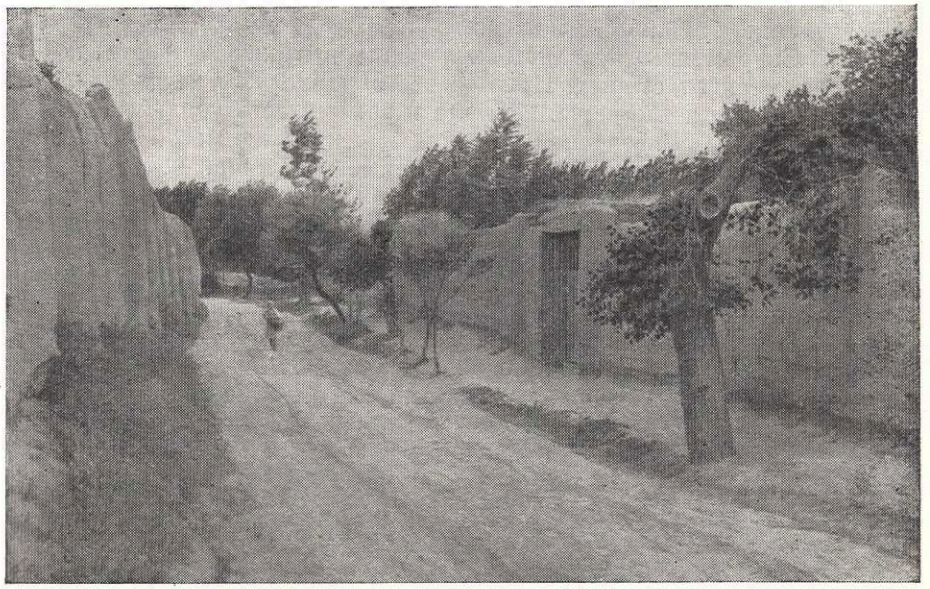
1 — мечеть, *2* — кельи-худжра, *3* — помещение для скота, *4* — хауз, *5* — суфа, *6* — усадьбы-хаули (черт. Ю. В. Стеблюка)

Центр колхоза «Коммунизм», поселок Чархин, напоминает небольшой город не только своими размерами, но и числом различных общественных зданий. Здесь размещены правление колхоза, сельсовет, почта и телеграф, клуб, кинотеатр, библиотека, две общеобразовательные школы (средняя школа и восьмилетняя) и одна музыкальная, два детских сада, больница с родильным отделением и амбулаторией, аптека, баня, несколько парикмахерских, магазины (два универсальных магазина, магазин культтоваров, киоск Союзпечати, книжный магазин, два магазина и несколько ларьков по продаже продовольственных товаров), пекарня, две столовых и один ресторан, чайхана и, наконец, базар, где колхозники продают фрукты, овощи, молочные продукты и т. п. В поселке имеются швейная и сапожная мастерские, кузница, рисорушка. Перечень общественных учреждений будет неполным, если не отметить отделение потребительского общества Пастдаргомского района.

Улица нового типа в кишлаке Гулякандоз (фото Н. С. Кармазина)

Улица старого типа в кишлаке Карасыйрак (фото Н. С. Кармазина)

В Чархине живут и работники перечисленных учреждений. Члены семей многих из них являются колхозниками. Целый квартал, примыкающий к базе пастбищно-мелиоративного треста, занимают дома работников этого треста.

В горных селениях также произошли существенные изменения. За последние 10—15 лет жители горных кишлаков перенесли свои дома с сухих склонов непосредственно в долины, на берега горных речек и, таким образом, все приусадебные участки получили воду. Это позволило развести сады и виноградники, а также озеленить улицы кишлаков. Посадкой деревьев вдоль арыков на улицах и уходом за ними занимаются обычно школьники.

Горный рельеф не везде позволяет придерживаться уличной планировки селений. В тех кишлаках, которые расположены у выходов из горных ущелий, прослеживаются две части: верхняя часть, находящаяся непосредственно в ущелье, не имеет строгой планировки и прямых улиц, а нижняя, расположенная уже вне ущелья, имеет уличную планировку и приближается в этом отношении к селениям оазисной зоны. Таков кишлак Сазаган. В самой высокой его части (так называемый Камар-кишлак, возникший в 1952 г.) усадьбы разбросаны без особого порядка по левому склону ущелья. В средней части, где ущелье несколько расширяется, усадьбы примыкают друг к другу, образуя подобие кварталов, между которыми проходят узкие улицы. И, наконец, в нижней части селения, которая расположена уже на подгорной равнине, наблюдается современная уличная планировка.

В центре Сазагана помещается клуб (в нем одно помещение отведено под контору бригады), средняя школа, почтовое отделение, больница и магазин.

Современные усадьбы колхозников также существенно отличаются от старых. Прежде всего давно уже исчезло деление на ичкари и ташкары. Исчезла и замкнутость усадьбы: она стала как бы облегченной, так как нет необходимости колхознику иметь многочисленные хозяйственные постройки, которые в прошлом замыкали двор со всех сторон. В настоящее время усадьба делится на две части: меньшую часть занимает дом, хозяйственные постройки и двор, который представляет собой небольшую площадку перед домом и хозяйственными постройками; остальная территория отводится под сад и огород.

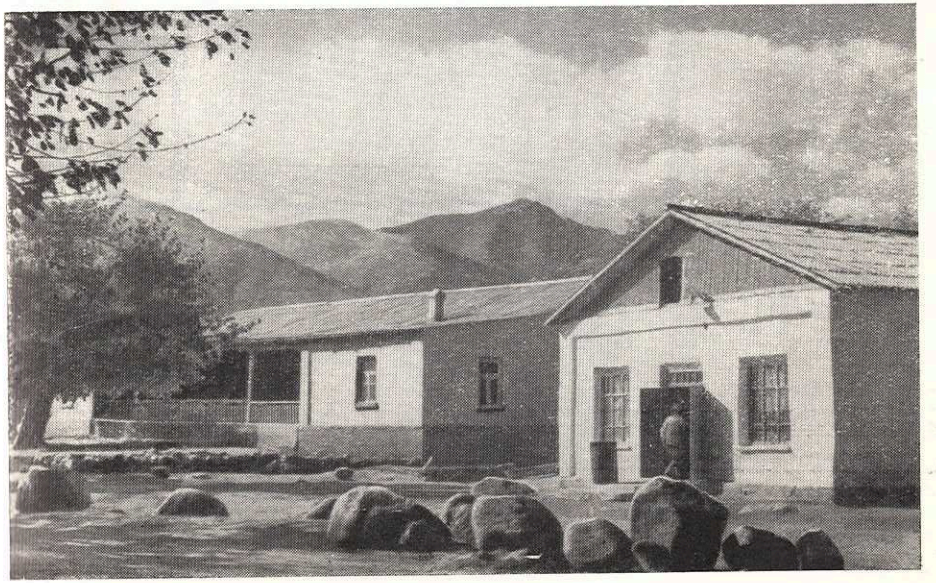
По месту расположения жилого дома можно выделить два типа усадьбы: 1) дом расположен вдоль улицы и 2) дом находится в глубине усадьбы. Первый тип ныне наиболее распространен.

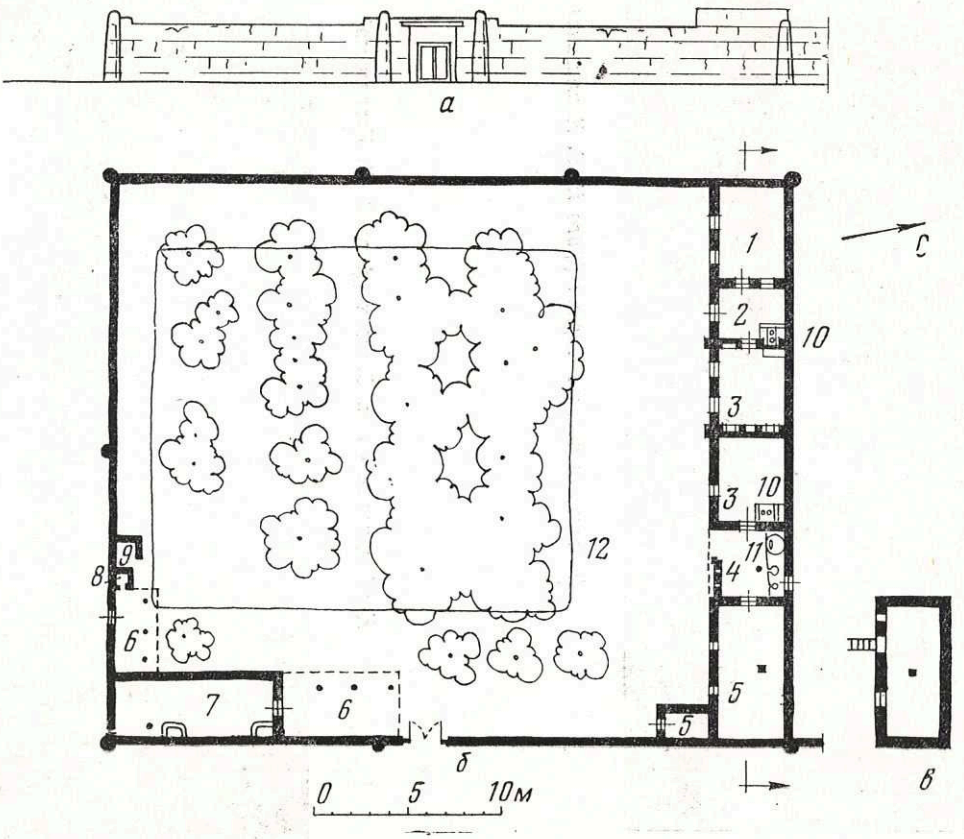
В наши дни снабжение продовольственными товарами через магазины в Пастдаргомском районе настолько налажено и регулярное сообщение с городом настолько удобно, что крестьянину

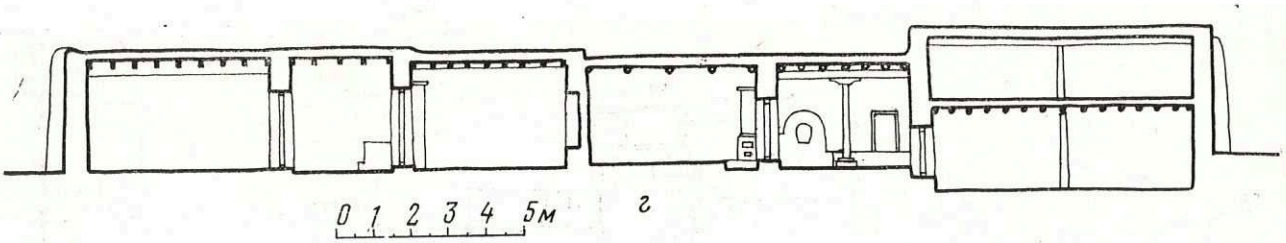

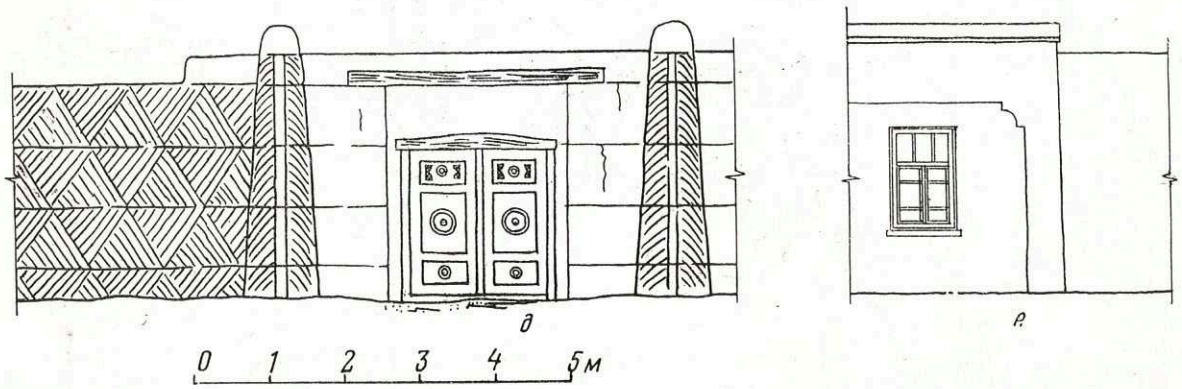
Больница в поселке Чархин (фото Н. С. Кармазина)

Клуб и магазин в к. Сазаган (фото В. И. Котовского)

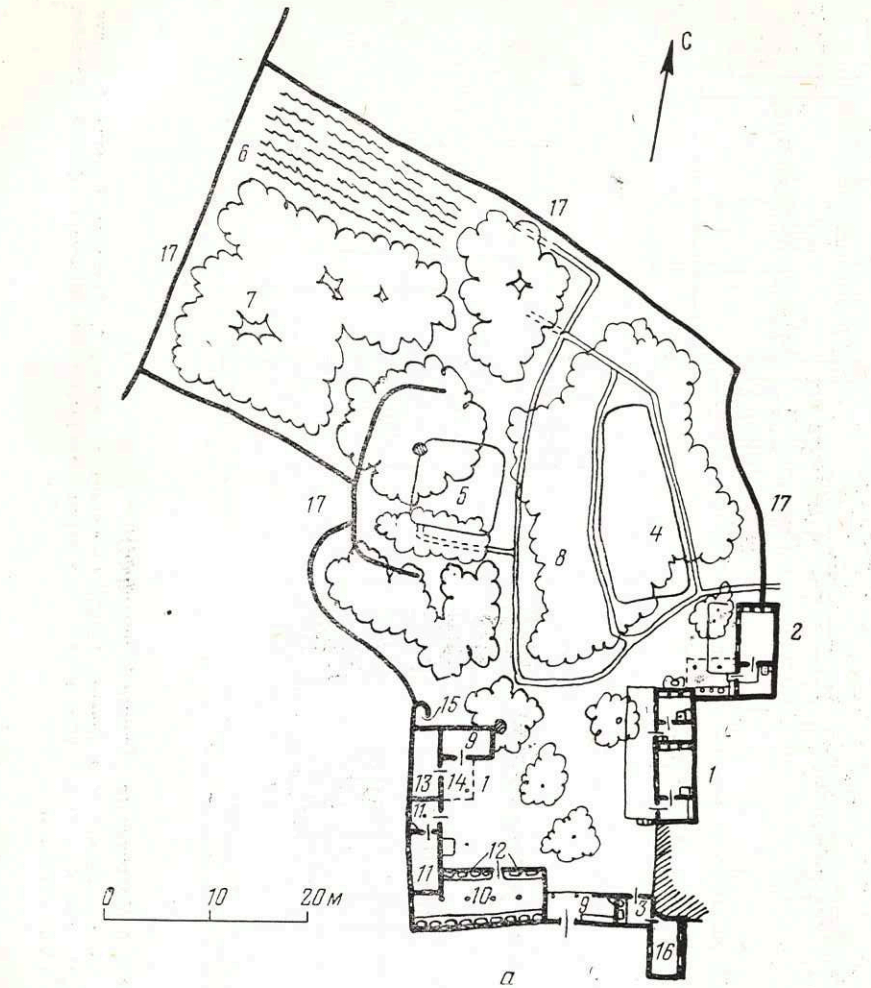

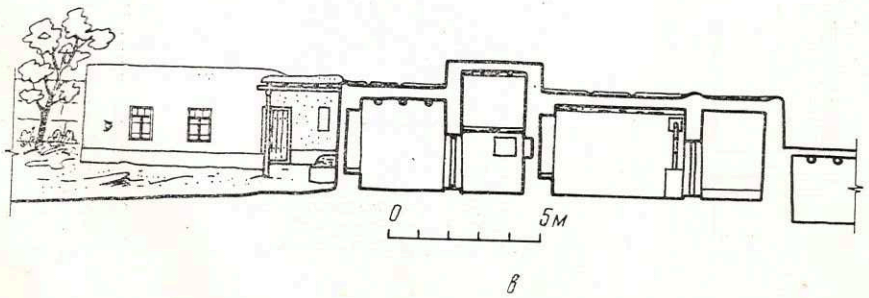

Усадьба колхозницы Ибрагимовой Норчучук (г. Джанга-Карасыйрак):

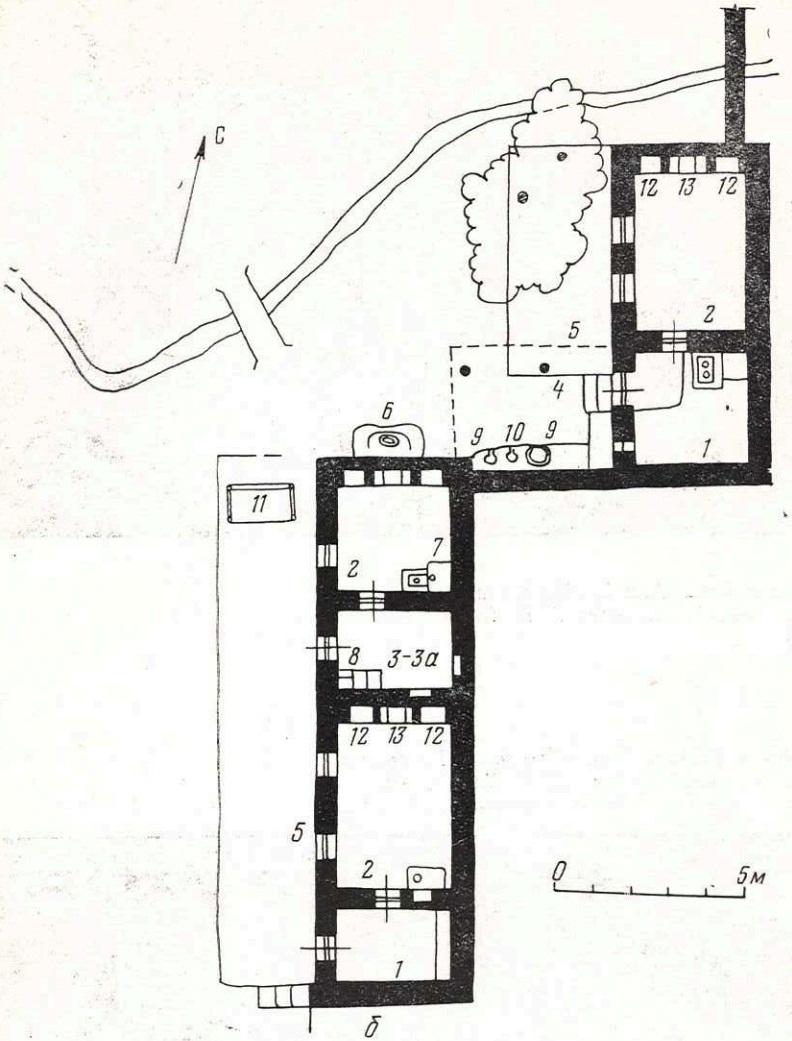
а — фасад, *б* — общий план усадьбы, *1* — мехманхана, *2* — дахлиз, *3* — уй, *4* — ашхана, *5* — амбар, *6* — бастырма, *7* — агил, *8* — товукхана, *9* — ходжатхана, *10* — печка, *11* — тандыр, очак, *12* — двор; *в* — план балаханы; *г* — разрез; *д* — фрагмент фасада усадьбы; *е* — фрагмент фасада дома (черт. Ю. В. Стеблюка)

а

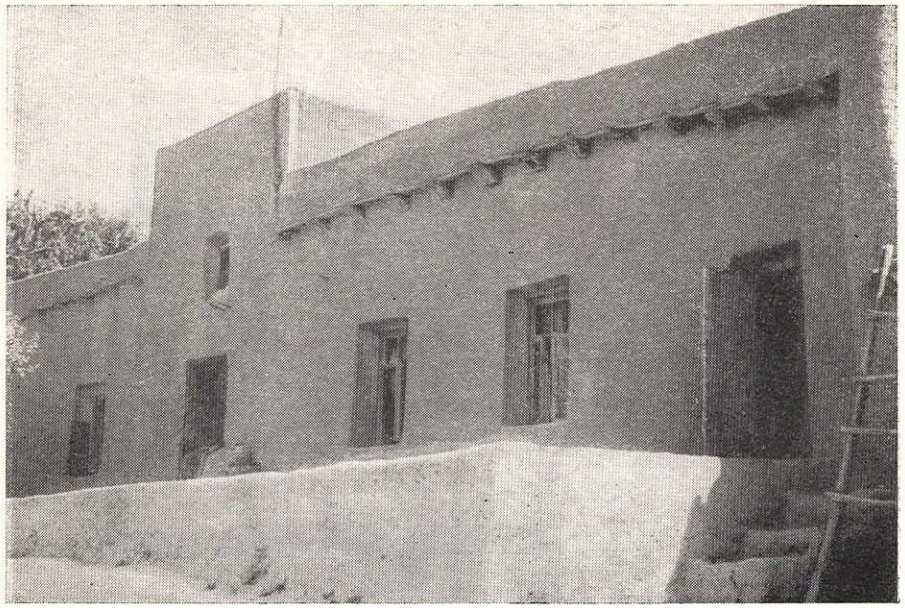
в

б

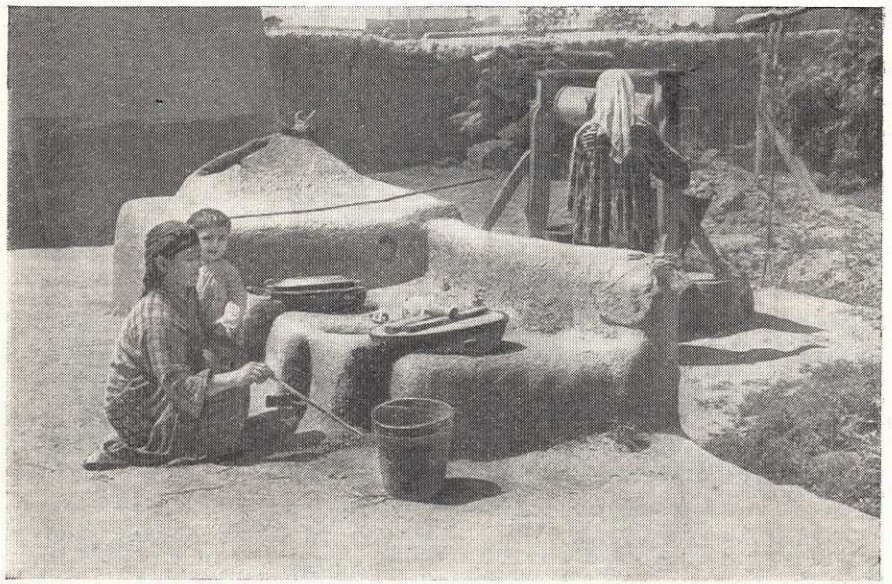
Усадьба колхозника Сахиба Джураева (к. Чонкаймыш):

а — план усадьбы, *1* — дом (построен в 1946 г.), *2* — дом его женатого сына (построен в 1956 г.), *3* — агил, *4* — воиш, *5* — хауз, *6* — агарат, *7* — бог, *8* — чорбог, *9* — саисхана, *10* — зинхана, *11* — отунхана, *12* — охур, *13* — бедахана, *14* — бастырма, *15* — ходжатхана, *16* — саманхана, *17* — девал; *б* — план дома Джураева и его женатого сына, *1* — дахлиз, *2* — уй, *3* — тагхана, *3а* — балахана, *4* — пешайван, *5* — супа, *6* — тандыр, *7* — печка, *8* — зинапая, *9* — очак, *10* — чайочак, *11* — чарпая, *12* — такча, *13* — тахмон; *в* — разрез (черт. Ю. В. Стеблюка)

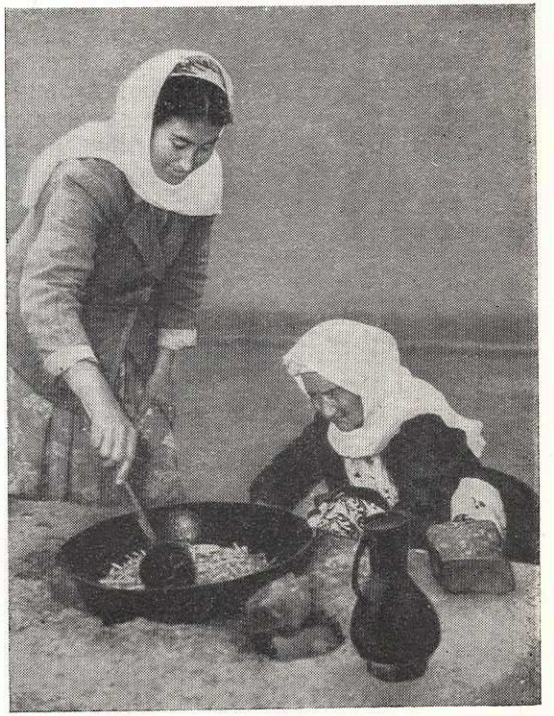
Фасад дома Сахиба Джураева (к. Чонкаймыш; фото Г. П. Снесарева)

Летняя кухня в доме колхозника Турсунова (к. Гуляқандоз; фото Н. С. Кармазина)

Общий вид кухни с колпаком (на заднем плане; к. Баят; фото Н. С. Кармазина)

Колхозницы Мохларби Халикова и ее невестка Халима за приготовлением плова (к. Намазго; фото Н. С. Кармазина)

нет нужды иметь большие запасы продуктов. Это избавило колхозника от многих трудоемких работ по дому и двору, от необходимости строить обширные хозяйственные помещения.

В усадьбе колхозника имеются обычно хозяйственные постройки: кладовка, где хранятся запасы продуктов, различная утварь (тазы, бидоны и т. п.), орудия труда (лопаты, кетмени) и инструменты (пилы, теша и т. п.), сарай или навес для запасов топлива, хлев с примыкающим к нему навесом [43], где обычно находится корова с теленком и несколько овец (их загоняют в хлев только в холодное время) и курятник.

Кухня бывает зимней и летней. Последняя в современных усадьбах представляет собой комплекс из тандыра и двух очагов, сооруженных вблизи дома под открытым небом. Зимняя кухня имеет два вида: специальное помещение вне жилого дома (в одну линию с домом или с кладовкой, примыкая к ним) или же кухней является одна из комнат жилого дома. В первом случае над тандыром и очагом сооружают колпак для отвода дыма. Во втором — в кухне делают плиту, а лепешки пекут в тандыре летней кухни. Иногда кухней служит айван (веранда).

Следует отметить, что в настоящее время чаще готовят пищу и кипятят чай на керосинке, керогазе или электроприборах. Огонь в очаге разводят только в тех случаях, когда варят плов, когда нужно что-либо быстро обжарить или приготовить то или иное блюдо в большом количестве для гостей. Топливом служат, как и для тандыра, стебли хлопка.

Во дворе перед домом растут деревья, дающие густую тень, или чаще виноградник. На расстоянии 5—6 м от дома, параллельно его фасаду, сажают в один ряд несколько виноградных лоз. Каждую весну их освобождают от соломы и мешковины, в которые они бывают закутаны на зиму, и подымают на шпалеры высотой с дом. К тому времени, когда наступит жара, виноградник разрастается и дает тень. Под виноградником обычно делают глинобитную суфу или ставят широкую деревянную или железную (с досками) тахту каравот [44]. На устланной паласами *гилям* (гилам) и тюфяками *курпача* (кўрпача) суфе или тахте едят, расстелив скатерть *дастархан* (дастурхон), занимаются различными домашними делами (подготавливают продукты для варки пищи, шьют и т. п.), принимают гостей, спят. Только в самые жаркие послеполуденные часы знойного лета заходят в дом, где благодаря толстым глинобитным стенам и затененным окнам сохраняется прохлада.

[43] Навесы здесь наблюдаются двух типов: *сават* (совот) и *бастырма* (бостирма). Крыша савата обмазывается глиной, подобно крыше дома, а для бастырмы крышей служат положенные на жерди снопы сена или стебли хлопка, которые используются в качестве топлива для тандыра.

[44] Железная тахта распространилась в последние годы. Она изготовляется в городе по заказу, делается разборной, любого размера.

Дети на деревянной тахте
(к. Намазго; фото Б. Х. Кармышевой)

Прием гостей в весеннее время
(к. Джанга-Карасыйрак; фото Н. С. Кармазина)

Иногда виноградник расположен на некотором расстоянии от дома, и тогда он представляет собой беседку, открытую со всех сторон. Вокруг нее, а также перед домом, вдоль арыков, сажают цветы, особенно розы.

Во дворе находится колодец. В поселке Чархин имеется водопровод. Двор содержится в большом порядке и чистоте. Каждый вечер его обильно поливают водой (это создает прохладу и очищает воздух) и подметают. Летом поливают и ранним утром.

Сейчас исчезла самая характерная черта усадьбы прошлого — высокая глухая стена, изолировавшая ее от внешнего мира. В крупных селениях огораживают усадьбу невысокой глинобитной стеной (2—3 слоя пахсы), а в небольших кишлаках обычно такой же оградой отделяют усадьбу только от улицы и от соседних дворов, а зады усадеб оставляют не огороженными. В тех селениях, где улицы перемежаются с колхозными садами и хлопковыми полями, усадьбы и вовсе оставляют открытыми.

В горных селениях, где колхозники имеют в личном пользовании больше скота, приусадебные участки огораживают невысоким земляным валом или стеной в два слоя пахсы, чтобы скот не забрел в сад или огород.

В усадьбах нового типа, если они огорожены, наряду с воротами с одной или двумя легкими створками из досок или жердей, имеется небольшая калитка. Массивные и высокие ворота с предвратным помещением в виде крытого прохода сохранились преимущественно в домах старого типа. В домах нового типа, если делается дарвазахана, то она используется обычно в качестве навеса для скота или гаража для автомашины. За последние годы в поселке Чархин получили некоторое распространение высокие ворота типа, который издавна бытовал в русской части среднеазиатских городов, в том числе и в Самарканде, и до сих пор встречается там в кварталах индивидуальной застройки.

Новые дома колхозников по своей планировке бывают двух типов: прямоугольные (помещения вытянуты в один ряд) и квадратные многокомнатные. Первый тип является традиционным. Дом состоит из прихожей дахлиз и комнаты уй или из двух комнат и разделяющей их прихожей. Иногда, если семья состоит из нескольких брачных пар, две и больше комнаты (каждая со своей передней) имеют общий айван в виде навеса, тянущегося вдоль фасада всего дома.

Пропорции комнат традиционные —2 : 3. Размер их определяется числом балок потолка, всегда нечетным (7, 9, 11). В доме два или три окна. Если дом выходит фасадом на улицу, то два окна обращены на улицу, а третье — во двор. Если же дом находится в глубине усадьбы, то обычно третьего окна не бывает. Одна из комнат служит для приема гостей, мужчин и женщин. Если в семье есть взрослые дети, то эта комната отводится им: там они занимаются, готовят уроки и там же спят. При женитьбе сына, если его выделяют не сразу, эта комната отводится молодым.

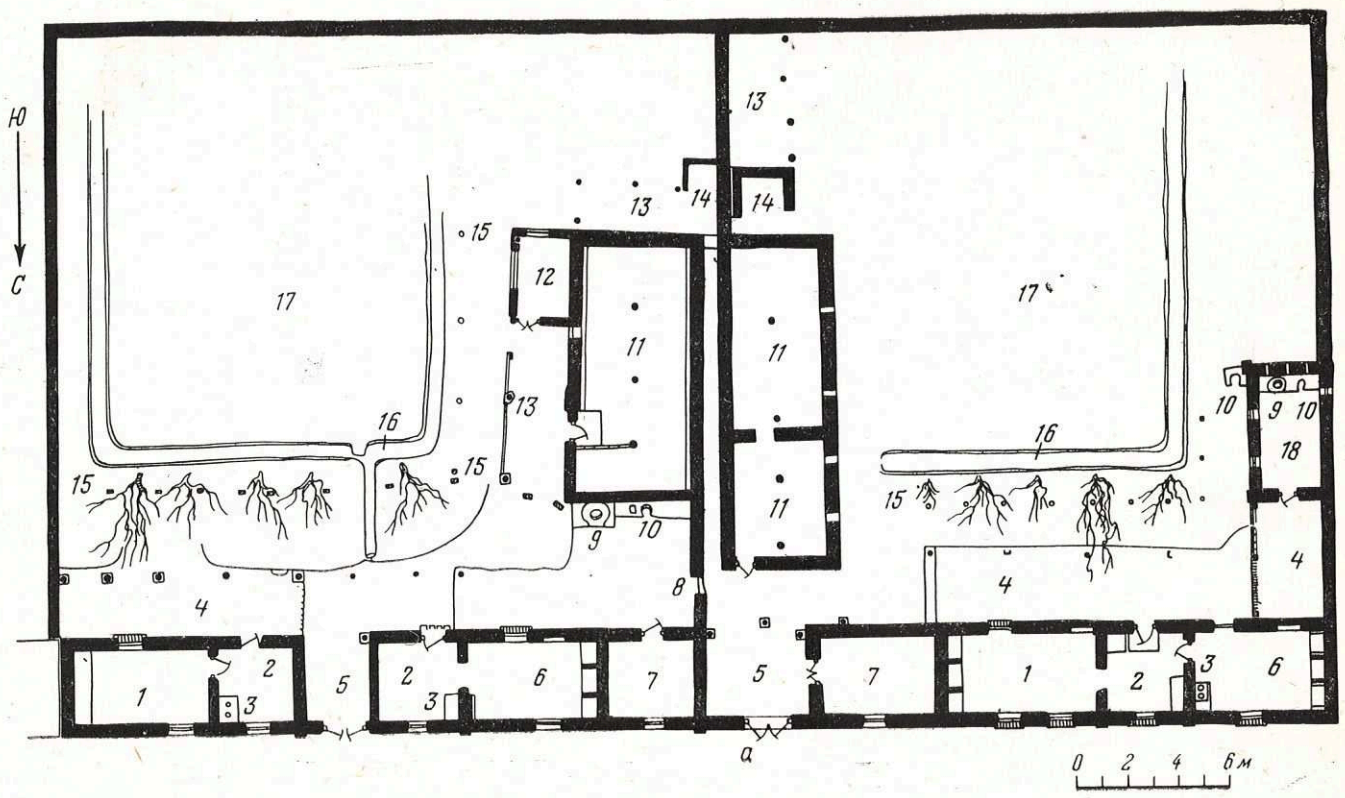
Учитель-пенсионер Досмурад-баба Баймурадов с дочерью, зятем и внучками (к. Балхион; фото Н. С. Кармазина)

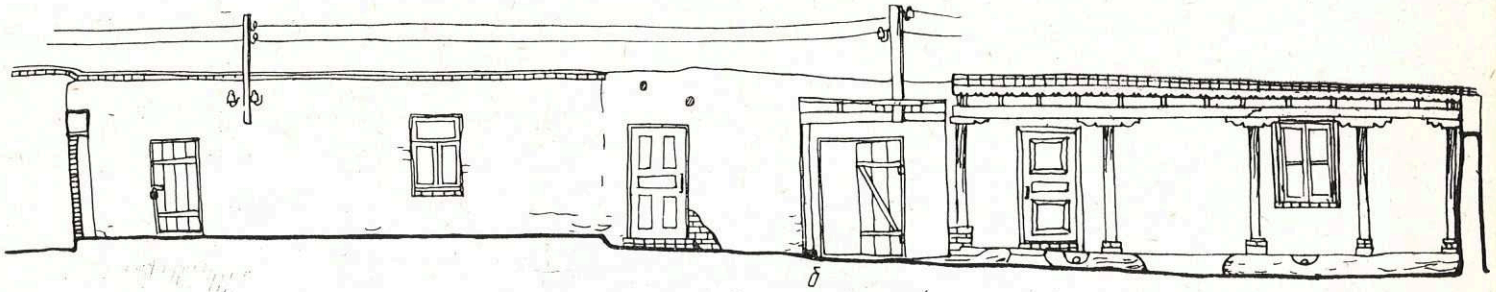
Для отопления дома служит плита с обогревателем или печь-голландка. Чугунная печка и сандал встречаются очень редко (сандал ставят обычно по настоянию стариков). Освещение электрическое.

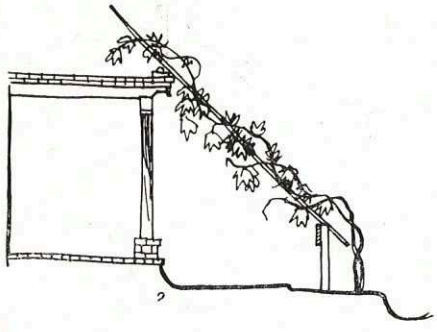
В домах традиционной планировки ниши благодаря их удобству сохраняются; обязательно делают две большие ниши тахмон в торцовой стене против входа, куда складывают на день постели, и узкую нишу между ними, а число боковых ниш становится значительно меньше, иногда их и вовсе не бывает.

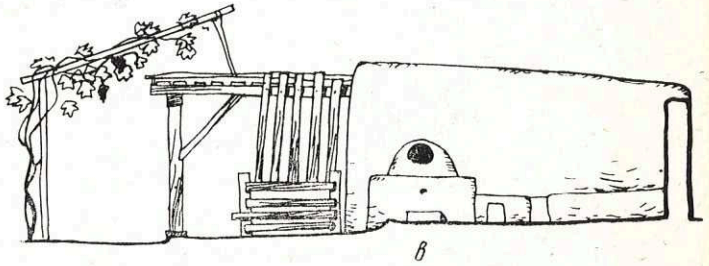
Современный дом традиционной планировки отличается от старого наличием деревянных полов. В передней пол обычно земляной (там оставляют обувь), но бóльшую часть его занимает невысокий (около 75 см) помост из досок (или сюда вносят со двора на зимний период железную тахту), на котором хозяйки занимаются приготовлением пищи и другими домашними делами. Когда нет гостей, здесь же едят, усевшись вокруг скатерти. Старики предпочитают и спать на этом помосте, ближе к теплой плите.

Совершенно новым для изучаемого района является многокомнатный дом, квадратный в плане. Это так называемый плановый дом, построенный по типовому проекту и рассчитанный на

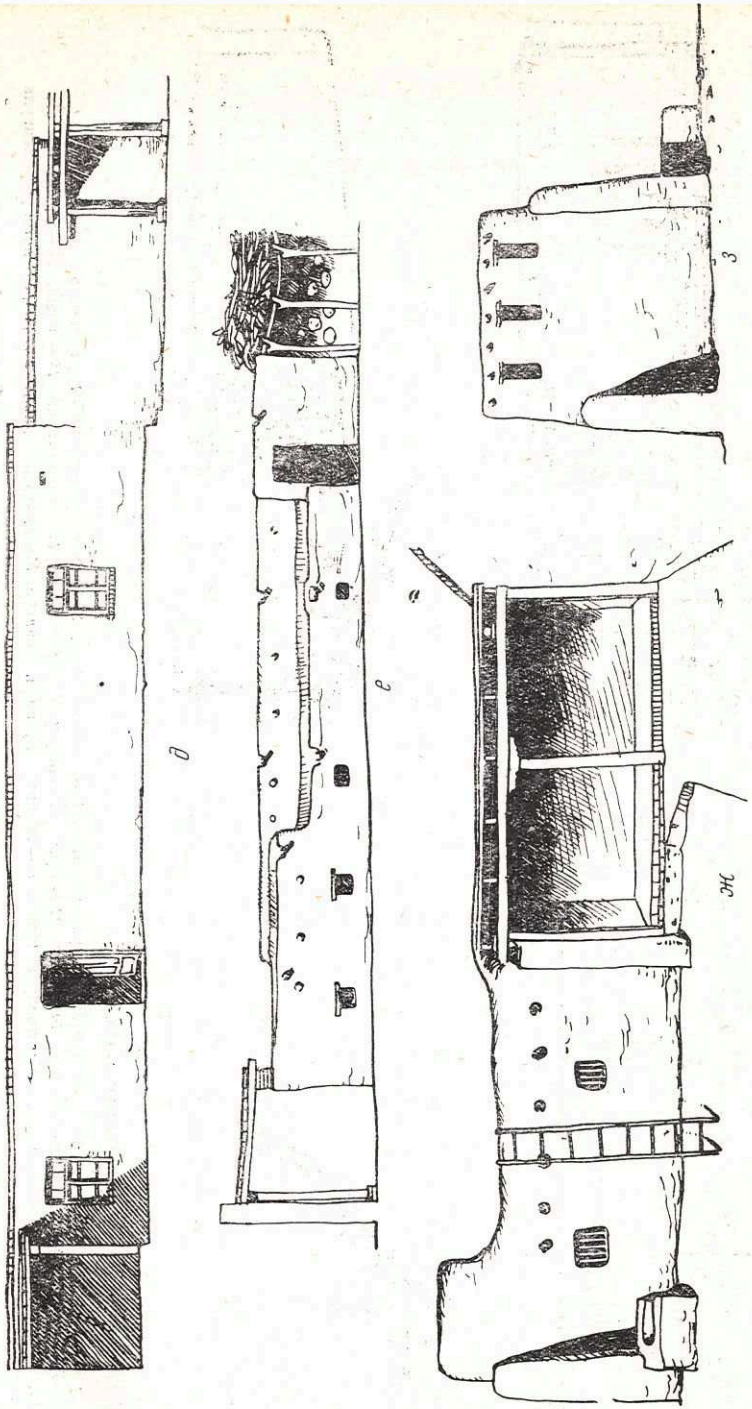

Усадьба братьев Кадыровых (к. Баймак):

а — план усадьбы Мардонкула (слева) и Джуракула (справа), *1* — мехманхана, *2* — дахлиз, *3* — печка, *4* — айван, *5* — дарвазахана, *6* — уй, *7* — амбар, *8* — тешик, *9* — тандыр, *10* — очак, *11* — агил, *12* — катак, *13* — бастырма, *14* — ходжатхана, *15* — воиш, *16* — арык, *17* — агарат, *18* — ашхана; *б* — фасад дома Мардонкула (рис.); *в* — летняя кухня в усадьбе Мардонкула (рис.); *г* — разрез дома Мардонкула по айвану

(см. стр. 164)

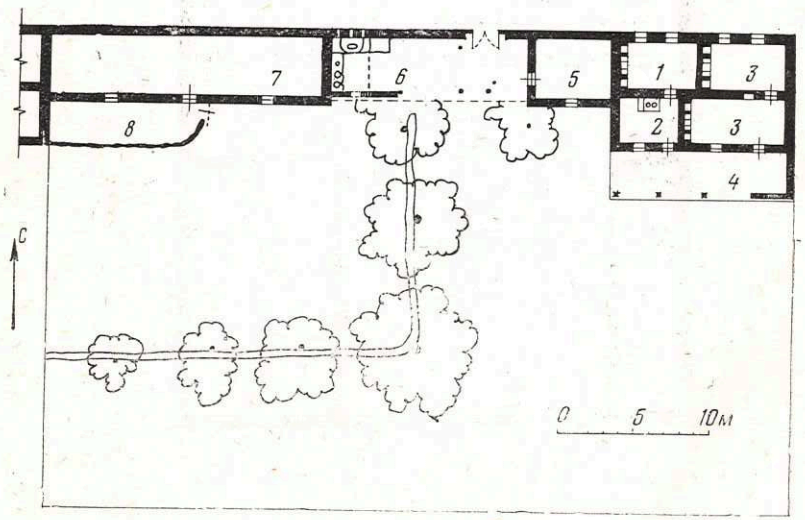
д — фасад дома Джуракула Кадырова (рис.); *е* — фасад хозяйственных построек в усадьбе Джуракула (рис.); *ж* — айван и ашхана в усадьбе Джуракула (рис.); *з* — торцовая стена ашханы с отверстиями для выхода дыма (рис.); (чертежи и рисунки И. Н. Канаевой)

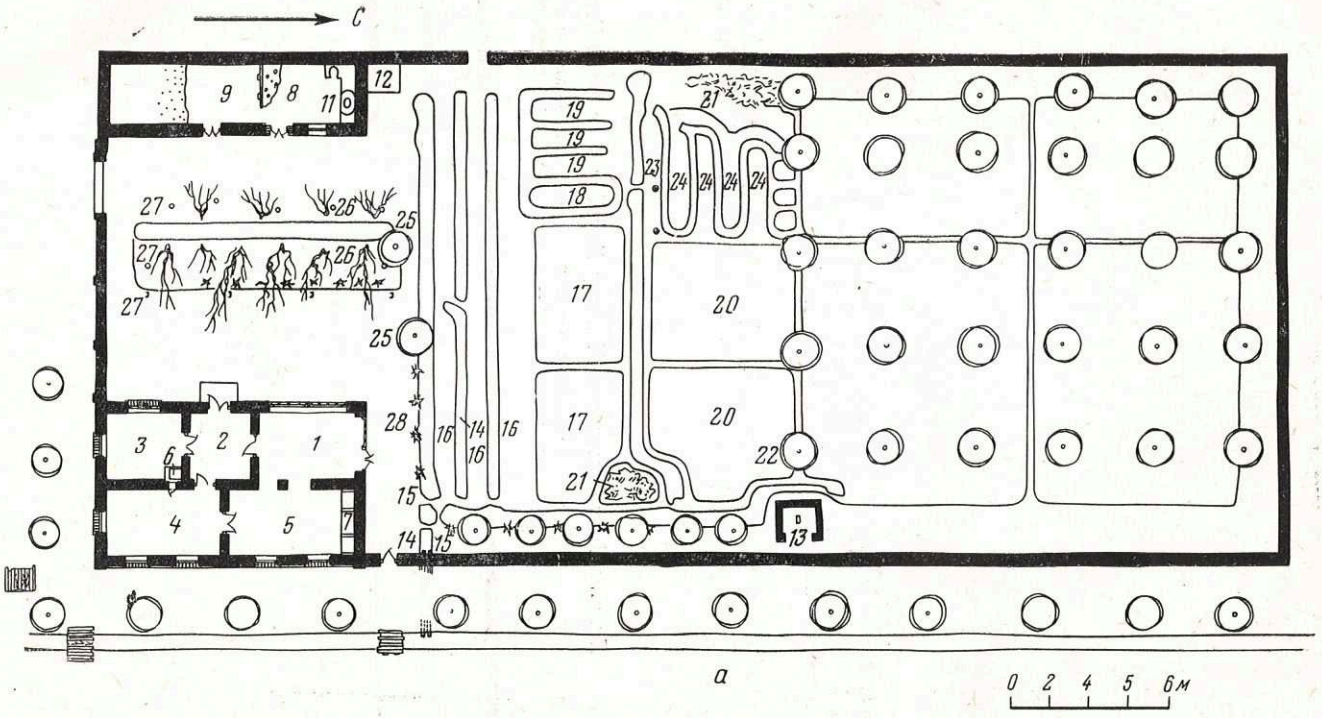

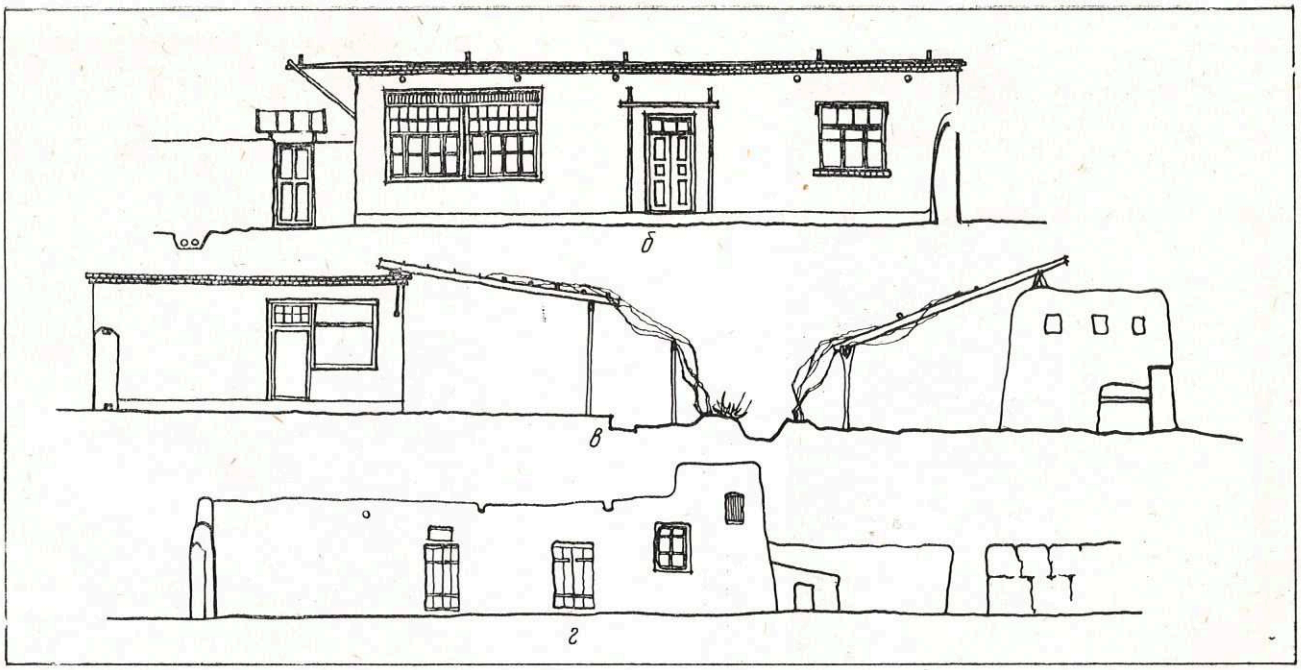
Секретарь правления колхоза «Коммунизм» Сулейман Адилов дома (к. Намазго; фото Н. С. Кармазина)

План усадьбы колхозницы Минавар Хамидовой (к. Орта-Чархин):

1, 3 — уй, *2* — ашхана, *4* — айван, *5* — амбар, *6* — летняя ашхана, *7* — агил и саманхана, *8* — бастырма (черт. Ю. В. Стеблюка)

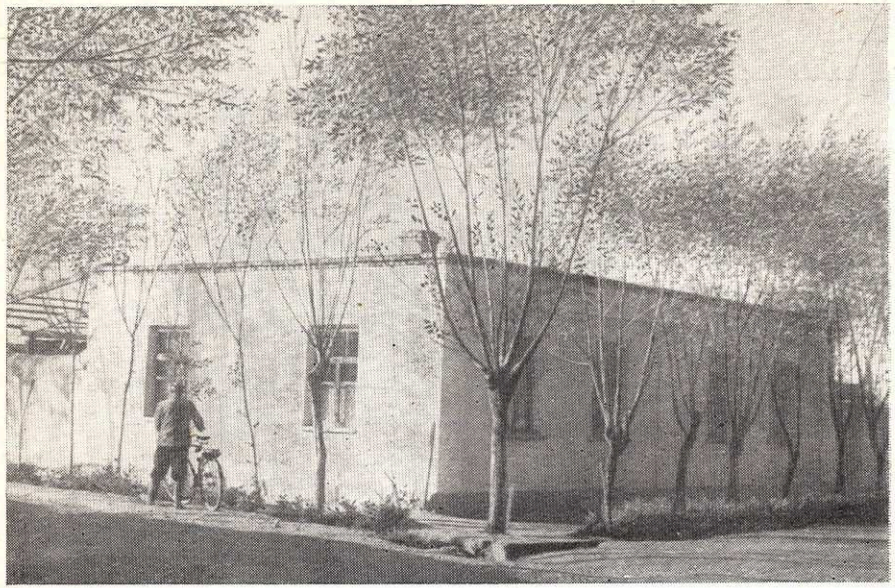

Усадьба учителя Мардонкула Рахманкулова (к. Гулякандоз):

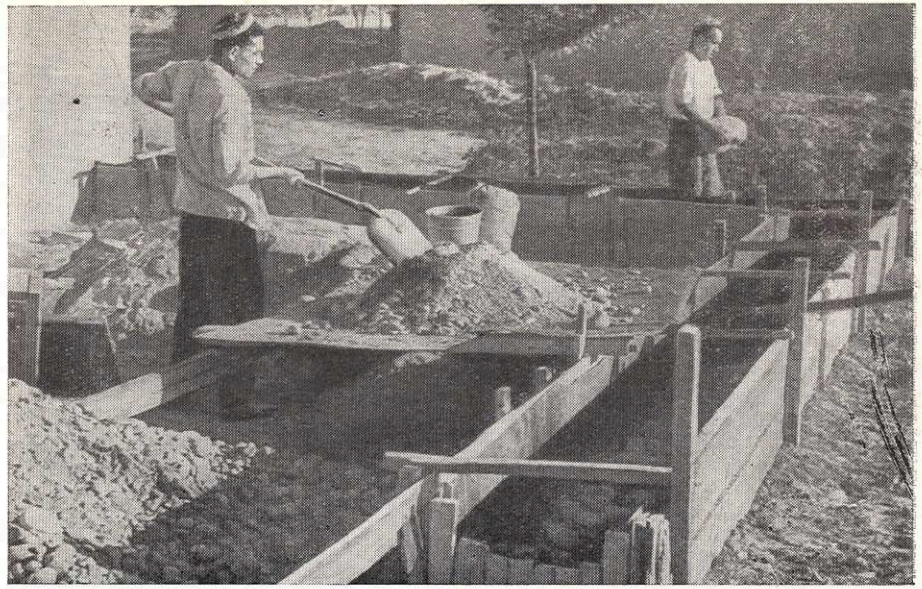
а — план усадьбы, *1* — айван, *2* — дахлиз, *3* — ашхана, *4, 5* — уй, *6* — печка, *7* — тахмон, *8* — ашхана, *9* — саманхана, *10* — очак, *11* — тандыр, *12* — ит уяси, *13* — ходжатхана, *14* — арык, *15* — кулак, *16* — воиш, *17* — лук, *18* — капуста, *19* — помидоры, *20* — картофель, *21* — навоз для удобрения, *22* — шесть рядов яблонь, а под ними посев люцерны, *23* — опоры настила для сена, *24* — посев моркови, *25* — грушевые деревья, *26* — виноградник, *27* — опоры для виноградных лоз, *28* — кусты роз; *б* — фасад дома (рис.; дом в процессе строительства); *в* — поперечный разрез по участку — боковой фасад дома и кухни (рис.); *г* — фасад кухни и хозяйственных построек (чертеж и рисунки И. Н. Канаевой)

Дом учителя Мардонкула Рахманкулова
(к. Гулякандоз; фото В. И. Котовского)

Дом с застекленной верандой
(к. Намазго, фото Н. С. Кармазина)

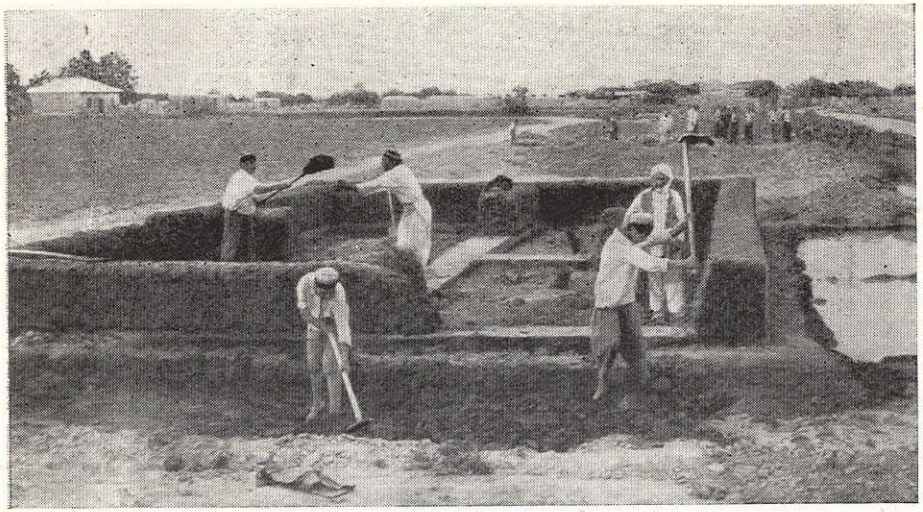

Укладка фундамента дома
(к. Намазго; фото Н. С. Кармазина)

Возведение цоколя дома
(к. Балхион; фото Н. С. Кармазина)

Возведение пахсовых стен дома
(к. Сазаган; фото Н. С. Кармазина)

Типичный современный дом, крытый шифером
(к. Чархин; фото Г. П. Снесарева)

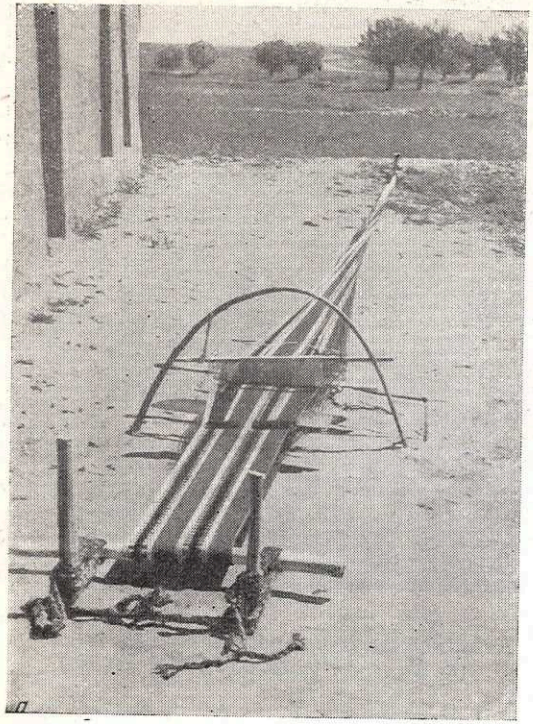
Колхозник за обмазкой стен своего дома
(к. Намазго; фото В. И. Котовского)

одну семью. Вход в него, как правило, один, со двора. Состоит он из четырех помещений. Передняя является обычно верандой, которую теперь стеклят. Второе помещение используется одновременно как кухня и столовая, третье предназначено для спальни, а четвертое — для гостиной; последняя в то же время служит старшим школьникам спальней и комнатой для занятий.

Строя «плановый» дом, колхозники нередко изменяют планировку дома, приспосабливая его для своей семьи. Так, к четырехкомнатному дому пристраивают айван с двумя отдельными входами в каждую пару смежных комнат.

С каждым годом жилища колхозников все более благоустраиваются. Так, в последние годы стали делать погреб под айваном. Стены и пол его цементируют, и он служит в основном для хранения фруктов, овощей (колхозники стали в большом количестве солить различные овощи, в том числе и капусту, чего в недавнем прошлом вовсе не было) и вина [45].

[45] Сухое виноградное вино крестьяне получают из колхозного винодельческого завода за сданный виноград. Некоторые любители сами изготовляют его. Пастдаргомский район издавна славится разнообразием сортов винограда. Здесь впервые после присоединения к России стали выращивать лучшие европейские винные сорта и изготовлять из них вина. Самаркандские вина ныне известны не только в нашей стране, но и на мировом рынке.

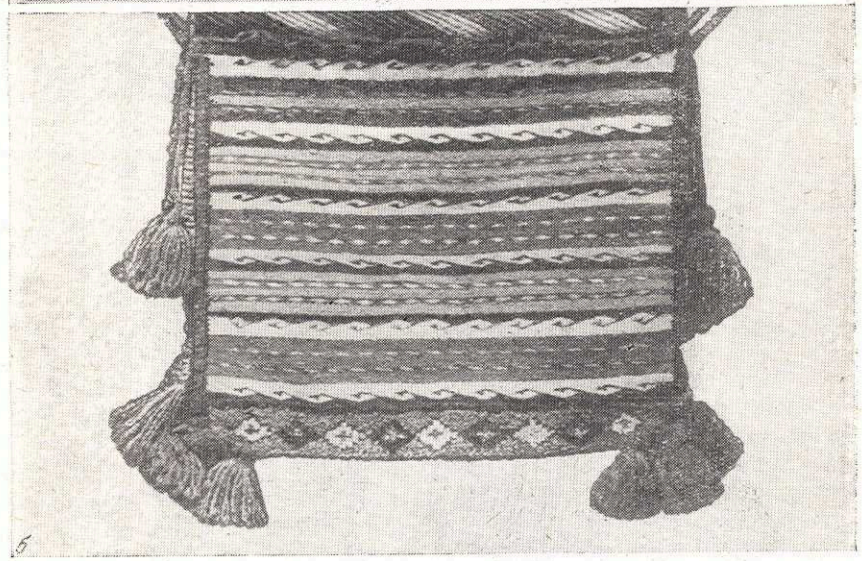

Ткацкий станок урмак (к. Сазаган; фото Н. С. Кармазина)

Колхозница за тканьем (к. Сазаган; фото Г. П. Снесарева)

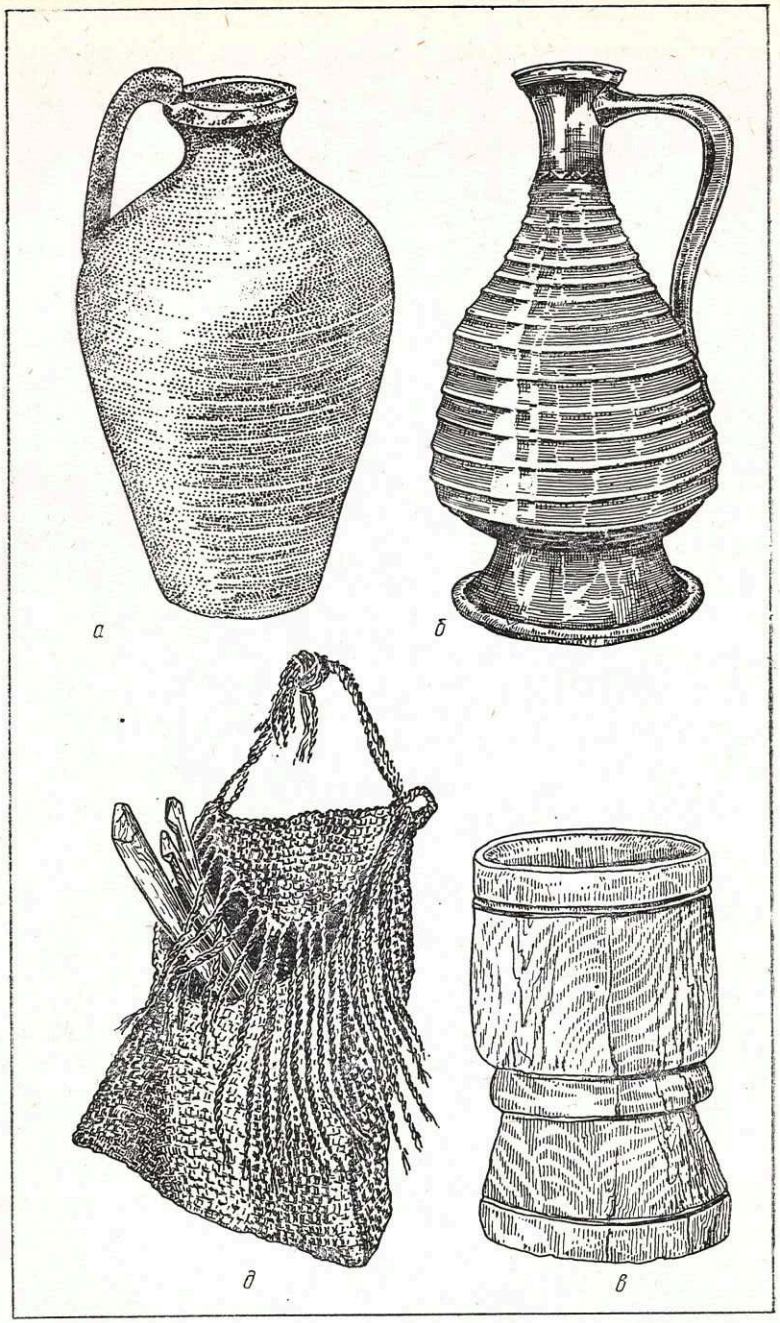

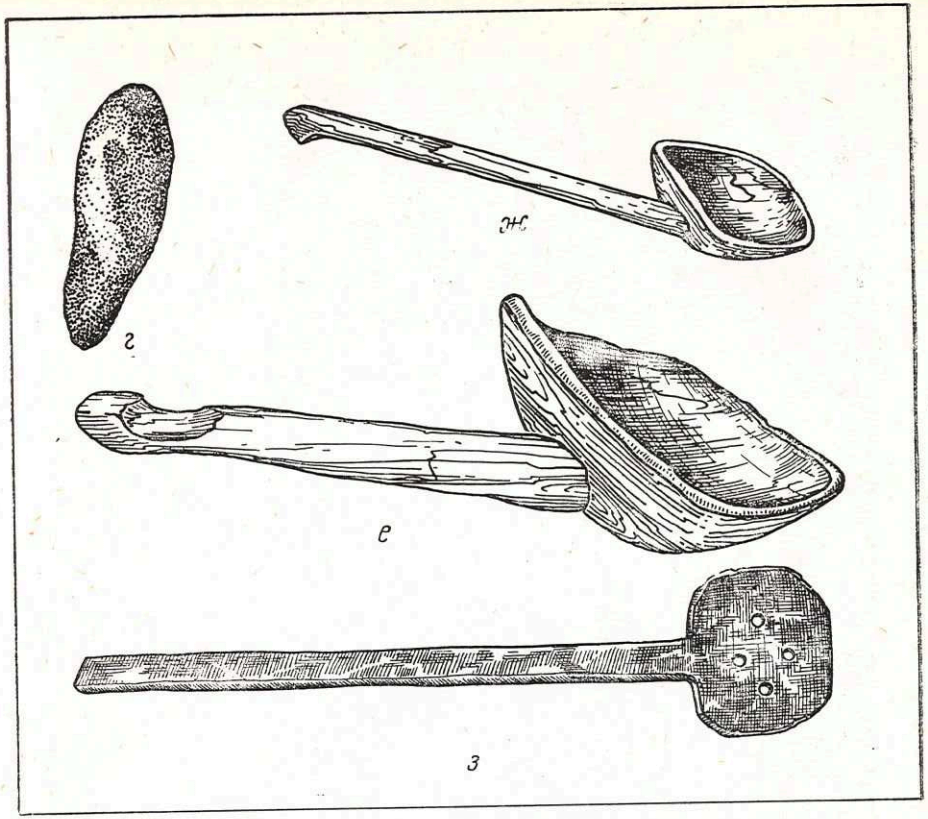
Ковровые изделия

а — фрагмент безворсового ковра гаджари (к. Сазаган); *б* — переметная сума хурджин (к. Чонкаймыш; фото Н. С. Кармазина и Г. П. Снесарева)

Старинная утварь (кишлаки Намазго и Эски-Карасыйрак):

а — глиняный кувшин для воды куза; *б* — медный кувшин для воды мискуза; *в* — деревянная ступа келичак; *д* — сумка для ложек кашикхальта
(рис. А. Д. Галядкина)

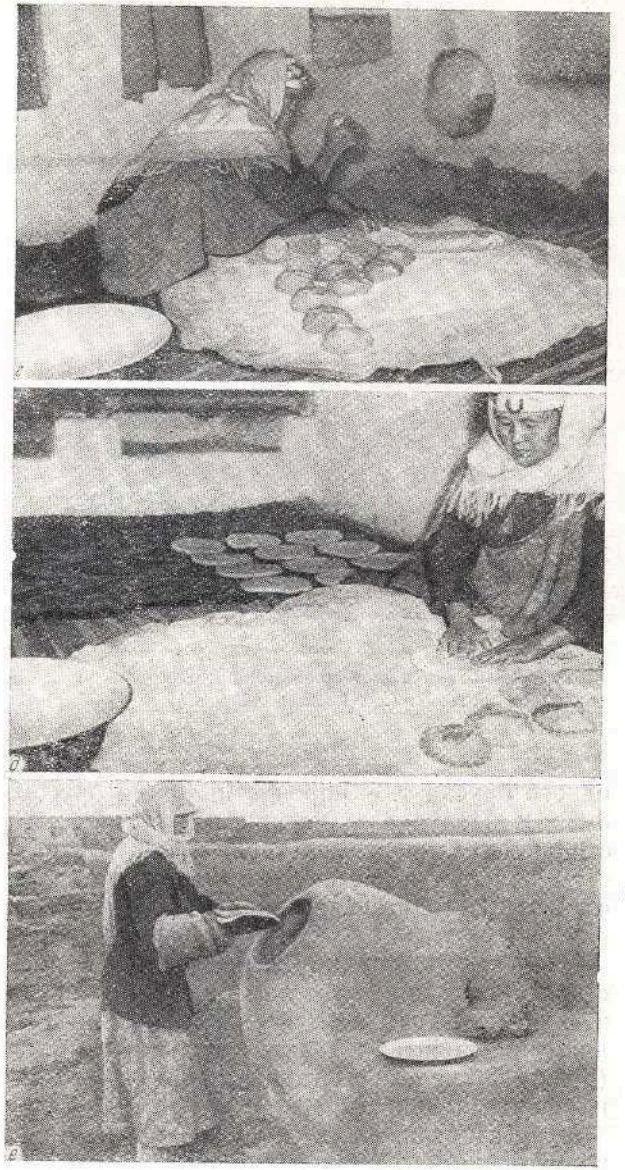
Старинная утварь (кишлаки Намазго и Эски-Карасыйрак):

г — каменный пест келичакташ; *е* — деревянный половник чомуч; *ж* — деревянная ложка кашик; *з* — железная шумовка капгир
(рис. А. Д. Галядкина)

В настоящее время дом ставят не на утрамбованную землю, как было в прошлом, а на фундамент (один ряд крупного булыжника), на который возводят цоколь из бетона с галькой или из жженного кирпича. Стены кладут из сырцового кирпича или делают пахсовые (в последнем случае перегородки делают из сырцового кирпича). Каркасные только стены *балаханы* (болохона) — легкой надстройки над первым этажом или предвратным помещением, обычно служащей кладовкой. Балахана больше распространена в горных кишлаках, в частности в Сазагане; в новых домах она встречается реже.

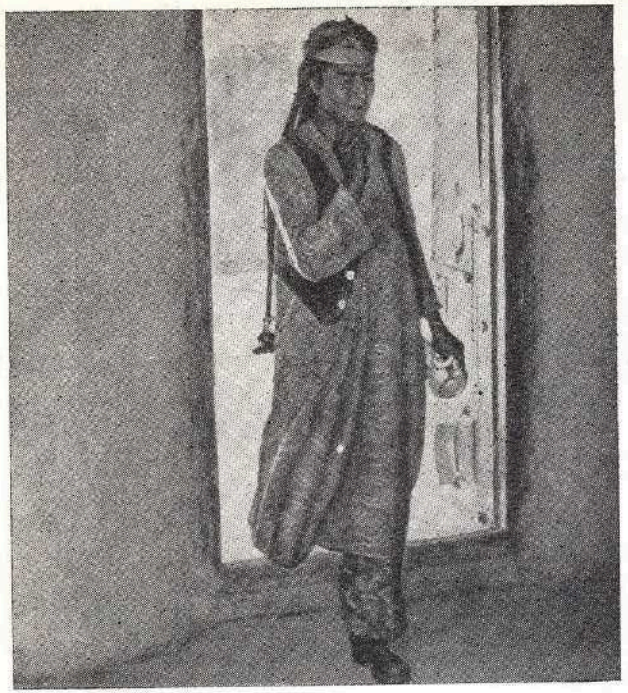
Наиболее типичной и сейчас является традиционная плоская крыша. Она покоится на деревянных балках *болор*, положенных поперек дома на равном расстоянии друг от друга. На балки укладывают половинки брусков горбыльками вниз вплотную друг к другу *васса-джуфт* (васса-жуфт) или на расстоянии ширины

Узбечка Норей Хаджамурадова за приготовлением лепешек нан (к. Намазго)

а — замешивание теста; *б* — тесто подходит, закрытое шерстяной скатертью; *в—д* — разделка лепешек на кожаной скатерти супра; *е* — прилепление лепешки к раскаленной стенке тандыра с помощью рукавицы рапида в виде круглой плоской подушечки (фото *Н. С. Кармазина*)

Молодая узбечка в повседневной одежде
(к. Дунг; фото Н. С. Кармазина)

одного бруска, т. е. «пропустив» один брусок *васса-буйра* (васса-буйра). Получается ребристый потолок. Поверх брусков настилают камышевую плетенку *буйра* (бўйра), затем делают толстую земляную засыпку и обмазывают глиной с саманом. Вода с крыши отводится деревянными желобами или керамическими трубами.

Плоская крыша при известных достоинствах (земляной настил хорошо защищает дом от солнца) неудобна тем, что саманную обмазку приходится ежегодно обновлять. Поэтому колхозники предпочитают делать двухскатную кровлю из шифера или (реже) из железа. В таких случаях потолок обшивают фанерой и красят масляной краской.

Как изнутри, так и снаружи дом тщательно оштукатуривают глиносаманной обмазкой или обмазкой из песка и извести.

Для строительства дома приглашают мастеров обычно из строительной бригады колхоза. Однако все то, что не требует специального уменья, колхозники выполняют сами. Соседи или родственники помогают друг другу. При возведении цоколя и пахсовых стен, а также при обмазке крыши обычно устраивают хашар.

Молодая узбечка в повседневной одежде (а, б)
(к. Сазаган; фото Н. С. Кармазина)

Убранство дома сохраняет традиционные черты и отличается большой красочностью. Ковры и паласы, устилающие пол, ковры и вышивки на стенах, шелковое покрывало на кровати, сложенные в ниши одеяла и тюфячки из ярких разноцветных и порой дорогих тканей (шелк, бархат), подушки в вышитых или сшитых в узор из разноцветных лоскутков наволочках, фаянсовая и фарфоровая посуда в нишах — все это делает жилище нарядным. В последние годы большое распространение получили тюлевые занавески, которыми закрывают окна, а иногда и ниши с постельными принадлежностями. В качестве занавесок для ниш и для дверей употребляются и хлопчатобумажные ткани.

Особый колорит убранству жилища придают джульхирсы, которые до сих пор делают в селениях Пастдаргома. Благодаря крупным узорам и яркой сочной окраске они очень декоративны. В Пастдаргомском районе, как и в других областях Узбекистана, более употребительны различные безворсовые ковры-паласы *гилям*. Самыми простыми и дешевыми являются паласы, сшитые из нескольких узких в полосатый узор полос — *какма гилям* (қоқма гилам). Ткут их повсеместно женщины. Более дорогим, но зато и более прочным является цельнотканый палас, назы-

Узбечка средних лет в зимней одежде (к. Намазго; фото Б. Х. Кармышевой)

ваемый арабским ковром *араби гилям*, так как центр его производства — кишлаки с арабским населением низовьев Қашкадарьи [46]. Паласы этого вида колхозники приобретают на базарах Самарканда и Джумы, а за последние 20 лет их производство освоили жительницы Джама, Улуса и прилегающих кишлаков. Широко вошли в быт фабричные ворсовые ковры. Из мелких ковровых вещей до настоящего времени ткут лишь переметные сумы *хурджин* (хуржун), да изредка торбочки для соли тузхальта и для ложек *кашикхальта* (қашиқхалта).

Вышивки различного назначения (настенные, покрывала на постель новобрачных, детскую колыбель, на сандал, ниши и т. п.) до сих пор не только широко бытуют, но, в связи с ростом благосостояния колхозников, они получили еще большее, чем прежде, распространение [47].

Вышивки типа *сузани* (сўзани) распространились у тех групп узбеков, у которых в прошлом их не было (бывшие полукочевые), и у арабов. Их иногда заказывают мастерицам в кишлаках или в Самарканде. Сузани машинной работы покупают в магазине.

[46] «Народное декоративное искусство Советского Узбекистана», стр. 71, 72.

[47] Об узбекских вышивках см.: «Народное декоративное искусство Советского Узбекистана», стр. 103—146; Г. Л. Чепелевецкая. Сузани Узбекистана. Ташкент, 1961; Р. Рассудова. Узбекский художественный шов. Ташкент, 1961.

Женщины в праздничных костюмах (пос. Джума; фото Н. С. Кармазина)

Пожилые узбечки в повседневной уличной одежде; (к. Намазго; фото Б. Х. Кармышевой)

Из мелких изделий украшают вышивкой наволочки, и это является одним из самых процветающих видов народного декоративного искусства этого района. Вышивают женщины и девушки в каждой семье. Наряду с традиционными узорами и швами, за последние годы получили некоторое распространение узоры и швы, применяемые русскими для вышивания диванных подушек и полотенец (особенно так называемый болгарский крест). Проникают эти новые виды вышивки, так же как и кружева ручной вязки, через русских и татарок — учительниц, ведущих занятия в кружках кройки и шитья, а также через студенток-узбечек, живущих во время учебы в городе и заимствующих от своих подруг других национальностей разные узоры и вышивальные швы. К сожалению, эти вышивки (наволочки и полотенца) в большинстве своем далеко не отменного вкуса.

В убранстве дома роль мебели пока невелика, но кровать, стол для занятий и стол для посуды (типа кухонного), стали неотъемлемой принадлежностью каждого дома. Правда, кровать играет больше декоративную роль, чем употребляется по своему прямому назначению. За последние годы получили широкое распространение низкий стол, за которым едят и занимаются, сидя на полу, и платяной шкаф. В домах, где нет еще такого шкафа, одежда висит на вешалке, закрытая белой занавеской. Для детской одежды в каждом доме имеется специальная низенькая вешалка. Одежду утюжат, поэтому ее уже не укладывают в сундуки или в специальные тюки, как это было раньше (в сундуках и тюках хранят лишь запасную одежду, в частности приданое). Большую популярность среди сельского населения начинают завоевывать застекленные стенные шкафы, которые образуют из больших ниш для постельных принадлежностей; внизу делают выдвижные ящики. Такие стенные шкафы бытуют и у городских узбеков и таджиков.

Непременной принадлежностью каждого дома являются швейные машины и радиоприемники. Во многих домах имеются телевизоры. Начинают входить в употребление холодильники. В каждом дворе висит умывальник.

Деревянная, медная и глиняная посуда почти вышла из повседневного употребления, но глиняные блюда специально приобретают у городских мастеров для приема гостей. Изредка можно встретить в домах медные тазы и чашки. Из традиционной утвари постоянно употребляют чугунный котел, железную шумовку *капгир*, кожаную скатерть *супра*, на которой просеивают муку и разделывают тесто, длинную и тонкую скалку *уклау* (уқлов), длинную доску *аштахта* (оштахта) для раскатывания теста, фарфоровую и фаянсовую пиалы *пиёла*, чашки в форме пиалы *коса*, блюда *тавак* (товоқ), чайники *чойнак* традиционной яйцевидной или шарообразной формы и металлические кувшины *чойдиш* для кипячения чая и *обдаста* для умывания. Вся

остальная посуда современная, фабричного производства. Большие изменения в быт внесет проведение газа, запроектированное на ближайшие годы. Газопровод из Газли бухарского в Ташкент проходит через Самарканд, и город уже давно получил дешевое и удобное топливо. Теперь очередь за сельскими районами.

В течение последних нескольких лет проводятся большие работы по благоустройству быта узбекского сельского населения. Все уменьшаются различия в бытовых условиях города и кишлака.

Та же картина исчезновения локальных особенностей и сближения с городскими формами быта наблюдается и в пище, которая отличается большим разнообразием потребляемых продуктов и многообразием приготовляемых из них блюд. Преобладают национальные блюда, но многие из них постепенно видоизменяются и обогащаются. Так, в плов нередко кладут помидоры, в суп с лапшой — картофель, мясо также жарят с картофелем и т. д. Наряду с традиционными видами варенья — из моркови, айвы — приготовляют многие другие, в частности из вишни и клубники. Хлеб и различные булочные изделия прочно вошли в пищевой рацион населения пригородных селений, а сахар и кондитерские изделия (печенье и конфеты преимущественно типа карамели) употребляются и в самых отдаленных кишлаках. О ряде других новшеств в пище, в частности о приготовлении и употреблении виноградного вина, говорилось выше [48].

Одежда также изменяется и совершенствуется: исчезают остатки локальных и родоплеменных особенностей и господствующими формами становятся общеузбекские, стираются различия между костюмами горожан и сельского населения.

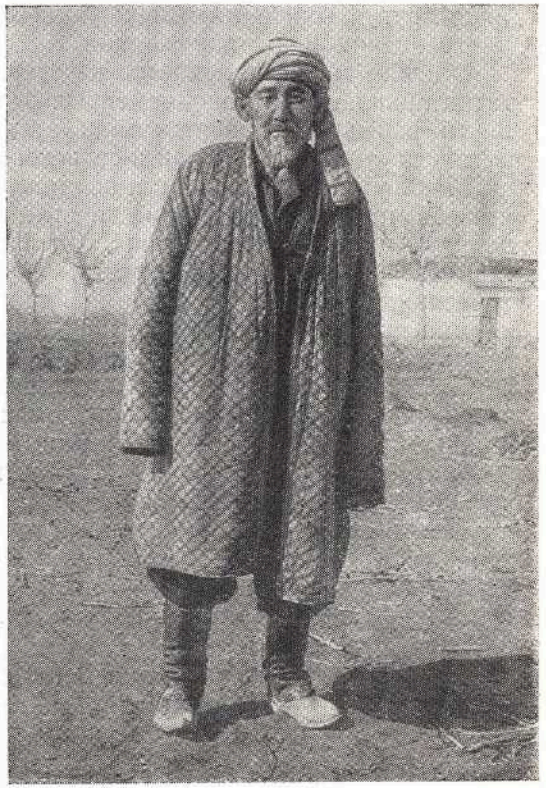
В наибольшей цельности национальные формы проявляются в женской одежде: платье на кокетке и с отложным воротником, длинные до щиколоток штаны, отделанные внизу вышитой тесьмой, безрукавка в виде жилета, небольшой шелковый платок (девочки, девушки и молодые женщины нередко носят тюбетейки), иногда и второй платок, побольше, остроносые галоши или туфли на низком каблуке. В холодное время надевают еще жакет прямого покроя, плюшевый камзол или пальто, голову повязывают теплым вязаным платком или шерстяной шалью с длинными кистями и с узорами в виде крупных ярких цветов по белому, черному или красному фону, на ноги надевают ичиги.

Описанный комплекс — костюм девочек-подростков, девушек и женщин лет до 45—50. Пожилые женщины носят платье туникообразного покроя с вертикальным разрезом ворота, со стоячим воротником или без воротника, стеганую на вате безрукавку, камзол из плотной бумажной ткани, халат из мягкой ткани,

48 Приготовление виноградного вина в Узбекистане было известно издавна, но употребляли его обычно лишь в привилегированных слоях общества.

Украшения невесты (к. Балхион; фото Г. П. Снесарева)

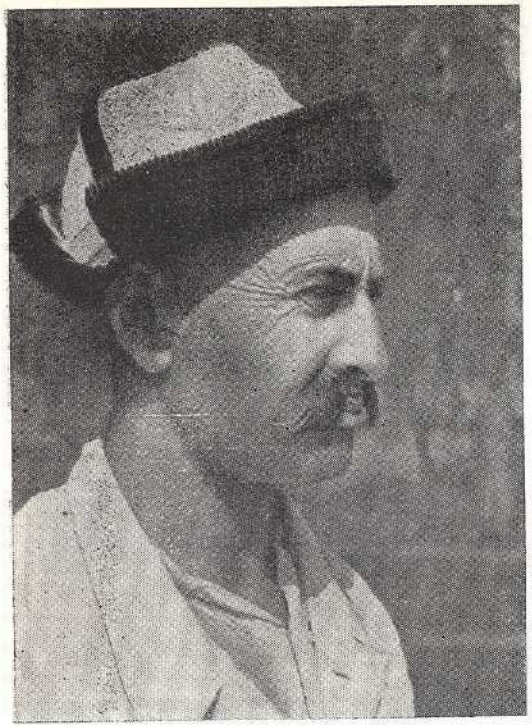
Колхозник Бекмурад Ходжаназаров в повседневной зимней одежде (к. Миянкау; фото В. Н. Басилова)

Костюм двух поколений: старый таджик Шомирзо Саидов с сыновьями-учителями (к. Аксай; фото Г. П. Снесарева)

Колхозник Яркул Алимов в рабочей одежде (к. Сазаган; фото В. И. Котовского)

Колхозник Ташмурад Кулдашев в войлочном колпаке (к. Арабхана; фото А. А. Линденберга)

преимущественно ситца или сатина, стеганный на тонком слое ваты [49]. В зимнее время при выходе из дома надевают два халата. Старые женщины даже дома нередко носят на голове два платка, меньший из которых повязывают на старинный манер, закрывая лоб. В оазисной зоне изредка можно видеть, как старая женщина, отправляясь в гости, накидывает на голову детскую куртку своего внука; в богарной же зоне на улицах кишлаков гораздо чаще встречаются пожилые женщины с джеляком на голове.

Новшеством последних лет является то, что женщины (включая и пожилых) стали надевать галоши не на босу ногу, а на носки. Молодые женщины при поездке в Самарканд или в Джуму надевают капроновые чулки, но в своем кишлаке носят длинные шаровары.

Исключение представляют представительницы сельской интеллигенции (учительницы, врачи, акушерки), которые носят шаровары только в домашней обстановке, так как в них удобно сидеть на полу, на тахте.

[49] Женский халат, как отмечалось, не имеет воротника, но в последнее время старухи иногда стали пришивать к своим халатам воротник того же типа, что и у мужских халатов.

Чабан в халате на войлочной подкладке кебенек (к. Сазаган; фото В. И. Котовского)

Молодой рабочий в повседневной одежде (к. Балхион; фото Г. П. Снесарева)

Узбечка-водитель хлопкоуборочной машины в рабочей одежде (к. Чархин; фото В. И. Котовского)

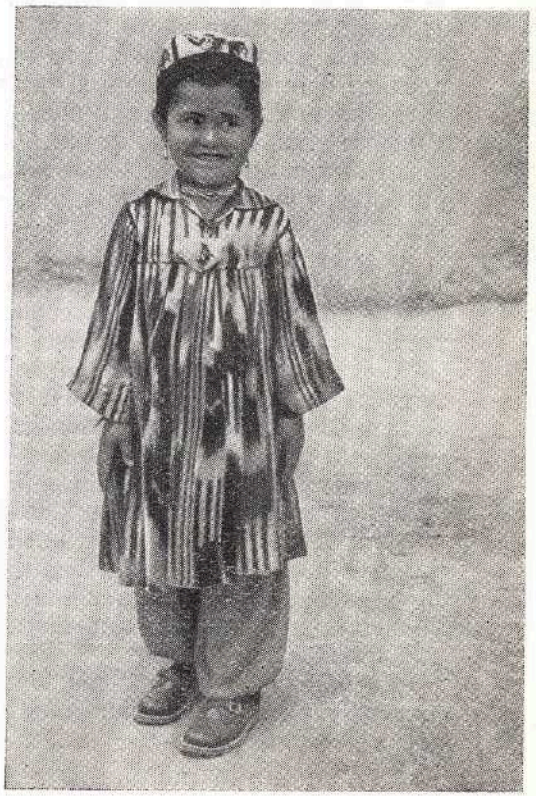
Узбекские женщины, как правило, умеют с большим вкусом подбирать цвета платка, шаровар и платья и поэтому наряд узбекской женщины весьма красив, колоритен и красочен.

Выбор ткани для платья и шаровар зависит от сезона, возраста и назначения одежды. Девушки и молодые женщины всегда стремятся одеваться нарядно, даже дома, не говоря уже о работе в поле, они носят преимущественно шелковые платья. Излюбленной тканью для девичьих и женских платьев является атлас с орнаментом типа абр, который характеризуется пестрыми узорами с расплывчатыми контурами. Женщины среднего возраста носят платья из атласа черного с белым узором, а молодые женщины и девушки — из атласов ярких расцветок желтого с черным, красным и зеленым узором, а также атласы красного цвета [50]. Делают платья также из различных вискозных

[50] «Народное декоративное искусство Советского Узбекистана», стр. 38.

Дети из к. Катта (фото Б. Х. Кармышевой)

Девочка в нарядном платье (к. Балхион; фото Н. С. Кармазина)

Дети в нарядной одежде (к. Намазго; фото Н. С. Кармазина)

шелков, набивных и гладких. Для зимы нарядными считаются для женщин молодых и даже средних лет платья из плюша и бархата ярких цветов (голубой, красный, малиновый, бордовый, зеленый). Из него часто шьют и шаровары. Безрукавки до сих пор шили преимущественно из темного плюша и шерсти, но в последнее время для молодых их шьют из плюша ярких цветов. Женщины средних лет для повседневной одежды покупают штапельные ткани. Пожилые женщины из штапельного полотна шьют выходные платья и платья для зимы. Для летних платьев они предпочитают легкие ткани — ситец *чит* и кисею *абравон* светлых тонов.

Жакет для повседневной носки делают из темных шерстяных или хлопчатобумажных тканей и мятого плюша, а нарядные — преимущественно из серого коверкота. Легкие пальто из коверкота или габардина, тоже светлые.

Стеганый на вате камзол для повседневной носки шьют из сатина (подкладку из ситца). Его носят девочки, девушки и женщины всех возрастов. Молодые и средних лет женщины предпочитают носить камзол из плюша, обычно черного. Представительницы сельской интеллигенции покупают в магазине или заказывают в ателье верхнюю одежду городского фасона.

В прошлом одежда замужней женщины отличалась от одежды девушки, теперь же этого нет. Сейчас нет различий и в их прическах. Девушки и женщины лет до 30 заплетают волосы не только по традиции во множество мелких кос или, как пожилые женщины, в две косы.

Украшения в виде колец, браслетов, брошек, серег, медальонов носят все, исключая только старых женщин. Бусы носят

женщины всех возрастов. Все это покупают в магазине. Из украшений старинного типа в некоторых семьях сохранились ожерелья из монет и налобное украшение *тиллякаш* (тиллоқош); эти украшения одевают невесте в день свадьбы.

Среди женщин довольно распространено, особенно в горных и предгорных селениях, ношение косоплеток в виде шелковых кистей или помпончиков, украшенных бисером.

Все реже встречается подвеска к косам *тахта шамоляк* в виде множества длинных черных шнурков, имитирующих мелкие косички; шнурки пришиваются за концы одна возле другой к полоскам черной ткани. Подвеска подкладывается под волосы, заплетенные в мелкие косички, при этом каждая косичка прикрепляется (пришивается) к верхней полоске ткани. К нижней полоске пришиваются в горизонтальный ряд белые пуговицы. Шнурки внизу украшают бисером или кистями из черных ниток: кисти имеют навершия в виде серебряных куполочков. Описанный вид подвески к косам был в прошлом характерен для одежды горожанок, в частности Самарканда, Китаба, Шахрисяба и до сих пор приобретается на базаре.

В мужской одежде традиционные формы сохранились в меньшей степени, чем в женской. Полный костюм старого покроя можно встретить только на пожилых людях, да и они теперь уже не носят очень длинные халаты и громоздкие чалмы.

Пожилые люди в своем кишлаке ходят обычно в камзоле из плотной бумажной ткани или из сурового полотна, а халат надевают при выезде из кишлака. Молодые и среднего возраста мужчины традиционный костюм в более или менее полном комплекте (тюбетейка, халат, поясной платок, сапоги) носят в качестве ритуальной одежды — костюм жениха, траурный костюм.

Повседневный мужской костюм состоит преимущественно из покупных предметов, включая и тюбетейку (в Пастдаргомском районе тюбетейку издавна покупали на базаре в Самарканде). Выходные костюмы иногда заказывают в швейной мастерской.

Рабочая одежда колхозников удобна и легка: поверх белья (рубахи или майки-безрукавки) в холодное время надевают пиджак и брюки из плотной ткани, ватник или узкий халат ферганского покроя, кирзовые сапоги, шапку-ушанку; летом — брюки и пиджак без подкладки из парусины или из бумажной ткани; на ноги — брезентовые сапоги, на голову — кепку или тюбетейку, изредка колпак. Во время работы на рисовых полях узбекские юноши нередко надевают корейские соломенные шляпы.

Чабаны зимой в непогоду носят кебенек.

В последние годы среди молодежи все большее распространение получает костюм спортивного типа. Это влияние молодых рабочих промышленных предприятий, в частности суперфосфатного завода. Механизаторы на работе обычно носят комбинезоны. Сельская интеллигенция предпочитает городской костюм.

Весьма разнообразна детская одежда. Основную часть ее составляют покупные вещи. Если в прошлом детей обычно одевали намеренно не очень нарядно и не очень опрятно, боясь сглаза, то в наши дни эти предрассудки исчезли и женщины много внимания и времени уделяют костюму своих детей.

Таким образом, этнографические данные, собранные в Пастдаргомском районе, показывают, что ведущей тенденцией в развитии материальной культуры узбеков-колхозников является все более интенсивное распространение элементов городской культуры. Однако городские формы не просто заимствуются, а перерабатываются соответственно национальным вкусам, в то же время отбрасываются те формы традиционной культуры, которые устарели и несовместимы с современной социалистической культурой быта. Эти же закономерности наблюдаются в развитии культуры и быта и других народов Средней Азии [51].

[51] Г. П. Васильева, Н. А. Кисляков. Вопросы семьи и быта у народов Средней Азии и Казахстана в период строительства социализма и коммунизма. «Советская этнография», 1966, № 6, стр. 9—11.

Глава IV

СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ

Структура семьи

В конце XIX — начале XX в. у таджиков, узбеков, арабов, туркмен, ирани и других преобладала пережиточная форма большой патриархальной семьи преимущественно в два-три поколения, состоящая из нескольких брачных пар, называемая некоторыми исследователями семейного быта неразделенной семьей [1].

Земля, принадлежавшая неразделенной семье, находилась в полном распоряжении отца; она обрабатывалась силами всех работоспособных членов семьи, главным образом мужчин. Урожаи с этой земли считался коллективной собственностью всех совершеннолетних членов семьи, однако распоряжался им глава семьи. Коллективной собственностью был и скот. Заработок женщин, занимавшихся, помимо домашнего хозяйства, вышиванием и ткачеством, как правило, шел также в «общий котел». В семьях, где практиковалось отходничество, основной заработок вносился в общий бюджет.

Существованием на определенном довольно продолжительном историческом этапе развития больших патриархальных семей, а в дальнейшем и неразделенных объясняется бытование в прошлом среди населения Нижнего Даргома родственных браков: можно было жениться на своих двоюродных, троюродных сестрах и более далеких родственницах как со стороны отца (ортокузенный брак), так и со стороны матери (кросскузенный брак; он был наиболее желаемым) при условии, если жених и невеста не являлись молочными братом и сестрой. По этой же причине

[1] О. А. Сухарева и М. А. Бикжанова. Прошлое и настоящее селения Айкыран. Ташкент, 1955, стр. 173; С. М. Абрамзон, К. И. Антипина, Г. П. Васильева, Е. И. Махова, Д. Сулайманов. Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан. «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. XXXVII. М., 1958, стр. 212, 213; М. А. Бикжанова. Семья в колхозах Узбекистана. Ташкент, 1959, стр. 23; «Народы Средней Азии и Казахстана», I. М., 1962, стр. 323.

встречались случаи сорората (брак с незамужней сестрой умершей жены или невесты) и левирата (брак со вдовой преимущественно старшего брата), являющиеся пережитками группового брака. В истории развития семейнобрачных отношений калым и приданое имели важное экономическое значение, а при родственных браках они оставались в одном хозяйстве и общий экономический баланс семейной общины не нарушался. А. Д. Гребенкин, имея в виду родственные браки, писал о населении изучаемой территории: «...зачастую женятся без всякого калыма»[2], а в отношении среднеазиатских арабов отметил, что «Бедные женятся без калыма на своих ближайших родственницах»[3].

Процесс исторического развития семьи у узбеков, таджиков и арабов в изучаемом районе, обусловивший со второй половины XIX в. выделение старших женатых сыновей с их потомством способствовал росту числа малых семей[4]. Отходничество и наемный труд способствовали росту заработка от личного труда отдельных членов неразделенных семей, стремившихся удержать часть его от сдачи в общее хозяйство. Особенно часто это происходило в семьях, где работа всех ее членов в своем хозяйстве не давала возможности прокормиться, и не один, а несколько человек из семьи должны были работать по найму. Именно в таких семьях раздел чаще становился необходимым.

На первом этапе этого процесса раздел (нередко происходивший еще при жизни отца) был неполным: каждая малая семья получала отдельное помещение, необходимую утварь, часть урожая (по едокам) и т. п. Но земля, как и орудия производства, продолжала оставаться коллективной собственностью; отец и сыновья обрабатывали ее совместно. За свой труд сыновья получали от отца определенную долю урожая и, таким образом, продолжали находиться в значительной экономической зависимости от него. Раздел земли и орудий производства происходил после смерти отца.

К началу XX в. процесс развития семьи характеризовался увеличением числа малых семей. При разделе каждая малая семья получала свою долю земли. Со стариками-родителями, по народному обычаю, оставалась семья младшего сына. Однако к 1920-м годам в изучаемом районе, судя по данным наших информаторов, было еще довольно много неразделенных семей. Это объяснялось тем, что некоторые хозяйства, особенно зажиточные, не хотели дробить землю.

[2] А. Д. Гребенкин. Узбеки. «Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу политехнической выставки», вып. II. М., 1872, стр. 62.

[3] А. Д. Гребенкин. Мелкие народности Зеравшанского округа. «Русский Туркестан», вып. II, стр. 115.

[4] А. Д. Гребенкин. Узбеки, стр. 62, 88.

В годы социалистического строительства процесс развития узбекской семьи шел по пути сокращения числа неразделенных и увеличения числа малых семей, однако еще в начале 1930-х годов неразделенные семьи (особенно в предгорьях) преобладали и по числу членов соответствовали в ряде случаев неразделенным семьям конца XIX — начала XX в. Житель кишлака Сазаган, 60-легний Акбута Хошмурадов рассказал о своей семье. Сначала в семье было 35 человек; все жили одним хозяйством, питались «из одного котла». Главой семьи был отец информатора, Хошмурад Махмасаидов. Сыновья его (их было семеро) все заработанное в колхозе и на стороне отдавали отцу. Мать, как большинство женщин в Сазагане, хорошо умела ткать ковры-джульхирсы. Деньги, вырученные от продажи этих ковров, также шли на общие расходы.

В 1937 г. старший из женатых сыновей выделился. Основным помощником отца стал второй сын Акбута Хошмурадов. Он был «кассиром» семьи, покупал все необходимые продукты, строго следя за тем, кому из членов семьи что нужно купить и в какой очередности. Со временем отец, состарившись, и вовсе отошел от ведения хозяйства, но наш информатор, став главой семьи, советовался с отцом.

Мать информатора, которая была старшей из двух жен отца, ведала расходом продуктов и распределением домашней работы между невестками. Одна из невесток пекла лепешки для всей семьи, вторая — стирала, третья — шила на всех и т. д. Невестки, работая в колхозе, поочередно оставались дома; чаще других оставалась та из них, у которой был маленький ребенок. Дома невестка занималась домашним хозяйством под руководством свекрови, которая присматривала за детьми.

Заработки все отдавали «в общий котел» не полностью: каждая малая семья часть оставляла в своем распоряжении.

В 1947 г. умер отец, и в течение пяти лет после его смерти братья продолжали жить одним хозяйством. Первым отделился пятый брат — единственный сын от второй жены покойного главы семьи. Он построил на свои средства дом в кишлаке Рабат и в 1952 г. покинул отцовский дом вместе со своей матерью.

Постепенно выделились и остальные братья (кроме младшего). Дома строили на общие средства семьи. Младший брат построил дом на свои средства. Последним (в 1960 г.) выделился еще один брат, следующий по возрасту после нашего информатора[5].

На примере раздела семьи Акбуты Хошмурадова видно, что принцип выдела по-старшинству здесь, как и в ряде других таких семей, не соблюдался. К моменту выдела каждый из братьев, как правило, имел одного или двух детей.

[5] Полевая запись 27.X 1962 г.

Не всегда разделы в семье проходили спокойно. Иногда этому предшествовали ссоры и раздоры, особенно между женами братьев, что служило обычно поводом для раздела.

К настоящему времени число неразделенных семей в колхозах Пастдаргомского района, как и в остальных районах Узбекистана, сильно сократилось. Например, из 1295 хозяйств колхоза «Коммунизм» к 1962 г. неразделенные семьи составляли только около 5%. Бóльшая часть их приходилась на предгорный участок — кишлак Сазаган (на 224 хозяйства —34 неразделенных семьи, 15,2%, тогда как на оазисной территории колхоза они составляли лишь 2,3%). Это объясняется тем, что в Сазагане население, которое еще в конце XIX в. вело полукочевую жизнь, сохраняло в большей степени пережитки патриархального уклада.

Неразделенные семьи, как правило, состоят из семьи родителей с их детьми, еще не вступившими в брак, и семьи одного или двух женатых сыновей с потомством; иногда неразделенная семья состоит из семей нескольких женатых братьев. Одним из отличий современной неразделенной семьи от таковой начала XX в. является ее сравнительная малочисленность: число членов в неразделенных семьях от 6 до 13, в то время как раньше оно доходило до 30 и более.

Таблица II

Численный состав семей колхоза «Коммунизм» (1961 г.)

Число членов семьи	Число семей	В том числе количество неузбекских и смешанных семей
1	44	
2	109	1— армянская
3	135	
4	201	1— азербайджанская и 2 корейских
5	202	
6	172	1— корейская и 1 татарская
7	119	2— азербайджанские и 1— смешанная, где жена—татарка, муж—узбек
8	107	
9	53	1— смешанная, жена—русская, муж—узбек
10	34	
11	14	
12	6	
13	4	
Всего...	1203	

Семья Бабамурада Шербаева (к. Сазаган; фото В. И. Котовского)

После смерти отца один из братьев, старший по возрасту, или чаще наиболее авторитетный в семье, становясь главой семьи, женит братьев, постепенно выделяя их. Единственный или младший сын после женитьбы остается жить с родителями и фактически становится главой малой семьи. Он содержит престарелых родителей, в чем ему, как правило, помогают старшие братья.

Среди сельского населения изучаемого района в настоящее время основной формой семьи является малая моногамная семья, состоящая из главы семьи, его жены и их детей. Иногда в такие семьи входят и старики — родители главы семьи (реже его жены), племянники, не состоящие в браке, и т. п.

По численности колхозные семьи невелики; преобладают семьи, состоящие из 4, 5, 6 человек (см. табл. II).

За годы социалистического строительства произошли большие изменения в среде сельского населения. Если в 1930-х годах сельское население Нижнего Даргома по социальному положению в основном было крестьянским, то в настоящее время оно неоднородно. В составе многих семей есть колхозники, рабочие, служащие, студенты. Это подтверждают материалы сплошного посемейного обследования кишлака Баймак колхоза «Коммунизм». Кишлак Баймак расположен по соседству с суперфосфатным заводом и, как другие селения колхоза, находящиеся

рядом с промышленными предприятиями, испытывает влияние его экономической и культурной жизни.

В 1962 г. из 42 семей Баймака в 27 во главе стояли колхозники; в 12 — глава являлся рабочим, в 3 — служащим. В семьях, где глава рабочий или служащий, его жена обычно является членом колхоза. Только в составе 4 семей этого селения не было колхозников [6].

Из 27 семей, главы которых были колхозниками, «чисто крестьянских» — 12, семей, в составе которых один рабочий — 10, два рабочих — 2, один служащий — 1, два служащих — 1 [7]; один студент — 1 [8]. Во многих семьях есть взрослые члены семьи, учащиеся-заочники и посещающие школы рабочей молодежи.

Эти изменения в социальном составе сельского населения оказывают значительное влияние как на стирание граней между бытом и культурой жителей города и кишлака, так и на современный семейный уклад, на взаимоотношения между членами семьи, внося определенные коррективы в понятие «главы» семьи и его функции, как и в функции остальных членов семьи.

Взаимоотношения между членами семьи

У населения сельских районов Узбекистана характер семейных отношений в настоящее время резко отличается от тех, которые были характерны для членов узбекской крестьянской семьи до колхозного строительства.

Участие каждого взрослого члена семьи в производительном труде в колхозе или на другом производстве обеспечило ему фактическое равноправие и экономическую самостоятельность, обусловило ослабление и, в конечном итоге, уничтожение экономической зависимости младших совершеннолетних членов семьи от ее главы.

Одним из замечательных завоеваний Советской власти явилось равноправное положение женщины с мужчиной в обществе и семье. Уже в первые дни Советской власти на основе «Декларации прав народов России» и «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» женщине предоставлялись равные с мужчиной права. Декретом от 18 (31) декабря 1917 г. был установлен гражданский брак; затем были изданы декреты об охране и обеспечении материнства и младенчества, о равной заработной плате для мужчин и женщин, об охране женского и детского труда. Важнейшим в этом вопросе являлось создание экономической независимости женщины. Появились различные артели (вышивальщиц, ковровщиц и т. п.), женщины начали выкармливать тутового шелкопряда и работать в садоводческих и виноградарских совхозах. Пожилые женщины (наши информаторы) вспоминают, как уже в середине 1920-х годов они стали зарабатывать деньги на сдаче коконов шелкопряда, на сборе и сушке винограда в совхозах.

Борьба за участие женщины в общественном труде была неразрывно связана с борьбой против ее затворничества, символом которого была паранджа. Партийно-комсомольский актив Чархинского сельсовета первым в Пастдаргомском районе в 1927 г. начал борьбу против паранджи, проводившуюся по всему Узбекистану. Духовенство повело яростную агитацию среди крестьян: «Открыть лицо женщин и направлять их на учебу — большой грех, на том свете будет наказание. Это оскорбление и позор нам, мужьям» [9]. Трудность заключалась не только в том, чтобы преодолеть сопротивление мужчин, но и в том, чтобы убедить и самих женщин, тогда еще в большинстве своем робких, не привыкших к свободному общению, скованных множеством запретов, обрядов и обычаев.

Как вспоминает Хосият Турсунова, раскрепощения передовые женщины добивались в упорной борьбе, рискуя своей жизнью. До сих пор все помнят зверское убийство в 1930 г. активисток: 16-летней Ашуры Хуррамовой, ожидавшей ребенка, и комсомолки Турсунай Пулатовой, матери троих малолетних детей.

На смену погибшим активисткам шли другие женщины и девушки. Они чувствовали действенную помощь Советской власти, их интересы защищали партия, комсомол, сельские советы, советские общественные организации, в том числе женские советы, организованные при сельских и районных исполнительных комитетах депутатов трудящихся.

Постепенно женщины включались и в общественное производство, и в активную политическую жизнь, решительно порывая с традицией прошлого.

Чтобы понять, как далека современная узбекская крестьянская семья от прошлого, необходимо прежде всего осветить положение женщины в семье и в обществе в прошлом.

Как уже отмечалось, до коллективизации сельского хозяйства основные работы в поле выполняли мужчины. Женщины помогали мужьям и сыновьям в прополке, уборке хлопка, очистке зерна, в уборке и сушке винограда и фруктов и некоторых

[6] В одной из этих семей глава — учительница, во второй — парикмахер (жена его домашняя хозяйка); в третьей глава семьи — рабочий, жена его — уборщица в школе; в четвертой — также рабочий, жена — работница детского сада.

[7] Один из них ветеринар, другой работает лаборантом химического факультета Самаркандского университета и учится заочно на этом факультете.

[8] Старший сын колхозника в 1962 г. учился на III курсе химического факультета Самаркандского университета.

[9] Полевая запись Г. П. Снесарева 7.II 1962 г.

других работах. В основном женщина трудилась дома [10]. Она готовила пищу, ухаживала за скотом, доила коров, коз и овец, заготовляла впрок молочные продукты, шила одежду, одеяла и подушки, пряла, ткала ковры, мешки, торбы и ткани для одежды, валяла кошмы, выделывала шкуры домашних животных, убирала в доме, стирала, мыла посуду. Уход за детьми возлагался почти исключительно на женщин. В домашнем хозяйстве мужчина был обязан чистить хлев и двор, производить обмазку крыш, ремонт дома и хозяйственных построек, рубить дрова и носить воду (воду приносили, чтобы женщине не приходилось выходить на улицу). Поездка на базар для покупки и продажи продуктов и различных товаров была также мужской обязанностью.

В прошлом женщина, тем более невестка *келин*, находилась в семье в бесправном положении. Девушка подчинялась воле отца или старшего брата. Девочка с восьми-девяти лет уже должна была скрываться от посторонних мужчин. Нередко в этом возрасте ее уже сватали, а лет пять-шесть спустя выдавали замуж. Выбор невесты и жениха был делом родителей.

Среди трудового народа всегда одобрялись равные браки (как по возрасту, так и по имущественному положению). Недаром говорилось: если попадается ровня, отдай дочь даром, без калыма (тенги чиқса, текинга бер) [11]. Однако бывали случаи, когда отец (или брат, если отца уже не было), польстившись на калым или не смея отказать знатному лицу, выдавал дочь (сестру) за старого человека, а иногда как вторую, третью или четвертую жену. Так, Мухаррам Абрикулова, колхозница из кишлака Баймак, рассказала нам о печальной судьбе своей односельчанки М., теперь уже пожилой женщины М. Было всего 12 лет, когда отец, несмотря на осуждение своих односельчан, выдал ее замуж за немолодого вдовца. Ко времени организации колхозов у М. было две дочери и четверо сыновей. Муж ослеп, и М. сама, работая в колхозе, вырастила детей и содержала инвалида-мужа. В заключение своего рассказа Мухаррам Абрикулова с грустью сказала: «Даже тогда, когда дети у М. подросли, она не могла позволить себе одеть нарядное платье, боясь осуждения, что муж слепой, а она «рядится». Сыновья выросли. Хорошо зарабатывают, ухаживают за матерью. Но что с того? Молодость прошла...» [12]

После замужества женщина попадала под власть свекра, свекрови и мужа. Вся жизнь девушки-невесты и молодой женщины была стеснена множеством запретов. С момента помолвки

[10] Полевые записи 2.XI 1961 г., 26.X 1962 г., 15.II 1962 г.; см. также: А. Д. Гребенкин. Узбеки, стр. 60.

[11] Полевая запись Б. Х. Кармышевой от 12.XI 1960 г., кишлак Намазго.

[12] Полевые записи 5.II 1962 г.; см. также: А. Д. Гребенкин. Узбеки, стр. 63.

фотиха (фотиҳа) начиналось взаимное избегание невестой родни жениха (иногда даже пяти-шестилетних мальчиков, братьев жениха) и женихом — родни невесты. После свадьбы молодая в течение сорока дней не могла выходить из дому (ее оберегали от сглаза).

В семье мужа жизнь молодой женщины складывалась по-разному. Чаще всего жизнь новобрачной в новой семье была очень тяжелой. Она жила в вечном страхе перед старшими членами семьи мужа, и прежде всего перед свекровью.

Мать бригадира Яркула Алимова из Сазагана, колхозница 78 лет, рассказала, что она была сосватана восьми, а выдана замуж 13 лет за 20-летнего юношу. Свекровь была известна на всю округу своей властностью, ее даже прозвали Джангыл-токсаба (Джангыл — имя, токсаба — один из чинов в Бухарском ханстве), со своими невестками она обращалась жестоко. Невестки в доме свекрови даже кусок хлеба боялись взять. Мать Алимова до сих пор помнит, как однажды она зашла в юрту взять кислого молока для мытья головы, увидела рядом маленький кусочек лепешки и зажала его подмышкой, чтобы потом съесть. Но свекровь заметила и ударила ее по локтю, говоря: «Что ты зажала подмышкой?» Кусочек хлеба упал на землю [13].

Невесткам в этой, как и в других семьях, не полагалось обращаться с вопросами или просьбами к старшим, особенно к свекрови, они ели отдельно от свекрови. Мужчины, как и в других семьях, если также отдельно от женщин и детей.

Материальное положение родителей невесты и численность ее родни также сказывались на ее положении в семье мужа. Девушка из богатой семьи (значит и с богатым приданым) или имеющая многочисленную родню (было кому заступиться) [14], естественно, была в семье мужа менее зависима и принижена. Со временем положение женщины в семье в значительной степени зависело от того, сколько у нее детей: многодетная женщина (к тому же, если у нее было больше сыновей, чем дочерей) пользовалась в семье, как правило, бóльшим уважением [15], тем более, что в результате большой смертности среди детей многодетных женщин было не так уж много.

Когда девушку выдавали за двоюродного брата или другого близкого родственника, свекор и свекровь знали и любили невестку с детства, жизнь молодухи складывалась хорошо, особен-

[13] Полевая запись Б. Х. Кармышевой 25.X 1962 г.

[14] Следует, однако, заметить, что поскольку мужчина считался хозяином дома и домочадцев, то родственники жены заступались за нее только в исключительных случаях. Была в ходу пословица: «Чикаргси киз чийдан тошқори» («Выданная замуж дочь уже за чием»; *чий* — камышовая циновка, опоясывающая юрту снаружи), т. е. она уже не член своей родной семьи (полевая запись Б. Х. Кармышевой 8.XI 1962 г., к. Намазго).

[15] Полевая запись 9.II 1962 г. и др.

но, если семья была небольшой и дружной. Изредка бывало и так, что молодая, будучи очень работящей, ловкой и умной женщиной, со временем забирала все хозяйство в доме в свои руки и командовала даже свекровью. Но такие случаи были очень редки.

В некоторых крестьянских семьях, особенно в малосостоятельных, женщина, вносившая определенный вклад в бюджет семьи, была помощницей и советчицей своего мужа — главы семьи: муж как хозяйственные, так и семейные дела не решал без совета с нею, да и деньги нередко отдавал ей на хранение.

Таким образом, хотя в отдельных случаях женщина-мать и пользовалась определенным уважением, однако не занимала равного с мужем положения в семье и обществе. Это неравенство освещалось и закреплялось установлениями мусульманского права *шариат* и обычного права *адат*.

Затворничество женщины, которое было характерно для населения оазиса, усугубляло и подчеркивало ее приниженное положение. Женщины в доме жили изолированно на женской половине ичкари.

Вне своего кишлака женщина должна была появляться в паранджа (у таджиков и узбеков пригородных районов) или в джиляке (у полукочевых узбеков) [16]. Женщина не имела права войти в мечеть, сопровождать покойника (даже близкого ей умершего) на кладбище и т. п. Деньгами, полученными за свой труд, женщина далеко не всегда распоряжалась сама. Например, как уже отмечалось, деньги, вырученные от продажи сотканных женщиной гилямов или джульхирсов, тратил по своему усмотрению глава семьи. Иногда он привозил мастерице отрез на платье, платок или что-либо из украшений.

Женщина не имела решающего голоса при обсуждении даже узко семейных дел.

Неравноправное положение женщины ярко проявлялось и в вопросах наследования. При дележе наследства после смерти отца женщина получала половину доли брата. В случае смерти мужа вдова (а в полигамных семьях каждая из жен) получала $^1/_8$ всего имущества семьи, корову, подаренную ей родителями к свадьбе, и потомство от этой коровы. Своей долей наследства женщина распоряжалась сама. В случае смерти женщины деньги, вырученные от продажи этой коровы, шли на похороны и поминки умершей.

До установления Советской власти среди зажиточной части населения изучаемого района было распространено многоженство (чаще две жены [17], иногда три и даже четыре), что допускалось нормами ислама. Население объясняет существование в прошлом многоженства хозяйственными потребностями, особенно у полукочевых узбеков: одна жена оставалась вести хозяйство в усадьбе, а вторая откочевывала в горы, где заготовляла впрок молочные продукты. В орошаемой зоне богатые крестьяне имели нескольких жен и подчас жестоко эксплуатировали их [18].

По рассказам пожилых колхозниц, бывало и так, что женщина, рано выданная замуж и преждевременно состарившаяся от различных женских заболеваний в результате антисанитарных условий при родах и в послеродовой период, а также от горя после смерти нескольких детей, изнемогая под бременем домашних и хозяйственных дел, сама просила мужа взять вторую жену, чтобы иметь себе помощницу. В таких случаях женщина даже выбирала для мужа подходящую (работящую и смирную) девушку и впоследствии относилась к ней как к невестке [19].

Полигамные семьи образовывались и в силу бытования обычая левирата (тягостного как для женщины, так и для мужчины), по которому брат (обычно младший) обязан был (или имел право) [20] жениться на вдове своего брата, а вдова была обязана выйти замуж за брата мужа. Он должен был взять в жены женщину, часто значительно старше его, содержал и воспитывал детей брата.

Взаимоотношения между супругами и другими членами полигамной семьи складывались по-разному. Каждая жена *кундош* имела отдельное помещение (а порой и дом) или (у полукочевых в прошлом узбеков, например, в Сазагане) юрту. Во многих семьях питались из одного котла, и тогда одна из жен (обычно первая) была хозяйкой [21]. Но бывали семьи, в которых

[16] Полевые записи 23.X 1961 г.; см. также: Х. С. Сулайманова. К вопросу об изменениях в семейных отношениях в Узбекистане. «Известия АН Узбек. ССР», серия общественных наук. Ташкент, 1957, № 1, стр. 13—17.

[17] В семьях среднего достатка основной причиной двоеженства являлась бездетность первой жены.

[18] Например, в кишлаке Намазго накануне установления Советской власти богатый крестьянин Ниязкул-бай имел четырех жен. Все они жили в одном доме. В этом же доме жил его сын, у которого было две жены. Таким образом, в семье было шесть женщин, и всем им приходилось много работать, так как, помимо работы по обслуживанию многочисленной семьи, они должны были готовить пищу работникам, стирать и чинить их одежду и, кроме того, изготовлять грубые хлопчатобумажные ткани на одежду и постельные принадлежности для них. Одна из младших жен этого бая рассказывала в свое время нашему информатору Мухаррам Ризаевой, что ей приходилось ежедневно выпекать по 6—7 тандыров лепешек и даже в те короткие промежутки, пока накалялся тандыр для очередной выпечки, она не имела возможности передохнуть, так как должна была в это время прясть на чархе, который ставился на суфу близ тандыра (полевая запись Б. Х. Кармышевой 9.II 1962 г.).

[19] Полевые записи 29, 30.IX, 20.X 1961 г., а также Б. Х. Кармышевой 9.II 1962 г. и др.

[20] Обязательность или желательность левирата зависела от принадлежности к той или иной этнической или родоплеменной группе.

[21] В тех семьях, где было две и более жен, муж, возвратившись с базара, передавал хурджин с покупками той из них, которая главенствовала. Разговаривая о таких

жены не уживались друг с другом, ссорились. Тогда каждая из них готовила пищу отдельно для себя и своих детей. После уборки урожая глава такой семьи распределял между женами продукты питания «по едокам»: например, у первой жены трое детей, и она получала продукты на пять человек (включая себя и мужа); вторая жена, имевшая двух детей, получала соответственно продукты на четырех человек. Чтобы избежать ссор, глава семьи обычно покупал женам и невесткам одинаковые по качеству и стоимости вещи. Хозяйственные дела в полигамных семьях распределялись между женами в зависимости от склонностей и способностей той или иной женщины.

После установления Советской власти, когда калым и многоженство, несовместимые с нормами социалистической морали, были запрещены законом (Декрет Турк. ЦИКа от 14 июня 1921 г.), многие женщины, тяготившиеся своим положением в полигамных семьях, вернулись к родным и вторично вышли замуж.

* * *

Подлинную экономическую независимость и действительное равноправие в семье и обществе принес узбекской крестьянке колхозный строй. С начала коллективизации женщины постепенно втягивались в общественное производство. В предвоенные годы многие женщины выдвинулись на руководящую работу, а в годы Великой Отечественной войны, когда они были основной рабочей силой в колхозе, стало очевидно, что женщин, способных занимать руководящие посты, немало. За годы войны у многих рядовых колхозниц, выдвинутых звеньевыми, бригадирами, председателями колхозов и сельсоветов, проявились организаторские способности, прекрасное знание сельскохозяйственного производства. Они умело сочетали возложенные на них общественные и производственные обязанности с многочисленными семейными, а с уходом мужчин на фронт многие женщины возглавили семьи, зачастую были основными кормилицами.

Одной из таких женщин является Рабия Адилова, член Коммунистической партии, работавшая в 1960—1962 г. бригадиром в колхозе «Коммунизм» и бывшая депутатом Самаркандского Областного Совета депутатов трудящихся. Она родилась в 1921 г. в Намазго и всю свою жизнь живет в родном кишлаке. Еще совсем молодой женщиной Рабия ряд лет была председателем сельского Совета. После укрупнения колхозов в 1958 г. правление колхоза поручило этой умной и энергичной женщине руководить таким большим и сложным хозяйством, каким является хлопководческая бригада.

семьях, люди, чтобы узнать, которая из жен хозяйка в доме, спрашивали, в чьих руках находится хурджин (полевая запись Б. Ф. Кармышевой 9.II 1962 г.); полевые записи Л. Ф. Моногаровой 29, 30.IX, 20.X 1961 г.

Рабия Адилова — одна из передовых женщин колхоза «Коммунизм» (к. Намазго; фото Г. П. Снесарева)

В связи с механизацией большинства основных процессов в хлопководстве за последние годы значительно сократился ручной труд колхозниц в полеводстве: они работают в основном на прореживании, чеканке и уборке хлопка. Некоторые женщины стали работать на хлопкоуборочных машинах. Значительное число колхозниц занято на животноводческих фермах, в садах и виноградниках, а также в шелководстве. Женщины работают в школах, детских яслях и садах, в больницах и амбулаториях, продавцами в магазинах, в пошивочных мастерских и т. д.

В настоящее время, занятая общественно-производительным трудом, колхозница-узбечка — полноправный член своей семьи. В годы социалистического строительства глава семьи постепенно терял полноту своей власти. Этот процесс в малых семьях завершился равноправием супругов («Нет главы семьи у нас, оба хозяйством распоряжаемся»,— поясняют супруги), а в неразделенных семьях действия главы семьи оказались ограничены необходимостью согласия с ними всех ее совершеннолетних членов.

Взаимоотношения членов современной колхозной семьи наглядны на примере семьи братьев Кадыровых из кишлака Баймак [22].

[22] Полевые записи 29, 30.IX 1962 г. и 17, 18.X 1962 г.

Четыре брата — Джуракул, Мардон, Хазрат и Атакул — вместе с отцом, матерью и двумя сестрами (Мехри и Миоссар) жили вместе. Когда в 1941 г. умер отец, старшему из братьев было 14 лет, семью возглавила мать Саламат Эргашева 1899 г. рождения. Все трудные годы войны она работала звеньевой в бригаде по выращиванию сахарной свеклы. Старший сын тоже стал работать в колхозе, а младший в это время был еще грудным младенцем. Постепенно дети также включались в работу: дочери помогали матери по дому, два средних сына обрабатывали огород на приусадебном участке и смотрели за скотиной.

Со временем Джуракул заменил мать и возглавил звено. В 1947 г. он женился, но не выделился — он должен был помочь матери устроить жизнь остальных детей (женить братьев и выдать замуж сестер). В 1950 г. женился второй брат, Мардон, и тоже не выделился; позже вышли замуж сестры. Средства на женитьбу братьев и на приданое сестер шли из общей семейной «кассы», которая составлялась из заработков всех трудоспособных членов семьи, а хранились деньги у матери.

В 1955—1956 гг. в связи с расширением поселка суперфосфатного завода кишлак Баймак был перенесен несколько дальше на север; жителям кишлака выплатили стоимость дома, всех хозяйственных построек и сада и оказали помощь строительными материалами. При переселении на новое место два женатых брата выделились (в это время у одного было пятеро, у другого четверо детей), получив отдельные участки рядом. Два младщих остались с матерью и получили участок близко от старших братьев. Деньги, полученные от государства за старый дом, разделили на пять частей, согласно обычаю, две сестры получили сумму денег, равную доле одного брата, мать — $^1/_8$.

В 1957 и 1962 гг. женились и оба младших брата. Во время обследования они жили еще одним хозяйством. Хазрат (1932 г. р.) окончил 7 классов и работал кочегаром на суперфосфатном заводе, Атакул (1940 г. р.) окончил 10 классов, затем учился на электромонтера и одновременно работал помощником тракториста; после службы в армии он стал работать трактористом в колхозе «Коммунизм». Жены братьев — колхозницы. Мать пользовалась должным уважением. У нее хранились общие деньги. Следует отметить, что не только Хазрат и Атакул, но и старшие отделившиеся братья и их жены, если нужно решать какие-либо хозяйственные или семейные вопросы, советовались с матерью. Питалась семья «из одного котла». Готовили обед невестки поочередно. Мать советовала, что готовить, что купить для готовки. В магазин ходили братья или их жены. Мать присматривала за детьми.

Братья предполагали разделиться: Хазрат с женой и детьми собирался остаться в старом доме. Колхоз выделил участок для младшего, и там братья уже начали ему строить дом. С ним будет жить, согласно обычаю, мать. Следует отметить, что колхоз, если возможно, выделяет родственникам приусадебные участки рядом. Разделившиеся семьи поддерживают тесные родственные отношения, оказывают материальную помощь друг другу, сообща присматривают за детьми (обычно это возлагается на пожилых женщин), совместно ведут хлопоты при проведении торжеств, совершеннолетние члены семей принимают участие в хашарах своих близких при постройке дома, при трудоемких работах на приусадебном участке (например, закапывание виноградных лоз и откапывание их весной) и т. п.

Так как усадьбы двух старших братьев Кадыровых расположены рядом и соединены между собой, их жены общаются и помогают друг другу, особенно в присмотре за детьми. Джуракул с женой работают в колхозе, а Мардон, окончивший техникум в г. Самарканде, является директором базара в поселке Суперфосфатный. Жена его работает в колхозе.

Во всех этих родственных семьях супруги ведут хозяйство и воспитывают детей в согласии. Семейными деньгами для ежедневных расходов распоряжаются жены. Многие хозяйственные вопросы они решают самостоятельно.

В семье Кадыровых невестки держатся свободно, с достоинством. Старый обычай изоляции их в первое сорокодневие не соблюдался. Через несколько дней после свадьбы, например, молодая жена Атакула включилась в общую работу семьи по хозяйству: она накрывала дастархан, кипятила чай, помогала готовить и т. п. Следует особо подчеркнуть, что положение невестки в семье узбекского сельского населения коренным образом изменилось. Обычай взаимного избегания невестки и родственников мужа во многих семьях исчез, а в тех семьях, где он еще бытует, срок его значительно сократился.

В кишлаке Балхион живет семья колхозника Ф. М. До 1961 г. его семья была неразделенной. С ним жили два старших сына со своими семьями. В 1961 г. они построили себе дома на полученных рядом с отцовским приусадебных участках и отделились от отца. Отец с матерью остались с младшим сыном А. (1939 г. р., имеет среднее образование и работает в сельхозснабе), который в январе 1962 г. женился на девушке (1940 г.р.), окончившей в 1960 г. медицинский техникум. Нам пришлось наблюдать, как молодая невестка, живущая в доме всего полтора месяца, держится свободно и непринужденно. Сидит за дастарханом вместе со свекром, братьями мужа, принимает живое участие в беседе. С ней все ласковы. Свекра она называет *ата* — отец. В этой семье хранительницей денег является мать. А. отдает в общий котел часть своего заработка, остальное они тратят с женой на свои нужды [23].

[23] Полевая запись 15.II 1962 г.

Другая молодая, дом которой мы посетили,— Ш. М. из кишлака Баймак. Она вышла замуж за электромонтажника У. Р., работающего на суперфосфатном заводе. Живут молодые в кишлаке Янги-Карасыйрак[24]. Ш. на другой же день после свадьбы, нарушив старый обычай, надела тюбетейку, которая в последнее время стала излюбленным головным убором девушек (в прошлом женщина вообще не могла появляться в тюбетейке; прежде это был головной убор только мужчин). Она свободно держалась в присутствии родни мужа, не избегала ее. Несколько позже Ш. принимала пришедшего в гости племянника мужа, угощала юношу, разговаривала с ним.

В августе 1962 г. состоялась свадьба жителей кишлака Тепакул И. М. и Р. М.[25] И. окончила 10 классов, ее муж имеет высшее образование. Он окончил факультет иностранных языков Самаркандского университета и преподает в вечерней школе рабочей молодежи в поселке суперфосфатного завода. И. в то время работала в лаборатории сернокислотного цеха этого же завода и училась на вечернем отделении химического факультета индустриального техникума. В 1961 г. ее приняли в члены ВЛКСМ. В 1962 г. она была членом цехового комитета комсомола. Выйдя замуж, она продолжала принимать активное участие в общественной жизни производства. И. была младшей невесткой в неразделенной семье колхозника, так как жили супруги вместе со старшим братом мужа и его женой, питались «из одного котла». Жена старшего брата вела хозяйство, занималась домашними делами и освобождала И. от хозяйственных забот, а та помогала ей, когда у нее для этого было время. Вместе с мужем И. ходила на торжественные заседания по случаю праздников; они вместе посещали концерты, кино, бывали в театрах. Родители и старшие братья И. также не заставляли ее придерживаться старых, отживающих обычаев, традиций.

В последние годы все чаще встречаются случаи, когда студенты, сыновья колхозников, женятся в своем кишлаке и увозят жен учиться в Самарканд. Если родится ребенок, то жена переводится обычно на год на заочное отделение (или, если родители молодых супругов имеют возможность помогать им материально, нанимают няню); потом ребенка воспитывают родители одного из супругов.

Примеров нового положения невестки в семье мужа можно привести много. Однако еще далеко не все освободились от вредных пережитков прошлого в отношении к женщине. Некоторые мужчины избегают вместе с женой бывать в кино, ресторане или даже столовой, потому что боятся осуждения той частью

[24] Полевая запись 16.X 1962 г.

[25] Полевая запись 15.X 1962 г.

населения, которая еще находится под влиянием отживающих отсталых взглядов на положение женщины в обществе и семье.

Пережитки вредных патриархальных и феодально-байских традиций еще живучи в некоторых семьях. Например, живущий в Чархине с четырьмя женатыми сыновьями, Т. Х. с гордостью подчеркивал, что женщины в его семье никогда не садятся за один дастархан с мужчинами. Сыновьям своим он сам выбирал жен. Даже младший сын, выросший в то время, когда старые взгляды сохранялись уже немногими, не ослушался отца, женился на той, которую ему выбрал отец, хотя нравилась ему другая девушка. Т. Х. говорит: «Если жена образованная, то она где-нибудь работает и в доме меньше по хозяйству успевает. А жена пусть лучше меньше образована, да все по дому сделает». Однако отношение его к родным дочерям совсем не такое, как к невесткам. Все три дочери Т. Х. имеют высшее образование, окончили педагогический институт и работают учительницами. Все они вышли замуж по любви[26].

Большие изменения произошли в положении зятя-примака *куч куёв*, поселившегося в семье жены. Раньше зять-примак, происходивший из семьи, менее зажиточной, чем семья его жены, становился в ряде случаев фактически не имевшим права голоса работником. В настоящее время, если в семье нет сыновей, то обычно перед свадьбой младшей дочери ее родители договариваются с женихом и его родней о поселении молодых в доме родителей девушки. Работа в колхозе или другом производстве обусловливает равноправное положение зятя в его новой семье. Например, К., рабочий-аппаратчик суперфосфатного завода, 35 лет, член КПСС, родился и вырос в Хатырчинском районе Самаркандской области, женился в 1956 г. на Б. К., колхознице из кишлака Баймак, и поселился в ее семье. В настоящее время семья состоит из супругов, двоих детей, матери жены, ее 17-летней сестры, работающей в колхозе, и 13-летнего брата. На приусадебном участке К. построил дом и является фактически главой семьи и основным ее кормильцем[27].

Согласно хорошей традиции, к старшим с детства воспитывается глубокое уважение и престарелые не чувствуют себя в семье лишними людьми. Узбекская пословица гласит: то, что знает старый человек, не знает и пери (қари билганди пари билмас); где есть старый человек, там есть благодать (қари бор жойда барака бор)[28].

В описанной выше семье братьев Кадыровых мать, как отмечалось, живет с младшим сыном и его женой. Отделившиеся сы-

[26] Полевые записи 6.X 1960 г., 9.X 1961 г., 16.X 1961 г.

[27] Полевые записи 17.X 1962 г., 9.X 1962 г.

[28] Полевые записи Б. Х. Кармышевой 11.IV 1961 г. и 17.IV 1961 г.

новья и замужние дочери постоянно помогают матери. Кроме того, мать получает от детей положенные по обычаю подарки [29].

Изредка бывает и так, что выделяются все сыновья и старики-родители остаются жить без детей либо в старом доме, либо в выстроенном сыновьями новом. В таких случаях сыновья помогают родителям и со стариками нередко живет один из внуков. После смерти одного из родителей другой живет у того из сыновей (а иногда и дочерей), в чьей семье он более полезен или у каждого из своих детей по очереди.

Встречаются семьи, в которых живет мать жены. При заключении браков (см. ниже), особенно родственных, когда единственная или младшая дочь (если нет сыновей) выходит замуж за своего двоюродного брата со стороны отца или матери, одинокая мать этой девушки переезжает вместе с ней в дом ее мужа, т. е. своего родственника, племянника. В новой семье мать жены помогает по хозяйству, присматривает за внуками.

В большинстве семей сельского населения мужья помогают своим женам в домашней работе и по уходу за детьми. Постепенно изживаются обычаи, запрещавшие супругам обращаться друг к другу по имени или избегать внешних проявлений внимания. В наши дни супруги, особенно молодые, вместе бывают в клубе, вместе посещают кино и театры, ходят в магазин за покупками, а также вместе навещают родных и знакомых как в своем кишлаке, так и живущих в других местностях. Следует заметить, что совместное посещение супругами общественных мест вошло в обычай лишь в послевоенные годы; это явление не всюду проявляется в одинаковой степени. В кишлаках, расположенных вдали от центра колхоза, как правило, не всегда можно встретить на улице или в клубе супругов (даже молодых) вместе, но в поселках, где сильно сказывается влияние быта жителей Самарканда и еще более — быта рабочих суперфосфатного завода, биокомбината, РТС и поселка Чархин, наблюдается иная картина. Колхозники сами подчеркивают влияние быта рабочих и горожан на перестройку их жизни. Особенно сильно влияние Дворца культуры химиков. Даже пожилые женщины из таких кишлаков, как Баймак, Кепакул, Мирзатоп, не пропускают концертов и спектаклей во Дворце культуры завода, а из более отдаленных кишлаков — Намазго и Катта — колхозники отправляются на спектакли целыми компаниями.

В преодолении косных традиционных взглядов и представлений отсталой части колхозников большую роль играет деятельность партийных и комсомольских организаций колхозов.

[29] Согласно обычаю, когда дочь устраивает в своей семье суннат-той, праздник по поводу стрижки волос ребенка, или свадьбу,— ей полагается подарить своей матери отрез на платье; если подобный праздник устраивает сын, ему полагается одеть своих родителей во все новое.

Так, по инициативе советской общественности и партийных организаций в 9-й бригаде колхоза «Коммунизм», расположенной по соседству с РТС и биокомбинатом, на протяжении последних восьми лет регулярно организуются так называемые семейные вечера *оилави кечалар* [30]. На такие вечера всегда приглашают и рабочих из мастерских РТС и работников биокомбината, среди которых есть русские. На них особое внимание уделяется участию женщин. Мужчин приглашают обязательно вместе с женами. На вечерах читают лекции, выступают участники художественной самодеятельности средней школы. Вечера посвящают революционным праздникам 1 Мая и 7 ноября, отмечают выполнение колхозом плана работ. Устраивают такие вечера и отдельные семьи по случаю семейных торжеств: дня рождения сына или дочери, свадьбы и т. п. Гостям рассылают пригласительные билеты. Женщин угощают вместе с мужчинами, они веселятся, танцуют со своими мужьями и знакомыми.

Особым вниманием в семьях пользуются женщины, имеющие образование и специальность,—учительницы, врачи, механизаторы, бригадиры [31]. Приведем несколько примеров из наших наблюдений в 1962 г. в колхозе «Коммунизм».

Муж и родители учительницы М. С. создали для нее все условия, чтобы она могла учиться заочно на отделении иностранных языков в Самаркандском университете. Муж ее, С. А., собирался учиться, как только жена окончит университет (С. А. получил среднее образование, хорошо владеет русским языком, работает в колхозе в качестве секретаря правления). В семье в то время было трое малолетних детей, двое из которых воспитывались у родителей жены. С. А. помогал жене в уходе за малолетней дочерью и в домашних делах.

М. К. (1935 г. р.) дочь известного в колхозе «Коммунизм» старого знатного хлопкороба К., по окончании школы поступила в Самаркандский медицинский институт. На третьем курсе

[30] Так называемые семейные кружки *оилави тугарак*, имевшие целью вывести женщин из затворничества, поднять их культурный уровень, приучить их к мужскому обществу, чтобы они чувствовали себя равными с мужчинами, как указывает М. А. Бикжанова, были созданы еще в 1923—1925 гг. в Ташкенте, Андижане и других городах Узбекистана, а в 1925—1927 гг. они получили широкое распространение в сельских местностях Наманганской области (М. А. Бикжанова. Указ. соч., стр. 47—49). Ныне эти встречи вновь вошли в быт не только в Узбекистане, но и в некоторых других среднеазиатских республиках, в частности в Туркмении, и имеют целью приобщить широкий круг колхозников, как женщин, так и мужчин, к совместному времяпрепровождению в общественных местах, к еще более активному участию женщин в общественной жизни.

[31] Интересно отметить, что женщины, занятые общественной или руководящей производственной деятельностью, имеющие специальное образование, дольше носят одежду того покроя, который носят молодые и средних лет женщины. Женщины — бригадиры, учительницы, медработники и после сорока лет носят платья на кокетке, костюмы, юбки с кофтами, пальто фабричного производства, тогда как многие колхозницы с этого возраста начинают носить платья, характерные для пожилых женщин.

она вышла замуж за своего односельчанина, работавшего в пожарной охране. После рождения второго ребенка К. хотела бросить учебу, но муж настоял, чтобы она закончила институт. Все хозяйственные работы по дому он взял на себя, а свекровь и мать невестки занимались детьми. В 1961 г. К. закончила институт и стала работать врачом-гинекологом в больнице своего колхоза. Колхоз выделил супругам участок, где они построили дом. Мать мужа жила рядом, помогала по хозяйству и нянчила внуков. Муж К. взял на себя основные хозяйственные заботы по дому (уход за садом и огородом, обеспечение водой и топливом, покупку продуктов и т. п.). Родители К. живут поблизости и при необходимости (если, например, заболевал кто-либо в семье) тоже приходили на помощь.

Женщины — передовые общественницы и производственницы, получая помощь мужа в домашнем хозяйстве, находят время и для чтения книг, и для посещения кино, концертов и т. п.

Большую роль в жизни сельского населения продолжают играть женские советы, одной из основных задач которых является проведение культурно-просветительной работы среди колхозниц. Последние обращаются в женские советы с просьбой помочь устроить детей в ясли и сады, а также с жалобами на плохое обращение мужа или свекрови, по вопросам раздела имущества при разводах, выделении женатого сына, хлопотах о пенсии и т. п. Членами женского совета избираются активные общественницы, пользующиеся авторитетом у населения. В колхозе «Коммунизм», например, в 1962 г. в состав женского совета входили такие передовые колхозницы, как Рабия Адилова, работавшая в то время бригадиром первой бригады, Нарчучук Балтаева, заведующая детскими яслями, депутат сельского совета, Зейнаб Ходжакулова, заведующая детскими яслями второй бригады, комсомолка Аннаби Аширова. Председателем женского совета была армянка Валентина Аветисовна Айрапетова, бывшая в то время парторгом третьей бригады — агроном-химизатор, давно работающая в колхозе (живет в кишлаке Баймак).

Воспитание детей

Рождение ребенка является радостным событием в семье. Широко бытует пословица: дом с детьми — базар, дом без детей — кладбище (болалик уй — бозор, боласиз уй — мозор). Роды происходят в родильных отделениях больниц, которые имеются при каждом колхозе, а также в поселке Суперфосфатный или в родильных домах г. Самарканда. Рожают дома только в исключительных случаях, если, например, в доме двое-трое малолетних детей и некому присмотреть за ними. В таких случаях приглашают акушерку.

Родильное отделение больницы на центральном участке колхоза «Коммунизм» (к. Чархин; фото Н. С. Кармазина)

К женщине, ожидающей ребенка, относятся внимательно, оберегают ее от неприятностей, тяжелой работы; готовят ей то, что она любит и что, по народному представлению, полезно, особенно «легкую пищу»— сладкий чай, яйца, *нават* (новвот) — род кристаллического сахара, сливочное масло. Когда женщина отправляется в родильный дом, стараются, чтобы никто об этом не знал [32]. После родов первые три дня роженица ест нават и лепешки *патир* на масле. До сорока дней после родов в пище молодой матери преобладают «горячительные вещества»: яйца и сладкое. Воду пить она может только кипяченую. В течение трех месяцев после родов кормящая мать пьет кипяченое молоко (обычно взрослые люди его почти не употребляют), ест рисовую кашу, мясо — изредка; избегает употреблять в пищу арбузы, дыни, персики, виноград, чтобы ребенок не заболел. После того как ребенку исполнится три месяца, разрешается есть любую пищу. Месяца полтора после родов женщина не принимает участия в домашнем хозяйстве; если же, кроме нее, некому заниматься хозяйством, ей на помощь приходят родственницы, соседки, муж.

[32] Это является отголоском бытовавших в прошлом многочисленных обрядовых действий, призванных оградить мать и новорожденного от влияния злых духов — умалчивали о моменте родов; в это время развязывали узлы на одежде роженицы и расплетали ее косы, чтобы в родах не было задержки, и т. п. (полевые записи 8.X 1961 г., 20.II 1962 г.; Р. С. Гершенович. О бытовой гигиене узбекского грудного ребенка. «Труды Среднеазиатского гос. университета», серия XIIб, этнография, вып. I. Ташкент, 1928, стр. 3, 4).

Когда отец и другие близкие родственники новорожденного — бабушка, дедушка, дяди и тетки, братья и сестры — узнают о рождении ребенка, они должны сделать подарок тому, кто первым сообщил об этом. Этот обычай называется *суюнчи* (радостная весть). По народному обычаю, обязательно надо давать суюнчи при рождении первенца, а также и в том случае, если рождались все время девочки, а последний родившийся ребенок — мальчик. Ребята часто торопятся сообщить отцу и родственникам новорожденного радостное известие и получить подарок (раньше — деньги, халат или платок, а в настоящее время чаще всего деньги на сладости) [33].

Когда роженица возвращается из родильного дома, соседки и близкие родственницы приходят ее навестить.

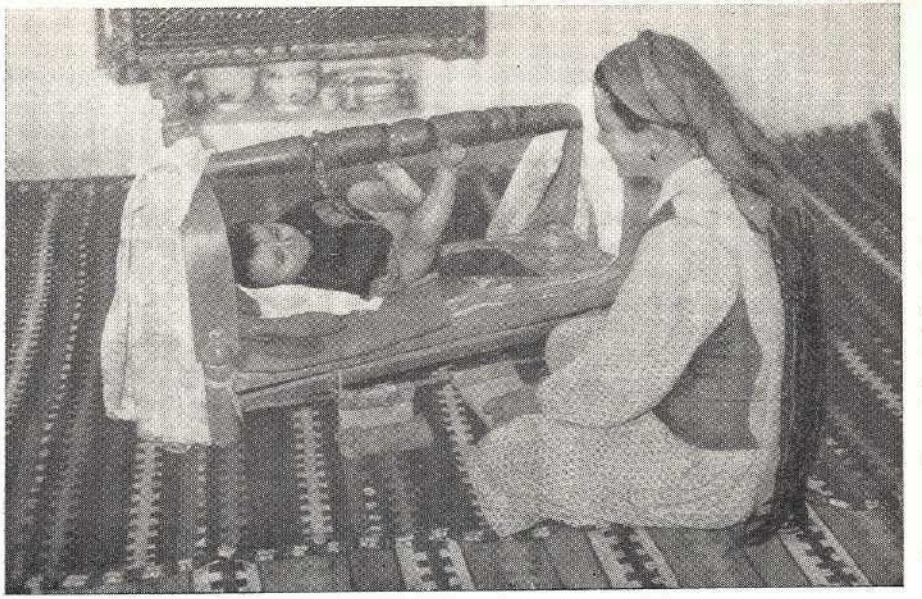
В прошлом при наречении имени (через три — семь дней после рождения) приглашали муллу. Иногда мулла приносил с собой книгу и давал ребенку то имя, которое встречалось первым на открытой им случайной странице. Если в семье или среди ближайших родственников был грамотный человек (пожилые мужчина или женщина), то имя давал он. Наряду с книжными именами довольно часто встречались и народные (узбекского или таджикского происхождения), такие, как Джурабай, Худайберди, Хосият, Гульнора, Айдин и др. Еще до сих пор можно встретить женские имена Буриташ (*бури* — волк, *таш* — камень), Турсунташ (*турсун* — пусть остановится) и Норташ (*нор* — одногорбый верблюд), или мужские — Теша (тесло), Балта (топор) и т. п. Такие имена давались в семьях, где дети часто умирали, или в тех случаях, когда в кишлаке в это время были детские эпидемические заболевания, с целью оградить детей от болезни и смерти. Так, одному из наших информаторов, Бури Иралиеву, это имя дали потому, что он родился во время эпидемии кори. Имя Бури давали еще с целью оградить ребенка от злых духов [34] или если он родился с зубом.

Для близнецов традиционно обязательными были: для первой пары — мужские имена Хасан и Хусейн, женские — Фатима и Зухра; для второй пары близнецов в данной семье мужские — Таир и Зоир, женские — Хадича и Зулейха.

В настоящее время, наряду с традиционными, распространены и новые имена. Молодые родители дают своим детям нередко имена любимых поэтов, полюбившихся литературных героев, или такие имена, как Эркин (свободный). Нередко появление

[33] Полевые записи 8.X 1961 г.; 20.II 1962 г.; В. Наливкин и М. Наливкина. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886, стр. 172.

[34] Весьма интересны соображения Л. П. Потапова о значении волка в народных поверьях, особенно связанных с обеспечением безопасности новорожденного и его матери (Л. П. Потапов. Волк в старинных народных поверьях и приметах узбеков. «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», вып. XXX. М., 1958, стр. 139—142).

У колыбели (к. Джанга-Карасыйрак; фото Н. С. Кармазина)

нового имени связано с каким-либо примечательным событием. Так, колхозница Норей Ходжамурадова в 1957 г. как лучшая звеньевая по выкормке тутового шелкопряда получила орден «Знак Почета». В это время у ее старшей дочери родился первенец — девочка. В честь высокой награды бабушки внучку назвали Хурмат (почет).

Встречаются и такие имена, как Клара, Тамара (например, племянница Мухаррам Назимовой, члена КПСС с 1946 г.). Тамарэй назвали сестру рабочего Ишмамата Худоярова.

Раньше часто детей называли именами, предложенными их дедом или бабкой. Однако в настоящее время бывает и иначе. Когда у одной из дочерей Махмуда Ходжамурадова, врача Фатимы, родился сын, дед выбрал ему имя, но дочь предпочла назвать сына именем, предложенным ее подругой, тоже врачом.

Старшему сыну Маматкула Норова имя предложил его товарищ; остальным сыновьям имена он выбирал вместе с женой, советуясь и со своей матерью.

По традиции фамилией у узбеков и таджиков служило имя отца. За последние годы имя отца становится, как у русских, отчеством. Например, сын Рахмана Уракова (1936 г. р.), родившийся в 1959 г., записан как Бахтиар Рахманович Ураков.

По обычаю родители молодой должны подарить ее первенцу колыбель (*бешик* — у узбеков, *говора* — у таджиков) со всеми принадлежностями. Следующим внукам от дочери бабушка дарит только постельные принадлежности и одежду.

Недели через три после рождения ребенка, а иногда и несколько позже, когда привозит колыбель бабушка или ее родня, многие устраивают «праздник колыбели» или «укладывание в колыбель» — *бешик-той* (у таджиков такой праздник называется *говора бандон*), на который приглашают родных и близких знакомых. Продукты для угощения (баранину для шурпы или плова, сладости) приносят родители молодой матери. Женщины, приглашенные в гости, приходят со сладостями, лепешками, печеньем *баурсак* (боурсоқ) из пресного теста, слоеными лепешками *катлама* (қатлама), жареными в масле и т. д. Теперь ребенку дарят и детскую одежду: распашонку, рубашку, часто купленные в магазине. Семья отца ребенка одаривает мать невестки тканью на платье, а отца ее или брата — халатами.

Отошли в прошлое магические обычаи, по которым обязательно надо было положить под подушку ребенку его сухую пуповину, зеркало («чтобы перед ним было светло», т. е. счастливо), предметы, считавшиеся оберегами: гребень («чтобы его зубья пугали злого духа, аджину»), нож, серп, красный перец («чтобы отогнать „нечистую силу“»), камень («чтобы ребенок был крепким, как камень») и лепешку (хлеб также являлся оберегом). Когда ребенок вырастал из бешика, он должен был бросить эту лепешку собаке.

В настоящее время, как говорят наши информаторы, этих обычаев придерживаются только те люди, которые не хотят огорчать свою старуху-мать. Они разрешают также привешивать своим детям различные обереги «от сглаза» (чаще всего надевают браслет из черных в белую крапинку стеклянных бус, называемых *кузмунчак* (кўзмунчоқ), пришивают такие бусинки или амулет *тумор* к одежде. Когда девочке исполнится год, ей прокалывают уши для серег. Теперь обычно просят сделать это врача или медицинскую сестру.

Вместо бешика родители некоторых молодых матерей теперь покупают ребенку коляску *арабача* или детскую кроватку фабричного производства и в магазинах — детское приданое, в частности одеяло с пододеяльником. Махмуд Ходжамурадов и его жена (кишлак Намазго) сыну своей дочери — врача Фатимы — подарили детскую коляску. Они объяснили, что Фатима живет среди врачей, в интеллигентной среде, где бешик не употребляют. В настоящее время многие молодые родители сами покупают коляски или кроватки своим детям.

Ребенка укладывают в колыбель одетым в рубашку *куйлакча* (кўйлакча). Среди верующих узбеков распространено поверье, что младенцу шести-семи дней от роду надо сшить рубашку обязательно из старой, чисто выстиранной рубахи многодетного глубокого старика, чтобы обеспечить ребенку долголетие и многочисленное потомство. Другой магический обычай, якобы обеспечивающий долголетие, заключается в том, что у ворота

детской рубашки оставляют длинную, почти до земли нитку. Подолы в детских рубашках не подшивают, чтобы у матери вслед за этим младенцем еще были дети. В летнее, теплое время года ребенка укладывают днем спать на дворе в люльке *белганчак, беланчак* типа гамака, сделанной из полотнища ткани.

Широко бытовавшие в семейном быту народов Средней Азии многочисленные обряды и обычаи, связанные с первыми сорока днями — чилля жизни новорожденного[35], соблюдались в прошлом и населением Нижнего Даргома. Считалось, что в период чилля младенца и его мать особенно легко повредить злым духам или сглазить. Для предотвращения этого молодая мать в период чилля никуда не отлучалась из дому, по возможности не занималась домашним хозяйством. Члены ее семьи старались не пускать в дом чужого человека или человека, заведомо известного как обладателя «дурного глаза».

Сейчас, особенно у узбеков, которые живут в окружении или по соседству с рабочими биокомбината и суперфосфатного завода, обычай соблюдения чилля исчез почти полностью. Даже с 10—15-дневными младенцами матери ходят в гости, хотя многие предпочитают не делать этого, боясь заразить ребенка.

Дети колхозников находятся под наблюдением детских консультаций или сельских больниц. Участковый фельдшер или медицинская сестра посещают ребят на дому, регулярно делают прививки.

Раньше ребенка кормили грудью очень долго лет до 2—3-х и лишь в том случае, если мать ребенка снова забеременеет, бросали кормить раньше. Когда ребенок мог уже есть и другую пищу, ему давали то же, что ели взрослые, особых кушаний для ребенка не готовили. Сейчас по совету врачей начинают прикармливать ребенка с шести-восьми месяцев. Ему варят кисель из детской муки, дают витамины, пенки, снятые с молока. После года детей кормят более разнообразной пищей.

Когда появляются первые зубы, начинают понемногу давать ребенку лепешки. До трех лет детям стараются давать меньше мучного (только мучной кисель *атала* и хлеб) и сладкого. После 3-летнего возраста детей переводят на общий стол, но их стараются кормить более легко перевариваемыми кушаньями[36].

[35] А. Л. Троицкая. Первые сорок дней ребенка (чилля) среди оседлого населения Ташкентского и Чимкентского уездов. Сб. «В. В. Бартольду». Ташкент, 1927; О. А. Сухарева. Мать и ребенок у таджиков. Сб. «Иран», т. III. Л., 1929; А. Л. Троицкая. Рождение и первые годы жизни ребенка у таджиков долины Зеравшана. «Советская этнография», 1935, № 6; С. М. Абрамзон. Рождение и детство киргизского ребенка. «Сборник Музея антропологии и этнографии», XII, М.—Л., 1949 и др.

[36] Полевые записи 27.X 1961 г. и 27.II 1962 г.; Р. С. Гершенович. Указ. соч., стр. 11, 12.

Некоторые приучают детей к соскам. В прошлом были соски из чистой тряпочки, в которую завязывали что-нибудь сладкое, например, изюм. Иногда, как прикорм, давали соску из курдючного сала, завернутого в кисею. Такую соску давали и через 40 или даже 20 дней после рождения, в зависимости от количества молока у матери. В прошлом, если грудной ребенок оставался без материнского молока, то его отец отправлялся к своему родственнику или соседу, у которого был ребенок такого же возраста, и просил разрешения на то, чтобы его жена кормила и его ребенка. Когда ребенка отнимали от груди, то его отец дарил кормилице отрез на платье, платок, обувь, т. е. полный комплект одежды. Дети считались братьями и сестрами. Брак между молочными братьями и сестрами не допускался. Сейчас, если у матери пропало молоко или грудной ребенок потерял мать, то родные берут прикорм в консультации.

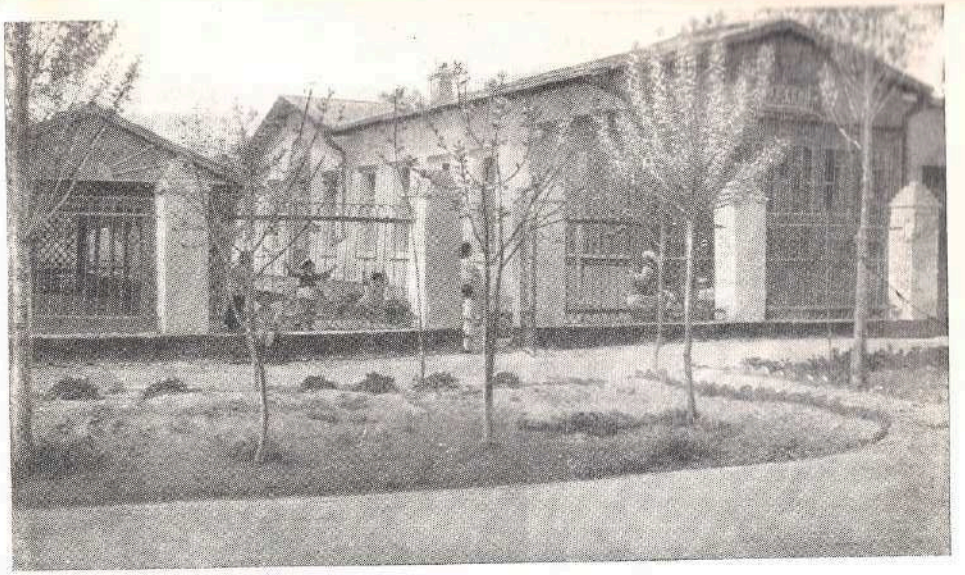
В настоящее время только в семьях, соблюдающих старые обычаи, отмечают день стрижки первых волос — *соч-той* (соч тўй). Вместо этого становится обычаем отмечать день рождения ребенка (иногда этот день называют именинами). День рождения ребенка устраивают главным образом в тех семьях, где есть рабочие и представители интеллигенции.

Когда Азам Усманов, рабочий суперфосфатного завода, отмечал день рождения своего сына Шавката, которому исполнился год, он пригласил в гости к себе не только родных и близких друзей из кишлака, но и своих товарищей разных национальностей с завода. Обычай отмечать день своего рождения, приглашать родных и друзей постепенно распространяется среди молодежи.

До сих пор бытует празднество *суннат-той* (суннат-тўй), связанное с вытекающим из мусульманских религиозных установлений обрядом обрезания. Празднество это, выходящее за рамки семейной жизни, стараются провести с большим размахом, поэтому оно, как правило, вызывает совершенно непроизводительное расходование средств и времени.

Большую помощь молодым матерям, особенно в страдную пору, оказывают ясли и детские сады. В колхозе «Коммунизм», например, на центральной усадьбе в поселке Чархин имеются общеколхозные ясли и детский сад. Кроме того, в каждой бригаде открывают сезонные (с марта по декабрь) детские учреждения. Родители не платят за содержание детей в детском саду и яслях. Дети находятся под наблюдением медицинской сестры и врача.

Детский сад на центральной усадьбе — специально построенное здание с застекленной верандой. В нем имеются для детей всех возрастов — общая приемная, для детей ясельного возраста — комната для игр, манежная и спальня; для старших детей — комната для игр со множеством интересных игрушек,

Детский сад на центральном участке колхоза «Коммунизм» (к. Гулякандоз; фото Н. С. Кармазина)

две спальни, кладовка. Особой столовой нет, так как детский сад функционирует с полной нагрузкой только в летнее и осеннее время, кормят детей во дворе, в крытом павильоне, в котором устроена столовая. В холодную погоду детей ясельного возраста кормят на веранде, старших в приемной. Кухня, помещающаяся в отдельном здании, оборудована плитами. В одном из углов двора устроен тандыр для выпечки лепешек, которые дети предпочитают привозному хлебу, выпеченному в пекарне.

Под присмотром воспитательниц дети играют в коллективные игры, рисуют, разучивают песни, танцы. Приходя в детский сад, они переодеваются. У всех одинаковые удобные костюмы — легкие для лета и фланелевые для холодного времени года. Входя в помещение и снимая в приемной верхнюю одежду, они, по узбекскому обычаю, оставляют там и обувь.

Торжественно отмечаются в детском саду праздники: так, в 1960 г. 8 ноября в детском саду был утренник. Дети танцевали узбекские танцы под аккомпанемент бубна, пели узбекские песни и песенки на русском языке, читали стихи по-узбекски и по-русски (одна из воспитательниц в то время была русская; она немного занималась с ними русским языком). После танцев и других развлечений детям подали плов, затем чай с лепешками, печеньем, конфетами. После угощения 4—6-летние дети играли в игры.

До установления Советской власти большинство крестьянских детей не имело возможности учиться: школ было мало, и те

конфессиональные. Кроме того, труд детей был нужен в хозяйстве. Мальчику 11 лет уже доверяли самостоятельно пасти скот; он относил отцу еду в поле. Девочка до 8 лет свободно могла выходить из дому и играть со сверстниками на улице, но с 8—9 лет ей запрещали выходить одной, надевали при выходе из дому джеляк (у полукочевых узбеков) или паранджу, чаще красного цвета, и запрещали разговаривать и видеться с 11—13-летними мальчиками (даже товарищами детских игр). Мальчики 9—10 лет в чужих домах не могли заходить на женскую половину. С 12 лет мальчик переходил из ичкари спать на мужскую половину дома, а во время еды садился вместе с мужчинами. Если мальчик мог свободно всюду ходить один, то 9—10-летней девочке разрешали одной посещать дома только близких родных. С этого возраста девочку обучали готовить, печь лепешки, шить, вышивать, а в семьях скотоводов — к тому же и ткать ковры.

В настоящее время в семьях колхозников все дети школьного возраста посещают школу. Дома они получают трудовое воспитание, занимаются посильным трудом в хозяйстве. Девочки с 10 лет моют посуду, убирают постели, подметают пол, помогают готовить пищу и стирать. Мальчики того же возраста пасут скот и помогают за ним ухаживать, выполняют другие мужские домашние работы. Дети присматривают за младшими братьями и сестрами, ходят в магазин за продуктами.

Детям школьного возраста дома выделяют обычно определенное место для занятий. Родители охотно отпускают своих детей на экскурсии: в Самарканд для знакомства с памятниками архитектуры и с Республиканским музеем истории культуры и искусства Узбекской ССР, на суперфосфатный завод, на прогулки в горы. Отпускают родители детей и в районный пионерский лагерь «Аксай». Колхоз оплачивает путевки детей колхозников.

Школа проводит большую воспитательную работу не только с детьми, но и с родителями. На родительских собраниях учителя читают лекции о гигиене, о воспитании детей в семье, а также на атеистические темы.

Много внимания уделяется в школе физическому воспитанию. В средней школе в Чархине мальчики увлекаются футболом, волейболом, велосипедным спортом; по стрельбе они всегда на первых местах в районе. Девушки неоднократно занимали первые места в районе и даже в республике по баскетболу, гимнастике, настольному теннису. Еще лет 25 тому назад девушки-подростки собирались вместе только на хашар, например очищать хлопок, прясть, приглашали подруг из других кишлаков. Теперь девочки с 12—14 лет по очереди устраивают вечера *дугона чакырды* или *вичир*. На них собираются подруги-одноклассницы, в том числе даже живущие в разных кишлаках. Обычно собираются зимой в выходные дни. На одном из таких вечеров у Шарапат Эргашевой собралось более 20 девочек. Они пели песни, танцевали,

их угощали чаем, свежими лепешками, конфетами и изюмом; вечер завершился традиционным пловом. Обычно девочки, живущие далеко, остаются ночевать. За последние годы такие вечера стали устраивать и в дни рождения. Ученицы собираются на вечера и в праздничные дни — 1 Мая, 7—8 ноября. По примеру девочек и мальчики стали устраивать вечера, но собираются отдельно от девочек. Праздник Нового года отмечают в школе веселой елкой. В этот день ребята получают подарки, обыкновенно сладости. Дети много играют, поют, танцуют. Выступают участники кружков художественной самодеятельности школы.

Некоторые родители покупают своим детям билеты на праздник елки в г. Самарканд. В семьях обычно елок детям не устраивают.

В поселке Чархин в школе-десятилетке, где наряду с узбекскими имеются и русские классы, для старшеклассников устраивают новогодние вечера и маскарады. Девушки-узбечки, дочери колхозников, приходят на маскарад в национальных платьях, надевают только маски.

Девушки из семей сельской интеллигенции сами придумывают и мастерят маскарадные костюмы: «ночь», «царевна-лебедь», «Советский Союз», «цыганка» и др.; юноши — «моряк», «солдат», «принц», «пингвин». Старшеклассников и особенно старшеклассниц, живущих в отдаленных от школы кишлаках, родные отпускают в школу на праздник новогодней елки днем; вечера посещают те из них, которые имеют возможность остаться ночевать у кого-либо из родных или знакомых. В Самарканд девушки одни ездят редко, обычно их сопровождает замужняя сестра, мать или тетка одной из девушек. Иногда девушек-старшеклассниц из отдаленного кишлака родители отпускают на вечер в школу с учителем из их кишлака или с одним из старшеклассников. Юноша приходит в дом каждой из девушек, идущих на вечер, и говорит ее отцу: «Пусть Ваша дочь идет на школьный вечер; разрешите ей пойти с нами, я отвечаю за нее», и обязательно провожает каждую из них до дому. Вечером девушек-узбечек в клубе на танцах бывает очень мало, многих еще сопровождают родственники: старший брат, мать, тетка, но некоторые ходят одни во Дворец культуры суперфосфатого завода на концерты, в кино.

Юноши-старшеклассники, студенты техникумов и вузов, а также молодые неженатые колхозники на танцы ходят часто. Многие хорошо танцуют, так как обучались во Дворце культуры, где были открыты специальные курсы. Юноши очень любят играть на музыкальных инструментах и вечерами собираются по очереди у кого-нибудь, поют, играют. На центральной усадьбе колхоза юноши собираются больше по праздничным дням: в майские, ноябрьские праздники, на Новый год. Молодые женатые пары днем идут гулять, смотрят демонстрацию, а вечерами при-

ходят в мужскую компанию своих друзей. На таких вечерах слушают радио, радиолу, танцуют, угощаются. В 1962 г. комсомолец Аблакул Исмаилов, работавший электромонтером на суперфосфатном заводе (уже отслуживший в армии и хорошо владеющий русским языком) встречал Новый год со своими товарищами у себя дома. Отец его помогал готовить угощение, в частности плов, сидел вместе с гостями, слушал музыку, участвовал в их пиршестве, но вина не пил.

В настоящее время среди сельского населения почти не встречается семей, в которых не стремились бы дать детям образование. Многие родители считают, что теперь не только сыновьям, но и дочерям надо дать хотя бы среднее, если не высшее образование, чтобы у них была специальность и они не зависели от мужа. В школе девушки имеют возможность приобрести специальности, необходимые для работы в сельском хозяйстве. Так, в 1962 г. в Чархине три девушки-выпускницы Курбон Чулиева, Мукаддама Кувандыкова, Аимхан Норбаева стали механизаторами сельского хозяйства. Вместе с 18 юношами они работали в школьной мастерской, посещали районную техническую станцию, изучали сеялки, культиваторы, тракторы. Весной 1961 г. во время школьной производственной практики девушки уже работали в колхозе трактористками. Многие в старших классах осваивают специальность швеи. Школьная мастерская оборудована электрическими швейными машинами.

Окончив среднюю школу, часть юношей и девушек продолжает образование в техникумах и высших учебных заведениях Самарканда и других городов. Девушки идут чаще на гуманитарные факультеты и в медицинские учебные заведения. Но есть и такие, которые изучают и точные науки. Например, Турсунташ Рузиева окончила физико-математический факультет, работает директором школы и преподает физику. Ее примеру последовали несколько учениц-старшеклассниц. Родители одобряют их выбор.

БРАК

Юноши и девушки имеют возможность познакомиться и ближе узнать друг друга во время совместной учебы, работы и т. п. Браки, как правило, совершаются со взаимного согласия девушки и юноши. Даже в тех немногих семьях, где еще бытуют пережитки патриархального семейного уклада и где родители сами подыскивают сыну невесту, молодые люди, если они не знают друг друга, обычно предварительно, до сватовства, знакомятся. Старшие стараются, чтобы будущие супруги подходили друг к другу по образованию. Как показывают наши материалы, супруги пожилого возраста, от 55 лет и старше, в большинстве малограмотны, в возрасте от 35 до 55 лет имеют начальное и некоторая часть неполное среднее образование; лица моложе

35 лет, а особенно более молодые, в большинстве имеют неполное среднее и среднее образование.

Уровень образования мужа обычно несколько выше, чем жены. В послевоенные годы появились семьи, в которых жена окончила на один-два класса больше, чем муж. В настоящее время увеличилось число браков с различным социальным положением супругов. Например, в кишлаке Намазго живет семья А. Муж, С. А., имеет срднее образование, член партии, работает в колхозе секретарем правления. Жена его М. учительница, преподает немецкий язык в 5—8 классах. В 1962 г. она закончила факультет иностранных языков в Самаркандском университете. В том же кишлаке живет семья Р. М. Он имеет образование в объеме 5 классов, работает мотористом на суперфосфатном заводе; жена его, Х. — учительница начальной школы, окончила педагогический техникум. Жительница Гулякандоза К. М. окончила медицинский институт в Самарканде и работает врачом, а муж ее — охранником на складе.

Теперь все чаще при заключении браков главную, определяющую роль играет взаимная склонность. Во время совместной учебы и работы юношей и девушек, а также во время встреч в кино, театрах, клубах завязываются знакомства.

За последние годы нередки случаи, когда девушки (некоторые тайно от родителей) ездят с юношами в кино в Самарканд, ходят во Дворец культуры суперфосфатного завода. Некоторые семьи по традиции сватают девушку, не учитывая ее желания, но она в таких случаях отказывается выходить замуж и ждет, пока не придут сваты *зовчи* от ее избранника. Часто юноша с девушкой сами договариваются о браке и сообщают об этом родителям. Если родители против, то жених с невестой угрожают им побегом. Родители бывают вынуждены согласиться.

Советским законодательством установлен брачный возраст для женщин и мужчин — 18 лет. В настоящее время девушки, как правило, выходят замуж 18—20 лет, юноши женятся в 20 — 25 лет. Большинство ранних браков (в 11—15 лет) приходится на старшее поколение женщин (от 50 лет и выше). Брачный возраст девушек в настоящее время повысился. Немаловажное значение в этом имеет стремление родителей дать дочерям не только полное среднее, но и по возможности высшее образование. Среди мужчин, наоборот, сейчас отмечается значительное понижение брачного возраста. В прошлом он был у мужчин довольно высок, так как малоимущие могли жениться только тогда, когда накопят достаточно средств для расходов по свадьбе и для уплаты калыма или отработают в доме тестя довольно продолжительное время.

Развитие семейно-брачных отношений за годы социалистического строительства обусловило становление и укрепление малой моногамной семьи, основанной на добровольном союзе любящих

супругов. Значительно сократилось число родственных браков. Так, в 42 изученных нами семьях кишлака Баймак отмечено только 15 родственных браков. Из них в четырех случаях это брак с дочерью брата отца, в четырех — с дочерью брата матери, в трех — с дочерью сестры матери и четыре случая женитьбы на более дальних родственницах, причем в одной семье женой является дочь двоюродного брата отца.

Отошли в прошлое сговор о браке малолетних, сговор еще не родившихся детей, браки по принуждению. Браки по обычаям левирата и сорората уже в начале века были единичными [37], а позже 1930-х годов почти не встречаются.

Как уже отмечалось, в прошлом у полукочевых узбеков бытовали пережитки племенной эндогамии: предпочитались браки внутри своего племени, выдача дочери замуж в другое племя осуждалась. Еще А. Д. Гребенкин писал, что среди кочевых найманов сохраняются браки внутри своего племени [38]. Арабы, как отмечал тот же автор, также сохраняли эндогамию: «Женятся между собою и преследуют тех, кто роднится с другими народностями» [39]. Не встречали осуждения только браки между узбеками и таджиками, которые заключались издавна (обычно узбеки женились на таджичках, а не наоборот). Таджики-горожане (самаркандцы), имевшие загородные усадьбы в восточной части изучаемого района, издавна выдавали своих дочерей замуж за зажиточных крестьян-узбеков. В результате этого некоторые узбекские семьи в кишлаках Намазго, Катта, Пухори и других имеют родственников среди самаркандских таджиков. Таджики предгорного кишлака Аксай также издавна вступали в браки с окружающим узбекским населением.

В последние годы участились браки между узбеками и таджиками (при этом узбеки не только женятся на таджичках, но и своих дочерей выдают за таджиков), узбеками и арабами, гуркменами, татарами, русскими, и др. В колхозе «Коммунизм», например, в 1962 г. было заключено 16 смешанных браков, из них 10 браков узбеков с татарками (причем только трое мужчин из десяти работают в колхозе, а женщины все колхозницы); один — узбека-колхозника с уйгуркой, один — узбека-колхозника с азербайджанкой; в одной семье муж узбек, жена украинка, в двух семьях мужья арабы, а жены русские (причем в одной из них муж и жена учителя, в другой — муж рабочий, жена колхозница); в одной семье муж узбек, железнодорожный рабочий, жена русская, колхозница.

Дети от смешанных браков, когда отец узбек, записываются по национальности узбеками. Интересно, что дети в таких семьях часто имеют два имени. Например, у супругов Эшназаровых (жена Мария Ефимовна — русская, колхозница, муж — узбек по имени Кукан, жена зовет его Колей) четверо детей: Ольга — 7 лет, записана в метрике как Ольга Николаевна Эшназарова; ее узбекское имя — Сабо, так ее называет бабушка, мать Кукана; Вера — 6 лет, записана как Вера Кукановна Эшназарова; бабушка называет ее Рузы; Нина — 4 лет, записана Нина Кукановна Эшназарова; бабушка зовет ее Хайрниса; сын — двух лет, записан Мурад Куканович Эшназаров. Мария Ефимовна зовет сына Митей. Все дети записаны узбеками. Дети в этой семье говорят по-узбекски и по-русски, но по-русски значительно хуже. Кукан Эшназаров владеет русским языком. Сама Мария Ефимовна хорошо говорит по-узбекски. Супруги хотят отдать старшую дочь в Чархинскую школу, где, наряду с узбекскими, есть и русские классы, а младших — в детский сад, где также обучают русскому языку. Обстановка в доме узбекская; мебели городской нет. Мария Ефимовна объяснила, что мужу обещали на работе новую квартиру и, когда они переедут туда из дома свекрови, она обставит ее мебелью по своему вкусу. Мария Ефимовна обычно носит узбекское платье: при поездках в Самарканд она надевает городской костюм.

Интересные материалы получены нами при посемейном детальном изучении кишлака Баймак. Так, из 42 обследованных семей большинство по национальности узбекские. Но встречаются и смешанные в национальном отношении. В семьях, в которых один из родителей таджик, а другой узбек, старшие дети (например, в семье Кадыровых) говорят хорошо и по-узбекски и по-таджикски, но себя считают узбеками, а младшие дети плохо знают или совсем не понимают таджикского языка.

Как показывают наши материалы, несмотря на увеличение в последние годы числа смешанных в национальном отношении браков, наименьшее их число падает на браки с лицами, происходящими из семей иного в прошлом, чем узбеки, вероисповедания.

В медленном увеличении числа таких смешанных браков в изучаемом районе сказывается то, что в колхозных селениях, как правило, население довольно однородно в национальном отношении. Но несомненно и влияние пережитков патриархального бытового уклада и религиозных предрассудков.

* * *

[37] Например, таджичка, уроженка Самарканда, ныне жительница кишлака Намазго, Хакык Хакимова (1913 г. р.) была выдана замуж 13 лет за мужа своей умершей старшей сестры. Хакык Хакимова успела окончить только 5 классов советской школы в Самарканде. В комсомол вступила в 1938 г., будучи замужем и имея детей. От первого брака (муж умер в 1941 г.) у нее пятеро детей, от второго — трое. С 1946 г. она несколько лет работала бригадиром хлопководческой бригады, член КПСС с 1950 г.

[38] А. Д. Гребенкин. Узбеки, стр. 81.

[39] А. Д. Гребенкин. Мелкие народности Зеравшанского округа, стр. 115; полевые записи 9.XI 1960 г.; В. Наливкин и М. Наливкина. Указ. соч., стр. 50.

Традиционная свадебная обрядность узбеков и близких им по культуре таджиков достаточно хорошо освещена в дореволюционной и советской этнографической литературе[40]. Мы остановимся лишь на некоторых особенностях свадебной обрядности узбеков-найманов Нижнего Даргома, вытекающих из этнического своеобразия местного населения, и на изменении обрядности в современный период.

Обрядовые действия, сопровождающие в настоящее время заключение брака, можно разделить на три группы: в первую входят сватовство *зовчилик*, помолвка фотиха или *нонсиндириш* (у узбеков), *ноншиканон* (у таджиков) и коллективное шитье приданого — *парчапичар*. Во вторую группу входит главное обрядовое оформление брака — праздничное пиршество *катта-той*, посвященное перевозу невесты в дом жениха — наиважнейшей обрядовой церемонии свадебного цикла, когда совершалось мусульманское бракосочетание *никох* (никоҳ) и обряд «открытие лица» *бетачар* (беточор).

К третьей группе относится следующее за катта-тоем посещение родителями молодой новой семьи дочери — *кургани* (кўргани) и приглашение тестем зятя с дочерью *куёвчакырды* (куёвчақирди) у узбеков и арабов или *домодталбон* у таджиков и снятие свадебной занавески *чимилдикузар* (чимилдиқузар).

До революции в среде сельского населения изучаемого района бытовали сговор с колыбели и даже сговор неродившихся детей. Норхал Ишматова (узбечка, родившаяся и выросшая в Сазагане) рассказала, что ее сестру просватали «еще не родившейся». Когда девочке исполнилось два месяца, была совершена помолвка фотиха, а выдали ее замуж 15 лет.

Просватанным с колыбели детям разрешали играть лет до 8—9 вместе; им не говорили, что они — жених и невеста. После

[40] В. Наливкин и М. Наливкина. Указ. соч., стр. 193—219; А. Д. Гребенкин. Узбеки, стр. 62—66; 81—88; О. А. Сухарева. Некоторые вопросы брака и свадебные обряды у таджиков кишлака Шахристана. «Сб. научного кружка при восточном факультете Среднеазиатского гос. университета», вып. I. Ташкент, 1928 г., стр. 73—89; она же. Свадебные обряды таджиков г. Самарканда и некоторых других районов Средней Азии. «Советская этнография», вып. III, 1940, стр. 172—176; Н. А. Кисляков. Семья и брак у таджиков. «Труды Института этнографии АН СССР», т. XLIV. М.—Л., 1959, стр. 181—210; Н. Н. Ершов, Н. А. Кисляков, Е. М. Пещерева, С. П. Русяйкина. Указ. соч., стр. 173—182; М. А. Бикжанова и О. А. Сухарева. Указ. соч., стр. 215—219; М. А. Бикжанова. Указ. соч., стр. 115—119; К. Л. Задыхина. Узбеки дельты Аму-Дарьи. «Труды Хорезмской экспедиции», т. I. М., 1952, стр. 401—408; она же. Культура и быт узбеков Кипчакского района Каракалпакской АССР. «Труды Хорезмской экспедиции», т. II. М., 1958, стр. 780, 781; Н. П. Лобачева. Свадебный обряд хорезмских узбеков. «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», вып. 34, 1960, стр. 39—48; К. Шаниязов. Узбеки-карлуки. Ташкент, 1964, стр. 141—152.

фотиха они начинали избегать друг друга и соответственно родню. Если же отец, имеющий маленького сына, хотел со временем женить его на дочери одного из своих друзей или знакомых, но не был уверен в положительном ответе родителей девочки, то он, взяв сладости, подходил к дому девочки, полой халата подметал у дверей и высыпал сладости. Родители девочки, увидев сладости, догадывались, что кто-то сватает их дочь. Потом посватавшаяся сторона давала им знать, что это сделали они. Родители девочки обязаны были согласиться и обещать, что если дочь их будет жива, они отдадут ее за этого мальчика. Нередко мальчику, имеющему физические недостатки, его родители добывали невесту именно таким путем.

Практиковался еще брак «по обещанию», при котором родители девочки обещали родителям мальчика выдать за него дочь, когда она подрастет (это делалось, например, если в семье девочки дети умирали). В этом случае обещанную девушку не могли выдать за другого без согласия родителей мальчика.

Упомянутые выше обычаи уже исчезли, и даже если кто-нибудь сосватал своему сыну в детстве невесту, то вопрос о браке решают сами молодые люди.

В настоящее время, решив жениться, молодой человек, придерживаясь традиции, просит своего отца заслать сватов к родителям девушки, у которой он уже получил согласие на брак.

Сватовство, по народному обычаю, не начинают, не посоветовавшись с дядей юноши, родным братом его матери — *тага* (тоға), а родители девушки, которую сватают, не дают ответа, не посоветовавшись с тага девушки. Сейчас это «согласие дяди» носит формальный характер. Прежде из калыма тага получал коня, а когда он приглашал к себе молодоженов, делал им подарки на сумму стоимости этого коня.

В народе близость мужчины к детям сестры характеризуют слова: «Отец может быть несправедлив, а тага всегда справедлив». В настоящее время, в тех случаях, когда женятся без калыма, тага все же получает некоторую сумму денег, данных женихом отцу невесты для устройства свадебного пира. В Сазагане тага выступает всегда в качестве доверенного лица *вакиль* на свадьбе своей племянницы [41].

Сватами принято выбирать всеми уважаемых стариков или средних лет мужчин, но обязательно деловых, красноречивых. В последние годы сватами выступают и женщины, наиболее ав-

[41] Дядя со стороны матери, по традиции, сохранившейся от эпохи матриархата, считался более близким родственником, чем отец: «Девушкам дядя со стороны матери выше отца». «Отец девушки — ее дядя со стороны матери» («Отадан қизларга тоға зиёд». «Қиз ота — тоға»). Полевые записи Б. Х. Кармышевой от 26.X 1962 г., Сазаган. О тага см. также О. А. Сухарева. Свадебные обряды таджиков г. Самарканда..., стр. 172, 173; Н. А. Кисляков. Указ. соч., стр. 72.

торитетные среди населения. Теперь отец обычно знает, от кого его дочь ждет сватов. В прошлом, если приходили сваты, отец девушку о согласии не спрашивал; он советовался с родственниками, а родственники сами спрашивали девушку, пойдет ли она за такого-то замуж. Но нередки бывали случаи, когда желание девушки не принимали во внимание.

Если отец и был согласен выдать дочь замуж, то он сразу ответа сватам не давал, а говорил, что посоветуется с родными. Когда сваты приходили вторично, отец угощал их чаем, сладостями, но согласия на брак дочери все же не высказывал, говоря, что не посоветовался еще с кем-то из родственников. Когда сваты приходили в третий раз, они приводили с собой козу или барана, и если получали согласие, то в доме невесты варили плов, угощались и договаривались о дне помолвки. Для ее проведения сторона жениха присылала необходимые продукты (муку, рис, баранов, кишмиш, сахар) и деньги, количество которых зависело от состоятельности обеих сторон.

Калым в старину платили до 1000 таньга.

За годы Советской власти калым в значительной мере изжит. В основном он проявляется в скрытой форме — сторона невесты ставит условие устроить пышную свадьбу с большим количеством приглашенных гостей и большим количеством подарков. Все это делается за счет жениха.

В настоящее время, как и прежде, жених и невеста не принимают участия при проведении традиционных свадебных обрядов. На празднике помолвки *фотиха-тое* и жених и невеста остаются у себя дома и к гостям не выходят. Родные и друзья жениха собираются у него в доме, угощаются, потом несколько человек из них едут к невесте, везут продукты, подарки невесте — обязательно четное число платьев и платков.

В дом невесты сходятся ее родные и друзья. Их угощают чаем со сладостями, виноградом, лепешками, сливками. Потом кто-нибудь из родных девушки говорит: «Дочь нашу (имя девушки) решили отдать за (имя парня)». Пожилой родственник девушки, имеющий большое потомство, берет две лепешки и одновременно ломает их пополам: одну половину отправляют в дом жениха, а другую, разломав на куски, раздают всем присутствующим. Затем режут барана, варят шурпу или плов. Приглашают на плов почти весь кишлак невесты. Все желают невесте и жениху хорошей жизни и много детей.

На празднике помолвки договариваются и о приданом, и о том, чего и сколько семья жениха должна дать для проведения собственно свадьбы. Сейчас дают, например, муки 300—400 кг, 100—150 кг риса, несколько десятков килограмм кишмиша, несколько голов баранов или бычка и баранов. Для девушки родители, а сейчас и она сама, готовят приданое — *токкуз* (тўққуз), как правило, равное тому, что дарит ей жених, и даже больше:

платков головных от двух до пяти, платьев — от пяти до пятнадцати, в том числе шелковых и бархатных, несколько шаровар, в том числе шелковых, туфель пары две, костюм, пальто, постельные принадлежности — три-четыре одеяла, два ковра, два тюфяка, три-четыре подушки и различные вышивки (в том числе сюзани); дают посуду (пиалы, чайник, котел, супра и т. д.), часто швейную машину. Для жениха родные невесты готовят подарки: халат, шерстяной костюм, туфли, пальто, две пары брюк, пять-шесть рубашек, сапоги, тюбетейку. Первые годы жизни молодые почти ничего не приобретают, так как все для домашнего хозяйства они получают от родных во время свадьбы.

После фотиха в доме жениха готовят чай с молоком — *ширчой*, и женщины из родни жениха несут этот напиток в дом к невесте (в Сазагане вместо ширчоя несут плов). Затем устраивают коллективное шитье приданого — *парчапичар*. Обычай парчапичар, как и другие обряды, свидетельствует о коллективном начале свадебной обрядности, ее общественном характере. В этот день приходят в дом к невесте родственницы жениха с подарками в виде одеял, тканей и т. п. Белое платье из простой материи кроят и шьют для невесты в присутствии всех родственниц жениха и невесты. По обычаю все собравшиеся женщины должны принимать участие в шитье всех платьев, практически же шьют только одно белое, а остальную материю раздают женщинам, умеющим хорошо шить, чтобы каждая из них у себя дома сшила одно-два платья. Перед раздачей, согласно обычаю, кройка поручается семи почтенным по возрасту родственницам невесты. Родственницы жениха приносят с собой иголки и нитки и раздают их родственницам невесты, которые взяли на себя шитье приданого. Три-четыре метра ткани берут на платки. Родственницы жениха приводят с собой барана или козу. Животное тут же режут и варят шурпу (Сазаган) или плов (Баймак).

В прошлом от помолвки, после которой молодые люди начинали избегать друг друга и соответственно родню, до свадьбы проходило от нескольких месяцев до 3 лет. Продолжительность срока была связана с выплатой калыма и подготовкой к свадьбе. В настоящее время этот срок значительно сократился. Он длится от нескольких недель до двух-трех месяцев, необходимых, чтобы обе стороны успели хорошо приготовиться к празднику. В период между помолвкой и свадьбой родственники жениха ко всем праздникам обязаны по обычаю посылать невесте гостинцы *хайитлик* (ҳайитлик), в число которых включается кунжутная халва, сладости (до 20—30 кг), лепешки. Родня невесты и все семьи из ее кишлака получают из этого угощения каждый свою долю, что еще раз свидетельствует об общественном характере брачных обрядов.

Обычно на праздниках во время гулянья (7 ноября, 1 Мая) или в поле во время сбора хлопка подруги невесты садятся в

кружок, а кто-нибудь из женщин (чаще всего жена брата невесты — *янга*) подходит к кружку молодых людей, среди которых сидит жених, и говорит ему, что его невеста хочет таких-то сладостей. Жених обязательно покупает их и передает через ту же женщину невесте, и все угощаются этими сладостями.

По обычаю *чайхальта* (чойхалта) семья невесты в один из праздников также посылает жениху угощение и подарки, среди которых бывает и вышитая торбочка для чая — чайхальта.

А. Д. Гребенкин в 70 годах XIX в. отмечал, что у полукочевых узбеков Зеравшанского округа после фотиха-тоя и выплаты части калыма жених с невестой часто вступают в брачные отношения, а родители ее делают вид, что ничего не замечают [42]. Это практиковалось в основном среди бедных слоев населения, когда мужчина не мог выплатить калым в короткие сроки. Бывало и так, что молодая оставалась жить у своих родителей довольно продолжительное время (1—3 года и более). Ее перевозили в дом мужа порой уже с двумя-тремя и более детьми. Этот обычай, называемый *канныk* (қанник) или каллик (қаллиқ), *существовал* у большинства узбеков [43] и таджиков [44]. Существование такого обычая, как отмечали исследователи, связано с пережитками матрилокального поселения в далеком прошлом [45].

В настоящее время жених после помолвки посещает невесту, дарит ей серьги, кольца, по традиционному обычаю, иногда тайно от ее родных.

С 1950-х годов, как говорят наши информаторы, «с того времени, как люди материально стали жить еще лучше», возник обычай *дугона талбон* — девичник накануне катта-тоя. По народному обычаю, девушкам принимать участие в свадебных обрядах и празднике не полагалось. Теперь же на дугона талбон приходят сверстницы невесты, ее подруги. Собирается до 25—30 человек. Они приносят невесте подарки: духи, пудру, украшения. Девушки на этом вечере поют и танцуют под аккомпанемент бубна. Их угощают сладостями, чаем и пловом. Часто они сами готовят себе, что хотят (шурпу, пельмени и т. п.). Интересно в связи с этим отметить возникновение подобного обычая и у городских таджиков в Душанбе и Ленинабаде [46]. М. Хамиджанова рассматривает этот обычай *чойгаштак* как переходный обычай

[42] А. Д. Гребенкин. Узбеки, стр. 62—68.

[43] К. Шаниязов. Указ. соч., стр. 145; полевые материалы Б. Х. Кармышевой, Н. Г. Борозны.

[44] Н. А. Кисляков. Указ. соч., стр. 84—87.

[45] О. А. Сухарева. Свадебные обряды таджиков г. Самарканда..., стр. 174; Н. А. Кисляков. Указ. соч., стр. 215—218.

[46] М. Хамиджанова. Девичник (чойгаштак) в Сталинабаде. «Известия отделения общественных наук АН Тадж.ССР», вып. 10—12. Сталинабад, 1956, стр. 104—108. О. А. Сухарева любезно сообщила нам, что обычай дугона-тальбон издавна бытовал в Ургуте и, по ее мнению, ургутцы, которых много в Душанбе, могли его туда занести.

Молодые в свадебных костюмах (к. Баймак; фото В. Н. Басилова)

к участию девушек в основных свадебных торжествах. Жених в свою очередь у себя перед катта-тоем устраивает вечер и проводит его в кругу своих сверстников — *джура* (жўра).

Свадьбы в настоящее время чаще устраивают после сбора хлопка в период с ноября по февраль, реже — в июле-августе, т. е. до начала сбора хлопка.

В назначенный день, после того как невеста с матерью, сестрой или женой брата сходит в баню, ее одевают к катта-тою. В Сазагане невесту одевают ее подруги. Старая женщина, у которой многочисленное потомство, заплетает волосы невесты в две косы. У узбеков оазисной территории колхоза «Коммунизм» невесте подстригают у висков волосы в виде локонов. Плести косы начинает старая женщина, дожившая до седых волос, и кончает заплетать молодая женщина, умеющая хорошо это делать.

На невесту надевают шелковое или атласное платье и штаны шелковые или атласные, часто одного цвета с платьем или из одного с ним материала. Под нарядное платье надевается обязательно белое «платье счастья» *бахт куйляги* (бахт кўйлаги), которое шьют на парчапичар. Голову покрывают шелковым платком красного, голубого или желтого цвета. В руках невесты — вышитый платок *тос-румол* из бархата яркого цвета (красный, фиолетовый и т. п.). Много украшений: налобное — *каш* (қош),

кольца, бусы, браслеты, серьги, ожерелья. Невеста, когда ее перевозят из дома отца в дом жениха, закрывает лицо лицевой занавеской — марлей или тюлевым платком *тор* (тўр). Тос-румол нужен невесте, когда она совершает приветственные поклоны и при этом медленно открывает и закрывает свое лицо этим платком, накинутым на кисть правой руки.

У узбеков оазисной зоны, арабов и таджиков поверх наряда на невесту надевают специальное покрывало, часто из тюля, а в Сазагане — джеляк.

Одежда жениха — тюбетейка, иногда вместе с чалмой, стеганый халат из полосатой полушелковой ткани бекасам, который надевают поверх европейского костюма, и сапоги или туфли. Халат все больше становится ритуальной одеждой [47].

У большинства сельского населения до сих пор еще сосуществуют два этапа брака — гражданская регистрация брака в сельсовете и следующая за ним религиозная церемония бракосочетания — никох, которая совершается в доме невесты во время катта-тоя. Исключение в этом отношении составляют только туркмены-чандыры, у которых никох совершается по общетуркменскому обычаю в доме жениха [48].

Для свадьбы большинства узбеков изучаемого района (как и для свадьбы полукочевых узбеков вообще) характерно, что к невесте бывают приставлены названые отец и мать; их выбирают из людей молодых, обычно мужа и жену, из числа родственников или друзей жениха. Они называются «мать и отец, встретившие [невесту]» («олдига чиққан ина-ота»). Названые отец и мать играют на свадьбе активную роль. Отец все время опекает жениха, а мать — невесту. Невеста в кишлаке мужа с первых дней замужества общается с названными отцом и матерью, которые, по народному обычаю, должны заменить ей родных отца и мать, советуется с ними, относится к ним как к близким родным, участвует в их семейных торжествах, носит траур, если в их семье кто-нибудь умрет и т. п. У таджиков и «бухарцев» этого обычая нет.

На современных узбекских традиционных свадьбах сохраняется раздельное угощение мужчин и женщин в разных помещениях, однако некоторые обрядовые действия опускаются.

На свадьбе рабочего-электромонтажника суперфосфатного завода У. Р. (1939 г. р.) из кишлака Карасыйрак и колхозницы Ш. М. (1944 г. р.) из кишлака Баймак совершались некоторые традиционные церемонии [49].

[47] Г. П. Снесаревым зафиксирован интересный факт, когда в кишлаке Балхион радиотехник, свадьба которого была лет десять тому назад, свой свадебный халат в горой раз надел только во время похорон бабушки.

[48] Полевая запись Б. Х. Кармышевой 20.VI 1967 г.

[49] Полевые записи 28, 29.IX и 11.X 1962 г.

Свадебные торжества проводились в течение всего дня. Жениха, приехавшего с родными, в доме невесты встречали тепло, мазали прибывшим лоб мукой, показывая этим, что их встречают с чистым сердцем. Женщин и мужчин угощали в разных помещениях. В комнате, где угощались женщины и танцевали после того, как был съеден плов и убран дастархан, повесили занавеску *чимилдык* (чимилдиқ), отгородив правый угол у стены, противоположной входной двери. Протягивая чимилдык, женщины привязывали к его веревке нож, который, по народному поверью, способен отогнать от невесты всякую нечистую силу, и веточку плодового дерева, обеспечивающую счастливый брак и многочисленное потомство. Жених, перешагнув через узкий кусок белой ткани, протянутой у порога комнаты, под шутки и насмешки женщин в сопровождении своих джура и названого отца прошел за чимилдык. Как только жених перешагнул через протянутую ткань, сопровождавшие его друзья начали бросать женщинам и маленьким детям, находившимся в комнате, сладости и мелкие монеты.

Жених стоял спиной к людям и, делая вид, что стыдится, закрывал носовым платком свое лицо.

В комнату, где был чимилдык, невеста шла очень медленно; поверх ее паранджи, которая в современном быту употребляется как ритуальная одежда, было наброшено сюзани самаркандского типа, вышитое черными и красными нитками по белому фону. Невесту сопровождала названая мать, родственницы и знакомые. Пожилая женщина *бихальпа* (бихалпа), умеющая читать старые книги, написанные арабским шрифтом, читала *салом-нома* (приветствие) [50]. Сопровождающие невесту женщины осыпали невесту сладостями, монетами, якобы обеспечивающими сладкую и богатую жизнь невесте. У порога невесту, по обычаю, посадили на подстилку из бараньей шкуры — пустак и дали ей в руки младенца. С этим традиционным обрядом связано поверье, что совершение его принесет невесте большое потомство. Затем жених должен был поднять невесту с пустака, но женщины мешали ему, не пускали ее. Завязалась шуточная борьба, вызвавшая много смеха. В этой борьбе победил жених, показавший свою «силу». Он поднял девушку с подстилки и поставил рядом.

Этот обряд, при котором невесту сажают на шкуру барана и дают ей в руки ребенка, и шуточная борьба, которая завязывается между женихом и родственницами невесты, характерен только для полукочевых узбеков. У издавна оседлого населения (таджиков, узбеков) невеста сама проходит за свадебную занавеску. Нет у них и обязательных девяти блюд *токкуз тавак* (тўқ-

[50] Салом-нома содержала приветствия Мухаммеду, «святым» и т. п. Некоторые женщины читали их, но в большинстве случаев просто знали наизусть. Когда читали салом-нома, невеста после каждого стиха делала поклон-приветствие.

қуз товоқ) с угощением, которые преподносили янги жениху и его дружкам, и они должны были есть в присутствии женщин под их насмешки, затем класть деньги в каждое блюдо. Зеркало у таджиков и оседлых узбеков подает молодым *ходим* — женщина, знающая все обрядовые церемонии и выделенная как распорядительница на семейных празднествах. У указанных групп никох в исключительных случаях (например, траур в доме невесты) может совершаться и в доме жениха.

На этой свадьбе было и традиционное «очищение» огнем. Янга — жена брата невесты, которая опекала невесту, перенесла три раза две зажженных свечи через веревку чимилдыка и трижды обнесла их вокруг голов молодых. По народному поверью, огонь очищает «от глаза», поэтому старухи на свадьбах стараются обязательно выполнить этот обряд. Тетка жениха подала молодым зеркало, привезенное с собой. Невеста немного приоткрыла лицо и молодые посмотрелись в зеркало *ойнатутиш*. Это делается, по поверью, для того, чтобы лица их были гладкими и долго не старели.

Родственницы жениха кричали «Жених лучше!», родственницы невесты: «Невеста лучше!». Одна из женщин сказала: «Оба хороши» и все подхватили: «Оба хороши!». На свадьбах в прошлом нередко только в этот момент молодые в зеркале впервые видели лицо друг друга.

Родные невесты преподнесли подарки родным жениха, в первую очередь (самые лучшие отрезы на платья, платки) его теткам со стороны матери и отца, сестрам и т. д. по степени близости родства и знакомства. Каждая из пришедших на свадьбу женщин по обычаю принесла с собой дастархан — скатерть с завернутыми в нее лепешками и сладостями, а ей возвратили ее дастархан с отдарком — лепешками, платком и т. п. После одаривания гостей стали готовиться к переезду невесты в дом жениха. Когда вынесли вещи невесты, она вышла из комнаты и вместе с женщинами забралась в кузов грузовика. Впереди машины, на которой ехала с женщинами невеста, шли с факелами парни из ее кишлака и пели свадебную песню с припевом «Ёр-ёр». У дома жениха машина остановилась, и он, не без труда отбив невесту у женщин, снял ее с грузовика и поставил на сандал, покрытый бараньей шкурой. Во дворе был зажжен костер. Названая мать и бихальпа обвели три раза невесту вокруг огня, что, по поверью, должно было очистить ее. В комнате новобрачных повесили чимилдык, привезенный из дома невесты, и за ним многодетная женщина постлала молодым постель.

У арабов рядом с этой постелью стелят еще маленькую постельку для будущего ребенка [51]. Постельку три дня не убирают.

[51] Этот обычай бытовал и у таджиков Самарканда (О. А. Сухарева. Свадебные обряды таджиков г. Самарканда..., стр. 176).

После того как невеста обошла вокруг костра, она в сопровождении родственниц и знакомых, приехавших с ней, медленно, под чтение бихальпа стихов «приглашение келин», вошла в комнату и прошла за чимилдык; ее сопровождала названая мать.

В доме жениха мужчины и женщины пировали в разных помещениях. К концу, как это принято обычаем, подали кашу, сваренную из маша с рисом. Это блюдо *машкичири* (мошкичири), подают только женщинам. Серый цвет машкичири (маш — темно-зеленый, рис — белый, а в целом блюдо получается серого цвета) символизирует седые волосы. Машем угощают, чтобы молодые дожили до седых волос.

Жених провел ночь с невестой — они угощались, беседовали. С ними были названая мать и тетка невесты (сестра ее матери — *холя* (хола).

Близкие жениха и невесты развесили на стене ее приданое, которое включало семь платьев (одно полушерстяное, четыре крепдешиновых, одно атласное и одно бархатное; к каждому платью на груди приколот носовой платок), шесть больших шелковых платков, несколько маленьких шелковых головных платков, бархатную безрукавку, тюлевое покрывало, бархатное черное пальто, четыре сюзани — два шелковых, два простых, два дастархана, один из которых подарили родные молодой, второй — свекровь, три полотенца, которые вышивала сама молодая. Развесили также и вещи, подаренные жениху: тюбетейку, рубашку, брюки, плащ, два халата. Все это должно висеть год, но теперь обычно висит значительно меньше.

Утром снова появились гости. Женщины из кишлака жениха пришли с подарками. Они принесли невесте отрезы на платье, платок, украшения и дастархан с лепешками, пирожками, конфетами и другими сладостями. Был совершен обряд «открытия лица» бетачар, на котором в прошлом впервые лицо невесты могли видеть родственницы жениха и женщины из его кишлака. К невесте подошла жена старшего брата жениха со своим маленьким сыном на руках. Она вложила в руку ребенка ветку фруктового дерева (ветка фруктового дерева, по поверью, должна обеспечить многочисленное потомство), конец которой был обмотан ваткой. Взяв в свою руку ручку ребенка, держащую ветку, она приподняла платок, закрывающий лицо келин. Келин стояла, опустив глаза. Первой к ней подошла здороваться и приветствовать ее в доме мать жениха. Она подарила ей отрез на платье и преподнесла угощение. За ней к келин подошли с подарком жена старшего брата жениха, другие родственницы и односельчанки ее жениха. Каждая из женщин целовала келин в щеку или в обе и вручала ей подарок, который принимали стоявшие рядом с нею ее тетки.

Невеста делала медленные поклоны — *та'зим* (таъзим), приветствуя подходивших к ней женщин.

После обряда бетачар последовало угощение, и каждая из женщин получала свой дастархан с «отдарком» той же стоимости, что и сделанный ею подарок. В Сазагане, где старые обряды полукочевых узбеков больше сохранились, перед обрядом «открытия лица» свекровь ведет невестку за руку к очагу, разжигает огонь, а келин выливает ложку масла на огонь. Присутствующие женщины льют масло на очаг, чтобы молодая жила в достатке.

Этот обычай, несомненно, является пережитком приобщения новобрачной к «родовому очагу» мужа и его роду.

Названая мать, по обычаю, выбирает из приданого невесты понравившуюся ей вещь. В данном случае она выбрала дорогое шелковое темно-голубого цвета платье. Невесте названая мать подарила на платье отрез атласа.

Те вещи, которые дарят невесте во время обряда бетачар, идут не ей, а ее близким родственницам. Лишь украшения — серьги, броши, кольца и духи остаются невесте. Когда молодую с мужем через несколько дней пригласят в дом ее отца, то их и родственников мужа будут отдаривать соответственно ценности подарка, полученного от каждой из них на бетачар. В данном случае на чакирди молодому подарили шелковый полосатый стеганый халат, две рубашки, пиджак; молодой — синий бархатный жакет.

В традиционной свадебной обрядности наших дней наблюдаются значительные отступления от старых обычаев, главным образом унижающих достоинство жениха и невесты, отводящих им только пассивную роль.

Жених не хочет перешагнуть через матерчатую ленту при входе в комнату, где должен встретиться с невестой; жених и его дружки отказываются есть из «девяти блюд» под насмешки женщин и т. д.

На описанной выше свадьбе рабочего У. Р. и колхозницы Ш. М. для увеселения гостей, как отмечалось, жениха вынудили перешагнуть через полотнище ткани перед входом в комнату, где протянута свадебная занавеска. Но церемония еды обязательных ритуальных «девяти блюд» женихом и пришедшими с ним друзьями была заменена тем, что им дали дастархан, куда положили «девять блюд»[52]: девять видов кушаний и, кроме того, поясные платки для друзей жениха. Друзья жениха оставили на дастархане деньги, которые предназначены янга, приготовившим «девять блюд», а сами, чтобы не есть в присутствии подшучивающих над ними женщин, ушли в комнату, где пировали мужчины.

[52] Традиционные «девять блюд» состояли из следующего: лепешки, сахар, конфеты, виноград, яйца, чай, слоеные лепешки, плов, шурпа, рисовая каша, лапша, баранье мясо. При этом жениху дают бедро.

На этой свадьбе был опущен ряд обрядов, в том числе обряд *кампир ульди* (кампир ўлди — «старуха умерла»), по которому у порога невесты одна из ее родственниц ложилась, притворяясь мертвой, и не давала жениху пройти; чтобы она встала и пропустила жениха, надо было от нее откупиться[53]. Перед отъездом в дом жениха невеста должна попрощаться с порогом родного дома, приложившись к нему лбом, с отцом или лицом, заменявшим его (дядей, старшим братом), трижды поцеловав его ноги. Здесь все это было опущено. Невесту должен сопровождать при переезде в дом жениха маленький мальчик, чаще всего ее родственник. По народному поверью, при соблюдении этого обряда у невесты будет много детей. Но и от соблюдения этого обряда Ш. М. отказалась.

По обычаю полагается, как прощаться с порогом отчего дома, так и поклониться, приобщиться к порогу дома мужа. Ш. не поклонилась порогу мужа — ограничилась «очищением огнем», уступив желанию старших (да и для большего веселья).

На описанной свадьбе молодые парни затеяли борьбу за обладание куском той ткани, через которую перешагнул жених, входя в комнату с чимилдыком. Каждому хотелось «на счастье» получить хоть маленький кусочек этой ткани. В прошлом считалось, что обладание лоскутком от этой ткани поможет быстрее жениться[54]. В настоящее время эта борьба является одним из игровых, развлекательных моментов свадьбы.

Обычно, когда свадебный поезд выходит из кишлака невесты, его останавливают юноши из этого кишлака и требуют «выкуп». Сторона жениха расплачивается с ними. В прошлом, когда приданое невесты отвозилось на арбе, парни из кишлака невесты старались сломать какую-нибудь деталь в этой арбе, требуя «выкуп».

В настоящее время невесту и ее приданое перевозят в дом жениха на машине. Следуя традиции «борьбы за невесту», юноши из кишлака девушки в первое время старались испортить машину, чаще всего прокалывали шины. Общественность, однако, выступила против порчи машин и в настоящее время проколы шин не встречаются. Обычай «выкупа» свадебного поезда постепенно изживается.

Интересно отметить, что когда в прошлом совершались родственные браки в одной большой семье, то невесту увозили сначала в дом более далеких родственников или хороших знакомых, а оттуда привозили обратно в родной дом, где она должна жить со своим мужем.

[53] Обряд кампир ульди, совершаемый в доме невесты, характерен для свадьбы полукочевых в прошлом узбеков. Он, несомненно, является отражением борьбы материнского рода за невесту.

[54] О. А. Сухарева. Свадебные обряды у таджиков г. Самарканда..., стр. 175.

Изживаются и другие обычаи, которые не отвечают интересам молодежи. По народному обычаю, сорок дней после свадьбы молодой не должен надолго уходить, должен больше времени проводить с женой, не оставлять ее одну, опасаясь злых духов. Сейчас этого не придерживаются, все работают, и сама молодая дня через три после свадьбы включается в общие хлопоты по хозяйству в семье и выходит на работу. В Сазагане, правда, еще бывают случаи, когда молодая первые три дня после свадьбы редко выходит из-за чимилдыка, а свекровь устраивает проверку мастерства молодой, заставляя ее прясть шерсть.

Прежде молодая весь год после свадьбы должна была всех приходящих в дом приветствовать особым поклоном, а теперь, если и придерживается этого обычая, то не больше месяца. Вопреки обычаю, молодая через несколько дней после свадьбы переодевается в свой обычный костюм, правда, более нарядный.

В наши дни почти совершенно изжит обычай избегания новобрачной родни мужа. В прошлом избегание женской родни мужа прекращалось после поднесения подарка молодой за «открытие лица» в доме мужа. Избегание мужской родни мужа длилось до года, а иногда и до 2 лет. Свекор и братья мужа по истечении шести месяцев или года делали молодой какой-нибудь подарок (платок, украшения, отрез на платье и т. п.) и избегание прекращалось. По словам женщин, если свекор был добрым, хорошим человеком, то месяца через два после свадьбы он делал снохе подарок и она переставала избегать его. Избегание родственников, живущих отдельно, кончалось после того, как они приглашали молодую к себе в дом (обычно это приглашение приурочивалось к какому-либо тою) и преподносили ей подарок.

Избегание новобрачным родных своей жены прекращалось после обряда куёв чакирди [55].

Обычай приглашать молодых в дом родителей жены, а также прием в честь новобрачной у родственников мужа и одаривание ее сохранились и в настоящее время, но эти обряды далеко не всегда бывают связаны с избеганием. Лишь изредка бывает, что молодая избегает мужскую родню мужа в течение нескольких дней или недель после свадьбы.

При заключении смешанных браков в доме каждого из новобрачных свадебные церемонии проводили в прошлом по традиционному обычаю данной местности или этнической группы, да и теперь иногда этого придерживаются.

В настоящее время все шире распространяется обычай устраивать два торжества по случаю бракосочетания: традиционную свадьбу катта-той — для старшего поколения родных и друзей и «красную свадьбу» *кызыл-той* (қизил-тўй) — для молодых родственников и сверстников. При таком проведении свадебных торжеств от старой традиционной обрядности по существу остается только раздельное угощение в разных помещениях мужчин и женщин в день традиционной свадьбы.

[55] Полевые записи 5.II 1962 г.; также см.: Н. А. Кисляков. Указ. соч., стр. 209, 210.

Жених с невестой в традиционной части свадьбы обычно совсем не принимают участия, свадебную занавеску не протягивают и обряды, совершаемые за нею, не выполняют и т. п. На другой день, после того как вечером угощали представителей старшего поколения, собирается на новую, современную «красную свадьбу» молодежь. Будущее принадлежит, конечно, «красной свадьбе», которая сейчас из среды интеллигенции и под ее влиянием переносится в среду рабочих и колхозников, чему способствует и неоднородность семей по социальному положению.

Так, у Акрама Рахманова (1936 г. р., сын колхозника), работающего киномехаником в Чархине, кызыл-той был в 1960 г., а у его младшего брата Уктама — в 1961 г. [56] Акрам познакомился с девушкой Рано в Самарканде, где она училась в женском педагогическом училище. Акрам окончил 10 классов и республиканскую школу киномехаников. С 1955 по 1959 г. он служил на флоте, а затем работал киномехаником-инструктором в областном комитете ДОСААФ в Самарканде, в 1960 г. перешел на работу в Областной дом народного творчества, где работает шофером и одновременно радиокиномехаником.

Акрам с Рано проводили часто вместе свободное время. Они решили пожениться, как только она окончит училище. Через сестру Рано, которая работала и жила в Самарканде, ее родные, живущие в Акдарьинском районе, знали, что Акрам за ней ухаживает. Отец Рано был из ходжей и раньше свою дочь за узбека-мангыта, из которых происходил Акрам, никогда бы не выдал (ходжа вступали в брак только в своей среде). Нарушив традицию, отец и мать Акрама сами выступили в роли сватов и поехали к родителям Рано. Познакомились с ними и получили согласие на брак. В доме родителей невесты устроили «красную свадьбу». Туда пригласили родных и друзей Акрама. Пригласили товарищей Рано — артистов Народного театра в Джуме (в труппе которого выступала Рано). Гости танцевали. Акрам танцевал со своей невестой. Артисты играли и пели узбекские и русские песни. Среди гостей были и русские друзья. На другой день приехали в Чархин в дом родителей Акрама и стали готовиться к свадьбе. В пятницу родители устроили угощение для пожилых людей, родных и знакомых. Ни Акрам, ни Рано в этом участия не принимали, они готовились к приему молодежи — разослали пригласительные билеты родным и знакомым на свадьбу. Приехали друзья Акрама и Рано из Самарканда и Джумы.

Женщины сидели за столами вместе с мужчинами, принимали активное участие в танцах. Рано и Акрам были за общим

[56] Полевая запись 27.II 1962 г.

столом. Закуски были и узбекские, и русские, в том числе колбасы, сыр и т. п. Накрывать столы помогали друзья Акрама из русских работников РТС.

Невеста была одета в нарядное шелковое платье, волосы она покрыла легкой шелковой косынкой. Рано танцевала со своим женихом, многие женщины танцевали со своими мужьями. Было очень весело, и молодые веселились вместе со всеми.

На таких свадьбах друзья жениха и невесты часто собирают деньги и вскладчину покупают дорогие подарки молодоженам. Молодежь протестует против громоздких, растянутых торжеств и колоссальных расходов на подарки, которые, при соблюдении традиционных обрядов (подарков и отдарков), молодожены не получают. Они стремятся сократить число участников свадьбы и ограничиться приглашением близких родственников и друзей, отменить обязательный для всех присутствующих обмен подарками.

Таким образом, в процессе развития современной свадебной обрядности у населения изучаемого района можно выделить три стадии: 1) свадьба совершается в традиционной форме, обычно уже с некоторыми отступлениями от традиций — одни обряды сокращаются или вовсе опускаются, а другие — видоизменяются; 2) свадьба устраивается в двух видах — в традиционной (для старшего поколения родственников и односельчан) и в новой форме — кызыл-той; 3) свадьба устраивается только по-новому — кызыл-той. Несомненно, будущее принадлежит кызыл-тою.

Следует заметить, что если выходит замуж разведенная женщина или вдова, то обряды, обязательные для девушки и знаменующие ее приобщение к возрастному классу замужних женщин (особая прическа, одежда, «открытие лица» и т. п.), не выполняются. Женщина для регистрации брака надевает свое лучшее платье и угощается вместе с пришедшими на ее свадьбу женщинами. Приданое родные ей дают, но в меньшем размере, чем девушке. Она берет с собой свои вещи, которые получила при разводе. В прошлом перед вторым браком вдова или разведенная подвергалась специальному осмотру знающей женщины для установления наличия или отсутствия беременности. Это необходимо было знать, чтобы определить, кому будет принадлежать ребенок, родившийся после заключения второго брака: семье первого мужа или второго.

Бесправное положение женщин в прошлом особенно ярко проявлялось в правовых нормах адата и шариата, регулировавших брачные отношения. «Никаких юридических актов о браке не существовало, ограничивались обрядом религиозного бракосочетания, совершаемого муллой» [57].

[57] Х. С. Сулейманова. Указ. соч., стр. 13.

Женщина не имела права требовать развода. Только в двух случаях она могла требовать у судьи *казия* (қози) развода: жестокое избиение и бездетность по вине мужа; доказать последнее было очень трудно. Это выяснялось, если ее предшественница или следующая за ней жена были тоже бездетны. Для мужчины развод был легок. Он должен был лишь сказать три раза: *талак* (талоқ). Если муж сказал сгоряча три раза талак, а потом передумал и не хотел разводиться с женой, то она должна была выйти замуж (обычно фиктивно), а потом, получив у второго развод, снова совершить религиозный обряд бракосочетания со своим мужем.

До сих пор помнят о случае с богачем Андакул-баем. У него была красивая, хорошая жена. Погорячился бай и сказал ей три раза талак. Потом он пошел к мулле и говорит, что не хочет с женой разводиться. Как теперь быть? Мулла посоветовал выдать ее замуж за работника на один день, заплатить ему, чтобы он согласился. Бай отдал свою жену этому чайрикору в жены, но последний не захотел давать ей развод. «Мне самому она нравится» — говорил он Андакул-баю. Назревал крупный скандал, всполошились родные женщины, очень богатые люди. Пришлось Андакул-баю дать чайрикору деньги для уплаты калыма за другую девушку и, таким образом, заставить последнего дать развод жене.

При разводе казий решал, сколько детей отдать жене и сколько оставить мужу. По обычаю дети при разводе оставались в семье отца, разведенная брала с собой только грудного ребенка. Достигнув определенного возраста, этот ребенок возвращался в семью отца.

Муж обязан был содержать разведенную жену. Размер содержания определял казий. По народному обычаю, через полгода после развода женщина могла вторично выйти замуж.

В настоящее время разводы совершаются по установленному советскому законодательству. Дети обычно живут с матерью, отец платит алименты на их содержание до достижения ими 18 лет. Если разведенная выходит вторично замуж, дети ее от первого брака часто воспитываются в семье ее родителей или в семье ее брата.

При разводе происходит раздел имущества супругов. Жена получает, как и в досоветское время, те вещи, которые входили в ее приданое, то, что получено было ею в подарок от супруга и его родни при вступлении в брак, а в наши дни, кроме того, и половину имущества, нажитого супругами за годы совместной жизни.

В прошлом, если развод происходил по инициативе жены, она имела право взять свое приданое и половину того, что было подарено ей мужем и его родней к свадьбе, а также корову, полученную от своих родителей.

Для разбора дел о разводе в настоящее время в сельсовет собираются члены женского совета, родные разводящихся, в том числе особо уважаемые старики с обеих сторон. Часто удается примирить супругов. Основные причины развода: скупость мужа, грубое обращение мужа и его родни, внебрачные связи мужа; с другой стороны — неуживчивость или бездетность жены (это наиболее частый мотив), реже — внебрачные ее связи.

* * *

Анализ материалов, полученных при изучении семейного быта узбекского сельского населения, позволяет наметить основные процессы в развитии современной семьи.

Изменение семейных отношений за годы Советской власти непосредственно связано с огромными социально-экономическими преобразованиями, происшедшими за годы построения социалистического общества. Социалистическая экономика и коммунистическая идеология оказали важнейшее влияние на изменение идеологии и общего культурного уровня сельского населения. Близость Самарканда и наличие в Пастдаргомском районе различных предприятий обусловили в большинстве семей неоднородность их социального состава.

Пережитки прежних патриархальных устоев, которые проявляются, как нами было отмечено выше, в некоторых семьях, совершенно несовместимы с новыми взаимоотношениями, сложившимися в семьях. Взаимоотношения между членами современной советской семьи у сельского населения характеризуются равноправием всех ее совершеннолетних членов, в том числе невесток и зятьев-примаков, ограничением прав главы семьи в немногих существующих неразделенных семьях, согласием всех ее трудоспособных членов. Большей самостоятельностью пользуются совершеннолетние сыновья и дочери в основных вопросах семейной жизни: в выборе профессии, при заключении брака, в последующем устройстве самостоятельной семейной жизни. Молодежь обычно выступает с протестом в активной форме против пережитков патриархальных семейных традиций: родственных браков, взаимного избегания будущих супругов и родственников той или другой стороны, что совершенно несовместимо с новыми социалистическими производственными отношениями («взаимноизбегающие» стороны в сельских условиях зачастую и трудятся в одном небольшом коллективе).

Изменение бытового уклада и форм взаимоотношений членов семьи под воздействием нового общественного сознания, увеличение прослойки интеллигенции и рабочих в семьях сельского населения способствует увеличению числа браков по взаимной склонности, преодолению отживающих традиционных взглядов на нежелательность смешанных в социальном и главным образом в национальном отношениях браков.

Анализ семейной обрядности у населения изучаемых кишлаков позволяет говорить о постепенном изживании мусульманской религии и переосмыслении обрядов, связанных с различными магическими действиями и пережитками анимистических представлений, в том числе культа предков.

Пережитки обрядовых действий, совершавшихся в предреволюционные годы, имеют место и в настоящее время в некоторых семьях, где верующее старшее поколение следит за выполнением соответствующих традиционных обрядов. Многие совершают эти магические действия под влиянием родственниц преклонного возраста, часто не зная значения, смысла этого действия.

В современных традиционных свадебных церемониях прослеживаются пережитки различных стадий общественного развития. Впитав в себя элементы свадебной обрядности оседлых земледельцев, традиционный свадебный обряд сельского населения Нижнего Даргома включает и элементы обрядности, связанные с бытом кочевых и полукочевых народов, например, наличие названых отца и матери, ритуальное значение числа 9 («девять блюд») и т. п. В современном традиционном свадебном обряде в той или иной степени сохраняются элементы магических действий, якобы способствующих, по народному поверью, многодетности вступающих в брак; различные моменты «борьбы за невесту», осыпание новобрачных и гостей сладостями и т. п., получившие в настоящее время игровой, развлекательный характер. Некоторые магические действия, как отмечено нами выше, воспринимаемые женихом и невестой как унизительные для них,— опускаются. При малейшем затруднении легко отказываются от данного обычая, действия (например, на одной из свадеб, на которой присутствовал автор, забыли договориться о названых отце и матери и легко обошлись без них).

В погребальном и поминальном обрядовых действиях изменения происходят, естественно, значительно медленнее, чем в семейной обрядности, связаннной с рождением и воспитанием детей и свадьбой. В погребальном и поминальном обрядах изменяются не те действия, которые предусмотрены шариатом, а в первую очередь те, которые являются доисламскими. Например, в настоящее время, в момент совершения радения *садр*, верующие женщины, родственницы умершего, поочередно надевают чалму, в которую вставляют фотографию покойного, если он был молодым человеком. Случаи погребения умершего без соблюдения религиозных обрядов среди сельского населения пока встречаются еще очень редко.

Ломка традиционной семейной обрядности происходит постепенно на протяжении всего периода построения социализма в нашей стране, приобщения населения к социалистической культуре, способствующей изменению духовного облика современного сельского жителя. Этот процесс особенно интенсивно протекает в наши дни.

Глава V

ДУХОВНЫЙ ОБЛИК УЗБЕКСКОГО КРЕСТЬЯНИНА

Узбекское колхозное крестьянство в наши дни далеко ушло по пути экономического, общественного и культурного развития. Коренным образом изменилась материальная база сельского хозяйства, способы его ведения, сам труд крестьянина и условия труда. Если вспомнить реальные факты прошлого — почти сплошную неграмотность, отсутствие различных учреждений культуры, которые стали обычными в наши дни, оторванность старого кишлака от событий, происходивших в окружающем мире, то можно сказать, что произошли большие изменения в области духовной жизни узбекского крестьянства.

Характеризуя современный духовный облик колхозного крестьянства, можно проследить факторы и давно уже существующие и возникающие, воздействие которых обусловило изменения в духовном облике крестьянства.

Победа социализма означала полное преобразование всего духовного облика узбекского населения города и кишлака. Для узбекского кишлака решающим явилось то обстоятельство, что на смену мелким частным хозяйствам и замкнутым общинам в их пережиточной форме пришли большие трудовые коллективы с совершенно иным социальным и идейным содержанием. «Переход советской деревни к крупному социалистическому хозяйству означал великую революцию в экономических отношениях, во всем укладе жизни крестьянства»[1]. Не удивительно поэтому то единодушие, с которым все, к кому обращаешься с вопросом о времени исчезновения той или иной старой традиции, обычая, обряда, говорят, что это произошло после коллективизации.

В современных больших трудовых коллективах узбекской деревни в корне изменились отношения между людьми.

[1] «Программа КПСС». М., 1964, стр. 14.

В старом кишлаке, при наличии элементов капиталистических отношений, господствовали отношения более ранних формаций, что придавало его быту характер большой застойности. В этой обстановке большое значение имели патриархальные отношения, которые в основном и определяли круг и характер взаимных связей людей. Многие семейные явления — свадьба, похороны, поминки и др.— именно в силу патриархальности быта выходили за рамки семьи и по существу являлись событиями в жизни всей общины.

Однако, и на это следует обратить особенное внимание, патриархальные связи между людьми старой кишлачной общины в обстановке классовой дифференциации узбекской дореволюционной деревни постепенно перемещались из сферы производства и трудовой деятельности в область быта, обычаев и обрядов, где продолжали сохраняться. Насыщенная элементами архаики обстановка дореволюционной кишлачной общины препятствовала рождению нового в сознании людей.

Крутой перелом в сознании узбекского крестьянства произошел после революции, в условиях политической активности крестьянства 1920-х годов и периода кооперирования сельского хозяйства. В больших трудовых коллективах крестьян, созданных на новой социально-экономической основе, на базе коренным образом преобразованного сельского производства выросли новые отношения между людьми и новое в сознании каждого человека.

Людей в этих производственных коллективах объединяют прежде всего единые общественно-политические идеи, единая цель построения нового общества и вытекающие из нее конкретные задачи каждого коллектива. Это принципиально новое явление в деревне, рожденное революцией. Коллективная цель, обусловливающая связи между людьми и определяющая их характер, прежде всего и активнее всего влияет на сознание каждого отдельного члена такого коллектива, ведет к отмиранию частнособственнических интересов и в конечном итоге формирует совершенно новый духовный облик современного крестьянина.

Нижний Даргом, как мы видели из изложенного ранее, был районом большой этнической пестроты, которая в обстановке замкнутости пережиточных общин стойко сохранялась со всеми присущими отдельным группам особенностями в материальной и духовной культуре. Создание больших производственных коллективов, таких, как колхоз «Коммунизм», послужило основой для стирания былых племенных особенностей, развития единого национального самосознания среди узбеков, роста межнациональной дружбы и культурных взаимовлияний, исчезновения национальной ограниченности. Этот процесс не следует рассматривать только в бытовом аспекте, т. е. нельзя видеть его проявления лишь в общих чертах материальной культуры, в смешанных браках и пр. Самый глубокий смысл его заключа-

ется в едином понимании общественно-политических целей и в объединенных усилиях для их достижения. Именно это лежит в основе духовного облика современного крестьянства.

Влияние сельских производственных коллективов на сознание и духовную жизнь людей многопланово и разнообразно.

В наше время совместное участие различных в прошлом этнических групп в труде и общественно-политической жизни вызывает не только исчезновение присущего каждой из них своеобразия, но, что особенно важно, и прямое отмирание реакционных традиций и обычаев. В больших сельскохозяйственных коллективах, основанных на социалистических началах, рождаются и входят в быт новые нормы поведения, изменившиеся моральные устои, новые, соответствующие современному уровню культуры, интересы; одновременно происходит критическая переоценка старых традиций.

Следует отметить, что прогрессивное влияние большого коллектива ярче проявляется в сфере общественного, а не семейного быта.

Рост интернационализма особенно заметен в колхозных селениях, прилегающих к центру Нижнего Даргома — поселку Джуме, к суперфосфатному заводу, где трудятся представители 14 национальностей, к другим промышленным объектам.

Интересен в этом отношении Чархин — центральная усадьба колхоза «Коммунизм» — весьма разнообразный по этническому составу. Здесь, особенно среди молодежи, хорошо прослеживается процесс сложения единого духовного облика советского человека, стирания тех бытовых особенностей и национальных черт в быту, которые ранее разъединяли представителей разных народов. В интернациональном коллективе рождаются взгляды, сближающие, объединяющие интересы, культурные запросы людей.

В Чархине для этого имеются все условия. Уже в школьные годы этому способствуют коллективы учащихся и педагогов двух школ, где совместно учатся дети узбеков, таджиков, русских, корейцев и других национальностей, дети колхозников, служащих, рабочих. И после окончания школ молодежь разных национальностей повседневно участвует в работе комсомольской организации, спортивного общества «Пахтакор», в кружках художественной самодеятельности клуба и пр. Проводниками всего нового в колхозных семьях является молодежь, особенно та часть ее, которая продолжает учебу в вузах и техникумах и затем возвращается в родные места.

* * *

Для старого кишлака была характерна крайняя профессиональная однородность населения. Если отвлечься от социальных градаций, то один крестьянин отличался от другого лишь бо́льшим или меньшим знанием традиционных приемов земледелия или животноводства: ни уровень развития производительных сил, ни социальная обстановка, ни уровень культуры не способствовали развитию индивидуальных задатков и способностей людей. К. Маркс писал: «Мелкая земельная собственность предполагает, что громадное большинство населения живет в деревнях, что преобладает не общественный, а изолированный труд; что, следовательно, при этом исключается разнообразие и развитие воспроизводства, то есть и материальных, и духовных условий его, исключаются условия рациональной культуры»[2].

Современное крупное общественное сельское хозяйство, основанное на научной агротехнике и механизации, требует квалифицированного труда. В коллективных хозяйствах трудятся люди, практически и теоретически освоившие современную технику (на специальных курсах, в разных школах) — трактористы, комбайнеры, бульдозеристы, люди, работающие на хлопкоуборочных агрегатах, на механизмах, связанных с мелиоративными работами, дизелисты, слесари-ремонтники, строители и многие другие. Именно они составляют ядро современного крестьянства; по мере дальнейшей механизации сельскохозяйственных процессов размеры и значение этого ядра будут все более расти.

Каждая отрасль хозяйства — хлопководство, животноводство, рисосеяние, шелководство и пр.— уже давно не может быть удовлетворена знанием одних лишь традиционных народных приемов. Прогресс агротехники заставляет колхозников систематически повышать свои знания либо на курсах и семинарах, либо самостоятельно, часто перенимая опыт более передовых земледельцев.

В результате в колхозах появилась масса узких специалистов по отдельным отраслям хозяйства и даже по отдельным процессам внутри их: знатоков семенного фонда, дезинфекторов, ирригаторов и пр.

В сельском хозяйстве работает огромная армия интеллигенции, получившая специальное высшее и среднее образование,— агрономы, ветеринарные врачи, зоотехники, мелиораторы, инженеры, техники и др. Для районов, где проводилось наше исследование (как и для многих других районов нашей страны), особенно характерно то обстоятельство, что представители этой категории ведущих работников сельского хозяйства, как правило, местные уроженцы, выросшие и получившие образование в местных школах в этих же колхозных селениях. Здесь жили их деды и прадеды, здесь сейчас живут их семьи, и сюда же вернулись они сами после получения образования. Это относится к учителям, врачам, среднему медицинскому персоналу.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 378.

Рост интеллигенции, занятой непосредственно в сельском хозяйстве, из числа местных колхозников, и специализация крестьянского труда характерны именно для двух последних десятилетий. Интересны сведения о горном селении Сазаган. Этот большой кишлак, разбитый на пять кварталов и насчитывающий 224 хозяйства, дал немало учителей, врачей и других специалистов. Весь преподавательский состав двух имеющихся здесь школ — коренные сазаганцы. С 1945 по 1962 г. из Сазагана вышли два врача и 15 фельдшеров, один инженер-механик, один агроном с высшим и 10 — со средним специальным образованием, ветеринарный врач, товаровед по каракулю (учился в Москве). Из Сазагана вышло около сотни трактористов, работающих ныне в разных местах Нижнего Даргома. Перечислить сазаганцев-шоферов оказалось слишком сложным делом. В 1962 г. продолжали образование четыре сазаганца в медицинских институтах Самарканда и Ташкента, один — в сельхозинституте, семь человек на разных факультетах Самаркандского университета, один — на юридическом факультете в Ташкенте. Сын бригадира Ухтам Яркулов учился в аспирантуре Института ядерной физики в столице республики [3].

Меньше по размерам селение Орта-Чархин, состоящее из 120 хозяйств. Из числа его жителей до войны насчитывалось один педагог, один ветеринарный врач и семь трактористов. С 1945 по 1962 г. Орта-Чархин дал трех учителей с высшим образованием и семь — со средним образованием, двух врачей и двух фельдшеров, ветеринара, четырех электромонтеров, семь шоферов и очень большое число трактористов, из которых семь человек составляют ядро местной бригады комплексной механизации [4]. Перечислить даже по этим двум селениям всех тех, кто в разное время проходил специальные курсы и семинары хлопководов, животноводов, шелководов и других специалистов, оказалось непосильной задачей.

Аналогичную картину мы наблюдаем во всех колхозах Нижнего Даргома. Следует отметить своего рода традицию, сложившуюся в отдельных селениях или их группах, готовить определенного рода специалистов того или иного вида труда. Так, из селения Гулякандоз выходит много работников здравоохранения, из Орта и Паст-Чархина — механизаторов и т. д. Здесь, несомненно, имеет значение то, что в первом селении расположена крупнейшая в округе больница с амбулаторией, родильным отделением, рентгеновским кабинетом, во втором — рядом с селением находится машиноремонтная станция, а ранее долгие годы была расположена машинно-тракторная станция.

[3] Полевая запись 25.X 1962 г.

[4] Полевая запись 20.X 1962 г.

Все отмеченные факты свидетельствуют о том, что растут кадры интеллигенции из числа крестьян (это очень характерно для селений обследуемого района, как и всего Узбекистана); большая численность механизаторов различного профиля свидетельствует, что эта специальность, совершенно чуждая былому сельскому хозяйству кишлака, стала ныне ведущей и имеющей большие перспективы.

Итак, современное колхозное крестьянство слагается из различных категорий специалистов, и в этом коренное отличие современного колхозника от крестьянина былых времен.

Приобретение специальности стало возможным и типичным вследствие того, что изменился весь духовный облик крестьянина в целом в результате многолетней работы, проведенной в деревне Коммунистической партией. И процесс этот в дальнейшем будет идти все более ускоренными темпами. «Техническое перевооружение сельского хозяйства должно сочетаться с наиболее прогрессивными формами и методами организации труда и производства, со всемерным повышением культурно-технического уровня тружеников сельскохозяйственного производства» [5]. Ведущая тенденция заключается в постепенном исчезновении резких граней между крестьянами и рабочими, между крестьянством и интеллигенцией. Отсюда понятны и та сравнительная легкость восприятия колхозным крестьянством всего нового — новых элементов материальной культуры, новых семейных отношений, нового мировоззрения, и единство этих элементов культуры у всех слоев населения.

* * *

Городская культура, носителями которой являются рабочие и интеллигенция, для деревни является мерилом современной культуры вообще.

Влияние городской культуры осуществляется через школу, радио, телевидение, кино, прессу, которые стали связующими звеньями между деревней и городом. Однако в условиях широкой индустриализации края городское влияние происходит и более непосредственно — в результате тесного общения крестьян с рабочими. Это совершенно четко прослеживается в местах, где проходило наше исследование. Здесь промышленные предприятия, вынесенные за черту города в сельскую местность, служат своего рода форпостами современной культуры, проводниками ее в массы крестьянства.

Таким примером может служить крупный суперфосфатный завод. Тесная связь завода и его рабочих с крестьянами проявляется прежде всего в том, что многие рабочие — выходцы из

[5] «Программа КПСС», стр. 79.

окружающих кишлаков. На суперфосфатном заводе работают в основном люди, родившиеся и выросшие в окружающих селениях и не порвавшие с ними связи. Завод находится вблизи колхозных селний, поэтому жены многих рабочих этого завода, их родители и другие родственники состоят членами колхозов.

В отдаленном Сазагане, расположенном в предгорьях, свыше 40 мужчин являются также рабочими завода. «Сазаганским рабочим классом» называют их жители этого кишлака. Некоторые из сазаганцев уже окончательно переселились в поселок завода, но немало и таких, которые на выходные дни приезжают в Сазаган к своим семьям в кишлак: довольно значительное расстояние не является препятствием теперь, когда очень многие имеют велосипеды и мотоциклы.

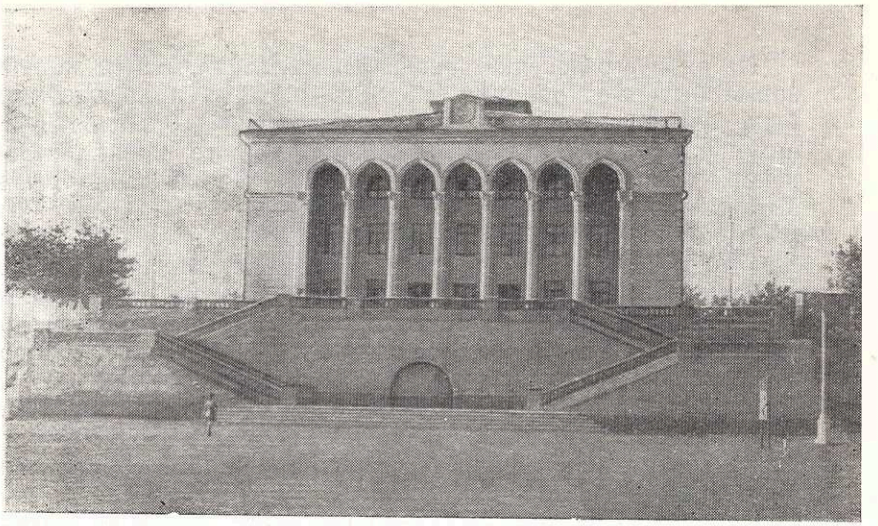
Особенно тесно связаны с суперфосфатным заводом жители селений Баймак, Карасыйрак, Кепакул, Дунг и др. Здесь, как уже отмечалось, многие семьи по социальному положению смешанные: родители и жены — колхозники, мужья — рабочие. Во многих случаях, даже когда есть возможность получить квартиру в заводском поселке, рабочие все же предпочитают жить в колхозных селениях: здесь работают их жены, живут родители, на попечение которых можно оставить детей; имеется приусадебный участок, все еще играющий значительную роль в личном хозяйстве семьи.

Подобная «семейная» связь с предприятием и его рабочими является, пожалуй, наиболее результативным способом проникновения в деревню современной городской культуры.

Интересно, что самое молодое поколение работающих на заводе — неженатые парни — выходцы из кишлаков (особенно более удаленных) предпочитают постоянно жить в общежитии в поселке завода.

Суперфосфатный завод является официальным шефом колхоза им. Калинина. Завод помогает в механизации ферм, оборудует автомашины для бестарной транспортировки хлопка, ремонтирует механизмы в своих мастерских. Лекторы суперфосфатного завода выступают в колхозах и совхозах. Заводская газета «Химик» нередко перекочевывает на стены колхозных клубов.

Однако на духовный облик крестьянской семьи (а не сельского производственного коллектива в целом) влияние «семейной» связи с рабочим классом особенно эффективно. Именно она непосредственно сказывается на материальной и духовной культуре крестьянской семьи, способствует изживанию вредных традиций в быту, вносит в семьи новые запросы, вкусы, новые отношения между членами семьи. Не удивительно, что для жителей прилегающих кишлаков, особенно для молодежи, завод и его поселок стали притягательным центром во всех отношениях. Юноши, уже работающие в колхозах, имеют возможность здесь

Дворец культуры суперфосфатного завода (фото Н. С. Кармазина)

продолжить свое образование в вечерней школе. Больницу и амбулаторию, расположенные в поселке завода, посещают колхозники окружающих селений: 18% больных в стационаре и такой же процент приемов в амбулатории приходится на долю жителей колхозных селений; около половины всех женщин, обслуженных заводским родильным домом,— колхозницы.

На улицах благоустроенного, озелененного заводского поселка, застроенного многоэтажными домами и уютными коттеджами, всегда много колхозников, пришедших в магазины, на рынок, в ателье и пр.

Наибольшую популярность в окружающих селениях имеет Дворец культуры заводского поселка возвышающийся на искусственном холме. Молодежь, рабочая и колхозная, стекается к нему каждый вечер. Здесь кинокартины демонстрируются регулярно и можно посмотреть все новые фильмы. Когда во Дворце культуры происходят концерты популярных у колхозников профессиональных артистов из Самарканда и Ташкента, из различных селений — Баймака, Карасайрака, Дунга, Миankау и др.— ко дворцу идут мужчины, женщины, часто весьма почтенного возраста, иногда целыми семьями. Молодежь из колхозных селений привлекают сюда музыкальный кружок, спортивный зал. Музыкальный кружок с национальными узбекскими и другими музыкальными инструментами известен многим колхозникам. Из музыкальных инструментов наиболее популярна скрипка, заменившая *гиджак* (гижжак). Особенно людно вокруг Дворца культуры в дни праздников 1 Мая и 7 ноября.

Из рабочего поселка завода распространяются по кишлакам новые бытовые традиции. «В 1961—1962 г. в поселке завода было отпраздновано 12 комсомольских свадеб молодых рабочих,— рассказывает редактор заводской многотиражки Г. В. Кузнецов.— Бракосочетания происходили во Дворце культуры, куда выезжал поселковый совет. Присутствовало много народа, с приветствиями выступали рабочие, молодым желали счастья представители городского комитета комсомола. Вручались подарки от цехов (приемники, стиральные машины и пр.). Иногда молодым тут же передавали ордер на квартиру в заводском поселке»[6]. Новый обряд бракосочетания отсюда проникает и в соседние колхозы; так, в колхозе «Москва» уроженец этих мест аппаратчик завода Саламов справлял свою свадьбу по новому обычаю: на торжестве было около 80 рабочих и колхозников, за праздничным столом, вопреки старым традициям, собрались вместе и мужчины и женщины.

Влияние быта рабочих суперфосфатного завода на жизнь окружающих колхозников не является каким-то исключением. В более северных селениях колхоза «Коммунизм» аналогичную роль играют предприятия Сельхозснаб, к которому тяготеют кишлаки Балхион, Онакки, Рават; Биокомбинат, расположенный по соседству с селениями Орта и Паст-Чархин, и др.; в селении Чархин такими культурными центрами служат мелиоративная станция, пункт по приему хлопка; везде здесь много рабочих, служащих и интеллигенции, тесно связанных с городом.

Приведенные нами примеры непосредственной бытовой и культурной связи рабочего класса и крестьянства не следует рассматривать как какое-то локальное явление. Ту же картину можно наблюдать во многих сельских районах Узбекистана и других республик Средней Азии. Широкая индустриализация края, появление в пределах сельской местности новых промышленных объектов — заводов, фабрик, рудников, электростанций — способствует все более крепнущим контактам рабочего класса с крестьянством.

* * *

Если наличие больших трудовых коллективов, объединенных единой общественно-политической целью, является основным фактором формирования духовного облика современного узбекского крестьянина, то более непосредственной предпосылкой этого процесса служит исчезновение былой общинной изоляции крестьянства в широком географическом и духовном ее понимании. По своим результатам — это фактор огромной силы. Мероприятия Коммунистической партии и Советской власти за многие годы работы в деревне создавали благоприятную почву для изживания этой изоляции.

[6] Полевая запись 17.X 1962 г.

Самые тяжелые последствия имела, естественно, изоляция духовная, оторванность жителя дореволюционного кишлака от внешнего мира, от рождавшихся новых идей, однако и изоляция в географическом ее понимании была вполне реальным фактом и недооценивать ее нельзя. Даже селениям Нижнего Даргома, несмотря на близость к одному из крупнейших городских центров Средней Азии — Самарканду, подобная изоляция была свойственна. Сейчас, когда эти селения связаны с городом асфальтированными шоссе, и любой колхозник на автобусе может менее чем за час оказаться в центре города, когда колхоз имеет свой автотранспорт, а многие колхозники — велосипеды и мотоциклы, трудно себе представить, что еще в конце 1920 — начале 1930-х годов поездки из селений Нижнего Даргома в Самарканд занимали много времени.

Еще сложнее, чем из селений, расположенных вдоль старой дороги в Карши, петлявшей по кишлакам, было добираться до города жителям предгорий и прилегавшей к ним степи (селения Сазаган, Тепакул, Аксай и др.). А сообщение с селением Чункаймыш, находившемся за перевалом, еще в начале 1930-х годов возможно было только верхом. Многие женщины этого кишлака никогда не бывали за его пределами.

По рассказам стариков, в начале нашего столетия жители горного Сазагана, спускавшиеся в долину, впервые увидели железнодорожный поезд.

Поездки на базар в город из предгорных селений занимали много времени, поэтому не только в Джуме и Дауле был свой базар, но небольшой базар был, например, в Сазагане.

Зимой жители отдаленных селений Нижнего Даргома почти совершенно были оторваны от внешнего мира. Зима была временем, когда проводились тои, устраивались состязания молодежи, собирались гаштаки. Все это не выходило за границы определенной группы кишлаков, и редко какие-либо вести из внешнего мира доходили в этот период к заброшенным в степи и предгорьях полукочевникам, интересы которых ограничивались событиями кишлачной жизни.

Изоляция, хотя и в меньшей степени, имела место и в более близких к городу долинных кишлаках.

«В дни моей молодости,— вспоминает 60-летний житель с. Намазго,— многие люди из Казак-Наймана не видели никогда ни Ургута, ни Акдарьи, ни Челека. Самарканд был рядом, но по существу знали только путь на базар; на других улицах города путались и блуждали; даже языка соседей — самаркандских таджиков — не знали». Он же вспомнил характерный случай, когда один крестьянин из Казак-Наймана попал в селение

Челек. Вернувшись домой из поездки, он рассказывал соседям, какой большой город Челек, сколько там улиц [7].

Однако не только изоляция в географическом ее понимании была характерна для большинства кишлаков в прошлом. Изолирован был от внешнего мира даргомский крестьянин, как и крестьяне большинства селений Средней Азии, прежде всего духовно. Весь уклад кишлачной жизни не способствовал тому, чтобы у людей рождались интересы, выходящие за рамки своего собственного хозяйства и своего кишлака. Что знал крестьянин об огромном, окружавшем его мире, о тех событиях, которые в нем происходили, о том новом, что в нем рождалось? И был ли вообще тогда какой-нибудь стимул, чтобы подобный интерес рождался?

Даже если кто-либо, например из Сазагана, отправлялся в длительную поездку в Гиссар и Карши по старой караванной дороге, то все его интересы были ограничены сугубо будничными, узкими вопросами о том, что можно там купить, что продать и по какой цене. Иногда при подобных поездках одновременно посещали прославленный мазар или представителя какой-либо ишанской династии.

Отсутствие знаний об окружающем мире ограничивало круг интересов крестьянина. Когда в жизнь кишлака вторгалось что-то новое и непонятное, оно вызывало обычно чувство страха. Жители Казак-Наймана, расположенного всего в 7—8 км от города, вспоминают, с каким удивлением смотрели крестьяне на первую автомашину, появившуюся в кишлаке уже в советское время. За нечто сверхъестественное был принят первый самолет, пролетавший над Паст-Даргомом. В наши дни беседы кишлачных стариков (даже стариков!) о космических полетах и о досягаемости тех или иных планет — обычное явление, и только сравнение с недавним прошлым помогает осознать, как изменился весь духовный облик узбекского крестьянина.

Духовная изоляция крестьянина, вызывавшая сугубую инертность его мышления, над которым висел груз вековых традиций и предрассудков, впервые за многие столетия была нарушена в первое десятилетие после революции. В деревне происходили большие события, разбудившие трудящиеся массы.

Земельно-водная реформа, самым непосредственным образом затронувшая интересы крестьян, сблизила, сплотила население разрозненных ранее кишлаков. Одновременно с этим проводилось районирование, создавались и укреплялись органы Советской власти в кишлаках. Когда трудовому крестьянству — беднякам и середнякам — потребовалось объединить силы для защиты своих интересов от посягательств кулаков и басмачей, ру-

[7] Челек — в 36 км, Ургут — в 48, Акдарья — в 24 км от Казак-Наймана. Челек и в наши дни — небольшой районный центр.

шились общинные границы. В 1920-х годах создавались первые трудовые объединения бедноты. На территории Пастдаргомского района в 1928 г. на землях теперешнего колхоза им. Ленина родилась коммуна «Қызыл Узбекистан», организатором которой был Юлдаш Ахунбабаев. Составляли ее в основном выходцы из Ферганы, которые, как отмечалось, немало содействовали внедрению в сельское хозяйство Среднезеравшанской долины хорошо им известной культуры хлопка.

Юлдаш Ахунбабаев руководил этой коммуной, за успехами которой с интересом следило все пастдаргомское крестьянство. Немало внимания он уделял вопросам воспитания местного крестьянства, направленного на развитие начал трудового коллективизма. Этой коммуне обязаны пастдаргомцы знакомством с первым трактором. Много людей собралось посмотреть на невиданную машину; по поводу ее прибытия был устроен большой той.

Общественная активность крестьянства, зародившаяся в 1920-х годах, постепенно росла и к нашему времени достигла высокого уровня. Из бесед с людьми старшего и среднего поколения в селениях Нижнего Даргома выясняется, что редкий из них не был либо руководителем колхоза, бригадиром, звеньевым, депутатом совета, либо общественным активистом. Органы Советской власти и особенно колхозы были настоящей школой, в которой воспитывался новый тип крестьянина; главное заключалось в том, что интересы людей вышли за рамки личной жизни. Крестьяне многих селений, жившие интересами лишь своего кишлака, с организацией крупных сельскохозяйственных артелей стали прочно связаны между собой общими трудовыми и общественными задачами. Жители самых удаленных друг от друга селений, ранее никогда не встречавшиеся, теперь общаются повседневно, и рамки этого общения постепенно расширяются. Соревнования отдельных сельскохозяйственных артелей Нижнего Даргома, взаимные проверки, обмен опытом связали людей, живущих на больших территориях. Такое широкое общение обогащает каждого колхозника знанием передовых методов ведения хозяйства, трудовых достижений, знанием профессиональных методов.

Самая тесная связь установилась с областным центром — Самаркандом. Здесь постоянно бывает не только хозяйственный и общественный актив колхозов и сельских советов. С городом тесно связаны рядовые колхозные семьи, причем изменился сам характер этих связей. В прошлом крестьянин знал в городе базар и места культа; сейчас доступна и притягательна для сельского жителя вся современная городская культура. Она проникает всюду; сотни юношей и девушек Нижнего Даргома, учащиеся в самаркандских техникумах, высших учебных заведениях, на различных курсах все новое несут в кишлаки. Для селений

изучаемого района характерно наличие большой прослойки интеллигенции из коренных пастдаргомцев, которые связаны с городом особенно прочно в силу своих профессиональных интересов. Увеличилось число браков колхозников с городскими жителями. Не только молодежь, но и люди среднего поколения систематически выезжают, иногда семьями, в город — в театр, кино, на концерт или в музеи. Современная городская культура стала для кишлака эталоном высокой культуры; городские типы домов, интерьера, одежды, равно как городские обычаи, нормы поведения широко распространились в селениях Паст-Даргома.

Выезд за пределы кишлаков и колхозов не ограничивается районным и областным центром. Не говоря уже о Ташкенте, немало колхозников бывало и бывает в Москве, на Выставке достижений народного хозяйства, на совещаниях, а иногда просто в свободное время знакомятся со столицей. «Москва теперь — наш же кишлак»,— шутят пастдаргомцы. Некоторые жители из селений Нижнего Даргома побывали в различных местах нашей страны, а также за рубежом.

Знакомство с новыми местами, народами нашей страны и за рубежом, с их жизнью, бытом, культурой делают сельского жителя особенно восприимчивым ко всему новому. А таких бывалых людей в колхозах Нижнего Даргома немало.

Даже в самых отдаленных селениях среди своих случайных собеседников, за исключением некоторых стариков, мы не встретили людей, никогда не выезжавших за пределы своих кишлаков и Самарканда. В подтверждение этого приведем несколько примеров.

Селение Баймак колхоза «Коммунизм». Несколько колхозников зашли вечером «на огонек» к соседу. Заходит речь о том, кто выезжал за пределы кишлака. Из четырех собеседников один служил в армии на Украине, второй, кроме Украины, побывал в городах Сибири, третий, будучи солдатом, стоял с воинской частью под Москвой, а позднее попал в Донбасс и Баку. Самый старший по возрасту собеседник был во время войны в Куйбышеве [8].

Селение Чархин. Около пункта по приему хлопка несколько колхозников ждут своей очереди сдать хлопок, привезенный на автомашинах. В беседе один из них вспоминает свою службу в армии на Украине, хвалит красоту города Львова; уже позднее, будучи в командировке, он познакомился с городами Урала. Другие собеседники называют иные места [9].

Горное селение Сазаган, жители которого еще не так давно вели полукочевой образ жизни. Однажды вечером, когда мы находились у бригадира, к нему зашли колхозники. Из разговора

[8] Полевая запись 7.X 1962 г.
[9] Полевая запись 21.X 1962 г.

выяснилось, что сам бригадир, уже немолодой человек, бывал во многих городах Российской Федерации. Другой собеседник, бывший моряк, стал описывать Севастополь, румынское и болгарское побережье Черного моря, Балтику. Это сын бывшего полукочевника, служил на советско-японской морской границе [10].

В этом же селении заведует почтой Бабамурад Шербаев. Будучи в кавалерии, он воевал под Сталинградом, Воронежем, Курском, на Украине и в Белоруссии, на территории Польши и Восточной Пруссии. Кавалер ордена Славы III степени, он закончил войну на подступах к Берлину. Сазаганец Джуракул Якубов — участник Отечественной войны, был на Украине, в Венгрии, Румынии; мир застал его в Праге.

Селение Намазго. Здесь нам прежде всего называют имя Каляндарова Саидмурада. «Саидмурад — житель нашего кишлака, работает на соседнем суперфосфатном заводе старшим аппаратчиком». Сейчас он в заграничной командировке [11].

Все возрастающая мобильность населения Нижнего Даргома, как и других мест, накладывает отпечаток на облик современного крестьянина; все им увиденное и услышанное, весь опыт его общения с другими людьми, с другими народами неизмеримо расширяет его кругозор.

* * *

Имеются более постоянные, регулярно действующие и испытанные факторы, от которых в первую очередь зависят те изменения, которые мы наблюдаем в духовном облике узбекского крестьянина.

К таким факторам, действующим на протяжении десятилетий, в первую очередь относятся широко развернутые в деревне народное образование, политико-воспитательная и культурно-просветительная работа среди крестьянства.

Советская школа в узбекской деревне прошла трудный, особенно в первые годы Советской власти, путь и наряду с медициной уже на первых этапах культурной революции завоевала признание и уважение крестьянства.

Школа и учитель сейчас настолько органически вошли в жизнь узбекского кишлака, что никто, за исключением лиц старшего поколения, не может себе отчетливо представить все трудности, с которыми приходилось бороться при организации в Нижнем Даргоме первых советских школ.

В группе кишлаков Казак-Наймана первый учитель был прислан из Самарканда в 1922 г., когда еще при мечети Намазго

[10] Полевая запись 25.X 1962 г.
[11] Полевая запись 7.X 1962 г.

последние дни доживала старометодная религиозная школа; правда, учеников в ней почти не оставалось. Прибывший учитель был совсем юн, и кишлачные жители, привыкшие к представительным фигурам мулл, в руках которых до того находились религиозные школы, с удивлением спрашивали: «И это ты будешь учить детей?!» Перед юношей сразу возникла масса сложных вопросов и прежде всего — кого он будет учить? Найти учеников должен был он сам, но оказалось, что побороть недоверие родителей — не легкое дело. Он подходил к группам крестьян, заговаривал о пользе образования. И не всегда встречал понимание и сочувствие. Первых учеников было четверо; одного из них, теперь уважаемого члена колхоза, учитель увел из религиозной школы.

В кишлаке Карасыйрак у одного крестьянина была довольно обширная мехманхана; в ней и приютилась первая школа. И в других селениях Нижнего Даргома до появления специальных помещений школы открывались в мехманханах. Парт в первой школе не было. Дрова для отопления ученики приносили с собой. За карандашами учитель ездил в Самарканд. Когда потребовалась географическая карта, ее вычертил сам учитель. Был единственный выпущенный в те годы учебник. Никаких учебных программ не было.

Число учеников росло. В большинстве это были великовозрастные парни, некоторые немногим моложе самого учителя. Девочек на первых порах в школе не было. Позднее родители стали отпускать в школу самых маленьких; девочки постарше начали учиться в организованном кружке ликбеза, где они находились под присмотром женщин. До сих пор в кишлаке Намазго рядом со зданием мечети сохранилась балахана, где проводились в то время занятия со взрослыми: мужчины приходили по вечерам, женщины — днем. Бывшие ученицы этого кружка Норай Ходжамурадова и ее сестра Мухаррам Ризаева были одними из первых женщин, открывшими лицо; обе работали колхозными учетчицами, а сейчас воспитывают внуков.

Первоначальное недоверие к молодому учителю и начатому им делу исчезало по мере того, как он входил в жизнь крестьян, стал разделять их заботы и интересы. Рос его авторитет. К нему, девятнадцатилетнему юноше, стали приходить за советом пожилые люди; он писал письма, заявления. Его наперебой стали приглашать в гости. Учитель сделался непременным участником *маслахатов* (маслаҳат) — советов почетных лиц, решавших дела подготовки разных тоев. И школа заняла почетное место в общественной жизни кишлака. Иногда учителя с учениками в полном составе приглашали на той и он строем вел туда своих питомцев; им отводили для угощения особую мехманхану.

Постепенно школа росла, были присланы другие учителя, появились программы, учебные пособия, специальное здание.

Так, в Қазак-Наймане родилась первая советская школа, о которой нам рассказал ее первый руководитель Хайдар Шарафи, заслуженный учитель, награжденный орденами «Знак Почета», «Трудового Красного Знамени» и «Орденом Ленина», живущий и работающий сейчас в Самарканде [12].

Столь же сложными были первые шаги советского народного образования и в других селениях Нижнего Даргома. Так, в 1927 г., когда одна из первых учительниц, татарка Марьям Акчурина, приехала в кишлак Сарай Чархинского сельсовета, там была школа всего из трех классов. Но уже в 1929 г. было построено специальное здание школы на восемь классов (она называлась опытно-показательной начальной школой). При этой школе была создана первая в Пастдаргомском районе пионерская дружина. В организации ее большую помощь Акчуриной оказал комсомолец Зиадулла Ачилов (ныне бригадир в колхозе им. Ленина). Тогда же в школе была выпущена и первая в Чархинском сельсовете стенная газета.

Если в 1923—1924 гг. в Пастдаргомском районе, как и в других районах Узбекистана, комсомол делал еще первые шаги, то в 1927 г. только в одной чархинской организации (кишлаки Чархин, Гулякандоз, Пухари-Қишлак, Миankау и др.) насчитывалось более 40 комсомольцев. Из них было 30 юношей— большинство узбеки (включая арабов), двое русских и один армянин, десять девушек (девять узбечек и арабок и одна татарка).

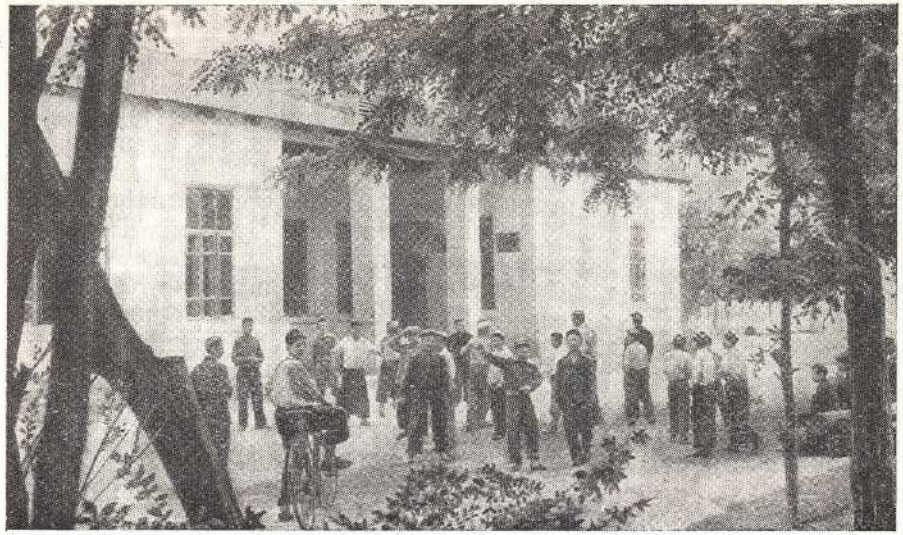
За годы Советской власти в сельских местностях Узбекистана создана широкая сеть школ. В одном лишь Пастдаргомском районе имеется 106 школ, в которых работает 1349 педагогов (из них 527 женщин). На территории одного лишь колхоза «Коммунизм» действует 11 школ. В каждой школе (особенно в средних) ведут преподавание учителя — специалисты по разным дисциплинам. Так, в школе № 49 (с. Сарай) — 21 педагог, в школе № 35 (с. Намазго) — 14; в средней школе с. Сазаган — 18 учителей [13].

В школах на селе широко внедряется политехнизация обучения, имеются мастерские, теплицы, создаются ученические бригады и проводится практика в своем колхозе. Преподавание общеобразовательных дисциплин находится на современном теоретическом и методическом уровне. Для учащихся, интересующихся отдельными дисциплинами, созданы кружки — математический, исторический, литературный и др.

Советская школа, сделав крестьянство грамотным, тем самым подготовила его к восприятию современной культуры; совершенствуясь из года в год сама, она постоянно готовит к ак-

[12] Полевые записи 14.II и 18.II 1962 г.

[13] Сведения, полученные автором в 1964 г.

Школа в кишлаке Сарай (фото Н. С. Кармазина)

тивному участию в современной жизни все более образованных людей. Большинство колхозников в возрасте 25—30 лет имеет образование в объеме по крайней мере семи-восьми классов; увеличивается число молодежи, получившей десятилетнее образование.

Народное образование вооружило узбекское крестьянство знаниями, приобщило ко всем достижениям современной культуры. Советское народное образование уже давно завоевало признание у узбекского народа, но среди лиц старшего поколения еще недавно прослеживалась некоторая недооценка его значения; так, считалось, что среднее и высшее образование — излишняя роскошь, особенно для девушек. Для последних лет характерен резкий перелом в этом вопросе. Современное образование сделалось определенной нормой, которой руководствуются во многих случаях жизни. Если в прошлом родители молодого человека, собиравшегося жениться, принимали в расчет главным образом материальное состояние семьи невесты, то теперь в первую очередь интересуются культурным уровнем семьи, с которой собираются породниться, образованием невесты. В этом отношении характерны высказывания колхозницы Сары Мукумовой из поселка Чархин, в свое время не имевшей возможности самой получить образование. Она воспитала двух сыновей. Когда старший окончил 10 классов, а затем исторический факультет Самаркандского университета (заочно), мать, говоря о предстоящей женитьбе сына, настаивала, чтобы и будущая невестка была образованна: «Если она получила лишь десятиклассное

На уроке в школе (к. Сарай; фото Н. С. Кармазина)

образование, то пускай после замужества продолжает учиться дальше» [14].

Подобные факты наблюдаются все чаще. Они говорят о большой тяге к образованию, которая в узбекской деревне растет с каждым годом.

Огромная армия сельских учителей играет ведущую роль в культурном переустройстве деревни и формировании нового облика узбекского крестьянина. Учителя — это не только педагоги и воспитатели детей, но и лекторы, пропагандисты, агитаторы. Они — в центре всей политико-воспитательной и массовой культурной работы среди населения. Многие учителя-коммунисты селений Паст-Даргома ведут большую партийную работу в колхозах.

В послевоенный период на смену старым учителям, опиравшимся главным образом на свой собственный опыт длительной работы в школах, пришли педагоги из числа молодежи, получившие хорошую подготовку в высших учебных заведениях и специализировавшиеся по определенным дисциплинам. К таким педагогам принадлежит, например, молодой учитель истории в с. Чархин Мардонкул Рахманкулов. В школе он учился во время войны и в послевоенные годы, позднее окончил техникум и стал учителем в своем селении. В 1961 г. М. Рахманкулов заочно окончил исторический факультет Самаркандского университета. В 1960 г. вступил в партию. В школе он преподает и руководит художественной самодеятельностью. Как и большинство сель-

[14] Полевая запись 22.II 1962 г.

ских учителей, принимает активное участие в жизни колхозников. Несколько лет М. Рахманкулов был агитатором в колхозных бригадах. В 1962 г. он был внештатным пропагандистом, вел кружок политического образования, был лектором Всесоюзного общества «Знание» и внештатным инспектором райкома партии [15]. Молодой учитель ведет большую общественную работу и его пример может дать представление о том, какое место занимает сельский учитель в общественно-политической и культурной жизни узбекского кишлака.

Педагоги, подобные Рахманкулову, стремятся не только передать свои знания, но и ведут большую воспитательную работу среди учащейся молодежи.

В этом отношении показательна история руководимого Рахманкуловым класса, названного в школьном коллективе «коммунистическим». Ранее этот класс был отстающим; в нем было много нарушителей дисциплины. М. Рахманкулов провел большую воспитательную работу, и к седьмому году обучения класс стал показательным в школе. Самодеятельность и общественная инициатива — вот тот ключ, который помогает в работе. Ученики сами следят за порядком, оказывают помощь отстающим. Классный руководитель умело направляет ребят. В 1963/64 учебном году М. Рахманкулов взял другой отстающий класс и вывел его на первое место. В марте 1964 г. этому классу было вручено переходящее знамя за 100-процентную успеваемость и посещаемость.

Самодеятельность, в самом широком понимании этого слова (а именно этот термин, нам кажется, наиболее точно передает сущность явления), раскрывшаяся в школьной среде,— проявление более широкой тенденции, охватывающей все слои населения и все стороны общественного быта; эта тенденция в селениях изучаемого района характерна для последних лет.

Даже в начале 1930-х годов то или иное культурное начинание в кишлаке, уже в силу своей новизны, необычности, встречало трудности для своего осуществления; приходилось вести разъяснительную работу, побеждать инертность людей. Сейчас колхозники — жители узбекских селений — совсем иные люди, чем были прежде; их сознание, их культурные запросы, не отстающие от времени, диктуют им самим необходимость проявить инициативу, взять дело в свои руки.

Весьма примечательно, что застрельщиком здесь выступает молодежь селений, т. е. поколение, которое наиболее восприимчиво ко всему новому, прогрессивному. Так, в кишлаках группы Казак-Найман именно по требованию молодых колхозников, поддержанному бригадиром колхоза Рабией Адиловой, началась

[15] Полевая запись 22.II 1962 г. от Мардонкула Рахманкулова.

Учитель Мардонкул Рахманкулов; (фото Г. П. Снесарева)

регулярная демонстрация кинофильмов. Молодежь самого отдаленного в этом же колхозе с. Сазаган была инициатором строительства клуба в своем селении. В 1962 г., во время наших полевых работ строительство его не было еще окончательно завершено — не был настлан пол. Однако никто не хотел ждать, и из районного центра стали привозить фильмы. Юноши, девушки, молодые женщины, многие с детьми, приходили со своими стульями, табуретками, а то и просто рассаживались на утрамбованной земле зрительного зала. «Если бы каждый день привозили кинокартины — каждый день здесь было бы полно народа»,— говорили тогда сазаганцы [16]. В настоящее время сазаганский клуб стал одним из лучших в районе.

В том же Сазагане над одной из каменистых террас, нависавшей над дорогой, годом раньше, весь апрель в воздух поднимались тучи пыли: это сазаганская молодежь — школьники, учителя, колхозники по собственной инициативе строили свой стадион. Работа началась задолго до того, как из центра колхоза прислали бульдозер. Стадион был построен. Но этого уже оказалось мало. Было решено строить рядом помещение для спортивного зала.

[16] Полевая запись 29.X 1962 г.

Таким же постоянно действующим фактором, формирующим социалистическое сознание крестьянства, как и народное образование, является та политико-воспитательная работа и пропаганда научных знаний, которая проводится среди сельского населения общественными и культурными организациями.

Эта работа, начатая Коммунистической партией в узбекской деревне с первых же лет после революции, вооружила широкие слои трудящегося крестьянства передовыми идеями, пробудила их общественно-политическую активность и в период коллективизации сельского хозяйства обеспечила переход на новый, социалистический путь развития.

За истекшие десятилетия систематически улучшается политико-воспитательная работа в деревне, более разнообразны становятся методы ее проведения, тематика лекций и бесед; она охватывает все более широкие слои крестьянства.

Значение идеологической работы среди тружеников сельского хозяйства все более возрастает. «Партия считает главным в идеологической работе на современном этапе — воспитание всех трудящихся в духе высокой идейности и преданности коммунизму, коммунистического отношения к труду и общественному хозяйству, полное преодоление пережитков буржуазных взглядов и нравов, всестороннее, гармоническое развитие личности, создание подлинного богатства духовной культуры» [17].

Формы массовой воспитательной работы в селениях Нижнего Даргома, как и в других местах, разнообразны: приезжие лекторы и преимущественно местная интеллигенция из партийного актива читают лекции на различные темы, проводят семинары. Работают кружки политического образования; особенно популярна форма бесед на конкретные темы в бригадах либо до работы, либо в обеденный перерыв.

Говоря о массовой воспитательной работе в исследуемых районах и их селениях, следует отметить, что в прошлом, например в 1930-х годах, эту работу проводили главным образом лекторы, докладчики, приезжавшие из центра района или области; сейчас же каждый колхоз и его бригады имеют свои кадры для проведения массовой работы. Это руководители колхозов и колхозных общественных организаций, учителя, агрономы, врачи. Почти во всех коллективных хозяйствах созданы отделения общества «Знание». Такое отделение в колхозе «Коммунизм» уже при своей организации в 1961 г. насчитывало 12 членов, в основном учителей местных школ. В первый же зимне-весенний сезон силами общества были прочитаны лекции и проведены беседы по бригадам на темы: «Об итогах январского Пленума ЦК КПСС», «О выборах в местные советы», «О морали», «О гигиене колхозников», «О воспитании молодого поколения»; в период, предшествовавший началу уразы, проводились беседы на атеистические темы. По словам старых лекторов, к вопросам атеизма сейчас проявляется больший интерес, чем раньше; слушатели глубже вникают в содержание бесед, задают вопросы.

[17] «Программа КПСС», стр. 117.

Народное образование и грамотность сельского населения открыли для узбекского крестьянина пути к еще одному источнику познания, расширившему его кругозор,— к литературе художественной, научной, публицистической, периодической печати, тысячью нитей связавших каждого жителя кишлака со всей страной, с ее народами, с зарубежным миром. Для исчезновения былой духовной изоляции узбекского крестьянства эти источники обладают особой силой. Родившаяся в социалистической деревне потребность людей знать много и полно об окружающем мире — это новое явление, невозможное в старом кишлаке. Даже люди старшего поколения не отстают от молодых.

Приведем цифры подписки на периодическую печать по одному лишь колхозу «Коммунизм», насчитывающему 1295 хозяйств. Здесь колхозники в 1962 г. выписывали газеты «Қзыл Узбекистан» — 240 экз., «Ленин юлы» — 200, журнал «Узбекистан хатын-кизляри»— 90, «Муштум» — 96, «Фан ва турмуш» — 30 экз.; растет подписка на издания на русском языке газет «Правда» и «Правда Востока», журнала «Огонек». Это наблюдается и в тех кишлаках, на каждый из которых до революции приходилось по два-три грамотных человека. «В нашем кишлаке,— вспоминает старый житель селения Дунг,— было только два грамотных человека. Если крестьянин получал письмо, то шел к кому-нибудь из них, чтобы его прочесть. А муллы были такие, что прочесть письмо не могли» [18]. «Во времена моей молодости,— говорит 76-летний старик из селения Баймак,— в нашем кишлаке было четыре грамотных человека» [19].

Библиотек, находящихся в ведении сельских советов и школ, в деревне много. Однако не до всех кишлаков и не до всех возрастных слоев населения книга доходит в равной степени, так как библиотеки сосредоточены преимущественно на центральных усадьбах и жители периферийных селений пользуются ими значительно реже. В том же колхозе «Коммунизм», в его центре — в поселке Чархин — библиотека была создана в 1952 г. В 1961 г. она насчитывала свыше 16 тыс. книг (из которых около $^1/_3$ — на узбекском языке) и 380 постоянных читателей. Наибольшим спросом пользуется художественная, сельскохозяйственная и политическая литература. Чархинская библиотека считается центральной; отсюда посылают передвижки на расположенные рядом железнодорожную станцию Улугбек, хлоппункт, биокомбинат [20].

[18] Полевая запись 14.II 1962 г.
[19] Там же.
[20] Полевая запись 21.IV 1961 г.

Хуже обстоит дело с обслуживанием колхозных бригад; обычно только во время посевных и уборочных кампаний библиотека работает на полевых станах. Правда, в данном колхозе в последнее время филиал библиотеки появился в селении Балхион. Но в далеком Сазагане библиотека существует давно, и это не случайно: нам уже приходилось говорить о большой культурности сазаганцев.

Если значительная часть колхозной молодежи, особенно окончившая школу или продолжающая образование заочно, знает и любит книгу, то в круг старших по возрасту людей (исключая интеллигенцию и колхозный актив) литература проникает медленнее. Это же относится и к женщинам, что отчасти связано с их загрузкой: работа и заботы о семье оставляют им мало свободного времени.

И все же можно с уверенностью сказать, что книга органически вошла в жизнь узбекского крестьянина. Не следует забывать, что в самых отдаленных кишлаках имеются школы с библиотеками и книги через учащуюся молодежь попадают в семьи. Молодые колхозники, уже работающие, продолжают пользоваться школьными библиотеками. А так как в любой семье есть либо школьники, либо учащиеся техникумов и высших учебных заведений, либо представители сельской интеллигенции — всюду в домах колхозников мы видим книги. Эти домашние библиотечки различны по объему, подбору и характеру литературы. Знаменателен сам факт, что там, где еще 30 лет назад, кроме истрепанного корана на арабском языке, книг не было, мы находим сейчас книги узбекских авторов, переводы произведений русских дореволюционных и советских писателей, классиков марксизма-ленинизма, специальную сельскохозяйственную литературу, а в последние годы — книги писателей и поэтов на русском языке и сборники повестей и рассказов зарубежных классиков литературы, переведенных на узбекский и русский языки.

В том, что современный крестьянин знаком с литературой, убеждают повседневные беседы с молодежью: вам назовут десятки авторов, напомнят содержание полюбившихся книг, оценят характеры их героев.

Отдельные представители пастдаргомской молодежи не только хорошо знают современную поэзию — узбекскую, русскую, но и сами пишут стихи. Стихи самодеятельных поэтов современны, злободневны по содержанию. Сын колхозника из с. Намазго, учащийся в Самарканде, Фармон Худайбердиев пишет стихи и периодически печатает их в районной газете. В Сазагане любят местного поэта Мансура Нурматова, являющегося к тому же хорошим чтецом; последнее время он живет с семьей в поселке суперфосфатного завода. Когда в местном Дворце культуры бывают концерты профессиональных артистов, Мансура Нурматова часто вызывают на сцену почитатели его таланта. В стенных

газетах колхозных бригад нередко можно видеть талантливо написанные фельетоны и стихи колхозников.

Среди всех видов политического и научного просвещения, эстетического воспитания людей совершенно исключительное место занимает радио, которое связывает с центрами районов, областей, республик самые отдаленные кишлаки. В редком кишлачном доме нет радиоточки или приемника. Значение радиовещания с его разнообразными формами и методами работы тем более велико, что оно имеет возможность проникнуть в пока еще замкнутую ячейку общества — в семью, обратиться к любому человеку, по тем или иным причинам стоящему в стороне от общественной жизни. В связи с этим необходимо заметить, что огромные возможности радиовещания, в частности в области атеистического воспитания и борьбы с разного рода семейно-бытовыми пережитками, используются еще недостаточно. А для среднеазиатского кишлака, где подобные пережитки наблюдаются именно в семье, куда лекторы и агитаторы не всегда имеют доступ, творческое использование средств радиовещания может дать большой эффект.

Передачи по радио в кишлаках слушают все: и работающие члены сельскохозяйственных артелей, и учащаяся молодежь, и та часть женщин, которая в силу обстоятельств вынуждена пребывать дома, и старики. В кругах старшего поколения существует особенно благодарное и, можно сказать, почтительное отношение к радиопередачам.

Во многих местах стало традицией собираться по вечерам в чьей-нибудь мехманхане послушать вечернюю радиоперадачу. На таких собраниях обычно идет оживленный обмен мнениями по поводу услышанного. Так происходит, например, в селении Балхион. Когда наступает время передач последних известий, старейший балхионец Шерали-баба всегда водворяет тишину. Здесь охотно слушают и художественные передачи. «Раньше мы и за деньги не имели возможности слушать лучших хафизов (певцов.— *Г. С.*) — говорит Шерали-баба,— а сейчас по радио их пение нам каждый день передают» [21].

Если современный узбекский крестьянин, даже в самом далеком кишлаке, знает о том, какие события происходят в мире, если до него вовремя доходят сообщения о новейших достижениях науки и техники, то этим он в первую очередь обязан тому, что радио стало обычным явлением в узбекском кишлаке.

За последние годы столь же широко начинает проникать в кишлаки и телевидение.

Органически вошло в быт узбекского кишлака киноискусство. Давно миновали времена, когда воспроизведение на экране

[21] Полевая запись 15.II 1962 г.

живой жизни казалось каким-то чудом: только старики любят, посмеиваясь, вспоминать об этом.

Кино стало своеобразным мерилом культурной работы в тех или иных сельских местностях: когда речь заходит о недостатках в культурной жизни, вам прежде всего с огорчением скажут, что кинопередвижка бывает здесь слишком редко. В тех селениях, где имеются клубные помещения, фильмы демонстрируются в них. В таких крупных поселках Нижнего Даргома, как Чархин, имеются специальные помещения для зимнего и летнего кинотеатров. Если специально приспособленных помещений нет, то демонстрацию фильма устраивают в школах — все тех же неизменных очагах культуры в деревне. Так было в Сазагане, пока не построили клуб. Летом передвижки работают на открытом воздухе.

Так же как и литература, киноискусство доходит не до всех слоев сельского населения в равной степени. У молодого поколения знакомство со всем новым, что демонстрируется на экранах, вошло в систему. Это объясняется и более высоким культурным уровнем молодого поколения, и большей его подвижностью, особенно мужчин, которые значительно чаще появляются там, где есть очаги культуры, на центральных усадьбах колхозников, на соседних предприятиях, в районном центре, в Самарканде. Девушки (и учащиеся, и колхозницы) также компанией ездят в кино.

Менее доступно кино молодым женщинам, которые заняты и на полевых работах и дома, а многие имеют маленьких детей. В последние годы входят в обычай совместные посещения кино и концертов мужем и женой. Это, кстати, чаще наблюдается в кишлаках, расположенных по соседству с суперфосфатным заводом, биокомбинатом и другими предприятиями, на которых работают молодые мужчины из колхозных селений.

Было бы ошибкой считать, что старшее поколение не проявляет интереса к киноискусству. Когда летом передвижки демонстрируют фильмы на открытом воздухе, среди зрителей немало лиц старшего поколения. Среди них есть и энтузиасты — любители кино, каким, например, слывет 55-летний М. из селения Намазго. «Я очень люблю кино; на спектакль не пойду, а в кино обязательно»,— признается он. Кстати, когда в 1962 г., при подготовке к тою, старики-устроители сбились с ног в поисках М., последний преспокойно смотрел новый фильм [22]. Старая колхозница Н. из этого же кишлака смотрит все новые фильмы и на узбекском и на русском языках. «Последний раз,— рассказывает ее сын,— она видела «Слепого музыканта», по Короленко; мы с женой не смогли отлучиться из дома, но мать нам подробно рассказала содержание фильма». Эта старая колхозница перечитала все книги, имеющиеся у сына-учителя; особенно любит она узбекские эпические поэмы — *дастаны* [23].

[22] Полевая запись В. Н. Басилова 11.II 1962 г.

Несмотря на имеющиеся еще недочеты в работе по кинофикации в кишлаках, значение киноискусства огромно. Знакомя сельского жителя с жизнью других народов, донося до самых отдаленных селений большие политические и моральные проблемы наших дней, оно заставляет много думать, многое обобщать.

* * *

Нынешнее молодое поколение колхозников — это те, кто уже сейчас занимает важные позиции в сельскохозяйственном производстве и общественной жизни колхозов. Молоды механизаторы; все больше молодых людей становится бригадирами и руководителями колхозов; много молодежи среди сельской интеллигенции. Поэтому изменения в общественной и личной жизни молодежи, в ее духовном облике представляют особый интерес.

Былая застойность быта узбекского кишлака, естественно, не могла не оставить родимых пятен в современной деревне. Влияние некоторых отрицательных традиций не может считаться совершенно изжитым и в среде молодежи, хотя именно она наиболее восприимчива ко всему новому, прогрессивному.

Отрицательные влияния проявляются почти исключительно в области семейных отношений, в сфере некоторых обычаев и обрядов.

Здесь мы рассмотрим некоторые новые явления общественного и частного быта молодежи, который, естественно, имеет свои специфические особенности, отличные от быта других поколений. Одни из этих явлений уже прочно утвердились, другие лишь завоевывают свои позиции; однако все они характеризуют определенную тенденцию в жизни молодежи. Эти явления мы проследим и в области культурной жизни молодежи, тех видов общения, которые заполняют досуг сельского молодого поколения. Для духовного развития молодежи это имеет большое значение.

Сейчас молодежь принимает участие во всех общественных мероприятиях колхоза; это — агитаторы, пропагандисты, слушатели лекций и докладов. Молодежь много читает, любит киноискусство.

В дореволюционных кишлаках Нижнего Даргома жизнь молодежи, как и всего населения, редко выходила за границы своих селений. Поездки даже в Самарканд были редким явлением.

Нельзя сказать, чтобы молодежь старого кишлака не знала, чем заполнить свой досуг, хотя, конечно, для основной ее массы

[23] Полевая запись В. Н. Басилова 9.II 1962 г.

крестьянский труд, начинавшийся с очень раннего возраста, оставлял слишком мало свободного времени. Развлекалась молодежь преимущественно зимой. Это было время проведения тоев по поводу бракосочетаний и обрезания, а также периодических вечеринок молодежных товариществ — гаштаков, возрастных объединений с традиционной общей трапезой, организуемой в складчину либо по принципу очередности несения материальных затрат. На тоях молодежь выступала на состязаниях по борьбе, в излюбленных в Нижнем Даргоме купкари, происходивших между сохранявшими тогда свое значение родоплеменными подразделениями. На гаштаках молодые люди (девушки на них не допускались) танцевали, пели, играли в разные игры, в том числе в кости (позднее в карты). Весной или осенью народно-спортивные состязания молодежь устраивала на традиционных сайлях, гуляниях, излюбленными местами которых здесь был кишлак Даул на Карадарье, а также степь, прилегающая к каналу Даргом. Развлечением молодежи были и гуляния в дни религиозных праздников рамазан и курбан-байрам. Досуг молодежи был заполнен разнообразными развлечениями; на гаштаках всегда было весело; на соревнованиях *чавандозы* (всадники) имели возможность демонстрировать свою физическую силу и ловкость. Занимательно было на сайлях, особенно весенних, проходивших за селениями. И, возможно, молодежь того времени все это могло увлекать. Но современная молодежь не похожа на дореволюционную. Ее запросы и культурные требования настолько изменились и выросли, что былые способы проведения досуга ни в коей мере не могут ее удовлетворить. Современная социалистическая культура давно вошла в быт колхозной молодежи. Молодежь увлекается театром, кино, изобразительным искусством, всеми видами народного творчества. Она создает самодеятельные театры, песенные и танцевальные коллективы. И особенно большое место в ее жизни занимают современные виды спорта.

В силу того что современная колхозная молодежь в основном люди с широким кругозором и запросами, она, не мирясь с имеющимися еще в деревне недостатками на культурном фронте, берет инициативу в свои руки и, пожалуй, в этой области жизни узбекской деревни самодеятельность в широком ее понимании проявляется особенно рельефно. Так обстоит дело, например, с народным творчеством.

Еще в 1927 г. партийно-комсомольский актив Чархина организовал кружок художественной самодеятельности. Актерами-любителями были комсомолец Зиадулла Ачилов, молодые женщины, снявшие паранджу, Иззат Султанова, Хосият Турсунова, Хосият Ходжаева, Мусаллам Саидова, а также Шариф Турсунов (брат Хосият Турсуновой), Нарходжа Ходжаев (впоследствии стал директором совхоза в Джамбайском районе), Бекмурад

Выступление школьного кружка самодеятельности (к. Сарай; фото Н. С. Кармазина)

Ходжаназаров (был долгое время председателем сельсовета, ныне на пенсии, житель кишлака Миankау) и другие. Репетиции проходили в школе, а спектакли и концерты ставили на импровизированной сцене в кишлаках. Погрузившись на три-четыре арбы, молодые энтузиасты выезжали даже в такие отдаленные кишлаки, как Сазаган. Репертуар этого первого народного театра Пастдаргомского района включал все лучшее, что было тогда в молодой узбекской драматургии. Сила воздействия спектаклей на зрителей была чрезвычайно велика, и трудно переоценить их значение. Одно то, что женщины-мусульманки, имеющие мужа и детей, выступали перед сотнями зрителей, было исключительной победой, целой революцией.

По убеждению наших информаторов, активистов 1920-х годов, такие большие победы в борьбе за новую жизнь были достигнуты тогда прежде всего благодаря повседневному руководству и помощи партийных, комсомольских, советских организаций Самарканда.

В наше время в ряде мест, как, например, в колхозе им. Ленина, в садово-виноградарском совхозе и других имеются хорошо организованные кружки художественной самодеятельности, известные по выступлениям за пределами своих производственных коллективов. В колхозе «Коммунизм» пользуется особой популярностью музыкально-драматический кружок школы № 49, известный во всех бригадах. В последние годы интересную и разнообразную работу стали проводить клубы колхозов «Моск-

ва», «Правда», им. С. М. Кирова, «Ленинизм». В Джуме есть народный театр, которым руководит профессиональный актер.

Народный спорт был некогда почти единственным видом развлечения молодежи. Эта любовь к спорту, вообще свойственная юношеству, естественно проявляется и в наши дни. Некоторые его виды, бытовавшие в прошлом,— конные состязания, борьба и др.— до сих пор занимают молодежь, однако теперь они стали частью организованного советского спорта и преобразованы с учетом новых правил. В Пастдаргоме, особенно в его степной зоне, кое-где еще бытует купкари; они, как и раньше, сопровождают здесь разные тои. Однако молодежь к этому виду спорта заметно охладевает. Характерно высказывание жителя кишлака Баймак М. Норова: «Наблюдать купкари не представляет никакого интереса. Все — лошади и люди в одну кучу,— люди рвут тушу козленка, драка. Вот футбол — это интересная игра. В ней видна сила людей, их выносливость, их умная организация» [24]. М. Норов, сейчас уже отец большого семейства, еще совсем недавно посещал спортзал Дворца культуры суперфосфатного завода и выступал на соревнованиях по классической и национальной борьбе.

В ближайших к Самарканду колхозных селениях купкари уже совсем не бывают. В 1962 г. тои не сопровождались купкари, так как колхозники считают купкари несовместимым с современным понятием культурности.

В горном селении Сазаган, о котором нам уже приходилось говорить, купкари еще устраивают. Однако, когда спрашиваешь о лучших его участниках, чавандозах, нам — и это весьма характерно — называют людей, уже перешагнувших юношеский возраст, лет от 30 до 50. Более молодые увлечены другими, современными видами спорта. Особенно любят здесь, как и везде, волейбол. К старшим школьникам присоединяются молодые колхозники. Футбол, как вид спорта, у сазаганцев пока не популярен, однако не приходится сомневаться, что теперь, после того как здесь построили свою спортплощадку, и этот вид спорта увлечет молодежь. В Сазагане, как и в соседнем, тоже расположенном в горах Игригулче, имеются хорошие охотники; среди них есть разрядники по стрелковому спорту и выступающие на соревнованиях.

Внизу, на равнине, особенно в таких больших старых селениях, как Чархин, виды спорта разнообразнее. Увлечение спортом родилось и здесь опять-таки в школах, и не удивительно: дети с раннего возраста занимаются физической культурой. Школьные преподаватели физкультуры обычно становятся и организаторами спорта в том или ином колхозе. В Чархине таким

[24] Полевая запись 13.II 1962 г. от Маматкула Норова.

энтузиастом спортивной работы долго был (до своей болезни) педагог школы № 49 Эргашев.

В Чархине хороший стадион; он стал базой для колхозного спортивного коллектива, входящего в общество «Пахтакор». Чархинская молодежь занимается многими видами спорта. Спортивная традиция укрепилась здесь давно. В 1960 г. проводилась внутриколхозная спартакиада, отдельные соревнования по волейболу, велогонкам, шахматам; было подготовлено 118 значкистов первой степени и 12 — второй степени ГТО. В том же году колхозная команда заняла первое место в межколхозных соревнованиях. В отличие от Сазагана здесь занимаются спортом не только школьницы, но и девушки-колхозницы.

Все более уверенно входя в быт узбекской сельской молодежи, современный спорт не только помогает растить здоровых, сильных людей. Глубокие принципы коллективизма, заложенные в любом виде советского спорта, сплачивают молодежь, помогают вырабатывать и крепить общность интересов и целеустремленность — качества, столь необходимые строителям нового общества. Коллективизм в проведении досуга, достигаемый, в частности, спортом, как и совместный труд, совместная общественная деятельность, рождает новые отношения между людьми и, в конечном итоге, содействует появлению молодого человека совсем нового духовного облика.

Также новым, возникшим в последние годы, является увлечение молодежи фотографией. Даже в небольшом, затерянном в ущелье кишлаке Игригулча некоторые имеют фотоаппараты. Интересно, что в кишлаке Баймак фотографией стали увлекаться под влиянием молодежи соседнего поселка суперфосфатного завода.

В Нижнем Даргоме в результате борьбы нового со старым почти исчезли гаштаки сельской молодежи [25]. Если кое-где и встречается нечто напоминающее их, то по содержанию сходство оказывается чисто формальным. Так, в селении Балхион гаштаки превратились в обычные вечеринки; осталось лишь название, складчинное угощение и некий персонаж, отдаленно напоминающий *бобо* — руководителя былого гаштака. Теперь это обыкновенный тамада вечеринки. Забыты разнообразные в прошлом виды штрафов и наказаний, строгое соблюдение неписанного устава. Что же делают балхионцы на своих «гаштаках»? В обыкновение вошли собеседования о событиях международной жизни; ими руководит балхионец, педагог чархинской шко-

[25] Подробней о гаштаках см.: С. М. Мирхасилов. К истории общественного быта узбеков. «Советская этнография», 1963, № 5, стр. 116—121; Г. П. Снесарев. Традиция мужских союзов в ее позднейшем варианте у народов Средней Азии. «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 7. «Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958—1961 гг.». М., 1963, стр. 155—205.

лы; как правило, слушают радиопередачи — художественные программы, последние известия и, конечно, как и всюду, много говорят и спорят о своих конкретных колхозных делах.

В Чархине, Казак-Наймане, Сазагане, Аксае и других селениях называют гаштаками также собрания со складчинным пловом, которые устраивают вечерами после занятий участники кружков и семинаров. Старосту кружка, председательствующего на такой вечеринке, по традиции именуют бобо. В них принимают участие и женщины, занимающиеся в кружках и семинарах,— факт беспрецедентный за всю многовековую историю гаштаков и гапов — этих специфически мужских объединений. Характерно и отмирание другого — возрастного принципа гаштаков: подобные вечеринки часто устраивают люди разных возрастов, но одной профессии, специальности — учителя, механизаторы, животноводы и др.

Особенно большая активность молодежи проявляется в дни революционных праздников. Юноши и девушки съезжаются на автомашинах со всех селений в центр Пастдаргомского района, поселок Джуму, где на площади бывает праздничная демонстрация. Демонстрации и выступления молодежи на праздничных концертах происходят в эти дни и в селениях, далеко расположенных от центра района. В Сазагане, Аксае и других местах в руководстве праздником основное место занимают опять-таки местные школы и их педагоги. И здесь, в некогда глухих кишлаках стремятся не отстать от центра района.

Совершенно новое явление в современном быту — празднование нового года. *Навруз* — старинный земледельческий праздник начала года, приходившийся на март, давно забыт. Когда-то он был связан с весенними гуляньями — сайлями, о которых уже упоминалось. Эти гулянья и тогда уже были лишены религиозно-магического содержания. Многое в проведении сайлей, связанных с возрождением природы, было увлекательным, особенно для молодежи. Нам представляется весьма целесообразным и интересным возродить на новой основе эту национальную традицию.

Современный праздник Нового года (1 января) справляется преимущественно в среде интеллигенции и сельской молодежи. Он мало чем отличается от повсеместно распространенного в нашей стране обычая. Первыми в сельской местности празднование Нового года ввели, конечно, школы — уже в первые послевоенные годы. В школах для детей делают елку, которую заменяет здесь арча (древовидный можжевельник), привозимая с гор. В последние годы школьникам, не ограничиваясь устройством традиционного плова, раздают также подарки. Появился и Дед-Мороз, по-местному — Кар-баба, т. е. снежный дед. Учителя в ночь под 1 января устраивают вечер встречи Нового года вскладчину.

В последние два-три года в некоторых селениях предгорий, например в Сазагане, елки на Новый год появляются и в отдельных семьях. «Мы ведь в горах среди арчи живем»,— говорят сазаганцы. Мужская молодежь Сазагана в ночь на Новый год устраивает вечеринки с музыкой, пением, танцами. Здесь, видимо, следуя старинной традиции гаштаков, такие складчины организуются по отдельным кварталам селения.

В 1962 г., по рассказам сазаганца Шомурадова, Новый год здесь встречали и девушки, правда, пока еще своей отдельной компанией.

* * *

Особо следует остановиться на той области мировоззрения, которая связана с религиозными верованиями, так как именно в ней нагляднее всего отразились огромные изменения в сознании сельского жителя.

В большей или меньшей степени, в зависимости от исторических судеб тех или иных хозяйственно-культурных областей края, религия занимала значительное место в жизни населения Средней Азии. Ислам господствовал в Средней Азии на протяжении 12 столетий. В самой своей закостеневшей форме феодальной религии он местами (Бухарское и Хивинское ханства) дожил до революции; здесь его догматика и обрядность в значительной степени подчиняли себе общественную и частную жизнь людей; народное образование и судопроизводство находились в руках духовенства.

Влияние ислама было неодинаково у разных народов Средней Азии и в разной социальной среде, однако значение его в целом ни в коей мере нельзя недооценивать. Даже накануне революции и эпохи социальных преобразований целые большие районы края тяготели к таким древним центрам мусульманства, как Бухара, Хива, Коканд и др.; влияние последних проникало далеко в степь и в горы.

Степень влияния ислама зависела от многих причин, и в частности, от этнической принадлежности населения данного района и форм его хозяйства. О причинах отсутствия религиозного фанатизма у населения присамаркандских районов будет сказано ниже.

В настоящее время отношение к вопросам религиозной идеологии неодинаково в разных социальных и возрастных слоях населения. Исследуя в общем довольно однородную среду — сельское население Узбекистана, мы в данном вопросе обратим главное внимание на различные поколения современного крестьянства и начнем с тех возрастных групп, где этот вопрос менее всего сложен, где отношение к религии в целом определяется

довольно четко. Мы имеем в виду современную сельскую молодежь.

Можно с полной уверенностью сказать на основании длительных и тщательных наблюдений, что молодежь Пастдаргомского района не знает религии и не проявляет к ней никакого интереса. (К молодежи мы относим людей до 35-летнего возраста обоего пола.) Некоторые оговорки мы должны сделать лишь в отношении молодых замужних женщин. Хотя они, как правило, получают до замужества достаточное образование, однако, попадая после замужества иногда в довольно сложную семейную обстановку (а семья, как известно, является именно той ячейкой, где еще сохраняются разного рода пережитки), они легче подпадают под влияние отживающих традиций.

Конечно, всю молодежь в целом нельзя рассматривать в интересующем нас аспекте как нечто однородное. Среди молодежи есть люди, обладающие кое-какими знаниями истории ислама, его догматов; это в большинстве те, чьи семьи в той или иной степени ближе соприкасались со средой духовенства или просто с религиозными людьми. Однако наличие подобной прослойки не характеризует молодежь в целом.

В массе своей молодежь относится к религии и ее обрядам как к чему-то давно ушедшему, а если порой и бывает втянута в совершение тех или иных старых обрядов (например, свадьба, похороны, обрезание), то делает это лишь под влиянием ложного «общественного» мнения и, главное, не зная и не понимая смысла религиозных обрядов.

О полном равнодушии к вопросам религии можно судить по беседам с представителями молодежи.

В селении Балхион в одном из домов зимой 1962 г. собралась группа молодых мужчин и их жен. Женщины не только охотно приняли участие в оживленной беседе, но и проявили большую активность. Как выяснилось, никто из этой молодежи не знает мифологии и преданий ислама, ни одного персонажа преданий и мифов, кроме самого Мухаммеда; однако, когда и где жил последний, никто из молодежи сказать не мог.

Значение того или иного обряда, легенда, с ним связанная, для молодежи неизвестны. Зная, что курбан-байрам — это праздник жертвоприношения, молодые люди не смогли даже привести пресловутый миф о Ибрагиме и Исмаиле: они просто его не знают.

Слова, связанные с разными категориями религиозно запрещенного и дозволенного (фарз, суннат, макрух, ваджиб), звучат для них как термины какого-то непонятного языка, каковым по существу и является арабский язык богословия. Им знаком термин харом, однако в самом узком его применении к пищевым запретам, не более. И тут же большинство собеседников добавляют, что свинину они едят.

Долго думали в связи с термином такдир — предопределение. Робко и неуверенно решила в этом разобраться молодая жена хозяина: «Вот случается иногда с человеком несчастье — тогда говорят: такдир». Представление о божественном предопределении органически чуждо сознанию современной молодежи, так же как и все учение о загробной жизни и загробном воздаянии. По словам молодежи, понятие ад *дузах*, рай *джаннат* и для многих представителей даже старшего поколения стало совершенно отвлеченным понятием [26]. Действительно, только этим можно объяснить ставшее ходовым среди стариков равнодушно-ироническое отношение к загробным наказаниям, легенда о которых столетиями подчиняла религии сознание мусульманина.

Можно было бы предположить, что те представители младшего поколения, которые в силу тех или иных причин чаще общаются со стариками, больше знают о религиозном учении. Но вот молодой житель селения Чархин А., 35 лет, весьма любознателен и, по собственному признанию, всегда любил слушать рассказы стариков. Однако и он не может сказать ничего определенного о мусульманской догматике и мифологии. О религиозно-запретном *харом* он также знает лишь в применении этого понятия к пище. О мифологических истоках религиозных праздников, в частности курбан-байрам, у него сохранились в памяти лишь какие-то смутные фрагменты («кто-то в старину должен был принести в жертву сына, но потом последнего заменили бараном»). Однажды наш знакомый рассказал, что провел вечер в селении Хишрау в компании стариков во время праздника мавлюд [27]. Попытка выяснить у него, что это за праздник, была безрезультатна — молодой человек попросту этого не знал.

В большинстве молодежь не верит в бога. Отрицание каких-то сверхъестественных сил, управляющих миром, совершенно естественно у современной молодежи. Это логический вывод из всего жизненного опыта, из полученных научных знаний.

Вместе с тем следует отметить, что хотя молодежь в целом безрелигиозна, однако часто не имеет специальной научно-атеистической подготовки, чтобы с материалистических позиций опровергать доводы духовенства и верующих, чтобы самим вести активную научно-атеистическую пропаганду. Поэтому научно-атеистическая работа среди молодежи также актуальна: она, с одной стороны, поможет охранить молодое поколение от религиозных влияний, с другой — вооружить молодежь теорией и методами для активного наступления на религиозные традиции.

Научно-атеистическое воспитание молодежи необходимо еще и по другой причине. Если к мусульманской религии огромное большинство молодежи относится индифферентно и ислама по

[26] Полевая запись 15.II 1962 г.

[27] Мавлюд — праздник дня рождения пророка Мухаммеда.

существу не знает, то пережитки более ранних верований (веры в духов, в дурной глаз, магические способы оберегов и «лечения» и т. д.) еще не полностью изжиты, и некоторая часть молодежи еще находится под их влиянием.

Обрядовая сторона ислама молодежи так же чужда, как и его догматика. Уразы молодежь, как правило, не соблюдает. Почти никто не знает, почему считалось необходимым соблюдать пост, и даже старики не могут дать вразумительного объяснения этого обычая. Кое-кто из молодежи пытается сам домыслить,— как возник этот обычай.

«В старину во время войны был недостаток в пище, начинался голод,— говорит молодой колхозник из Балхиона,— тогда главнокомандующий отдал приказ о строгой экономии продуктов. Отсюда и произошел пост — ураза» [28].

Не находя никаких рациональных оправданий этому непонятному и неестественному обычаю, молодежь уже давно отказалась от соблюдения данной традиции.

Старики сейчас нередко утверждают, что молодежь перестала соблюдать пост после революции. Если это и не совсем соответствует действительности, так как еще в 1930-х годах многие соблюдали уразу, то в целом подобное высказывание весьма показательно. Оно говорит о том, что уже в бурных событиях 1920-х годов молодежь отказывалась от соблюдения норм ислама. Интересно, что говорят это именно те люди, которые и составляли тогда молодое поколение и которых мы сейчас обычно без всякой дифференциации относим к носителям всяческих пережитков.

Часть молодежи, следуя примеру старшего поколения, совершает в быту некоторые связанные с религией действия, например, после принятия пищи говорит «амин», сопровождая это молитвенным жестом. Однако это лишь привычная форма, лишенная религиозного содержания: с понятием бога никак не ассоциируется. «Это только привычка,— объясняет молодой человек из селения Намазго.— То, что я делаю, означает лишь, что я сыт и больше есть не хочу».

Некоторые молодые женщины довольно стойко еще отказываются употреблять в пищу свинину. Молодые мужчины, особенно те, кто уже служил в армии или учился в городе, давно не обращают внимания на подобные предубеждения. Даже в семьях колхозников, в которых есть религиозные старики, детям постоянно покупают колбасу. Если кому-либо, даже людям старшего возраста, врачи по состоянию здоровья рекомендуют ввести в пищевой рацион свиное сало — никаких протестов не наблюдается: медицине верят безоговорочно. Вообще, если разобраться по существу, оказывается, что религиозный запрет по-

[28] Полевая запись 17.II 1962 г.

большей части здесь не играет никакой роли. Там, где отказ от подобной пищи сохраняется, по крайней мере среди молодежи и лиц среднего возраста, он вызван чаще всего естественным чувством брезгливости, с которой всегда связывается необычная для кухни того или иного народа еда.

Мы не случайно остановились на примерах еще неустоявшегося безрелигиозного сознания части молодежи. Хотя процент молодежи, неустойчивой в своем отношении к религии, незначителен, само наличие его говорит о том, что нельзя ни в коем случае забывать о влиянии старшего поколения на младшие. Быть может, мнение каждого пожилого человека, взятое в отдельности, еще может игнорироваться молодежью, однако, когда старшее поколение объединяет усилия, создавая так называемое общественное мнение, ему противостоять нелегко.

От представителей молодежи нередко можно слышать четко сформулированный протест против вмешательства старших в их жизнь. Молодые люди из селения Намазго обвиняют в этих попытках навязать молодому поколению соблюдение старых традиций, прежде всего тех, «кто чалму надевает и соблюдает уразу» [29].

Среднее поколение, к которым мы относим людей 35—55 лет, также, конечно, неоднородно и уже по своему промежуточному возрастному положению в отношении к вопросам религии примыкает частью к молодежи, частью к старикам. В основном и это поколение, активно занятое в сельском производстве, к религии равнодушно.

То обстоятельство, что и молодежь и среднее поколение отошли от религиозных традиций, легко объяснимо: по существу эти поколения росли уже в новые времена, учились в советской школе, грамотны и образованны.

Пожалуй, для характеристики процесса отхода от религиозных традиций особенно показательно то, что происходит в сознании старшего поколения узбекского крестьянства.

Может показаться, что обращать серьезное внимание на этот вопрос не столь уж существенно: старшее поколение постепенно уходит, а с ним уйдут в область прошлого поддерживаемые им отживающие традиции. Однако нельзя ни в коем случае забывать о своеобразной «эстафете» поколений, при которой старшее поколение вместе с жизненным опытом передает следующему и отживающие взгляды, традиции и обычаи. Все это заставляет нас более внимательно относиться к тем процессам, которые происходят в наши дни в сознании старшего поколения.

В мировоззрении этого поколения, в среде которого больше всего концентрируются религиозные пережитки, от ортодоксального ислама с его догмами, с его педантичными запретами и ре-

[29] Полевая запись 12.II 1962 г.

комендациями — в наши дни все-таки сохранилось очень мало. Конечно, именно в старшем поколении есть та прослойка, которая стоит на защите старых традиций, пытается в этом духе влиять на других. Но старшее поколение далеко не однородно: есть люди верующие, колеблющиеся и отошедшие от религии.

Если взять людей старшего поколения в целом, то совершенно очевидно, что они далеко не те, какими были люди их возраста лет 30—40 тому назад. Теперешние колхозники 60—70-летнего возраста — это то поколение, которое в 1920-х и 1930-х годах в расцвете творческих сил было свидетелем и активным участником коренных преобразований в узбекском кишлаке, строителем социалистической деревни. В Нижнем Даргоме многие были в свое время активистами союза «Кошчи», депутатами сельских советов, участниками всевозможных общественных организаций, комиссий, организаторами первых коммун, а затем колхозов, председателями правлений артелей, бригадирами или звеньевыми. Естественно, их сознание, формировавшееся в новых условиях, не было отягощено грузом дореволюционной идеологии в той же степени, что и сознание их отцов и дедов.

Большинство представителей старшего поколения крестьянства мало знает тот ислам, который столетиями господствовал здесь над умами людей. Упадок ортодоксального ислама в современной деревне очевиден; на причинах этого явления необходимо остановиться подробнее. Исходя из того, что молодежи и людям среднего возраста ислам чужд и непонятен, это может быть выяснено именно в связи с характеристикой степени религиозности старшего поколения.

В дореволюционном прошлом и даже в 1920-х годах основной опорой ислама в деревне была кишлачная мечеть и ее духовенство. В Нижнем Даргоме мечети имелись почти в каждом селении. В них регулярно происходили богослужения, совершались требы; при каждой мечети была духовная школа *мактаб* с обычной для конфессиональных школ Средней Азии программой религиозного обучения. Школами руководили муллы часто с помощью старших учеников.

Мулла и здесь, как повсюду в Средней Азии, был видной фигурой в общественной жизни кишлака, и сама мечеть, помимо культовых функций, выполняла роль своеобразного мужского клуба, так как являлась тем местом в кишлаке, где встречались крестьяне, чтобы потолковать о своих общинных делах.

Строились мечети либо на средства и силами общины, либо кем-нибудь из местных богачей по обету или как богоугодное дело савоб. Обычно ее строили всем «миром». Так, пятничная мечеть в кишлаке Намазго была выстроена в 1913—1914 гг. на средства, собранные с прихожан. Мечеть в селении Баймак, по рассказу одного из старейших жителей селения У. Ергашева, основана была в конце прошлого столетия. Отец его, кишлачный аксакал, вместе с двумя другими дехканами были инициаторами стройки. Кирпич, необходимый для фундамента, взялся изготовить в качестве савоб один из крестьян. Лес для стропил и опорных колонн собрали с домохозяев. Стены возводил приглашенный мастер с помощью поденного рабочего мардикора. Деньги для этого собирали с прихожан. Ежедневно на стройку выходило несколько человек местных жителей. Если кто-нибудь не мог нести свою очередь, то нанимал за себя мардикора. Всем делом распоряжался кишлачный аксакал.

Сейчас в селениях Нижнего Даргома действующих мечетей нет. Они бездействуют уже свыше 30 лет. Здания многих мечетей сохранились и колхозники используют их в хозяйственных целях.

Насколько мечеть и связанный с нею культ были неотъемлемы от старого кишлака, настолько отсутствие ее стало привычным в жизни колхозного крестьянства.

Симптоматично то, что за все прошедшие годы, даже в тот послевоенный период, который принято считать временем некоторого оживления религиозных настроений, в селениях Паст. Даргома никто, даже представители старшего поколения, не возбуждал вопроса об открытии мечетей вновь. Причины этому следует искать прежде всего в том безразличии к религии, которое характерно для современного кишлака. Имеются и другие причины. Среди них немалую роль играет и то обстоятельство, что мечеть изжила себя не только как место культа, но, что не менее существенно, и как центр общественной жизни кишлака, которая давно переместилась в советы, правления колхозов, в школы и клубы.

Однако нельзя не отметить, что по отношению к самим зданиям мечетей среди населения долго еще продолжало сохраняться почтительное, даже граничащее с фетишизацией чувство. Местами, планируя новые поселки, здание бывшей мечети старались оставить в неприкосновенности. Но если оно разбиралось, считалось опасным воспользоваться этим лесом для личных нужд. Правда, общественные здания, например полевые станы *шипанг*, из такого материала строили. 10—15 лет назад разбор здания мечети обставляли своеобразным ритуалом, как это было, например, в Гулякандозе: собирались старики, резали барана или козу, варили мясо. После короткой молитвы старики, взяв в руки кетмени, символически ударяли по стенам мечети, затем колхозники начинали разборку здания. Позднее подобная сакрализация бывшего культового помещения сошла на нет.

Равнодушие к культу, к мечети, как его средоточию, хотя и симптоматично, однако относится скорее к внешней стороне вопроса о религиозности. Но, и углубляясь в сознание людей, мы не найдем ничего, что противоречило бы нашему основному выводу.

65

Прежде всего следует сказать, что большинство стариков не знает молитв и не умеет молиться по строгим правилам ислама [30]. Объясняется это тем, что последние конфессиональные школы, в которых преподавался коран, без знания которого невозможна никакая молитва (всякие импровизации в мусульманстве исключаются), исчезли лет 40 тому назад, и уже не одно поколение за эти годы вошло в жизнь, не имея никакой религиозной подготовки. Один из стариков Казак-Наймана, кстати, верующий, весьма метко описывает то, что происходит, когда старики небольшими группами собираются во время уразы помолиться. По его словам, все присутствующие безмолвно (так как корана они не знают), механически копируют позы предстоящего, т. е. имама; что же касается самого имама, то соблюдение правил молитвы и то, что он произносит, целиком остается на его совести.

В селениях Паст-Даргома, как и повсюду в Средней Азии, имеются муллы, потому что некоторые обряды, как, например, похоронные, совершаются почти всегда по старой традиции и не могут быть соблюдены без лица, более или менее знающего религиозный ритуал. Но что представляют собой эти так называемые муллы? Лица, получившие когда-то специальное мусульманское образование, в наши дни встречаются крайне редко. Муллами сейчас старики избирают тех находящихся уже на покое лиц, которые знают хоть что-нибудь по части богословия. Иногда подобные доморощенные муллы выглядят весьма курьезно. Так, в одном из селений Паст-Даргома подобную роль выполняет старик, всю жизнь славившийся как лихой чавандоз (участник азартных козлодраний).

Общее безразличие к вопросам религии не миновало и самих подобных мулл. Их профессиональное рвение возникает лишь тогда, когда есть случай заработать.

К этой же категории неофициальных служителей культа относятся лица (правда, сейчас довольно редко встречающиеся), которые берут на себя роль «целителей», занимаясь религиозным отчитыванием *куф-суф*. Ориентируются подобные «чудотворцы» на наиболее отсталых женщин. К такого рода самозванцам (их так и называет население) крестьяне, в том числе и верующие старики, относятся крайне отрицательно, и им приходится маскировать свою деятельность. Авторитет медицины у сельского населения настолько прочен, что подобные целители теперь с трудом выискивают себе клиентуру. Критическое отношение к ним верующих стариков весьма показательно: не так уж давно подобные религиозные отчитывания были официально признанной функцией духовенства.

[30] Как известно, каждый намаз обставляется целым рядом правил, в том числе педантичным требованием точно соблюдать ракаты — молитвенные позы.

Значение муллы как духовного наставника среди сельского населения в настоящее время полностью исчезло. Пастдаргомские муллы дискредитировали себя в глазах трудящегося дехканства еще в 1920—1930-х годах, когда они явно или тайно выступали против всего нового. Антиклерикальные настроения, зародившиеся уже давно, сыграли немалую роль в том, что значительная часть нынешнего старшего поколения отошла от религии.

Верующие старики молятся обычно в одиночку или ездят по пятницам в Самарканд, где есть мечеть. Полагающиеся пять намазов совершают по существу лишь те из них, кто по возрасту и состоянию здоровья большей частью пребывает дома. Несоблюдение пятикратных молитв оправдывают занятостью, болезнью. «Я,— говорит верующий старик из Казак-Наймана,— часто делаю прогулы — не совершаю намаза, потому что некогда молиться». Он же, когда собеседники засиделись до часу ночи, заявил, что намаз на заре придется пропустить, так как «четырех часов для сна человеку недостаточно». Основная причина, конечно, кроется именно в равнодушии к вопросам религии, характерном в наши дни даже для старшего поколения.

К соблюдению поста (уразы) большинство стариков и старух относятся более чем легкомысленно с точки зрения ортодоксального ислама. Пытаясь удержать соблюдение традиции, некоторые старики идут на компромисс, заявляя, что держать уразу должны люди, начиная с 40-летнего возраста. Однако и в самом старшем поколении поиски всевозможных лазеек, чтобы уклониться от поста, стали обычным явлением. Обходы канонических правил в этом отношении имели место всегда; так, могли не соблюдать пост больные. Однако никогда эти обходы шариатских норм не достигали такого распространения, как в наши дни. Ссылаются на болезнь, на необходимость работать на приусадебном участке; повсеместно распространилось чисто символическое соблюдение поста, при котором его придерживаются лишь три дня в начале и три дня в конце месяца.

Ифторы — молитвенные собрания стариков в дни поста, происходящие в доме, где недавно кто-то умер, еще бывают. Однако сама молитва и здесь отступает на второе место: для стариков главное — собраться и побеседовать. Молодой учитель рассказывает, как однажды он зашел к соседу, когда у него был ифтор стариков. «А, муаллим!» — встретили меня старики и забросали вопросами. Их интересовало все: и материалы последнего партсъезда, и события на Кубе, и действия оасовцев во Франции, и облет американским космонавтом Земли. Потом заговорили о делах колхоза. Наконец, спохватились: молиться опоздали и пришлось совершить намаз наскоро». Однако в среде старшего поколения верующих есть небольшая категория лиц, пытающихся «спасти» остатки мусульманства. Когда речь заходит о явлениях, связанных с религией и культом, которые явно нелепы, про-

тиворечат современной этике, морали, такие защитники ислама пытаются отнести их за счет неграмотного духовенства, причем не только современного. Многие обряды, например, связанные с почитанием священных мест, столь характерные для Средней Азии, которые еще недавно были неразрывно связаны с исламом, они называют изобретением женщин и невежественных мулл. «Все это — лишнее, об этом ничего нет в коране и шариате, это не признается чистым исламом»,— говорят они. Миф о каком-то «чистом исламе» стал очень популярен в этих кругах. Отклонением от «чистого ислама», произошедшим, по их словам, в первые века истории этой религии, они объясняют многие обычаи, существовавшие столетиями, например, обычай ранних браков и пр. Легенда о «чистом исламе» — последняя попытка защитить религиозную идеологию со всеми присущими ей противоречиями. На это следует обратить внимание, как на одно из проявлений приспособленчества, пытающегося замедлить процесс отхода от религии.

Однако не упомянутая выше категория защитников ислама характерна для старшего поколения в целом. Большая часть старших по возрасту лиц занимает колеблющуюся позицию в вопросах религии, а довольно значительная часть их прямо стоит на пути отказа от религиозного мировоззрения.

Для этой группы типичны рассуждения старика А. из Казак-Наймана. Он проучился 3 года в советской школе. Поэтому в данном случае не школьным образованием следует объяснить его крамольные, с точки зрения религии, мысли, а всем его жизненным опытом, общей культурной революцией в деревне, внедрением научных знаний в широкие слои населения. Всеми доступными ему научными доводами А. опровергает мусульманское религиозное учение о душе и ее загробном существовании, миф о происхождении земли и жизни на ней. Он наивен в своих объяснениях многих естественнонаучных вопросов, но это уже настоящий бунт против религиозного миропонимания. Недаром мулла, которого он хотел уличить в невежестве, раздраженно крикнул: «Так много не спрашивай — кафиром будешь!». «Пусть я буду кафиром,— ответил ему А.,— но на все эти вопросы отвечаю так, как я думаю». Стоит ли добавлять, что старик не верит в бога, не молится, не соблюдает поста.

К старшему поколению близок по возрасту и житель того же селения Н. Он располагает необходимыми научными знаниями для доказательства всей нелепости религиозных легенд о сотворении земли и человека богом. Н. ополчается против рассказов о чудесах, якобы, творимых муллами и ишанами. Не без влияния, видимо, атеистической пропаганды, проводимой в деревне, он разоблачает известное «чудо» с водой, кипящей в пиале, которое в прошлом нередко демонстрировалось разными духовными лицами. В своем неверии он укрепился благодаря собст-

венному опыту, когда под влиянием родных испытал «медицину» мулл и поправился лишь после своего пребывания в Самаркандской больнице.

Интересно отметить, что среди старшего поколения стала ходовой пословица, буквально гласящая: «Сколько ни смотри на небо, открыв рот, хлеб тебе оттуда не упадет». Впервые ее мы услышали от М. Х. (60 лет), называющего себя верующим человеком, в молодые годы учившегося в медресе. Как бы подводя итог раздумиям своего поколения, он говорит, что религия и обряды скоро отомрут. Шариат, по его словам, совсем не современен. В его доме на этажерке много книг; рядом с произведениями узбекских писателей — хрестоматия русской литературы, много книг по медицине: дочь его, недавно закончившая учебу, работает врачом в соседнем районе. Сам М. Х. во время ночных дежурств в бригадной конторе перечитывает любимую книгу — «Историю Бухары» А. Вамбери. При посещении с нами сазаганского ущелья, где растут «священные» чинары и нагромождены валуны, связанные с именем хазрата Али, к которым некогда стекались паломники, М. Х. говорил: «Вамбери доказывает, что хазрат Али никогда не был в Средней Азии». Побывав на чупанатинских высотах, где стоит мазар «святого», почитавшегося как патрон пастухов, М. Х., вернувшись домой, делится впечатлениями: «Это совсем не мазар; просто был наблюдательный пункт. Оттуда хорошо просматриваются все подходы к Самарканду».

Может показаться парадоксальным, что процесс отхода от религиозных верований, прослеживаемый во всех возрастных слоях сельского населения Паст-Даргома, относится прежде всего к той области представлений и культовых действий, которая связана с ортодоксальным исламом, столетиями господствовавшим в Средней Азии. Для объяснения этого явления, помимо причин общего порядка, характерных для социалистической деревни вообще, следует выделить причины местные, среднеазиатские. Чем мощнее были религиозные организации ислама в прошлом с их обширными вакуфами, с безраздельным господством в области образования и судопроизводства, тем острее с исчезновением всего этого после революции был кризис мусульманской идеологии в целом. Исключительную роль сыграло то обстоятельство, что с исчезновением религиозного преподавания в специальных школах был забыт язык богословия, без которого вся мифология ислама, его догматика и каждодневная обрядовая практика обречены были на постепенное отмирание. Предпосылкой для угасания веры явился и антиклерикализм, особенно усилившийся в 1920—1930-х годах, но имевший место в широких массах населения и задолго до революции. Еще в 70-х годах прошлого столетия А. Д. Гребенкин, весьма наблюдательный автор, писал о населении Самарканда: «На духовенство таджик

смотрит, как на людей, живущих его трудом, обзывает его неприличными именами, но в присутствии духовных лиц показывает по большей части глубокое к ним уважение». Это, по словам Гребенкина, имело следствием равнодушие к самому вероучению, так как для населения «духовенство и религия синонимы» [31].

Непосредственно в Нижнем Даргоме имели место локальные чисто исторические причины, вследствие которых крах мусульманства произошел здесь особенно резко.

Казалось бы, что в непосредственной близости к Самарканду — одному из древнейших очагов ислама в Средней Азии — население должно было быть в прошлом особенно религиозно. Но даже о самом населении Самарканда тот же Гребенкин писал: «Что касается до знакомства таджиков с кораном и шариатом, то в этом отношении, за весьма редкими исключениями, они полнейшие невежды» [32].

В окружающих кишлаках, в том числе селениях Нижнего Даргома, картина была еще определеннее, о чем наглядно свидетельствуют рассказы их старейших жителей.

По словам старого жителя Намазго, некогда учившегося в медресе, он лишь процентов на двадцать понимал смысл текстов корана. Содержание вероучения ислама, правила шариата знали плохо. «Здесь,— рассказывает собеседник,— до николаевских времен [33] еще очень слабо знали шариат. Муллы шариатским правилам не обучали. Вообще шариата люди стали здесь придерживаться всего лет 80 назад».

«Шариат знали здесь плохо,— вторит ему старый мулла из кишлака Баймак,— а вот, как надо кетменем работать, как урожай жать, как на быках пахать — в этом были мастера. Даже правил тахората (омовения) не знали».

В более отдаленных кишлаках, например там, где жили кипчаки (кишлак Орта-Чархин и др.), население еще меньше разбиралось в религиозных делах. В мактабах здесь учащихся было мало, только дети состоятельных крестьян. Уразу соблюдала лишь половина жителей. Правила молитвы с ее ракатами знала лишь одна десятая часть мужчин; остальные и тогда лишь слепо им подражали. «Жили в степи и старались быть подальше от кишлаков, чтобы никто не донимал по части знания шариата»,— говорят ортачархинские старики.

Такое положение в известной степени объясняется тем, что для кишлаков Паст-Даргома было характерно в прошлом отсутствие духовенства из коренных жителей. Духовенство составляли выходцы из Фальгара, горной области, испокон веков поставлявших мулл на равнину: такова была специфика фальгарского отходничества. Часть мулл были самаркандцы. Многие из них лишь наезжали в кишлаки для совершения богослужений и треб; семьи их жили в городе. Что из себя представляли пастдаргомские муллы, можно судить по словам А. Д. Гребенкина, который писал: «Коран и шариат плохо знает большинство мулл и казиев» [34]. Особых «блюстителей веры» — раисов, каковые имелись в Бухарском и Хивинском ханствах, здесь уже давно не было: последний в Паст-Даргоме раис Шомурад-бек умер еще до присоединения Туркестана к России.

Однако причины того, что ислам в кишлаках Паст-Даргома никогда не пользовался особым влиянием, надо искать глубже, а именно в этнической специфике его населения, которое, как отмечалось выше, слагалось в значительной степени из поздних пришельцев в Среднюю Азию, среди которых были живы степные, полукочевые традиции. Как и у других кочевников (казахи, киргизы), ислам и у пастдаргомских найманов, кипчаков и мангытов не успел завоевать тех прочных позиций, какие у него были в среднеазиатских оазисах у старого оседлого населения. Характерно, что еще в 40-х годах прошлого столетия Н. В. Ханыков писал об узбеках Бухарского ханства: «Мне никогда, однако, не удавалось видеть, чтобы узбеки читали намаз у себя в аулах, и сие последнее, насколько мне известно, делают они только тогда, когда приезжают в город» [35].

Говоря о существующих еще сейчас пережитках религиозных верований и обрядов, нельзя забывать одного очень существенного обстоятельства, которое возникает при более углубленном знакомстве с этими пережитками. Любое пережиточное явление подобного рода — категория историческая и как таковая не есть нечто застывшее, статичное. В каждом таком явлении, особенно в условиях современной действительности, что-то умирает, что-то появляется новое; иногда от старого остается только традиционная форма.

Именно такой подход к пережиткам позволяет определить степень их живучести и соответственно нашу тактику в практике борьбы за атеистическое сознание.

Среди пережиточных явлений в деревне (как, впрочем, и в городе) еще распространен обычай суннат-тоя, т. е. празднества по поводу обрезания. В селениях Нижнего Даргома суннат-той справляется повсеместно. Мотивы, которые приводятся для оправдания этого обычая, разнообразны и зависят от того, к каким слоям и к каким поколениям сельского населения принадлежит устроитель. Однако, и это весьма показательно, только в стар-

[31] А. Д. Гребенкин. Таджики. «Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу политехнической выставки», вып. II. М., 1872, стр. 14.
[32] Там же, стр. 17.
[33] Т. е. до присоединения к России.
[34] А. Д. Гребенкин. Таджики, стр. 17.
[35] Н. В. Ханыков. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843, стр. 70.

шем поколении, за редкими исключениями, сохраняются при этом ссылки на религиозные каноны. Одновременно все более распространяется и другой мотив, возникший, по всем данным, в среде интеллигенции: обрезание оправдывают как гигиеническую меру. Как бы то ни было, но поиски оправдания обычая суннат-тоя ведутся сейчас не в области религии, и это в свете ведущей тенденции отхода от религии весьма симптоматично.

Часто форма данного обряда как будто соблюдена, однако при разборе его деталей выясняется, что многое в нем изменилось. На таком тое зимой 1962 г. в Намазго по традиции было много гостей, был неизменный плов, церемонией руководили старики кишлака, именуемые в данном случае *туй комиссияси* (комиссия по проведению тоя). В помещении, где происходило угощение, оркестр национальной музыки из Самарканда исполнял узбекские и русские песни, произносились тосты за дружбу народов. Самого обрезания не было, мальчика позднее должны были отвезти к самаркандскому хирургу; *усто* — местный оператор — присутствовал на тое, но лишь в качестве некоего символического персонажа. Купкари, обычные ранее на суннат-тое, здесь уже не проводились.

В самые последние годы в среде самих же устроителей тоев началась борьба против обычая *чапран*, сопровождавшего суннат-той. Ранее, того из гостей, кто был особенно почетен или кто привозил лучший подарок, соответственно публично отдаривали: получалось, таким образом, что один гость получал халат, а сидящий рядом — платок. Теперь в ряде селений, как, например, Балхион, Онакки, Рабат, чапран отменяют. Противники этого обычая угрожают срывом тоя, если чапран будет устраиваться. Все гости, по их словам, одинаковы, и не следует никого выделять.

Конечно, есть еще среда, где пережитки определенных категорий чувствуются сильнее. Это наблюдается в быту женщин и объясняется прежде всего известной его замкнутостью, связанной с тем, что женщина в силу загруженности семейными обязанностями дальше отстоит от общественной жизни и легче поддается влиянию старших по возрасту лиц.

В силу того что среднеазиатский ислам представляет сугубо синкретическое явление, что в нем растворились многие элементы доисламских верований, которые в ряде случаев продолжали существовать и самостоятельно, значение той категории пережитков, которые принято называть суевериями, нельзя недооценивать даже в современном быту.

Пережитки этих верований и обрядов дают себя знать в наши дни преимущественно среди женщин. Сюда относятся магические приемы охраны от различных духов (джины, пари и др.), вера в сглаз, приворот и отворот, магические действия, связанные с почитанием священных мест (мазаров, камней, деревьев),

а также комплекс пережитков, вытекающий из шаманских способов «лечения» и гадания.

Доисламские верования, бытующие в недрах семьи, оказались более живучими, тем более, что на них в атеистической пропаганде никогда не обращалось должного внимания.

В нашу задачу не входит подробный анализ этих явлений, выяснение их генетических корней. Это предмет специального исследования.

В плане интересующей нас общей тенденции отхода от религиозных предрассудков во всех их видах обратим внимание лишь на некоторые вопросы, связанные с комплексом доисламских верований.

Можно проследить процесс изживания представлений и культовых действий также и в этой области. Он проявляется прежде всего в том, что в представлениях верующих постепенно исчезает былая персонификация мира духов; последние теряют свои индивидуальные черты, превращаясь понемногу во что-то аморфное, объединяемое термином «джин-пари», с неким отвлеченным содержанием, соответствующим понятию «нечистая сила». Пожалуй, лишь образ албасты, особого духа, угрожающего рожанице и ребенку, еще сохранил некоторое своеобразие.

В селениях Нижнего Даргома в женской среде еще практикуются разные магические способы охраны от злых духов, особенно детей, с употреблением некоторых предметов, якобы, отпугивающих злые силы (нож, лук, перец, хлеб, амулеты), однако смысловые детали помнят преимущественно старые женщины. Когда какую-нибудь магическую церемонию начинают подготовлять своими силами, как правило, завязываются бесконечные споры и препирательства среди пожилых женщин о правилах, которыми когда-то в этих случаях руководствовались.

Весьма показательно в этой области верований постепенное исчезновение профессионализма. Лишь кое-где сохраняются знахарки и гадалки. Любопытно, что, как нам говорили в Казак-Наймане, у последних резко сократилась клиентура и если к ним и обращаются, то почти исключительно лица из их родственного окружения. В целом и в этой среде заметно какое-то механическое отношение к культовым действиям. В старину обрядовое очищение огнем, так называемый *алас*, производился профессионалкой в строго установленное время суток, обставлялся многими церемониями. «Очищение» огнем, выполняемое иногда в наши дни, лишь отдаленно напоминает то, что практиковалось ранее. В селении Баймак нам пришлось наблюдать, как днем, при всем народе, женщина выбежала на улицу, бросила на землю горящую тряпку, прыгнула через нее и деловито побежала в дом продолжать свои хлопоты по хозяйству.

Паломничество ко всяким «святым» местам раньше вовлекало большое число женщин. В наши дни лишь одиночки бывают на мазарах.

Мужское население, в том числе и старики, относится отрицательно и насмешливо к указанным пережиткам «женской религии», называя их «дикарством». В молодом поколении подобные обряды вызывают явное чувство стыда. «Моя теща повесила на своего единственного внука туморы (талисман),— рассказывает молодой отец из Чархина,— я, конечно, был против, но теща очень стара, ей недолго жить, пускай уж не нервничает. Но когда я иду куда-нибудь с сыном, то стараюсь чем-нибудь прикрыть эти туморы».

Несмотря на изложенное выше, весь комплекс доисламских пережитков никак нельзя недооценивать, учитывая специфичность среды, где они бытуют. Для атеистического воспитания необходимо использовать все пути и возможности, чтобы проникнуть в недра семейного быта; особенно важно, чтобы на эти пережитки обратили внимание все члены семей, уже порвавшие с религиозными предрассудками, учащиеся, интеллигенция. Много полезного могут сделать учителя и медицинские работники, имеющие, в силу своей специальности, непосредственный контакт с семьями. Влиянию тех, кто еще старается насаждать отживающие традиции, должно быть противопоставлено активное в борьбе за атеизм советское общественное мнение; в сфере внимания советской общественности должна находиться каждая семья.

Несколько слов о пресловутом «религиозном оживлении» послевоенных лет, о котором немало говорится главным образом практиками антирелигиозного фронта. В Узбекистане в городах были заметны некоторые рецидивы религиозности, но узбекская колхозная деревня в основном стояла от этого в стороне. Так, у крестьянства Нижнего Даргома начавшийся еще в 1920-х годах процесс отхода от религии ничем существенно не прерывался. Противопоставление города деревне в данном вопросе может показаться парадоксальным, однако все легко объяснимо: имевшее место некоторое оживление религиозности было поверхностным, локальным, искусственным явлением.

Материалы, полученные в результате систематического общения с колхозным крестьянством, факты и высказывания разных лиц из разных селений данного района позволяют сказать, что, несмотря на наличие еще пережиточных явлений, совершенно несомненна все более четко проявляющаяся тенденция отхода от религиозных предрассудков в массах колхозного крестьянства. Социалистический уклад узбекской деревни, успехи трудовой деятельности, всеобщий рост культуры, широкое проникновение науки в труд и быт колхозника являются основой отхода от религии. Равнодушие к вопросам религии и антиклерикализм начинают этот процесс, сознательный атеизм — его завершает. Ведущая тенденция совершенно ясна, и наличие ее подтверждается реальными фактами современной духовной жизни узбекского крестьянства.

* * *

Современные колхозники — это люди нового духовного облика, одни черты которого слагают их национальный характер, другие, затрагивающие само содержание, роднят их с представителями любого другого народа нашей социалистической страны.

Современный духовный облик узбекского крестьянства не родился сразу. Все новое, что ему свойственно, появлялось постепенно вместе с экономическими, общественными, культурными и бытовыми преобразованиями узбекского кишлака. Эти изменения в духовном облике узбекского крестьянства — не результат стихийного процесса. Все, что их обусловило, что создавало год за годом, десятилетие за десятилетием предпосылки этих изменений, является следствием планомерно осуществляющейся национальной политики Коммунистической партии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Узбекистан, как и все республики Средней Азии, после Октября прошел сложный, полный борьбы и славных побед путь экономического, социального и национального развития, путь невиданных революционных преобразований, результатом которых явилось построение социалистического общества. Ныне Узбекистан, как и весь Советский Союз, строит коммунизм.

В программе Коммунистической партии Советского Союза намечены конкретные пути дальнейшего строительства коммунистического общества в нашей стране. Одним из них является ликвидация социально-экономических и культурно-бытовых различий между городом и деревней. Как идет этот процесс в наши дни, мы попытались показать на примере Пастдаргомского района, расположенного вблизи одного из крупнейших центров Узбекской Советской Социалистической Республики — города Самарканда с его промышленными предприятиями, многочисленными учебными заведениями и учреждениями культуры. В самом Пастдаргомском районе среди колхозных селений немало промышленных объектов (в том числе такое крупное предприятие, как суперфосфатный завод), которые, как мы видели, играют большую роль в сближении культуры и быта сельского и городского населения.

Все новое, что дает город, быстро проникает в кишлак. Это прогрессирующее по мере дальнейшей индустриализации сельских районов влияние города прослеживается в материальной и духовной культуре, в семейных отношениях, проявляется в расширении интересов и потребностей крестьян, в сложении особого мерила общей культурности человека.

Однако было бы ошибкой считать все преобразования в экономике, в ведении общественного хозяйства, в общественной жизни и быту населения Пастдаргомского района лишь результатом влияния города и промышленных предприятий, расположенных на его территории. Подъем сельской жизни до уровня городской происходит в основном за счет внутренних сил самой колхозной деревни, за счет роста производительных сил — совершенствования ведения общественного хозяйства, высокой механизации всех сельскохозяйственных работ. Это в свою очередь ведет к росту благосостояния колхозников, их потребностей, технических знаний, общему подъему культуры и быта.

Рост технического и научного уровня сельского коллективного хозяйства, растущие его потребности изменили профессиональный облик узбекского крестьянина. Все большее число колхозников становится специалистами в какой-либо области сельского производства — полеводами и животноводами, строи-

телями, механизаторами, шоферами и пр. Былой универсализм крестьянина, обусловленный в прошлом отсталыми формами хозяйства, исчез. Научно-технический прогресс в сельском хозяйстве создает предпосылки для развития индивидуальных способностей людей и помогает стиранию грани между физическим и умственным трудом.

Рост народной инициативы и творчества в самых различных областях жизни является одной из характерных черт современного этапа исторического развития. Переустройство деревни, как мы видели, прежде всего и глубже всего охватило область производства.

Вполне естественно поэтому, что именно в области производства и производственных отношений инициатива и творчество крестьянства проявляются наиболее явственно. Этот процесс в области производства, несомненно, еще более стимулирует рост самодеятельности в широком ее понимании в других областях жизни сельского населения.

Материальная культура узбекского сельского населения следует в своем развитии национальным формам, характерным для городов Узбекистана. Эти формы, удачно сочетающие традиционные узбекские национальные черты (постоянно развивающиеся и видоизменяющиеся) с элементами общесоветской городской формы, становятся общеузбекскими.

Постепенное стирание грани между городом и деревней, между физическим и умственным трудом находит яркое отражение в социальном составе семьи узбекского колхозника: все больше становится в колхозах семей, члены которых относятся к различным социальным категориям (крестьянин, рабочий, служащий, учащийся).

Одним из замечательных результатов механизации большинства трудоемких процессов в хлопководстве (в недавнем прошлом некоторые из них в значительной мере выполнялись женщинами) является то, что в наши дни колхозницы имеют возможность больше времени уделять воспитанию детей и благоустройству быта, а главное — учебе. По уровню образования и культуры колхозницы Пастдаргомского района (особенно молодые женщины и девушки) не отстают от мужчин, они овладевают научными основами ведения сложного колхозного хозяйства, научной агротехникой и сельскохозяйственной машинной техникой. Все это обеспечивает колхознице равное с мужчиной положение в семье и в общественной жизни.

Область семейных обычаев и обрядов, как известно, всегда несколько отстает в своем развитии от других областей быта, не говоря уже о производстве. Современный этап можно назвать этапом поисков новых форм обрядов. Передовая общественность должна подсказать колхозникам новые формы обрядов, разработав их на основе богатых традиций узбекского народа.

Социалистическое переустройство деревни в корне изменило весь характер общественной жизни современного узбекского села. Сейчас она строится на прочном фундаменте коллективного производства. Крупное коллективное хозяйство связало общими задачами большое число разобщенных ранее селений, расширило поле деятельности и знания любого крестьянина, заставило войти в соприкосновение с широким кругом людей и коллективов района, области, республики. Обмены опытом, соревнования и взаимопроверки, совещания и съезды помогли крестьянину выйти из узкого круга интересов своего кишлака и включиться в общественно-политическую и хозяйственную жизнь Средней Азии и всей страны.

Вместе с ростом культуры и просвещения крестьянин освобождается от религиозного порабощения: процесс отхода от религиозных традиций стал ведущей тенденцией наших дней, несмотря на сохранение еще ряда пережиточных явлений. Эта ведущая тенденция проявляется более или менее интенсивно среди разных возрастов и социальных слоев сельского населения. У одних имеет место прямой отказ от религиозных традиций, у других — равнодушие в данном вопросе, у третьих, более старших по возрасту, колебания и сомнения. Однако наличие ряда пережиточных явлений у всех групп сельского населения, влияние верующих людей старшего поколения на некоторую часть более молодого заставляют не ослаблять внимания к атеистическому воспитанию в деревне.

Преобразование духовного облика современного узбекского крестьянина является результатом многолетних и целенаправленных усилий Коммунистической партии и Советского правительства, которые для этого использовали все возможности.

Говоря о преобразовании духовного облика узбекского колхозника, следует остановиться еще на одной существенной стороне этого процесса. У крестьянина, по мере роста и укрепления колхозов, происходит постепенное изживание частнособственнических тенденций в психологии и в корне меняется его отношение к своему труду в общественном хозяйстве: для него постепенно становится понятным, что хозяйственные интересы его колхоза — это интересы общегосударственные, а государство прежде всего заботится о его, колхозника, интересах. Современный колхозник, для которого интересы социалистической Родины превыше всего, достижения в хозяйственной деятельности и культурном росте своего колхоза, района или области или Узбекистана и всего Советского Союза воспринимает как свои личные.

Все отмеченные перемены в духовном облике узбекского крестьянина, в его общественной жизни, в семье и в быту не есть стихийный процесс, а результат проведения в жизнь ленинской национальной политики Коммунистической партии Советского Союза, результат расцвета всего планового социалистического хозяйства СССР.

372

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Глава I. НАСЕЛЕНИЕ (*Б. Х. Кармышева*) 17

История формирования населения 17
Современные этнические процессы 40

Глава II. ЗАНЯТИЯ НАСЕЛЕНИЯ (*Р. Я. Рассудова*) 50

Сельское хозяйство Среднезеравшанской долины в конце XIX—начале XX в. 50
Подсобные промыслы 62
Организация крестьянского хозяйства в прошлом 66
Социальные процессы в конце XIX — начале XX в. 74
Развитие новых форм хозяйства в Советский период 84

Глава III. БЫТОВОЙ УКЛАД НАСЕЛЕНИЯ (*Б. Х. Кармышева*) . . 114

Традиционные формы бытового уклада в конце XIX — начале XX в. 114
Преобразование бытового уклада в первые годы Советской власти 143
Современный облик сельских поселений и культурно-бытовые условия 146

Глава IV. СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ (*Л. Ф. Моногарова*) 193

Структура семьи 193
Взаимоотношения между членами семьи 198
Воспитание детей 212
Брак 222

Глава V. ДУХОВНЫЙ ОБЛИК УЗБЕКСКОГО КРЕСТЬЯНИНА (*Г. П. Снесарев*) 244

Заключение 292